

2025 № 4

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

4(34)
2025

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2025

4 (34)

**Журнал выходит четыре раза в год
Основан в феврале 2018 года**

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов
А. К. Аликберов

В. М. Алпатов

С. Э. Бабкин

А. Г. Белова

В. Я. Белокреницкий

С. А. Бурлак

А. В. Воронцов

А. В. Демченко

А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская

А. О. Захаров

Т. А. Карасова

Е. Л. Катасонова

А. И. Кобзев

В. А. Кузнецов

Ю. В. Любимов

Н. М. Мамедова

С. Е. Малых

Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков

В. Н. Настич

В. В. Наумкин

К. В. Орлова

Н. Г. Романова

А. В. Сарабьев

В. Н. Саутов

Т. Л. Шаумян

На обложке: Мечеть сеййида Аббаса аль-Мусави в долине Бекаа, Ливан. Фото А. В. Сарабьева.

© ФГБУН ИВ РАН, 2025

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS
2025
4 (34)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: The Mosque of Seyyid Abbas al-Musavi, the Beqaa Valley, Lebanon. Photo by A. V. Sarabyev.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2025

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание учёной степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Isbrat Alam.</i> The Dutch East India Company and Slave Trade in the Seventeenth Century	10
<i>Д. Е. Челышев, И. П. Челышева.</i> Маргарет Ноубл: послушница Ниведита или пламенная революционерка? Часть II	33
<i>А. В. Болдырев.</i> Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны и ее итоги (к 80-летию окончания Второй мировой войны)	52
<i>А. В. Сарабьев.</i> Жизненное пространство для «национального очага»? Сирийский Хауран 1940-х годов под прицелом еврейской «колонизации»	60
<i>Д. В. Мосяков.</i> Хо Ши Мин и Н. С. Хрущев: как ухудшились советско-вьетнамские отношения (конец 1950-х годов)	75

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

<i>А. Ю. Волович.</i> Древнеегипетский амулет <i>уджат</i> из погребальной камеры GE 75A в Гизе: опыт датировки	96
<i>Ю. Р. Дасни.</i> Солнце в курдской мифологии	105
<i>О. В. Москалец.</i> Египетско-японские школы: интеграция японской образовательной модели в систему образования Египта	120
<i>Л. А. Васильева.</i> К вопросу о критериях оценки стиха урду	127

ЭКОНОМИКА

<i>L. B. Aristova.</i> The Northern Sea Route: History, Problems and Prospects as a National and International Project	137
<i>И. В. Федюлов.</i> Железные дороги Таиланда: возвращение к проектам XIX в.?	149
<i>А. Ю. Журавлёв.</i> Банковский сектор стран Персидского залива и его связь с экспортом углеводородов (на примере Катара)	160
<i>Л. В. Кулик.</i> Предпринимательство в оборонном секторе — новая тенденция кампании «Делай в Индии (Make in India)»	184

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Н. М. Мамедова.</i> Развитие экономических связей СССР и Ирана в 1960 — 70-е годы	197
<i>Н. Н. Миклухо-Маклай мл.</i> Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа–Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион)	203

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. М. Бочков, П. А. Демидова, П. В. Моргунова.* Первая международная научная конференция «Странствующие боги/ Религии в движении» 214
- А. А. Новикова.* V международная научная израилеведческая конференция «Чтения им. А. Е. Бовина» 223

РЕЦЕНЗИИ

- К. В. Орлова.* «Буддийское учение на бурятской земле». [Рецензия на:] «О том, как распространялось буддийское учение на бурятской земле»: к 260-летию института пандито хамбо-лам в России / Исследование, транслитерация, перевод и комментарии Ц. П. Ванчиковой; отв. ред. Б. В. Базаров; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям, 2024. 239 с. ISBN 078-5-6050259-4-8 228

CONTENTS

HISTORY

- Isbrat Alam.* The Dutch East India Company and Slave Trade in the Seventeenth Century 10
- D. E. Chelyshev, I. P. Chelysheva.* Margaret Noble: Ramakrishna Order Brahmacharini or Passionate Revolutionary? Part II 33
- A. V. Boldyrev.* Turkey's Foreign Policy During World War II and Its Results
(For the 80th Anniversary of End of World War II) 52
- A. V. Sarabyev.* Living Space for the National Home? Syrian Hauran in the 1940s
in crosshairs of Jewish "colonization" 60
- D. V. Mosyakov.* Ho Chi Minh and N. S. Krushchev:
How the Relations Between USSR and Vietnam Deteriorated in the late 1950s 75

CULTURE AND LITERATURE

- A. Yu. Volovich.* Ancient Egyptian *Udjat* Amulet from Burial Chamber GE 75A
in Giza: the Experiment of Dating 96
- Yu. R. Dasni.* The Sun in Kurdish Mythology 105
- O. V. Moskalets.* Egyptian-Japanese Schools: Integration of the Japanese
Educational Model into the Egyptian Education System 120
- L. A. Vasilyeva.* On the Criteria for Evaluating Urdu Verse 127

ECONOMY

- L. B. Aristova.* The Northern Sea Route: History, Problems and Prospects as a National and
International Project 137
- I. V. Fedulov.* Railways of Thailand: a Return to Nineteenth Century Projects? 149
- A. Yu. Juravliov.* Banking Sector of the Persian Gulf Countries
and Its Connection with the Export of Hydrocarbons (the Case of Qatar) 160
- L. V. Kulik.* Entrepreneurship in Defence: the Upward Trend in "Make in India" Campaign 184

INTERNATIONAL RELATIONS

- N. M. Mamedova.* Development of Economic Contacts Between USSR and Iran
in the 1960s – 1970s 197
- N. N. Mikloubo-Maclay jr.* Multitrack Diplomacy in the Context of Russia's Relations with
Papua New Guinea (Asia-Pacific Region), Part I 203

ACADEMIC LIFE

M. V. Bockkov, P. A. Demidova, P. V. Morgunova. First International Conference
“Gods on the Move / Religions in Motion” 214

A. A. Novikova. V International Israeli Studies Conference |
“Readings in Honour of A. E. Bovin” 223

REVIEWS

K. E. Orlova. “Buddhist teaching in the Buryat land”. [Review of:] “How Buddhist teaching spread in the Buryat land”: on the 260th anniversary of the Institute of Pandito Khambo Lamas in Russia / Research, transliteration, translation and commentary by Ts. P. Vanchikova; ed. by B. V. Bazarov; Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. Moscow: Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research, 2024. 239 p. ISBN 078-5-6050259-4-8 228

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-010-032

THE DUTCH EAST INDIA COMPANY AND SLAVE TRADE IN THE SEVENTEENTH CENTURY*

© 2025

Ishrat Alam¹

Slavery has played a crucial role in the Indo-European trade. The Dutch East India Company indulged in slave trade for different economic activities at its various outposts for construction works, mining, canal digging and domestic works. The relationship between Indian textiles and slave trade in the seventeenth century demands a detailed study. Indian textiles did play a crucial role in the promotion and continuation of slave trade particularly in the Indian Oceanic World.

Keywords: slavery, Dutch East India Company, slave trade, Indian Oceanic World

For citation: Ishrat Alam. The Dutch East India Company and Slave Trade in the Seventeenth Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 10–32. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-010-032

ГОЛЛАНДСКАЯ ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ И РАБОТОРГОВЛЯ В XVII в.

Ишрат Алам

Работорговля сыграла критически важную роль в торговле между Индией и Европой. Голландская Ост-Индская компания занималась работорговлей в своих опорных пунктах, используя труд рабов на строительстве, в шахтах, при рытье каналов и в качестве домашней прислуги. Торговля индийским текстилем и работорговля были в XVII в. взаимосвязаны, что заслуживает специального изучения. Индийские ткани сыграли важную роль в продвижении и развитии работорговли, особенно в Индоокеанском мире.

Ключевые слова: рабство, голландская Ост-Индская компания, работорговля, Индоокеанский мир

Для цитирования: Ишрат Алам. Голландская Ост-Индская компания и работорговля в XVII в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 10–32. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-010-032

MAJOR DEBATES

The slave trade had a unique story in India. Karl Marx could identify the role of slavery in promoting primitive accumulation of capital in the eighteenth century [Marx, 1978, p. 165, 226, 253–255, 272, 284, 704, 710–712]. This linkage between slavery and capitalism was further verified and explained by Eric Williams [Williams, 2022, p. 26–48]. Eric Williams' study inspired

* This is the revised version of the paper presented in the XVth World Economic History Congress, Stellenbosch University, South Africa, 9–13 July 2012 and my participation was funded by the Indian Council of Historical Research, New Delhi.

¹ Ishrat Alam, Professor (retd.), Centre of Advanced Studies, Department of History, Aligarh Muslim University, Aligarh, India; alamishrat@gmail.com

Ишрат Алам, профессор, Центр перспективных исследований, кафедры истории, Алигархский мусульманский университет, Алигарх, Индия; alamishrat@gmail.com

some serious debate about the linkage between slavery and capitalism [Williams, 2022, p. 26–48]. The Dutch were exposed to participation in slave trade in Barbados where sugarcane plantations and manufacturing sugar were transferred from Pernambuco through the good offices of the Dutch [Ibid, p. 38–39]. Williams' work was inspired by the exigencies of contemporary politics, showed his unusual ability to identify patterns and linkages between wide-ranging and seemingly divergent historical developments. It has been rightly pointed out that *Capitalism and Slavery* was conceived, researched and drafted during a time of intense West Indian demand for self-government. Since Britain had promised self-government to colonies, whenever they were ready for it, West Indian intellectuals in the 1930s were determined to demonstrate their readiness [Green, 1987, p. 26]. A. William Green has argued that the complex agricultural and manufacturing process necessitated direct transfer of technology from an existing sugar culture in the British Caribbean [Green, 1987, p. 39]. It may be interesting to note that India had a fairly ancient history of sugar cultivation and technology. The Dutch East India Company (VOC) officials transported slaves from Bengal (India) to Java to cultivate sugarcane in the mid-seventeenth century. Interestingly enough, Indian sugar had attracted the attention of the VOC as early as 1620s [Prakash, 1984, p. 29, 123, 131, 286]. For antiquity of sugar and its technology in India, one may refer to [Needham and Ling, 1985, p. 204] which in fact supports Williams' thesis of 'No sugar no slave' [Williams, 2022, p. 27–47]. A variety of factors (poor quality of tobacco, search for new staple, onset of civil disturbances in England in 1639, requirement of continuous flow of abundant, reliable and disciplined labour) contributed to induction of African slaves. The Dutch merchants were prepared to satisfy planters' labour needs because they were eager to encourage larger commerce with the island. Consequently, influx of slaves expanded during the first half of 1640 [Green, 1987, p. 39–41]. It has been argued that the Dutch West India Company had acquired dominance over the Atlantic slave trade in the 1640s and simultaneously concentrated on slave trade at Brazil for the next decade. They also captured slaves from Iberian ships and the slaves traded by the private Dutch interlopers. [Ibid]. Another major source of slave supply was the consequence of eighty years' war between the Netherlands and Spain. It caused arrival of swarms of Dutch privateers into the Caribbean, who first disrupted Spanish commerce and then conducted vigorous contraband trade. Slaves were the most important product in that contraband².

J.G. van Dillen was possibly the first modern Dutch historian who studied various facets of slave trade and the involvement of the Dutch East India Company (VOC) and the Dutch West Indies Company (WIC) in it [Van Dillen, 1970, p. 35, 74, 81–84]. Van Dillen had pointed out that in 1653, the pepper supplied from West Africa was of inferior quality in comparison to what was obtained from Oost Indie (i. e. South-East Asia) [Ibid, p. 159]. So, the Dutch decided to import another commodity, i. e. slaves. The Portuguese were already dealing with slaves [Ibid, p. 160–161] and the WIC was given permission around 1635 to participate in the slave trade [Ibid, p. 381]. The Dutch were exposed to participation in slave trade in Barbados where the art of planting cane and manufacturing sugar was transferred from Pernambuco through the good offices of the Dutch. After the loss of Brazil, the WIC looked towards Spanish colonies where for mining gold and silver, there was a demand for slaves [G.M.³, 1960, p. 44; Andaya, 2017, p. 93–94]. Since then, the demand for slaves continued and this trade was to be based on procurement of Guinea cloth from India. The VOC had realized the usefulness of Guinea cloth very early for slave trade [G.M., 1960, p. 44]. Gerard Reynst (11 November 1644) had realized the comparative cost advantage associated with obtaining labour (euphemism for slaves) from Madagascar, Mangelagy and Sada. The cloth interwoven with blue stripes was in great demand amongst them [Ibid]. The Arabs from

² This argument is based on [Goslinga, 1971] and [Palmer, 1976].

³ Abbreviation for *Generale Missiven van Gouverneurs: Generaal en Raden aan Heren XVII der Verenigde Oostindische Compagnie*.

Sihir and Kisim were conducting their trade at Pala and Lamu islands, and Malindi by bringing Indian textiles, knives made in Arab land, variety of copper ware, pots, kettles, beaters and such like. Pieter de Carpentier (3 February 1626) sent 148 packets (3093 pieces) of Guinea cloth to Holland [Ibid, p. 184].

Philip D. Curtin had pointed out that slave imports into Spanish America between 1620–50 was on an average about 2000 a year; to Brazil, 4,000 a year [Curtin, 1969, p. 119]. During 1623 to 1636, the WIC had reportedly captured 547 Iberian ships, and presumably ‘others were captured by non-company Dutch marauders’ [Green, 1987, p. 43; Gemery and Hogendorn, 1979, p. 374]. Apart from these overseas slave raids, the Dutch consolidated their position by seizing Curacao in 1634, a strategic island on the main Spanish access route through the Caribbean and converted it into a dispatching centre for slaves and other contraband. Similarly Dutch interlopers could have served as a second source of slaves for Barbados. The Dutch supply of slaves was augmented by certain internal factors: consolidation of landholdings to achieve greater production efficiencies and package arrangement of other factors by the Dutch: they provided technology, machinery, stock, slaves, credit and guaranteed shipping at favourable rates [Ibid]. Thus, by the 1640s the Dutch had acquired certain advantage over others so far as slave trade was concerned.

Herbert S. Klein has argued that slaves purchased in Africa were not a low-cost item. The goods exported to Africa to pay for the slaves were costly manufactured products and were the single most expensive factor in the outfitting of the voyage, being more valuable than the ship, the wages for the crew and food supplies combined. Two-thirds of the outfitting costs of the French slavers in the eighteenth century, for example, were made up of goods used to purchase the slaves. Secondly, he argues further, that African demands dictated European exports to the sub-Saharan region, and top on that list were fine woven east Indian textiles. So important and expensive were the Asian textiles in this trade that the Europeans—especially the English—tried desperately to substitute cheaper European imitations, all of too little avail. It was in fact their role as Asian trade ports which explains why Liverpool and Nantes emerged as the premier slave trading ports of England and France respectively in the eighteenth century [Klein, 1988–89, p. 4–5].

Instead of having uniform pattern, slave trade had a scattered intermittent, and contingent references in the Mughal Empire and the Peninsular India [Habib, 2014, p. 114, 122, n2, 142–143, 280, 370–371, n2; Chatterjee, and Eaton, 2018, p. 1–43]. Akbar initiated a series of measures to discourage this unjust institution [Habib, 1993, p. 300–303]. It seems that Akbar’s antipathy for slavery appears to have the desired result. In the present paper an attempt has been made to glean information from Dutch East India Company records and indulgence of the same Company in this profitable trade.

SOURCES OF SUPPLY OF SLAVES

Compared to the Atlantic slave trade, slave trade carried on in the Indian Ocean region has largely remained inadequately studied and lopsided [Vink, 2003, p. 132]. The slave trade was found to be insignificant in monetary terms and therefore most studies on the Dutch East India Company mentions slavery and slave trade only in the passing [Ibid, p. 135]. It was estimated to be around 0.5 per cent of the total volume of trade even during the eighteenth century when it was considered to be substantially larger than the previous century [Ibid]. Markus Vink questioned this assessment and opined that the VOC joined the already existing slave trade which had a pretty long past history in Indian Ocean and its slave trade was urban-centred, drawing captive labour from three interlocking and overlapping circuits or sub-regions: ‘Greater South Africa’, ‘South Asia’, and ‘South-East Asia’. Dutch slavery discourse was rendered in religious and humanitarian terms. Private and company slaves served as general labourers and were used in

a wide variety of occupations in the Dutch settlements across the Indian Ocean basin. In certain of these slave societies, however, they also performed specific activities in accordance with the size of the individual slave household and the particular position the settlement occupied within the Company's overall commercial network. The division of slave labour roughly followed ethnic, gender and age lines based on colonial taxonomy and pre-existing indigenous beliefs and practices that characterized local slave systems. The number of companies and total Dutch slaves and the accompanying volume of the annual slave trades fluctuated greatly. In the late seventeenth century, there were about 4,000 company slaves and perhaps 60,000 total slaves. In order to replenish these numbers, 200–400 company slaves and 3,200–5,600 total slaves had to be imported each year. Assuming an average mortality rate en route of 20 per cent, 240–280 company slaves and 4,476–7,716 total Dutch slaves had to be exported from their respective catchment areas. While slave revolt was rare, slave resistance assumed a variety of everyday forms of resistance, especially desertion or 'maroonage' [Ibid, p. 176].

In the context of above findings, an attempt has been made in the present paper to focus on the nature of slave trade in the Indian subcontinent and the participation of the Dutch into this inhuman trade. The slave trade in the Indian Ocean is relatively well known to historians of commerce [Kurup, 1973, p. 56–60; Chattopadhyay, 1977; Caplan, 1980, p. 169–194; Patnaik and Dingwaney, 1985; Reid, 1983; Moreland, 1990, p. 2, 6, 7, 87, 93, 113, 117, 216–217; Furder, 1990, p. 8, 14, 79, 130, 201, 209, 275, 298, 302, 317–319; Hattingh, 1990, p. 3–18; Arasaratnam, 1995, p. 195–208; 1996, p. 18; Knapp, 1996, p. 193; Vink, 2003, p. 131–177]. However, the Indian Ocean slave trade has not attracted analysis akin to the Atlantic Slave trade [Klein, 1988–1989, p. 1–15]. A few fundamental attempts have been made to delineate the significant aspects of slavery in the Sultanate period (c. 1200–1500) [Habib, 1984, p. 89–93; Habib, 1988–1989, p. 233–247; Prasad, 1988–1989, p. 269–275; Habib, 2004, p. 430–436]. The institution of slavery in India witnessed a relative decline from the latter of the fourteenth century till Akbar's declaration of 1582 which freed the slaves [Habib, 2004, p. 435–436]. Akbar had prohibited slave dealing which implied disappearance of slave markets from the Mughal Empire. However, the private traffic in slaves continued [Ibid, p. 437–440]. Akbar's prohibition continued to have a lasting impact as will be apparent from the present paper.

The VOC had been consciously trading in slaves right from the beginning. As early as 5 January 1617, a resolution adopted at Jacatra had noted that the cargo procured at 'Madagascar would be slaves, while at Surat it would be indigo and textiles' [Prakash, 1984, p. 19]. In its instructions, dated 5 March 1617, the Council of the Indies, asked Pieter van den Broecke to buy as many slaves as possible at Madagascar [Ibid]. Markus Vink has classified slave supplying segmented microstates and stateless societies in the East outside the 'House of Islam' into three circuits or subregions [Vink, 2003, p. 140–43]. We are concerned with the first circuit or sub-region, the Indian subcontinent (Arakan/Bengal, Malabar and Coromandel) was found to be the most important source of forced labour' [Ibid].

S. Arasaratnam had rightly pointed out that the most effective source of slave labour for the Dutch during the first half of the seventeenth century was the Arakan/Bengal coast where the slave labour markets were fed by the slave raiding activities of the Arakanese, Maghs and the Portuguese until Mughals put an end to them by extending effective control over the Bengal/Burma border and the Delta waters [Arasaratnam, 1995, p. 201]. The VOC was importing slaves especially of Bengal and Arakanese origin on a regular basis from India's closest eastern neighbour Arakan. Pieter de Carpentier, the Governor-General, wrote on 25 December 1622 that the ship 'Neeuw Seelant' had arrived from the Coromandel coast with approximately 1,000 purchased (*ingecochte*) male and female slaves mostly young and small children in order to strengthen their colonies at Batavia, Ambonia and Banda. In pursuance of Governor-General Coen's instructions adequate number of ships be stationed at Ceylon, Coromandel Coast and

Bay of Bengal and try to procure as many people from there as possible for the ships to carry [*G.M.*, 1960, p. 121 (1 February, 1623)]. The Dutch director Van Uffelen had sent the yacht 'Medemblick' along with frigates the 'Jager' and the 'Muys' which reached Arakan on 24 November 1624 and it was hoped that they would receive 1,000 slaves but they could not get more than ninety-three slaves. It was decided to establish a factory (*comptoir*) in Arakan to procure 2,000–3,000 slaves. It was reported that there was an abundance of slaves and rice in Arakan. It was recommended that a reasonably strong and experienced person should be sent to Coromandel Coast to fetch slaves [*Ibid.*, p. 165]. The VOC had its trade relations with Arakan since 1625 [Van Dam, 1976, p. 97]. It was the deliberate policy of the company to have a relationship with Arakan to attain twin objectives of procuring rice and the best kinds of slaves, in terms of not only their courage or strength but also for their ingenuity (*verenuft*) and good naturedness (*goetardigheight*) in comparison to slaves from elsewhere [*Ibid.*, p. 98]. It is reported that the king of Arakan had secured a convincing victory in Bengal in 1624 and as a result had brought 10,000 persons as captives [*Ibid.*]. Most of them had died due to some epidemic. But the VOC had purchased 3,000 slaves [*Ibid.*]. The Dutch had unbridled trade with Arakan and there was a regular flow of commodities as well as slaves through both overseas and overland [*Ibid.*]. It can be assumed that the slave trade continued smoothly. By 1624, the Dutch Company had started looking for alternative places for procurement of slaves. It had sent two ships the 'Vrede' and the 'Medemblick' in 1624 which returned from Arakan on 11 January 1625 and both together had brought 400 slaves, of which 100 had died, some in Arakan itself and some on the way [Prakash, 1984, p. 149]. It was reported that the king of Arakan had captured 7,000 slaves in Bengal who were expected to reach Arakan any day [*Ibid.*]. The Dutch Company had left six Dutch factors to 'buy them' [*Ibid.*]. It noted, 'There is not much more to do in Arakan than to buy slaves' [*Ibid.*].

Around this time, there was apparently a shrinking of the availability of slaves around Tegenapatam and Pulicat on the Coromandel Coast [*Ibid.*, p. 158]. After the departure of the 'Vrede' and the 'Medemblick' from Arakan on 11 January 1625, the Dutch factors had purchased 100 more slaves there [*Ibid.*]. The Dutch hoped to purchase more slaves at Arakan from the Kings acquisition of slaves in Bengal and planned to send the ship *Tenasserim* to Arakan for this purpose [*Ibid.*]. By 26 July 1625, the Governor-General De Carpentier had resolved: 'For populating the Company's territories and for securing them better, a large number of slaves were needed. So if enough slaves were not available in Pulicat and Tegenapatam, they should be procured in Arakan. Batavia's information was that thousands of Bengal slaves could be bought in Dianga if only the King of Arakan would allow them to be carried out of his kingdom' [*Ibid.*, p. 164].

Ysbrantsz wrote from Pulicat to the Governor-General De Carpentier at Batavia that in the absence of slaves at Tegenapatam and Pulicat, the 'Medemblick' and the yacht 'Jager' were sent to Arakan on 23 September 1625 to buy slaves. They expected a few hundreds of them [*Ibid.*, p. 176, 216]. It is reported that of 544 slaves purchased in Arakan in 1625, 386 had died there and only 130 could reach Pulicat [*Ibid.*, p. 219]. Most of them were also sick [*Ibid.*]. The king of Arakan had reportedly brought 10,000 slaves from Bengal. Of these, 4,000 had already died. The king of Arakan had banned the transportation of slaves out of Arakan and had decided to keep all of them for his services [*Ibid.*]. Therefore, under-merchant, Pouwels Crameheyn, had returned from Arakan leaving only two of his assistants there [*Ibid.*]. In February 1626, the Dutch Company received 3080 slaves at Pulicat from Arakan [*Ibid.*, p. 246]. They were brought in two *sampans*, one of these called the 'Pegal' belonged to Malaya and the other to a Muslim merchant of Arakan [*Ibid.*]. Interestingly, it was reported that 17 of these slaves had died in Arakan while another 12 had died on the way and three of these had been killed by the Dutch factors and the steersman because they had tried to take over one of the *sampans*. By 1635, we hear that one ton of rice cost 30 guilders, a slave 20, gum lac 20½ stuivers per lb. The Dutch ships, the 'Noordwyk'

and the 'Daman' had carried 2,713/4 tons of rice, 216 slaves and 2,688 lbs. gum lac from Arakan to Batavia [*G.M.*, 1960, p. 526 (4 January, 1636)]. In 1639–1640, it was found that there was a decline in the prices of rice and slaves in Arakan [*G.M.*, 1964, p. 99 (31 January, 1640)]. This trend continued till the next year 1641 [*Ibid.*, p. 145 (12 December, 1641)]. Therefore, it was decided to procure rice and slaves from Arakan as they were needed in Batavia [*Ibid.*]. In 1643 *opperkoopman* Arent van den Helm could procure a *farman* from the king of Arakan which permitted the Dutch to enjoy freedom in purchasing wax, gum lac, Cassomba (safflower), indigo, *caosese* white cotton cloth, rice and slaves [Van Dam, 1976, p. 97]. Armed with this permission, the VOC brought 600 slaves, male and female both on 22 December 1643 from Arakan to Batavia [*G.M.*, 1964, p. 223 (4 January 1644)]. Out of these 135 died of smallpox on their way to Batavia [*Ibid.*]. Earlier also 179 slaves had died because of smallpox [*Ibid.*].

It was felt in mid-1645 that serfs/slaves were essential for the existence of the 'republic' at Batavia. In case they were not available in Arakan then efforts were to be made to procure them from other places like island of Enggano. It was reported that thousand wild men were there and they should be taken to Batavia. Those who were brought from Madagascar were sold but the people complained that they were extremely dirty and lazy workers. By December 1645 it was reported that slaves were no more available in Arakan. The king had prohibited export of slaves [*Ibid.*, p. 280 (31 December 1645)].

In 1646, the ships 'Mytgeest' and 'Dolphin' were sent to Arakan with fl. 7436.10.10 to purchase slaves and rice [*Ibid.*, p. 297 (15 January 1647)]. Next year, 1,046 slaves were procured of Bengal and Pegu origin; presumably the former category from Arakan and 430 of them had died [*Ibid.*, p. 326 (31 December 1647)]. In 1652, the Dutch factors purchased slaves from the Arakan king's galliot stationed at Pipli where slaves were available [*Ibid.*, p. 623 (24 December 1652)]. In 1653, the previous *farman* granted in 1643 was combined with another one which permitted the VOC to trade directly with places around Hugli on the Ganges and Pipli [Van Dam, 1976, p. 98]. The Dutch earned a bad reputation due to their slave trade, for the procurement of slaves at Arakan figured in the accusations against the Dutch in Bengal in 1653. The Dutch Commissioner Johan Van Verpoorten met Prince Mohammad Shuja and the prince was persuaded by Mirza Malik Beg and Nawazish Khan to allow the Dutch to transport over 5,000–6,000 persons as slaves regularly from Bengal to Batavia. These slaves were captured by Arakanese slave raiders. The prince created obstacles in their procurement in Bengal and consequently there was a subsequent decline in Dutch trade in Bengal [*G.M.*, 1964, p. 718 (19 January 1654); Arasaratnam, 1995, p. 202].

Apparently, Arakan continued to supply slaves, for on 17 February and 14 March 1654, Batavia received 236 tons of rice and 311 slaves which together cost f. 18139.10.14 [*G.M.*, 1964, p. 754 (7 November 1654)]. The Dutch Company's residence was prepared and strengthened at Arakan to capture slaves in future. It was felt that during the period supply of slaves had declined not only in Arakan but also in Banda and Formosa [*Ibid.*, p. 755 (7 November 1654)].

On 17 December 1654, the 'Zalm' reached Batavia from Arakan with 100 tons of rice and 150 slaves [*Ibid.*, p. 776 (26 January 1655)]. Arakan continued to be a stable source of slave trade. It sent 170 tons of rice and 200 slaves to Malacca [*Ibid.*, p. 822 (1 April 1655)].

The 'Sandyk' reached Batavia in 1655 with rice and slaves. The king of Arakan had granted a *farman* (permission) to purchase slaves. Accordingly, the Dutch Company had sent its *factors* to Drange to obtain 200 slaves but this could not materialize because the slave raiders of Arakan had sold the slaves in Bengal in 1656. The slave raiders resorted to many frauds in slave trade. Therefore, the Dutch were granted permission to have a permanent residence and the native slave raiders to receive in future all the slaves obtained through raiding. The men would be purchased of the age group 20 to 36 years old for 12 rials, women from 12 to 25 for 8½ rials, boys between 8 and 19 for 7½ rials, girls from 7 to 12 years for 6, and children between 3 and 6 years from 2½ rials and even younger ones without any price because they

used to fall sick between Drange and Arakan and might die en route. The number of women should be more than men, girls were not counted [G.M., 1968, p. 48–49 (1 February 1656)]. On 15 February 1656, 288 slaves and 70 tons of rice were brought from Arakan to Batavia [Ibid, p. 94 (4 December 1665)]. It was reported that Mirza Ahmad Beg, the governor, annoyed with the Dutch ‘through faulty imagination or by rejection of his saltpetre contract’, had decided to take revenge against the Dutch Commissioner J. Verpoorten and alleged that the Dutch had purchased 1,600 slaves, out of which 900 were Muslims from the Arakan’s galliot and had transported them as slaves. They were threatened. But the Emperor had called Mirza Ahmad Beg to the Court and another noble, Mirza Inspandiar [Espandiar] had succeeded him as governor. The latter was very friendly and asked the Dutch to construct their lodge within his territory at Kasuri or Hingely [Ibid, p. 132 (31 January 1657)].

In 1659, the VOC brought 274 tons of rice and 407 slaves together costing fl. 29813.11 to Batavia from Arakan [Ibid, p. 259 (16 December 1659)]. The king of Arakan had permitted the Dutch to trade freely in slaves in Arakan as well as Drange (in 1656). This order was taken for granted by the lower commanders that there was a sharp fall in the number of license holders to 250 only at Arakan and similar was the number at Drange [Ibid, p. 328 (16 December 1660)].

Arakan had acquired such a reputation in slave trade that 2 to 3 notable nobles (2 a 3 *aensienlycke heeren*) of Shah Shuja had become so desolate that they wanted to seek freedom from slavery [Ibid, p. 342]. Shaista Khan held slave trade against the Dutch on the ground that the Dutch were encouraging slave trade by purchasing slaves from Arakanese who raided for slaves in Bengal [Ibid, p. 497 (30 January 1666)].

While the principal commodity the Company procured in Coromandel was textile, it often also procured diamonds and slaves, among other commodities. J. P. Coen, Governor-General at Batavia, in a letter dated 5 January 1617, insisted on procuring slaves in the Coromandel ever since the Dutch Company’s arrival on the Coromandel coast for the nutmeg and the mace plantations in Amboina and Banda. Coen’s letter suggests insistence on giving priority to procurement of slaves. The Dutch Company’s Council of Indies at Jacatra referred to dispatch of two ships, the ‘Middelburg’ and the ‘Zuyder Eendracht’ to Madagascar to procure slaves [Prakash, 1984, p. 19]. The Council of Indies further instructed Pieter van den Broecke, Director designate at Surat to call at Madagascar and buy as many slaves there as possible. From Surat, one of the ships would be sent back to Jacatra with the slaves as well as the textiles and Indigo brought at Surat [Ibid, p. 21]. Coen had instructed De Haze at Masulipatam (30 November 1617) to send as many slaves as possible from Coromandel ‘for Jacatra needed them to populate Banda where due to the shortage of manpower, a large amount of nuts and mace were wasted’ [Ibid, p. 53]. Jacatra had already received ‘black slaves possibly from Madagascar [Ibid]. The ships the *Gouden Leeuw* and the *Neptunus* were used to bring those slaves [Ibid]. The Dutch Company sent ‘nineteen negroes’.

Jan Pietersz Coen in his letter of 19 September 1618 had instructed De Haze, at Masulipatnam, ‘Since the Company was short of people everywhere, Coromandel was advised to send as many slaves (particularly young men and women) as they could’ [Ibid, p. 75]. By November 1618, it was realized that ‘A severe famine had ravaged the region around Tirupapaliyur so much so that a *pagoda* could buy three to four children’ [Ibid, p. 80]. A list of demand of goods prepared at Jacatra on 16 July 1619 clearly mentions that ‘slaves, as many as possible’ should be sent from the coast of Coromandel annually for Moluccas, Ambonia, Banda, Java, Patani, Siam and the Netherlands [Ibid, p. 103]. This demand was possibly based on the fact that Coromandel had witnessed a continuous and devastating drought over the last two to three years’ and it was reported on 2 November 1619, that several thousand people had died of starvation and hence Pulicat had been instructed to buy both male and female slaves at Masulipatnam and hoped to be able to send some with the present shipment [Ibid, p. 119]. In a letter of 9 July

1621, the Governor-General Pieter de Carpentier at Jacatra reported arrival of 150 child slaves from the Coromandel coast on 7 June 1621 along with other commodities [Ibid, p. 164]. It is interesting to note that Jan Pietersz Coen demanded on 12 August 1621 that Andries Soury at Masulipatnam should send slaves because 'A large labour force was needed at Banda for the nutmeg and mace plantations. As such, as many slaves mainly young and middle aged rather than old — were to be sent to Jacatra as the ships could carry...' [Ibid, p. 170]. The demand for slaves for South-East Asian settlements of the Dutch Company was so demanding that on 16 October 1621, secret instructions were issued from Batavia to Jacob Dedel, Admiral of the joint venture of the Dutch and the English East India companies to purchase unlimited number of slaves for Batavia and Banda and not only that ships could also be sent to Madagascar for the purpose [Ibid, p. 175]. Similar concern finds reflection in Coen's letter of 18 October 1621 to Andries Soury at Masulipatnam [Ibid, p. 177]. In Coen's another letter (18 October 1625) to the same officer, it was pointed out that 2,000 to 3,000 slaves were needed for Batavia, Ambonia and Banda. Therefore Soury should send as many of them as he could' [Ibid, p. 179]. Coen reported to the Directors of the company at Amsterdam that only 124 slaves were brought by the Gouden Leeuw from the Coromandel Coast [Ibid, p. 191]. Coen's letter (8 May 1622) to Andries Soury and Abraham van Uffelen is interesting. He wrote: 'One Cornelis van Suylesteyn was being sent to serve as a captain at Fort Geldria and to help in the procurement of slaves. It had originally been planned to send with this man a sum of 6,000 rials of eight exclusively for investment in slaves. But since Batavia was short of capital while Coromandel was well provided, and since another ship was to be sent to Coromandel soon, it had been decided not to send this sum of money. Slaves — particularly young men and women — were needed in as large a quantity as possible. Two vessels from the Orissa coast were reported to have brought 300 slaves to Batavia during the current year. As such, no excuses pertaining to the non-availability of slaves would be entertained' [Italics mine. — *I. A.*] [Ibid, p. 197].

Jan Pietersz Coen in his letter (8 May 1622) to Andries Soury and Abraham van Uffelen at Masulipatnam had asked them to supply 1,000 slaves. This letter is particularly interesting in the sense that it touches many policies and practical aspects of the above trade and hence we reproduce the entire text: 'The *Muys* was being sent to Coromandel mainly to bring back as many slaves — young males and females — as possible. In spite of the fact that Coromandel textiles were in great demand, the interest of the Company would be served better by the procurement of slaves, who were likely to afford a much higher profit' [Ibid].

With the 'Gouden Leeuw', Batavia had expected to get no less than 1,000 slaves but, in fact, they could receive only 124. Individual Muslim ships from Coromandel had reportedly brought to Achin 300 or more slaves. But Batavia had received no more than this number in all the years that Soury had been at Coromandel put together. For the VOC, it was a matter of shame that such an important matter had been treated so lightly. A large number of boys and girls from various quarters of Asia were needed to populate Batavia, Ambonia and Banda with servile people. Even hundreds of thousands of such persons would be welcome. It was instructive to consider the Portuguese precedent of how they had populated their possessions. It was also useful to consider how the Moors had extended their rule over Asia. They had obtained manpower from the enemy and had also purchased it. The Dutch had been so careless as to ignore these precedents. All places in Coromandel, Ceylon and Bengal were to be instructed to buy as many slaves as possible. Services of reliable 'free Dutchmen, Hindus and Muslim, were also to be used in this connection' [Ibid, p. 201–202].

Coen in his letter of 8 May 1622 to Pieter van den Broecke had instructed: 'Any number of slaves, particularly young people, could be sent to Batavia. Even if this number was 100,000, the Dutch territories were extensive and productive enough to support them adequately. The lot sent with the Sampson

had cost about 20 rials per head while on the Coromandel coast, it did not exceed 8 rials. But even if the cost at Surat could not be reduced, some young people of *good breeding* could be send' [Ibid, p. 203].

The demand for slaves from Masulipatnam continued [Ibid, p. 207]. Van Uffelen showed his understanding in Batavia's disappointment in the matter of supply of the slaves, but he pointed out that it would not be possible for Coromandel to enhance the number of slaves in ordinary times. The number of supply of slaves could be increased only during the famine. It says, 'Rice was unprecedentedly cheap at the moment at Pulicat and there was no prospect of getting a large number of slaves' [Ibid, p. 209].

In another letter from Masulipatnam to Coen at Batavia on 7 July 1622, Andries Soury pointed out that over the last four years, hundreds of persons had died of starvation in Pulicat and the surrounding areas because of the famine and the high prices. During this period, a large number of slaves were available. But the availability of rice had since improved substantially again leading to a reduction in the number of slaves available [Ibid, p. 209–210].

On 22 July 1622, Coen asked for at least 1000 'slaves who could be used to increase the population of Banda, Ambonia, the Moluccas and, in particular, Batavia. The territories conquered by the Company would thus become a source of profit. Besides, the increased population of these places would keep their alleged friends in duress and their acknowledged enemies in awe' [Ibid, p. 212]⁴. The Dutch Company considered slaves brought on one's own and then sold at Batavia to the free burghers a wiser policy [Ibid, p. 213]. But they allowed free burghers also to participate in the slave trade because the Dutch Company found that 'private traders were more efficient in buying slaves (so much so that they were known to procure more slaves in a day than the Company could in a year)' [Ibid]. The Directors had decided to allow free buyers to participate in this trade and bring as many slaves from Coromandel as possible. Coen, however, hoped that the factors, would in future, be able to send so many slaves that it would not be necessary to ask the 'free buyers to participate in the trade' [Ibid]. Similarly in a letter of 22 July 1622, Coen observed, 'The factors would be doing a greater service to the Company by sending slaves rather than any other item for Holland or the East Indies. If the slaves were bought at a reasonable price, they afforded a much higher profit than clothes did [Ibid, p. 214].

Around this time Dutch Company felt that Batavia was in a great need of young male and female slaves [Ibid, p. 220]. On 9 February 1623, Coen, reportedly was very pleased to receive a large number of slaves at a reasonable price from Coromandel. He wrote (9 February 1623), 'Their procurement was more important than that of even textiles though, of course, the procurement of the latter was not to be neglected by any means' [Ibid, p. 243].

Coen wrote to Van den Broecke at Surat on 14 May 1623 that if the slaves could be purchased at a cheap price, any number would not be too many for Batavia' [Ibid, p. 256]. Coen expressed his satisfaction over the fact that by the middle of June 1623, Batavia had received no less than 1,080 slaves. The 'Witte Beer' had brought 150 slaves while the 'Nieuw Zeeland' had brought 930 slaves from the Coromandel coast. It may be pointed out here that the latter had started its journey with 1,167 slaves. But 69 died on the way and 168 died after reaching Batavia [Ibid, p. 259]. He has touched upon the reasons for the casualty and found that 'The ship had run out of its supply of bread while the kettles used for boiling rice had been rendered useless by constant and heavy use. The men, therefore, had to live on raw rice and water. Hence the high mortality' [Ibid]. He expressed his satisfaction and observed, it was for the first time since 1614 that such a large number of slaves had been received from Coromandel. The large availability of slaves in Coromandel resulted from a bad harvest, bad government and wars. The Portuguese and the Muslims 'fully exploited such opportunities' [Ibid].

⁴ Coen also speaks about individuals like Muhammad, Alberto Gomes who indulged in slave trade in their individual capacity.

Pieter van de Carpentier had sent two large ships namely the *Wapen van Rotterdam* and the *Wapen van Enckhuizen* to fetch 700 slaves in 1624 from the Coromandel Coast. They were to be supplemented with slaves from Pulicat and Tegenapatam, Malabar, Cochin and other places [Ibid, p. 131 (3 January 1620)]. On 21 February 1623, the Edam had brought 200 slaves from the Coromandel Coast to Amboina and Banda for populating these islands [G.M., 1960, p. 148 (4 March 1624)]. Abraham van Uffelen wrote from prison at Bondara (near Masulipatnam) to Dutch chiefs on the coast of Coromandel endorsing the Governor-General's recommendation for 'procurement of slaves without an upper limit on the number' [Prakash, 1984, p. 275].

The Governor-General Pieter de Carpentier reported on 3 January 1624 that 514 slaves had reached Batavia on 7 March 1623 on the ship the 'Tholen' [Prakash, 2007, p. 53]. On its second arrival on 28 November 1623, it had brought 200 slaves [Ibid]. These were slaves largely procured from Pulicat, Tegenapatam and from the coast of Malabar and its neighbouring places [Ibid, p. 55]. Batavia had sent two big ships, the *Wapen van Rotterdam* and the *Wapen van Enckhuizen* to Coromandel which together could fetch 700 slaves [Ibid]. The reason behind such supply of slaves was the outbreak of plague had caused a large scale mortality among the slaves and about 303 of whom had died at Pulicat itself since February 1623 [Ibid, p. 74]. The impact was reflected in the ratio of one male to six females 'however high the price one is willing to pay for the males' [Ibid].

By the middle of July 1624, 245 male and female slaves were sent to Batavia from Masulipatnam [Ibid, p. 101]. In addition to 245, fifty-three more slaves were procured but they had died. The price of rice had increased [Ibid].

By now the Dutch Company had realized that procurement of slaves at Surat had become very expensive. It had noted that since the Muslims did not approve of this trade, it had to be carried clandestinely' [Ibid, p. 280]. By August 1624, it was resolved that, 'Since slaves could be bought more cheaply on the Coromandel coast and other places, Surat was not to purchase any' [Ibid, p. 105]. The ship 'Wapen van Rotterdam' had brought 630 slaves from Coromandel to Batavia on 11 March 1624 [Ibid, p. 137].

By 26 July 1625, large scale mortality among the slaves in Coromandel and the death of 93 during the Voyage to Batavia was troubling the Dutch officials. They reported that the mortality rate of slaves was a factor in '*further increasing the cost of the surviving slaves per unit*' [Ibid, p. 162]. Therefore only 98 male and female slaves could be obtained at Coromandel for coast Batavia between 8 March 1626 to 8 October 1626 [Ibid, p. 298].

The purchase of slaves on the Coromandel coast became expensive because the prices had gone up. Due to lack of availability of slaves around Tegenapatam and Pulicat, the Dutch Company alternatively resorted to another source i. e., Arakan. After the departure of the *Vrede* and the *Medenblick* from Arakan, 100 more slaves were available. The king of Arakan had reportedly captured 7000 slaves in Bengal in 1625 [G.M., 1960, p. 186]. It was reiterated (26 July 1625) by the Governor General Pieter de Carpentier in his letter to Governor at Masulipatam; 'For populating the Company's territories and for securing them better, a large number of slaves were needed. So, if enough slaves were not available in Pulicat and Tegenoz patam, they should be procured in Arakan. Batavia's information was that thousands of Bengal slaves could be bought in Dranga if only the king of Arakan would allow them to be carried out of his Kingdom' [Ibid, p. 164].

The ships, the 'Vrede', 'Medenblick' and yachts 'Tanassery' and 'Bon Remedia' were sent to Arakan in expectation of purchase of few hundred slaves and they had brought back 250 slaves and 200 tons (lasten) of rice [Ibid, p. 185 (3 February 1626)]. The 'Medenblick' and the 'Jaeger' were sent in their third voyage to Arakan and brought back to Pulicat on 16 November 1625, 130 slaves, of 544 slaves gathered at Arakan. The 'Medenblick' with the frigates 'Jaeger' and 'Muys' could bring 93 slaves from Arakan (24

November 1624) instead of expected 1000 [Ibid, p. 156, 159]. Encouraged by the prospect of obtaining annually 2–3 thousand slaves in large quantity, the Dutch Company contemplated to open a factory at Arakan [Ibid, p. 156 (27 January, 1625)]. The ships 'Medenblick' and 'Jaeger' brought 130 slaves from Arakan to Pulicat, a surplus of 544 pieces was collected in Arakan in the year 1625 [Ibid, p. 185 (3 February, 1626)].

Not only that the king of Arakan had procured 10,000 slaves from Bengal, of them in a very short time 4,000 had died (i. e. 40 per cent). Due to this high death rate, the governor of Bengal had prohibited export of slaves [Ibid]. It was expected that the emperor would issue a new *farmān* for purchase of slaves from Diang, near Chittagong [Ibid]. It was complained that the purchase of slaves was not taking place on expected lines. They were always struck by high death rates. In 1625, 1,300 slaves were procured at Arakan and Coromandel coast but half of them had died [Ibid, p. 185–186]. However, slaves were procured in Orissa especially at Balasore [Ibid, p. 186]. In early 1625 three large ships of 400–500 tons were sent to Arakan and Coromandel Coast to procure rice and slaves from there [Ibid, p. 196]. In order to extend the city and increase population of the town, diligent and laborious slaves were to be maintained. Slaves were also required to cultivate the fallow land (*braeck landen*) [Ibid, p. 199]. Apparently 1626 remained a poor year for slave trade because authorities at Coast were not permitting it and secondly prices had risen very high [Ibid, p. 204]. But the Governor-General and his Council had instructed the director Marthen Ysbrantsz to procure slaves [Ibid]. By December 1626, 350 slaves, male and female both, were sent to Banda from Batavia to take care of the enclosures and fruits [Ibid, p. 217].

On 27 January 1625, Rs. 60,000 were sent to Coromandel to purchase the desired cloth and slaves for Batavia [Ibid, p. 175 (24 October 1625)]. On 2 February 1627, 3080 Araakanese were received at Pulicat, 27 of them had died in Arakan or during travel. 3 were killed by Dutch Company factors [Ibid, p. 246].

A famine was expected and hence it was expected that prices of slaves would rise because Bijapur's army had destroyed Carnatic. Not less than 150,000 men were sent towards Golconda and Bijapur as slaves [G.M., 1964, p. 327 (31 December 1647)]. The Dutch had captured two small Portuguese ships carryings 180 packs of cloth and 300 slaves from Nagapattanam [Ibid, p. 175 (24 October 1625); 791 (26 January 1655)]. The same factor continued to guide purchase of slaves by the VOC in 1660 on the Coromandel Coast. It was ravaged by devastating famine. In order to cultivate new plants of clove in Amboina, there was a shortage of labour due to smallpox epidemic. The slaves could be sent from Batavia. The new trees were to be cultivated because the plants were destroyed by rebels and secondly the trees had become five to thirty years old [G.M., 1968, p. 315 (16 December 1660)].

The king of Bijapur had waged a war against Shahji, and Nagapattinam fell under his jurisdiction. VOC found the situation conducive for slave trade from Nagapattinam. Nagapattinam had undergone a severe famine. The VOC purchased 3,695 slaves against rice and took them to Jafnapatnam. They were expecting that the Commissioner Van Goens would order purchase of more than 4,000 slaves. The VOC also sent 500 slaves to Jafnapatnam along with 33 weavers and painters [Ibid, p. 175 (24 October 1625); 335–366].

The *Walvis* (24 December 1660) and the *Ulisses* (29 December 1660), had brought to Batavia a cargo of fl. 4, 71, 234.9.14, comprising textiles and 295 slaves. The area was totally devastated by widespread famine to such an extent that all villages, small towns and hamlets were divested of any population. Same was true about Nagapattinam. It was felt that it would not be possible to plough the land in next two to three years. The people did not have any work. Such a miserable situation, therefore, propped up slave trade. Some were sent to Jafnapatnam but still 400 slaves were left at Nagapattinam [Ibid, p. 175 (24 October 1625); 335 (26 January 1661)].

We also get some information of slave trade by the Dutch Company from Malabar and Sri Lanka. 80 Slaves from Malabar were sent to Colombo from Manaer [Ibid, p. 433].

Ceylon was counted as a profit giving factory because the Dutch could seize slaves procured by the Portuguese and the total earning was fl. 12, 427.3.4. [Ibid, 1964, p. 815], Next we hear about slave trade in Indonesian islands. It was realized in 1623 that many people and slave were required at Amboina to cultivate cloves plants and the maintenance of the fort [Ibid, 1960, p. 141(3 January 1624)]. In the north-east coast of Timor, the trade in wax, slaves and cisir(?) was started before the arrival of the yacht *Timor*, with eleven junks [Ibid, p. 141].

Only 19 slaves could be obtained from Timor while more were needed for the gold mine of Salida [Ibid, 1968, p. 845 (31 January 1673)]. The people of the West Coast were too lazy to work against wages. From the town of Timu (on the north coast of Sawu) 100 to 150 slaves could be expected presumably to work in Salida mines [Ibid].

By 27 October 1625, the Dutch forts in Moluccas had 420 white persons besides 300 'mardijers' (people transported to Indonesian Archipelago as slaves and later freed and their descendants) and slaves [Ibid, 1960, p. 179]. This strength, however, was not sufficient to protect their forts, prevent transports of cloves, and prevent the foes and force inhabitants to work [Ibid, p. 180]. In December 1646, four slaves were brought from Bali [Ibid, 1964, p. 286 (21 December 1646)]. The Dutch had purchased fifty-nine slaves from Portuguese at Malacca by paying f.3, 761.5.15 [Ibid, p. 743 (6 February 1654)].

It was instructed in October 1625 that no slave was to be procured from Banda. The Dutch Company should send persons to look for good number of people from many places because the Dutch were finding it difficult to carry on even ordinary trade due to shortage of people [Ibid, 1960, p. 681].

The Dutch people of Banda had requested for remitting the debt of about 80,000 rials of eight which was caused by the flight of slaves. The prices of slaves had risen excessively and Banda was facing acute depopulation. Therefore, all citizens and mardikers of Banda were advised to construct their houses there or at Pouloay along with garrison [Ibid, p. 384].

Over entire Banda in August 1637 there were 3731 people comprising men, women and children. According to a contemporary observation they could be arranged in the following manner to make sex ratio clearer.

Table I. Share of Slaves in Demographic Composition of Banda, 9 December 1637

Male		
(a)	(b)	(c)
Dutch	Bandanese	Different Nations
457 364 (salaried company savants) 93 (citizens without salary)	81 35 Free 46 Serfs/slaves	974 200 free people of different nations 794 serfs/slaves of different nations
457	1075	
Total Male: 1532		
Female		
(a)	(b)	(c)
Dutch	Bandanese	Different Nations
23	246 124 Free 122 Serfs/slaves	1017 319 free 698 serfs/slaves
23	246	1017
Total Women: 1286		

Children (Below the age of 12)		
(a)	(b)	(c)
Dutch	Bandanese	Different Nations
88	103 68 Free 3 5 Serfs	722 349 free 373 serfs/slaves
88	103	722
Total Children: 913		
Total 3731		

Source: [G.M., 1960, p. 616–617].

All other goods and slaves (specially, natural Singalese) should be procured [Ibid, p. 722; Vink, 2003; Cape, 1687; Ambon, 1688; Banda, 1688] share of slaves in the population is not spelt out which further strengthens our argument (see Vink, ‘para 36’) Batavia in 1689 had a slave population of 22570 adults (12,557 men and 10,013 women) and 3501 children (ratio 6, p. 4, p. 1) (Ibid)].

In 1649, eighty-four slaves, 14.22 picol sandalwood and 30 picols wax worth f. 45, 654.10.8 were received from Solor at Batavia [G.M., 1964, p. 334].

In 1653, Josua Braconier was sent to Damme in order to procure serfs because earlier sixty persons were brought from there [Ibid, p. 679 (19 January 1654)]. In 1653, it was found that Onin (near New Guinea) until then not known to the Dutch, would provide sufficient number of bonded labour [Ibid]. They were shipped to Banda where the slaves from Bengal had died. It was discovered that there were many larger islands like the island of Buno where slaves could be obtained [Ibid]. In the island of Banda (1662) the slaves were purchased from the VOC on the basis of payments in two installments [Ibid, 1968, p. 407].

The slaves were used for cultivating mace and nutmegs in the island of Ali although it lacked drinking water [Ibid, 1964, p. 680 (19 January 1654)].

At Onin, the Dutch were assured of a supply of 200 to 300 slaves at a very low price in exchange of cloths presumably from India [Ibid, p. 749 (7 November 1654)].

In 1654, after inflicting a crushing defeat on Portuguese at Corbaffa islands with the help of Coupanese and people of Roti island 106 persons were imprisoned and 200 more slaves were expected [Ibid, p. 750 (7 November 1654)].

Our sources refer to Dutch exports of slaves from Africa to Batavia or other Asian factories. It was estimated that 4,000–5,000 slaves could be brought from Pata, Lania and Malindi in Africa at 1½, 2 1/3 rials of eight because they were physically strong [G.M., 1960, p. 44, 350].

Gerard Reynst, the Governor-General observed (26 October 1615) that a ship should be sent to Madagascar to fetch slaves without which it would be difficult to maintain the fortification [at Bantam] and the labour was not easily available there. The weather was very hot. It was realized that one slave would perform more work than two or more Dutch persons [Ibid, p. 46].

Reynst complained that the Spaniards had an advantage over the Dutch because they had slaves to work for them. The Dutch needed slaves to work in the fort, factories, ships, etc., in the Moluccas. Ships coming from Holland should bring slaves from Madagascar and especially from a closely located island Jan de Nova situated on the north-west of Madagascar.

The assistant merchant *Fredrick Verburg* with the galliot the *Tulip* was hopeful of sending asses and 100 slaves from Madagascar. So far as slaves were concerned there was a general scarcity and consequently,

they were to be sent to Cape from other places [*G.M.*, 1968, p. 46 (24 December 1655); Allen, 2014, p. 112–115]. But in 1656, the Dutch company was considering procuring slaves from Angola but they were apprehensive because most of the slaves from there used to die due to considerably long voyage. Moreover, even if they reached Cape, they might turn fugitive. So as an alternative it was thought that they should be sent from Angola to Batavia and Bengali slaves should reach Cape. But it was found to be a cumbersome process [*Ibid*, p. 191]. It was decided to suspend slave trade from Angola as well as Guinea because they were not proving profitable [*Ibid*, p. 239]. The slave trade at New Guinea was resumed in 1655 [*Ibid*, p. 13 (24 December 1655)].

UTILITY OF SLAVES

In order to enclose Batavia city by a canal, cost was estimated and particular section of population was entrusted with the job. They were to contribute for the digging of the canal. The eastern end was assigned to the chained slaves (*Kettingslaven*) and their Toyoleese serfs through a pure swamp called Caymans canal. For that purpose they presented 100 rials of eight which in contract had become 11,000 rials of eight. By this all the eastern part would become inhabitable and rent was to be paid to the Company. They could also purchase it for 10 penny [*G.M.*, 1960, p. 444 (1634)]. In the same year it was also decided to raise a thick stone wall near Castle of Batavia and laid with parapet. It was planned to make it in fourteen days. The height of the wall was to be about 22 ft and 7 ft inside, sloping by 1ft. The work began on 25 September 1634 and was provided with material like lime and stone and labourers and chained slaves and it was estimated that it would cost 2,200 rials of eight and it meant investing eleven rials for one cubic fathom [*Ibid*, p. 480].

In 1638 at Batavia, the Dutch Company's expenditure under different heads was, p.

Repairing and carpenting of new residence and warehouse	fl. 1,31,114.14.4
Payment made to soldiers, free person	fl. 24,2 492.1.14
In fortification, provisions and cloths for chained slaves used for the town work	fl. 34, 735.16.12
Expenses on carpentering (of ships)	fl. 432896.18
In gifts, etc.	fl. 3975.4.10
Total	fl. 845214.15.8 [<i>Ibid</i> , p. 615–616]

At Batavia, fl. 14765.7.10 was spent in fortification, provisions and cloths for chained slaves out of total expenditure worth fl. 9, 60, 783.17.3 [*G.M.*, 1964, p. 151 (12 December 1641)]. By 1643, it was realized that the fortification, wall, some old houses, roofs of the houses of artisans, warehouse, armoury were in need of repair. For this work, artisans, chained slaves and serfs were to be employed [*Ibid*, p. 218 (22 December 1643)].

Income and expenditure in Batavia from 1 September 1643 to 31 August 1644 were:

In provisions following the roll	f. 117576.3.9
In garrison, repairs of old houses, salary of ambassadors, hospital, etc.	f. 90658.11.4
In fortifications, materials and cloth as the cost of slaves	f. 13476.10.8
In gifts and presents	f. 3643.5.5
In salary of garrisons and Company's servants	fl. 438278.4.12
In maintenance of the ships and people	fl. 697011.12.4
Total	Al. 1360644.7.10

Source: [*G.M.*, 1964, p. 253].

On 31 December 1648, Batavia had received rice and slaves worth fl. 20,275.2 [Ibid, p. 334 (18 January 1649)]. A kind of crisis was observed in 1652 at Batavia when many 'serfs' had left Batavia due to successive failures of crops. People had become poorer and poorer. By 31 August 1652, the Dutch Company had 114 tons of rice from Banda for maintaining 4,389 souls which would sustain them for four to five months. Whereas the requirement was for 20,000 lbs for four months [Ibid, p. 596 (24 December 1652)]. At Batavia, it was complained that due to the shortage of slaves, works like woodwork on ships and fetching of coral stones could not be undertaken in 1652–1653 [Ibid, p. 661 (31 January 1661)].

There was an acute shortage of carpenters at Batavia and due to this quick repairing of ships was delayed [G.M., 1968, p. 239]. But by 1658, they had highly skilled slaves in the craft of ship building which would save the Company from paying inflated salaries to Dutch counterparts [Ibid, p. 240]. Some of the slaves had become very old and crippled and incurably sick to perform any work. So, the Company sold them for 1606 rixdollars [Dutch coins, valued at 60 stuivers, i. e. 3 florins] to avoid their burden and further harm [Ibid, p. 406–407]. There are frequent references to flight of slaves due to their pathetic conditions.

By 1631, Bantam had emerged as a hiding place (*schuil hoch*) for all discontented slaves and others, who had robbed their masters at Batavia and fled to Bantam with the booty [G.M., 1960, p. 324]. Two free persons with some slaves had fled from Lonthoir presumably to Bantam, and consequently had made the place unsafe. They feared that the 'Wayer' would be burnt. The VOC had decided that any slave who revolted would be put to death [G.M., 1964, p. 237 (23 December 1644)].

INDIAN TEXTILES AND SLAVE TRADE

The Dutch Company's insatiable demand for slaves was restricted possibly by the shortage of cash. The officials on the coast declared that as many as 2,000 could have been bought if they only had the money [Arasaratnam, 1995, p. 203]. This problem of cash could be offset by devising a unique method by them. The Dutch resorted to encouraging supply of a particular kind of cloth which came to be known as Guinea cloth. Hans de Haze at Masulipatnam wrote to Jan Pietersz Coen on 5 June 1617 that 3,000 pieces of white textiles for Guinea had been purchased at Tirupapaliyur (alias Tegenapatam) where the best lots were manufactured [Prakash, 1987, p. 26]. Guinea cloth was the generic term for a wide range of cheap, brightly coloured (or white) Indian calicoes, mostly striped or chequered, which were purchased for consumption by African slaves]. The best Guinea cloth was manufactured in Tirupapaliyur. The Dutch factors could not put out contracts for more than 3,000 pieces because of the shortage of capital [Ibid, p. 30]. Another source of supply was Puleceri. It was observed in August 1617, that the French could not buy this variety because very few weavers manufactured it in Puleceri. Secondly the *Nayak* had monopolized the trade with French to himself [Ibid, p. 33]. It was estimated in 1 September 1617 that Coromandel alone could supply 6000 pieces of Guinea cloth at the rate of 28 *fanums* per piece which would mean an expenditure of 11,200 pagodas [Ibid, p. 41]. The Directors of the Company at Amsterdam observed (19 October 1617) that fourteen packets of Guinea cloth purchased at Tirupapaliyur were superior in quality and width in comparison to those manufactured at Masulipatnam [Ibid, p. 46]. This had sold well in Amsterdam [Ibid]. It was hoped that annual supply of 300 to 400 bales would not be excessive and the desirable dimensions would be 50 to 70 ells (3/4 of yard) in length and 1½ ells in width per piece [Ibid]. A demand for 200 to 400 bales of Guinea cloth manufactured at Tirupapaliyur was made on 10 November 1617 [Ibid, p. 47, 50]. Again demands for 300 to 400 packets-half raw and half bleached white-was made on 22 November 1617 and 30 November 1617 respectively [Ibid, p. 50, 51]. Jan Pietersz Coen had very clearly instructed his subordinates that orders for Guinea cloth by

Moluccas were to be met proportionately to the capital available and not at the expense of the procurement of indigo and Guinea cloth for Holland [Ibid, p. 52]. The list of goods to be supplied annually from Coromandel for Holland, sent from Jacatra on 1 December 1617 refers to eight to ten packets on Negro cloth, which was a generic term for the calico exported to West Africa and Brazil for use by African slaves. It was also referred to as Guinea cloth [Ibid, p. 54; esp. n2]. In the same list, the demand exclusively for Holland had 200 to 400 Guinea cloth from Tirupapaliyur half raw and half bleached white along with indigo, Bengal gingham and cotton yarn [Ibid, p. 56]. The demand for Holland next year continued [Ibid, p. 64, 67]. In September 1618, the annual orders from the Gentlemen XVII were for 1,000 packets of the best quality Indigo besides 300 to 400 bales of Guinea cloth from Tirupapaliyur with a length of 50 to 70 ells and width of $1\frac{1}{2}$ ells. All pieces were to be bleached white [Ibid, p. 74, 76]. By December 1618, the Directors at Enkhuizen Chamber instructed De Haze at Pulicat to procure 8,000 pieces of Guinea cloth for Holland annually and they were expected to yield substantial profit [Ibid, p. 81]. Four thousand pieces of guinea cloth were required annually for Moluccas, Amboina, Banda, Java, Patani, Siam and 400 pieces for the Netherlands in July 1619 [Ibid, p. 102–103, 109]. Van Ravesteyn and Goeree had realized (28 August 1619) that it was not necessary to reopen the factory at Tegenapatam in so far as Guinea cloth usually procured there, could in fact be had cheaper at Narsapur, Jacatras' position was that such decisions were best left to men on the spot. The Company's concern was only with buying textiles wherever they were available most economically [Ibid, p. 114, 116]. Andries Soury (22 May 1621) dispatched a cargo worth f. 128,494.3.1 consisting of 588 packets of Guinea cloth, 452 packets of indigo and 1,788 carats of diamonds, from Masulipatnam to the Directors at Hoorn chamber [Ibid, p. 162]. The Directors at Amsterdam instructed Andries Soury on 18 September 1621 to send 20,000 pieces of Guinea cloth of about 50 ells length each — all white and bleached [Ibid, p. 171]. Around 3,000 were demanded for Batavia for Moluccas, Amboina, Banda Batavia, Jambi and the Netherlands [Ibid, p. 177 (18 October 1621)]. On 25 November 1621 the *Naarden* was sent to Holland with pepper, saltpetre, Guinea cloth and fine *muris* worth f. 62,753 [Ibid, p. 188]. By May 1622, Coen had asked his subordinates in Surat to explore the possibility of procuring Guinea-cloth in Surat to find a substitute supplier to that from Coromandel coast [Ibid, p. 203].

Van Uffelen found (28 September 1622) that the production of Guinea-cloth was increasing and at Pulicat hoped to be able to supply 20,000 pieces per annum. He lamented that the present shipment was carrying 3,024 pieces of unbleached Guinea cloth owing to the fact that the producers were unwilling to bleach the cloth white soon after the monsoon [Ibid, p. 224]. The invoice of the ship 'Dordrecht' sailing for Amsterdam had 114 packets (3,024 pieces) of unbleached and 470 packets (9,870 pieces) of bleached white Guinea cloth, both together cost 63,130 rials [Ibid, p. 226].

It was reported by 23 October 1622 that the weavers of Surat could weave guinea cloth but it would not be of similar quality than those from Coromandel and they were available for cheaper price in Coromandel [Ibid, p. 229]. The production of Guinea-cloth and Chinese cangans were started by Broach by 1622 at the initiative of Pieter van den Broecke [Ibid, p. 234]. Van Uffelen (23 April 1623) could send 9,166 pieces of Guinea cloth from Masulipatnam to Holland along with other commodities worth f. 135,859.217 [Ibid, p. 247] and he reported that Guinea-cloth was now manufactured at several places and given the availability of funds they ordered 20,000 pieces and hoped that even more could be sent per annum [Ibid]. The Dutch company was realizing that it was getting very expensive for the company to cloth the slaves in the old style. The manufacturing at Coromandel of a cloth (presumably Guinea-cloth) especially for slaves was a welcome step [Ibid, p. 250]. It was estimated in April 1623 that around 450 packets (9,450 pieces) of Guinea-cloth were required for South-East Asian colonies [Ibid, p. 252]. while annual orders for Holland continued to be for 500 to 600 packets [Ibid, p. 262]. De Carpentier,

the Governor-General at Batavia had instructed Van Uffelen at Masulipatam to fulfil the demand for Guinea-cloth and subject to the availability of funds, they could even be supplied in excess of the orders [Ibid, p. 272]. Interestingly we find that out of expected f. 20,000 to f. 30,000, the shipment of goods was in the following order, p. Indigo — f. 5,000; Guinea-cloth — f. 50,000; cotton yarn — f. 1,000; fine textiles 40,000; saltpetre — f. 20,000 and diamonds — f. 40,000, which is clear indication of the Dutch preference for Guinea cloth [Ibid, p. 281]. By 23 December 1623, Pieter van den Broecke asserted that he could persuade with great difficulty the weavers to charge 5 guilders and less for one piece of Guinea cloth [Ibid, p. 286]. Pieter van den Broecke expressed hope (11 January 1624) that Surat would be able to produce better quality Guinea cloth than what was manufactured on the Coromandel coast and at a lower cost [Prakash, 2007, p. 64]. On 19 January 1624, 1,000 pieces (twenty-four packets) of Guinea cloth worth f. 5,705.8.10 was sent to Holland from Surat [Ibid, p. 71]. The Company planned to produce good quality Guinea cloth at Tegenapatam and it was hoped that if the price could be reduced somewhat, the Tegenapatam variety would perform better in comparison to its Masulipatnam counterpart [Ibid, p. 102].

Since the Dutch company was facing the problem of cost in procuring textiles especially for slaves, they contemplated to try other varieties of textiles too. Therefore, they had entered into contracts at Draksharama for 6,000 pieces of *dungarees* for the slaves [Ibid]. The annual orders of textiles from Surat for southern quarters (9 August 1624) reflected a demand for 100 packets of Guinea cloth at the estimated cost of f. 2,000 [Ibid, p. 111]. In the same year thirteen packets (520 pieces) of Guinea cloth worth f. 2,642.1.4 from Pulicat was sent to Holland [Ibid, p. 119]. In 1624, 3,157 pieces of Guinea cloth worth f. 14,618.2.10 was sent to Holland [Ibid, p. 120]. The Directors of the Company report from Amsterdam that Guinea cloth was sold at Amsterdam at the rate of f. 12½ per *ell* [Ibid, p. 123]. It was realized that Guinea cloth produced in Coromandel was cheaper and proper in size and therefore no order was placed for procuring Guinea cloth at Surat [Ibid, p. 125]. However, in 1625, 1,000 pieces (sixteen packets) of Guinea cloth worth f. 5,053.10.2 were sent from Surat to Holland in April 1625 [Ibid, p. 151]. In addition, 1480 pieces (thirty-seven packets) of Guinea cloth worth f. 7,474.3.7 was sent from Surat to Batavia in April 1625 [Ibid, p. 152]. In another ship, the *Nieuw Bantam*, 520 pieces of Guinea cloth (twelve packets) worth f. 2,604 was sent to Batavia. Thus, in three ships 3,000 pieces of Guinea-cloth worth approximately f. 15,131.13.9 were sent to Holland and Batavia [Ibid, p. 151–155]. Besides, ‘Negro’ clothes were also sent from Surat to Batavia in April 1625. Together it amounted to 9,640 pieces (forty packets) worth f. 650 [Ibid]. It seems they could not send more because of the shortage of funds [Ibid, p. 160]. Libenaar wrote from Masulipatnam to the Governor-General De Carpentier on 26 June 1625 that ‘Because of the shortage of funds, the Dutch factors were obliged to sit idle’. If funds had been available, the factors at Draksharama and Palicol could have bought 1,500–2,000 pieces of Guinea cloth each month. Because of the lack of demand from the Company, the weavers had moved to other jobs [Ibid]. By 26 April 1625, it was reported that the ship ‘Medenblik’ had brought fine textiles and Guinea-cloth worth about f. 30,000 from Tegenapatam to Pulicat [Ibid, p. 209]. The fluyt ‘Edam’, the frigate *Tenasserim* and the ship ‘Delfshaven’ together carried a cargo worth around f. 150,000 consisting of 657 packets of clothes, yarn and Guinea-cloth for the India and the Netherlands, 22,000 pounds of saltpetre 25,000 pounds of pepper, 200 *lasts* of rice, some steel, iron and sundry items besides 200 slaves [Ibid, p. 225]. The ship ‘Coningh David’ was sent from Coromandel to Holland on 8 March 1626 carrying 9,495 pieces of Guinea-cloth worth f. 43,966.3.11 [Ibid, p. 258].

According to one estimate of 27 June 1626, the Company could sell 9,450 pieces (450 packets) of Guinea-cloth worth f. 45,000 in the Moluccas, Amboina, Java, Jambi, Patani, and other south-eastern quarters [Ibid, p. 279]. By this time, Holland had acquired adequate stocks of fine textiles which could

last for another four to five years. 'Therefore, only coarse Guinea cotton cloth including both the raw unbleached and bleached varieties were to be provided by Coromandel. The unbleached variety fetched ½ stuiver per ell less than the bleached one.' [Ibid, p. 296]

By 10 June 1627 Van Rossen and Pietersz at Masulipatnam could send a cargo of f. 90,845 to Batavia consisting mostly of Guinea-cloth, and other textiles [Ibid, p. 314]. Again, the Dutch factors complained about lack of adequate cash else they could have purchased 3,000 pieces of Guinea cloth per month [Ibid, p. 315]. By this time, i. e. 1627, the directors had preferred Masulipatnam over Surat for the supply of Guinea-cloth [Ibid, p. 326]. Pieter van den Broach had also admitted that it was not possible to improve the quality of the Guinea-cloth manufactured at Surat [Ibid, p. 373].

The supply of Guinea-cloth from India to Holland and Batavia, as it appears from the above discussion was directly linked with slave trade both within Asia and Africa via Holland. The trade in slaves from Africa by Muslim merchants was a well-established fact of history by the beginning of the seventeenth century and small quantity of textile goods used by the inhabitants [Moreland, 1920, p. 216–217].

Governor-General Joan Maetsuyker and his Council instructed (4 December 1656) their director at Masulipatnam to invest all money (*gelt*) in the purchase of Guinea-cloth (*Guinees lijwaet*), coarse Salempuris, etc., so long the Company had the advantage over others [G.M., 1968, p. 100]. It is reported that 60 tons of rice and some 'negro' clothes (*negros deeden*) were sent from Batavia to Cape Town and it was clearly said that since the slave trade in Angola had become not profitable so was reported also from Coast of Guinea, the Commander Riebeeck was ordered to wait [Ibid, 1968, p. 239]. Guided by the desire to increase production of Guinea-cloth and salempuris, the VOC officials attempted to encourage the weavers of ten villages on Coromandel coast to weave.

Table II. Invoice of Packets of Diverse Clothes, which were to be procured for Holland, 1686

Nos.	Particulars	Quantity	Rate	Total
2,500	Packets of bleached Guinea-cloth of 20 pieces	500,00	@f. 170	f. 425,000
1,500	Packets of bleached raw or unbleached, piece	300,00	@f.160	f. 240,000
850	Packets of bleached blue as, p. 800 brown blue piece 16,000 @f. 200 f. 160000 Packets of 50 dark blue pieces 1,000 @ f. 180 f 9,000	170,00		f. 169,000
100	Packets of fine bleached Guinea cloth, pieces	300,00	@f.560	f. 56,000
20	Packets of bethilles-otisaals, pieces	2,000	@f.500	f. 12,000
80	Packets of bethilles allegias, pieces	8,000	@f.550	f. 44,000
30	Packets of bethilles callowappoe, pieces	3,000	@f.713	f. 21,390
40	Packet of bethilles sesterge\anty, pieces	4,000	@f.630	f. 25,200
30	Packets of fine moeris, pieces	3,000	@f.860	f. 25,800
40	Packets of common moeries, pieces	4,000	@f.470	f. 18,800
20	Packets of fine bleached parcallen, pieces	4,000	@f.750	f. 15,000
125	Packets of common bleached parcallen, pieces	20,000	@f.310	f. 38,750
60	Packets of Salempuris, pieces	60,000	@f.750	f. 45,000
750	Packets of coarse Salempuris, pieces	6,000	@f.312	f. 234,000
150	Packets of unbleached Salempuris, pieces	120,00	@f.280	f. 42,000

Nos.	Particulars	Quantity	Rate	Total
50	Packets of brawn blue, pieces	4,000	@f.365	f. 18,250
20	Packets of gingang four thread broad bleached pieces	2,000	@f.660	f. 13,200
10	Packets of salpicados four thread broad bleached flowered, pieces	1,000	@f.1000	f. 10,000
40	Packets of gekeperde rock flowered, pieces	4,000	@f.1500	f. 60,000
30	Packets of Chialouw rock flowered, pieces	3000	@f.700	f. 21000
38	Packets of small rock flowered in each packet of 160, pieces	6080	@f.480	f. 18240
30	Packets of broad gekeperde in each packet of 160, pieces	3000	@f.1600	f. 48000
38	Packets of small pieces	6080	@f.1300	f. 49000
40	Packets of four thread (according to the monsters), pieces	4000	@f.1500	f. 60000
125	Packets of 'negro' clothes, pieces	20000	@f.300	f. 37500
125	Packets of cambaya of coast, pieces	20000	@f.576	f. 72000
20	Packets of <i>chiavonis d'orinaal</i> , pieces	6000	@f.850	f. 17000
40	Packets of rumaals per esta @2000 pieces, all in one packet	8000	@f.22000	f. 88000
30	Packets of Broad baftas white, pieces	3000	@f.320	f. 9600
19	Packets of blue broad baftas white @80 pieces per packets, pieces	1520	@f.4081	f. 7752
20	Packets of Cambays and? 'rocken', painted pees	2000	@f.1100	f. 22000
15	Packets of Chintz, fine painted @ 200 pieces per packet	3000	@f.2250	f. 33750
15	Packets of bethilles of Ternetten, pieces	500	@f.500	f. 7500
150	Packets of diverse sail cloth or 8,000 pieces as 50 dittoes from Nagelwanze of 40 p. @ f. 160 f 8,000 Packets of 100 of 60 pieces @ f. 124 f. 124000			169000
19	Packets of bleached dongris, pieces Alibanees, of the English kind pieces 2000 following as sample	3040	@f.236	f. 4484
7169	Packets of diverse cloth for Patria, the total amounted to			f. 2030616
67	Packets of cotton yarn or	10050	@f.150 each pound	f. 44422
7236	Packets of diverse kinds of textiles and cotton yarn for the Patria total			f. 2030616

Source: [Van Dam, 1976, p. 218–222].

Table III

S. No.	Date & Year	Guinea	Bethilles	Mouris	Parcallen	Gingans	Negros Cleden
1	20 Nov. 1681	74–75,000 (57.29%)	16600 (12.68%)	6600 (6.04%)	8000 (6.11%)	2000 (1.52%)	4000 (3.05%)
2	14 Dec. 1682	54,500 (49.14%)	109000 (9.82%)	5600 (5.04%)	6000 (5.40%)	2000 (1.80%)	8000 (7.21%)
3	20 March 1684	66500 (42.03%)	12700 (8.02%)	6600 (4.17%)	5000 (3.16%)	3500 (2.21%)	8000 (5.05%)
4	9 Dec. 1684	103000 (30.29%)	18500 (5.44%)	7000 (2.05%)	24000 (7.05%)	29000 (8.52%)	20000 (5.88%)
5	1 Oct. 1685	38000 (35.21%)	4000 (3.70%)	6400 (5.93%)	8000 (7.41%)	6500 (6.02%)	4000 (3.70%)
6	20 Oct 1686	75000 (47.16%)	5500 (3.45%)	5600 (3.52%)	2000 (1.25%)	9500 (5.97%)	4000 (2.51%)
7	5 Nov. 1687	80000 (444.79%)	13100 (7.33%)	4600 (2.57%)	10000 (5.59%)	3500 (1.95%)	4000 (2.23%)
8	26 Nov. 1688	81000 (50.62%)	3–6000 (3.75%)	2000 (1.25%)	4000 (2.05%)	-	-
9	9 Dec. 1689	86000 (49.56%)	5500 (3.17%)	2000 (1.15%)	3–4000 (2.30%)	-	6–8000 (4.61%)
10	14 Dec. 1690	88000 (46.46%)	5900 (3.11%)	1500 (0.79%)	6–8000 (4.22%)	-	8000 (4.22%)
11	8 Dec. 1691	70000 (37.13%)	9500 (5.03%)	6000 (3.18%)	7000 (3.17%)	-	8000 (4.24%)
12	6 Dec. 1692	67000 (36.65%)	6300 (4.91%)	6000 (3.28%)	8500 (4.64%)	2000 (1.09%)	11000 (6.01%)
13	11 March 1694	74600 (39.76%)	4500 (9.39%)	2900 (1.54%)	9000 (4.79%)	4600 (2.45%)	8000 (4.26%)
14	21 March 1695	65000 (33.29%)	6400 (3.27%)	2600 (1.33%)	9000 (4.61%)	3600 (1.84%)	8000 (4.09%)
15	5 Dec. 1695	33600 (25.57%)	7500 (5.70%)	3600 (2.73%)	7000 (5.32%)	600 (0.45%)	4000 (3.61%)
16	27 March 1697	27500 (24.88%)	5500 (4.97%)	3000 (2.17%)	6500 (5.88%)	1500 (1.35%)	4000 (3.61%)
17	24 July 1698	29000 (24.46%)	8500 (6.58%)	4500 (3.48%)	7000 (5.42%)	4600 (3.56%)	4000 (3.09%)
18	6 March 1699	37100 (36.80%)	8900 (8.82%)	4500 (4.46%)	7800 (7.73%)	4100 (4.06%)	3000 (2.97%)
19	17 Feb. 1700	38600 (27.80%)	–	2600 (1.87%)	10000 (7.20%)	4100 (2.95%)	3000 (2.16%)

Source: [V.O.C. (Nationaal Archief, The Netherlands, Records) 109–112]; see also [Alam, 2025, p. 155–166].

These two kinds of textiles. But apparently, they could not succeed due partly to depopulation, scarcity of coarse cotton yarn (presumably varieties used in weaving these two varieties) and partly reluctance of the weavers to give up weaving their customary rambutins [Ibid, p. 427]. Joan Maetsuyker wrote on 23 November 1675 that substantial amount of Guinea-cloth was consumed in slave trade with the Boutonders [G.M., 1971, p. 45].

The demand for Guinea-cloth by the Dutch, English and Danish companies was further stretched by the participation of even Armenian merchants like Godsia Solomon (Khwaja Sulaiman?) and it eventually led to rise in its cost [Ibid, p. 447–448]. It was reported in April 1681 that the cost of one packet of Guinea cloth had risen by 2 pagodas [Ibid]. The Guinea cloth production witnessed a rise in the entire Coromandel coast [Ibid, p. 448]. The Dutch Company's blue dyeing unit at Nagapattinam became extremely busy [Ibid, p. 449]. The exchange of coins of gold against pagodas current in Coromandel coast became particularly profitable to an unexpected degree [Ibid]. The Dutch could collect 600 packets or 12,000 pieces of Guinea cloth in a period of four to five months [Ibid]. The English Company could send 5,000 packets to England [Ibid]. In comparison to other clothes, payment in cash made it cheaper by seven per cent [Ibid]. In contrast due to shortage of cash, the Dutch company could send only three packets [Ibid]. It seems by the 1680s the situation had improved tremendously.

In one year in July 1683, the VOC could purchase 1,430 packets (28,600 pieces) of Guinea cotton textile [Ibid, p. 629].

In 1684, the supply of slaves from Arakan slackened and therefore the Directors of the Company decided to compensate the fall by supplying from the Coast of Guinea and Angola [Ibid, p. 749]. There was a rise in demand for Guinea textile in Holland. A ship was sent for Middleburg comprising mostly Guineese textiles worth f. 94065 other textiles and pepper costing f. 34551 [Ibid]. By 1695–6, the VOC tried to invest money on Guinea textiles at Surat on the western coast [G.M., 1975, p. 771]. It was found that Guinea cloth could be purchased at Surat at the same rate if not higher as was available on the Coromandel coast [G.M., 1976, p. 39]

From the above Table, it becomes clear that there were no less than five varieties of Guinea cloth presumably according to their fineness and colour. In 1662, there was a demand for 4,950 packets of Guinea cloth at the estimated cost of f. 8,90,000, 1,010 packets of Salempuris at the estimated cost of f. 3,39,250 and 125 packets of 'negoios' cloth at the estimated cost of f. 37,500 and these three collectively constituted nearly 23 per cent of the total demand for Indian textiles and cotton yarn.

From the above discussion it appears that Indian textiles did play a crucial role in the promotion and continuation of slave trade particularly in the Indian Oceanic World.

Литература / References

Alam Ishrat. Gujarat and the Coromandel as Rivals in Textile Export Trade during the seventeenth Century. *Textiles, Communities, Trade and Collections, The Past in the Contemporary*. Ed. by Ivy Dhar and Archana Shastri. Mumbai: The K.R. Cama Oriental Institute, 2025. P. 156–166.

Allen Richard B. *European Slave Trading in the Indian Ocean, 1500–1800*. Ohio: Ohio University Press, 2014. Andaya Leonard. Slavery and the Dutch East India Company (VOC) in Seventeenth Century Island Southeast Asia. *Narratives, Routes and Intersections in Pre-Modern India*. Ed. Radhika Seshan. London/New York: Routledge, 2017. P. 85–114.

Arasaratnam S. Slave Trade in the Indian Ocean in the Seventeenth Century. *Mariners, Merchants and Oceans: Studies in Maritime History*. Ed. by K.S. Mathew. Delhi: Manohar, 1995. P. 195–208.

- Arasaratnam S. Historical Foundations of the Economy of the Tamils of Northern Sri Lanka. Arasaratnam S. *Ceylon and the Dutch, 1600–1800: External Influences and Internal Change in Early Modern Sri Lanka*, Aldershot: Variorum, 1996. P. 1–23.
- Caplan L. Power and Status in South Asian Slavery. *Asian and African Systems of Slavery*. Ed. by J. L. Watson. Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 169–194.
- Chattopadhyay A. K. *Slavery in the Bengal Presidency, 1772–1843*. London: Golden Eagle, 1977.
- Curtin Philip D. *The Atlantic Slave Trade: A Census*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1969.
- Furber Holden. *Rival Empires of Trade in the Orient. 1600–1800*. Delhi: Oxford University Press, 1990 [1976].
- Generale Missiven van Gouvernments: Generaal en Raden aan Heren XVII der Verenigde Oostindische Compagnie*, Deel 1: 1610–1638, 'S-Gravenhage, (henceforth G.M.). G.M., volumes are arranged according to their volumes and year of publications as follows: [(G.M., Deel I: 1610–1638, 1960); (G.M., Deel II: 1639–1655, 1964); (G.M., Deel III: 1655–1674, 1968); (G.M., Deel IV: 1675–1685, 1971); (G.M., Deel V: 1686–1697, 1975); (G.M., Deel VI: 1699–1713, 1976)].
- Gemery Henry A. and Hogendorn Jan S. (eds.). *The Economic History of the Atlantic Slave Trade*. New York: Academic Press, 1979.
- Goslinga Cornelis Ch. *The Dutch in the Caribbean and on the Wild Coast, 1580–1680*. Gainesville, Fla: University of Florida Press, 1971.
- Green William A. Race and Slavery: Considerations on the Williams' Thesis. Solow, Barbara L. and Engerman, Stanley L. (eds.), *British Capitalism and Caribbean Slavery: The Legacy of Eric Williams*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 25–50.
- Habib Irfan. Non-Agricultural Production and Urban Economy. *The Cambridge Economic History of India*. Ed. by Tapan Raychaudhuri and Irfan Habib. Cambridge/Hyderabad: Cambridge University Press/Orient Longman, 1984.
- Habib Irfan. Some Notes on Slavery in the Delhi Sultanate. Thirteenth and Fourteenth Centuries — Evidence from Sufic Literature. *Indian Historical Review*. July 1988 & January 1989. Vol. XV. Nos. 1–2. P. 248–256.
- Habib Irfan. Akbar and Social Inequities. A Study of the Evolution of his Ideas. *Proceedings of the Indian History Congress*, 1993. 53rd Session. P. 300–310.
- Habib Irfan. Slavery. *The State and Society in Medieval India*. Ed. by J. S. Grewal. New Delhi: Oxford University Press, 2004. P. 430–442.
- Habib Irfan. *The Agrarian System of Mughal India 1556–1707*. New Delhi: Oxford University Press, 2014.
- Hattingh L. Slavernij in de VOC-gebied. *Kronos: Journal of Cape History*. 1990. Vol. 17. P. 3–18.
- Indrani Chatterjee, and Eaton Richard M. (eds.). *Slavery & South Asian History*. Delhi: Meena Book Publications, 2018.
- Klein Herbert S. Recent Trends in the Study of the Atlantic Slave Trade. *The Indian Historical Review (IHR)*. July 1988 & January 1989. Vol. XV. Nos 1–2. P. 1–15.
- Knaap G.J. Slavery and the Dutch in Southeast Asia. *Fifty Years Later: Antislavery, Capitalism and Modernity in the Dutch Orbit*. Ed. by G. Oostindie. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1996. P. 193–206.
- Kurup, K.K.N., 'Slavery in 18th Century Malabar'. *Revue Historique de Pondichery*, 1973.
- Moreland W.H. *India at the Death of Akbar: An Economic Study*. Delhi: Low Price Publications, 1990.
- Needham Joseph and Ling Wang. *Science and Civilization in China*. Vol. 4. Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Palmer Colin A. *Slaves of the White God: Blacks in Mexico, 1570–1650*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1976.
- Patnaik Utsa and Dingwaney M. (eds.). *Chains of Servitude: Bondage and Slavery in India*. Madras: Sangam Books, 1985.
- Prakash Om. *The Dutch Factories in India 1617–1623: A Collection of Dutch East India Company Documents Pertaining to India*. Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd., 1984.

Prakash Om. *The Dutch Factories in India 1624–27*. Delhi: Manohar Publishers & Distributors, 2007.

Prasad Pushpa. Female Slavery in Thirteenth Century Gujrat Documents in the *Lekhpaddhati*. *Indian Historical Review*. July 1988 & January 1989. Vol. XV. Nos 1–2. P. 269–275.

Reid A. and Brewster Jennifer (eds.). *Slavery, Bondage and Dependency in South East Asia*. New York: University of Quensland Press, 1983.

van Dam Pieter. *Beschryvinge van de Oostindische Compagnie*. Vol. II. Part 2. ‘s-Gravenhage: Martinus Nihoff, 1976.

van der Boogaart Ernst and Emmer Pieter C. Dutch Participation in the Slave Trade, 1596–1650. *The Economic History of the Atlantic Slave Trade*. Ed. by Henry A. Gemery and Jan S. Hogendorn. New York: Academic Press, 1979. P. 33–64.

van Dillen J.G. *Van Rijkdom en Regenten, Handbook tot de economische en sociale geschiedenis van Nederland tydens de Republiek*. ‘s-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1970.

Vernet Thomas. Slave Trade and Slavery on the Swahili Coast (1500–1750). *Slavery, Islam and Diaspora*. Ed. by B.A. Mirzai, I.M. Montana, and P. Love Joy. Trenton: Africa World Press, 2009. P. 37–76.

Vink Markus. The World’s Oldest Trade: Dutch Slavery and Slave Trade in the Indian Ocean in the Seventeenth Century. *Journal of World History*. 2003. Vol. 14. No. 2. P. 131–177.

Williams Eric. *Capitalism and Slavery*. London: Penguin Random House, 2022.

МАРГАРЕТ НОУБЛ: ПОСЛУШНИЦА НИВЕДИТА ИЛИ ПЛАМЕННАЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРКА?

© 2025

Д. Е. Чельшев, И. П. Чельшева¹

В статье прослеживаются основные вехи короткого, но очень насыщенного жизненного пути ирландской общественной деятельницы Маргарет Ноубл, широко известной под монашеским именем Сестры Ниведиты. С опорой на оригинальные источники авторы раскрывают процесс формирования ее взглядов в молодости под влиянием идей русского анархизма и встреч с его известным теоретиком Петром Кропоткиным. Обосновывается предположение, что это увлечение юности может служить ключом к пониманию ее последующего искреннего восприятия адвайтистских идей индийского религиозного просветителя Свами Вивекананды, который посвятил ее в монахини Ордена Рамакришны. Прослеживается ее дальнейшая работа по распространению идей практической веданты в Англии и Соединенных Штатах, развитию системы образования в Индии под эгидой этой организации, а также трансформация ее взглядов под влиянием объективных жизненных реалий, приведшая к активному участию в национально-освободительном движении на стороне радикально настроенных индийских революционеров.

Ключевые слова: Сестра Ниведита, Вивекананда, адвайта-веданта, Орден Рамакришны, анархизм, Кропоткин, *свадешти*, Ауробиндо Гхош

Для цитирования: Чельшев Д. Е., Чельшева И. П. Маргарет Ноубл: послушница Ниведита или пламенная революционерка? *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 33–51. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-033-051

MARGARET NOBLE: RAMAKRISHNA ORDER BRAHMACHARINI OR PASSIONATE REVOLUTIONARY?

Part II

Dmitry Chelyshev, Irina Chelysheva

The article dwells upon the landmarks of a very short, however rather eventful, life of an Irish public figure Margaret Noble, widely known as Sister Nivedita. Based on authentic sources, the study traces the process of her outlook formation in the younger days, strongly influenced by Peter Kropotkin's anarchist ideology and their personal interactions. Article suggests that her early theoretic interest might have paved natural way towards embracing advaitist ideas of Swami Vivekananda, Indian religious reformer, who initiated her later into the service to Ramakrishna Monistic Order. The article analyzes her subsequent work

¹ Чельшев Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва
Dmitry E. Chelyshev, PhD (Hist.), independent researcher, Moscow; de_chelyshev@list.ru
ORCID: 0009-0000-3238-246X

Чельшева Ирина Павловна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва
Irina P. Chelysheva, PhD (Hist.), independent researcher, Moscow; de_chelyshev@list.ru
ORCID: 0000-0002-3803-907X

in England and United States to disseminate ideas of her guru, deals with her educational activity in India under the auspices of Ramakrishna Order and concentrates on later transformation of her views which led her to active participation in the national liberation movement on the side of radical Indian revolutionaries.

Keywords: Sister Nivedita, Swami Vivekananda, advaita-vedanta, Ramakrishna Order, anarchism, Kropotkin, *swadeshi*, Aurobindo Ghose

For citation: Chelyshev D. E., Chelysheva I. P. Margaret Noble: Ramakrishna Order Brahmacharini or Passionate Revolutionary? Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 4. P. 33–51. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-033-051

Часть II

Новый вектор антиколониальной борьбы

Во время лекционного турне Ниведита встретила в Бароде (современная Вадодара, штат Гуджарат) с Ауробиндо Гхошем, и встреча во многом предопределила ее дальнейший жизненный путь. Этот выдающийся общественно-политический деятель, яркий и оригинальный философ на ранних этапах своей карьеры придерживался радикальных взглядов, размышлял о создании единой политической организации революционеров, которая возглавит всеобщее народное восстание и будет направлять его в нужное русло. Одновременно он всегда высоко оценивал основополагающие принципы учения Рамакришны-Вивекананды, и, вполне возможно, это обстоятельство оказалось определяющим в его последующем интеллектуальном сближении и взаимодействии с сестрой Ниведитой. Их представления о грядущей борьбе за независимость звучали в унисон: оба отчетливо осознавали, что деятельность разрозненных подпольных групп не имеет шансов на успех. Их лидеры, люди в большинстве своем чрезмерно амбициозные и не имеющие опыта организованной политической борьбы, ставили перед своими ячейками цели и задачи, которых невозможно было достичь и осуществить, только лишь заботясь о конспирации. Нужно было объединить все силы в один кулак. Но, как известно, создать единую, хорошо налаженную сеть подпольных организаций так и не удалось [Райков, 1979, с. 20].

Рис. 1. Известный индийский общественный деятель и философ Ауробиндо Гхош.
Источник: https://avatars.mds.yandex.net/get-entity_search/5513561/1031685061/S600xU_2x
(дата обращения: 15.11.2025).

Практической пользы от деятельности никоим образом не связанных между собой подпольных кружков было немного, а их члены чрезмерно увлекались магическими религиозными ритуалами. Вместе с тем во многих под видом занятий спортом и атлетикой формировались группы боевиков, ставивших целью всеми средствами, в том числе насильственными, бороться с колониальным режимом.

Одно из таких обществ было связано с именем Саралы Гхошал², которая организовала школу владения мечом и бамбуковой тростью — *латхи*. Некоторые индийские историки полагают, что эта школа, служившая своего рода прикрытием революционной деятельности, была создана в немалой степени под влиянием идей известного японского писателя и художественного критика Оакуры Какудзо³.

В 1902 г. Ниведита часто общалась с Оакурой во время его поездки по Индии. Это был разносторонне образованный человек, снискавший известность в среде индийской интеллигенции своими прогрессивными взглядами, в основе которых лежала убежденность в высокой миссии культурного и духовного наследия Востока в мире. Он активно выступал против проникновения в страны этого региона западного влияния, принимал участие в различных проектах, имеющих целью возродить духовную культуру Востока, воспитать в людях, проживающих в этих странах, чувство гордости за свое великое историческое прошлое. Его книга «Идеалы Востока» пользовалась в то время немалой популярностью среди радикально мыслящих слоев индийской интеллигенции. Есть основания полагать, что Ниведита во многом разделяла взгляды автора, воплощенные в этом произведении. Она не только написала предисловие к индийскому изданию, но также принимала самое деятельное участие в редактировании текста, полагая, что эта книга может во многом способствовать воспитанию в индийцах чувства национального самосознания, сформировать в них веру в огромный созидательный потенциал Востока.

Ниведита приложила немало усилий для популяризации идей Оакуры в Индии, оказывала помощь революционным кружкам, строящих свою работу на основе его взглядов. Но это оказалось лишь мимолетным увлечением: вскоре она охладела к деятельности группы Саралы Гхошал, равно как и другого возникшего на волне почитания японского литератора объединения — «Балигандж Гхошти». Она считала, что методы их деятельности более сродни выходкам хулиганствующих молодчиков и не имеют ничего общего с целенаправленной, организованной борьбой за обретение национальной независимости. Сколь плотно Ниведита была вовлечена в деятельность подпольных групп, существовавших в те годы в Бенгалии, сказать довольно сложно — сведения на этот счет весьма скупы и фрагментарны. Ясно лишь, что она не одобряла чрезмерного увлечения их членов боевыми навыками. Ей также претило чрезмерное увлечение членов многих подпольных группировок методами индивидуального террора. Тем не менее она поддерживала

² Сарала Гхошал (1872–1945) — племянница Рабиндраната Тагора, индийская просветительница и политическая активистка. Родилась в семье бенгальских интеллектуалов. В 1890 г. получила степень бакалавра английской литературы в колледже Бетьюн. Была одной из немногих женщин своего времени, участвовавших в движении за независимость Индии. Во время антипартийной агитации распространяла идеи национализма в Панджабе и руководила тайным революционным обществом. С 1895 по 1899 г. редактировала журнал *Bharati* совместно с матерью и сестрой, а с 1899 по 1907 г. — самостоятельно. В 1910 г. основала *Bharat Stree Mahamandal* («Всеиндийскую женскую организацию»), которую многие историки считают первой всеиндийской организацией для женщин.

³ Оакура Какудзо (1863–1913), также известный как Оакура Тэнсин — японский ученый и искусствовед, выступавший за критическое отношение к традиционным формам, обычаям и верованиям. В 1886 г. стал секретарем министра образования и был назначен ответственным за развитие музыкального творчества. Позже в том же году он был назначен в Императорскую художественную комиссию и отправлен за границу для изучения изобразительного искусства в западном мире. После возвращения из Европы и Соединенных Штатов в 1887 г. помог основать Токийскую школу изящных искусств, а год спустя стал ее директором. Его воззрениями интересовались Свами Вивекананда и в особенности Рабиндранат Тагор.

контакты со многими подпольными подразделениями общества «Анушилан Самити» («Общество прогресса»), основанного в 1902 г. в Калькутте. Члены общества обучались в том числе и обращению с холодным оружием.

Судя по всему, Ниведита старалась действовать иными методами, пытаясь грамотно формировать мировоззрение бенгальских патриотов, повысить их общеобразовательный уровень. Известно, что она много выступала с лекциями, подбирала литературу для вновь образованного общества и его подразделений. Благодаря ее усердию библиотека общества насчитывала на том этапе свыше четырех тысяч книг, среди которых были такие, как «История ирландских восстаний», произведения Петра Кропоткина, «Освободительное движение в Америке», «Жизнь Кромвеля», «История экономики британской Индии», «Махабхарата» и «Рамаяна», а также труды Вивекананды. Ее небольшое и очень скромное жилище в Калькутте было превращено в место оживленных дискуссий, диспутов, где обсуждался самый широкий спектр вопросов — от общих проблем, связанных с определением методов и форм борьбы за национальную независимость, до более частных проблем помощи семьям политических беженцев. В этих «воскресных завтраках», как их условно называли друзья Ниведиты, помимо активистов «Анушилан Самити» самое активное участие принимали также члены общества «Восход».

Эта организация, с которой Ниведита поддерживала активные связи начиная с 1902 г., в своем подавляющем большинстве состояла из студентов и преподавателей вузов. Кроме того, в нее входили также известные писатели, общественные деятели, представители передовой бенгальской интеллигенции. В легальной сфере этот кружок при активном содействии Ниведиты, Рабиндраната Тагора, Сурендранатха Банерджи⁴ и Б. Ч. Пала сделал немало полезного в плане национального образования. Под его эгидой в 1905 г. было создано Общество национального просвещения, а также начал функционировать национальный колледж.

Ниведита всегда стремилась создать у себя дома атмосферу раскованности, непринужденности, непредвзятости. На ее воскресных завтраках собирались люди, принадлежащие к разным кастам, исповедовавшие различные религии, придерживавшиеся различных политических взглядов. Каждый здесь мог свободно высказывать и отстаивать свои убеждения, спорить и дискутировать. Она стремилась тем самым как бы создать модель будущего общественного устройства в миниатюре, общества, свободного от догматизма и нетерпимости к инакомыслию, объединенного единой целью духовного возрождения страны. Свою основную задачу она видела не только и не столько в объединении подпольных групп в единый революционный фронт, сколько в пробуждении самосознания и чувства национального достоинства всего индийского общества посредством радикальных изменений в общественном сознании. В этом она продолжала следовать пути, на который ее вдохновил Вивекананда.

Для этого вполне подходили дозволенные методы, и посему революционерка самым тесным образом сотрудничала со многими журналами и газетами, выходящими не только в Бенгалии, но и за ее пределами, в частности, такими крупными изданиями как ‘Statesman’, ‘Amrita Bazar Patrika’, ‘Swadeshi Movement’, ‘Young India’, которые регулярно публиковали ее статьи. На поприще журналистики она работала очень много и плодотворно, и все же точно определить объем ее деятельности

⁴ Сурендранатх Банерджи (1848–1925) – индийский политический и общественный деятель, родился в Калькутте в семье брамина. После окончания колледжа в Калькутте продолжил образование в Англии. Вернувшись в Индию в июне 1875 г., стал преподавать английский язык в высших учебных заведениях, а в 1882 г. основал собственный колледж. Активно выступал с публичными лекциями по индийской истории и на политические темы, осуждал проявляемую англичанами по отношению к народам Индии расовую дискриминацию, в 1876 г. основал Индийскую национальную ассоциацию. Придерживался умеренных взглядов и предлагал решать проблемы с англичанами мирным путем. Критиковал методы гражданского неповиновения, предложенные М. К. Ганди, и даже был посвящен в рыцари за политическую поддержку Британской империи в 1921 г.

довольно сложно, поскольку многие статьи она подписывала разными псевдонимами. Тем не менее специфическая манера изложения материала, яркий и образный стиль, своеобразный журналистский почерк позволяют исследователям с большой степенью достоверности идентифицировать ее авторство. Практически все ее публикации отличались остротой и критичностью, что нередко навлекало неприятности на ее друзей — редакторов и издателей газет. Одно время Ниведита даже пыталась организовать выпуск своего собственного издания по типу лондонской газеты ‘Review of Reviews’, однако ее намерению не суждено было осуществиться.

Уже со второй половины XIX в. в Бенгалии стали появляться так называемые *акхары* или спортивные клубы, в которых собиралась образованная молодежь, настроенная на борьбу за независимость. Чрезвычайно популярны в то время были лекции Сурендранатха Банерджи о Мадзини⁵, которые во многом способствовали формированию тайных сообществ по аналогии с карбонариями в Италии. Огромное влияние на формирование революционных настроений оказал известный бенгальский писатель Банким Чандра Чаттерджи⁶. В своем романе «Анандаматх» (Обитель блаженства», 1882 г.) он фактически предвосхитил будущую проповедь Вивекананды, представив героями своего повествования группу бескорыстных *сансьясинов* (аскетов), готовых пожертвовать жизнью ради отчизны, предстающей в образе богини Дурги.

Политическая жизнь Бенгалии приняла драматический оборот после решения колониальной администрации о разделе Бенгалии⁷. Эта очевидная английская провокация была встречена мощным протестом бенгальской общественности. Подавались петиции, меморандумы, устраивались демонстрации, митинги. 16 октября 1905 г. был объявлен в Бенгалии днем национального траура. На улицах Калькутты развернулась первая в истории Индии крупная массовая демонстрация. Деловая активность в городе полностью остановилась. С раннего утра толпы людей устремились к берегам Ганга, посыпая головы пеплом, чтобы, совершив в священной реке ритуальное омовение, смыть осквернение, принесенное этим днем. Весь день в знак траура люди не разводили огня, не готовили пищи. Раздел Бенгалии воспринимался как национальная трагедия, как гибель Индии.

Мощный всплеск антиколониальной борьбы в Бенгалии в 1905–1908 гг. сопровождался активизацией деятельности революционных подпольных групп. В 1906 г. стала выходить нелегальная газета «Джугантар» («Новая эра»). Бескомпромиссная борьба за национальную свободу, допускающая любые формы противодействия колониальному режиму, обоснование религиозной освященности действий каждого патриота, готового принять участие в восстании, стали главными темами ее публикаций.

Хотя газета была нелегальной и выступавшие в ней авторы не подписывались собственными именами, есть основания предположить, что Ниведита самым активным образом сотрудничала с ней, тем более что члены общества «Анушилан Самити» группировались в те годы вокруг редакции этого издания. На непосредственное творческое взаимодействие с этим печатным органом

⁵ Джузеппе Мадзини (1805–1872) — итальянский политик, писатель и философ, сыгравший важную роль в ходе первого этапа движения за национальное освобождение и либеральные реформы в XIX веке.

⁶ Банким Чандра Чаттерджи (1838–1894) — бенгальский романист, поэт, эссеист и журналист. Автор романа «Анандаматх» на бенгали (1882), который считается знаковым в современной бенгальской литературе, автор поэмы «Ванде Матарам» («Восславим Мать [Родину]»), переложенной впоследствии на песню, вдохновлявшую многие поколения борцов за независимость страны.

⁷ Раздел Бенгалии в 1905 г. представлял собой попытку тогдашнего вице-короля Индии лорда Керзона разделить Бенгальское президентство по религиозному признаку: мусульманское большинство на востоке и индусское — на западе, что было задумано с целью ослабить националистическое движение. Это решение вызвало мощную волну протеста: обе общины вполне справедливо чувствовали себя пораженными в своих правах. Раздел побудил мусульман создать собственную национальную организацию по религиозному признаку. Стали во множестве возникать аналогичные радикальные индусские группировки. Дабы успокоить бенгальцев и прекратить беспорядки, вызванные движением *свадешти*, британское правительство в 1911 г. отменило это решение и воссоединило Бенгалию.

указывают исследователи ее жизни и творчества Шанкрипрасад Басу и Лизель Раймонд. «В течение всего этого периода, — отмечает последняя, имея в виду 1907 г., — деятельность Ниведиты столь тесно была связана с националистами, что одно и другое невозможно было разделить. В ее доме скрывающиеся от полиции всегда могли найти пропитание, деньги и географические карты. Она, кроме всего прочего, принимала самое активное участие в изготовлении бомб» [Reymond, 1953, p. 336]. Возможно, исследовательница отчасти преувеличивает степень участия Ниведиты в подпольной деятельности бенгальских революционеров. Ирландская революционерка никогда не была сторонником тактики индивидуального террора и не считала, что с его помощью можно добиться предоставления Индии независимости, хотя и относилась с большим уважением к отчаянным людям, которые шли на серьезный риск и самопожертвование ради свободы своей родины.

В 1905–1907 гг. во главе организации встали радикалы — Ауробиндо и Бариндра Кумар Гхош⁸, Бхупендранатх Датта, младший брат Вивекананды, и некоторые другие их единомышленники. На основе спортивного общества возникла обширная организация бенгальских националистов. Связанные с «Анушилан Самити» радикальные газеты «Ванде Матарам» («Восславим Родину») и «Джугантар» («Новый Век») призывали к немедленному предоставлению Индии свободы, а в случае отказа — к началу вооруженной борьбы с британской администрацией. Члены общества поддерживали бойкот британских товаров, занимались охраной митингов и собраний, но находились в оппозиции к умеренному руководству Индийского национального конгресса.

На гребень этой протестной волны поднялось мощное, эмоционально заряженное движение *свадеши*. Наряду с другими лидерами индийского национально-освободительного движения Ниведита принимала в нем самое активное и деятельное участие — она публиковала в прессе статьи, разъясняющие суть этого движения, выступала на митингах и собраниях, организуемых в его поддержку, отказывалась пользоваться иностранными товарами, поддерживая тем самым бойкот своим личным примером.

О том, какой смысл Ниведита вкладывала в это движение, можно судить по одной из ее статей, опубликованной в марте 1906 г. в газете ‘Indian Review’. «В движении *свадеши*, — писала она, — воплощаются мужество и стремление самим помогать себе. В нем нет места мольбам о помощи, нет места просьбам об уступках... Придет время, когда к каждому индийцу, покупающему у иностранцев то, что могут сделать его соотечественники, будут относиться так же, как к человеку, забивающему священных коров. Ибо несомненно, что с моральной точки зрения эти два поступка одинаковы... Следуя принципам *свадеши*, люди Индии могут продемонстрировать свою силу» (цит. по: [Atmaprana, 1977, p. 190]).

Сам факт бескорыстного участия иностранки в национально-освободительном движении и его активная поддержка имел немалое психологическое значение. Ниведита разъезжала по Бенгалии и выступала с лекциями об этом движении, восприняв «Ванде Матарам» как национальный лозунг. В 1903 г. она посетила бенгальский город Миднапур, где в течение пяти дней при большом стечении народа выступала с лекциями, в которых идеалы *свадеши* облекались ею в религиозную форму. Кроме того, она буквально поразила аудиторию, продемонстрировав различные приемы владения мечом и атлетические упражнения.

⁸ Бариндра Кумар Гхош (1880–1959) — индийский революционный деятель и журналист, младший брат Ауробиндо Гхоша. Начиная с 1902 г. принимал активное участие в организации и работе подпольных революционных групп в Бенгалии. В 1906 г. основал газету «Джугантар», ставшую главным рупором группировки «Анушилан Самити», призывавшей к организации вооруженного сопротивления колониальным властям. После амнистии в 1920 г. некоторое время занимался журналистской деятельностью, потом отправился в Пондишерри, где они вместе со старшим братом организовали *ашрам*.

Поддержка Ниведитой движения *свадешти* не ограничивалась только лекционной работой и личным бойкотом иностранных товаров. Она принимала самое деятельное участие в самых разнообразных практических мероприятиях, проводимых в рамках этой кампании. Так, например, в 1906 г. она трудилась рука об руку с санитарями и врачами, помогая жертвам катастрофического голода, разразившегося в Бенгалии, принимала самое деятельное участие в митингах против раздела Бенгалии, нередко сама организовывала подобные манифестации, писала листовки и прокламации, разъясняющие суть антинациональной политики британской администрации. Она трудилась ради объединения индийской нации, о чем неоднократно писала в своих теоретических трудах. Нужно было разъяснить широким массам страны насущную необходимость сплочения, сформировать в них чувство сопричастности единой стране, независимо от кастовой, религиозной и этнической принадлежности и имущественного положения. «Основная задача сейчас, — писала она в одном из своих писем тех лет, — внушить Индии понятие «национальность» во всей его полноте и значимости. Все остальное придет потом само собой. Индия должна проникнуться глубинным смыслом этого понятия. Индусы и магометане должны стать едиными в его рамках, испытывая глубокое уважение друг к другу. Это предполагает новый взгляд на историю и обычаи, одухотворение традиционной религии идеями Рамакришны-Вивекананды, синтез всех религиозных воззрений... Самое главное состоит в необходимости осознания всем народом страны своей сопричастности единой индийской нации» (цит. по: [Reymond, 1953, p. 298]).

В книге «Гражданские и национальные идеалы», а также в других трудах она стремилась разработать идею так называемого «географического синтеза», в соответствии с которой главным признаком национальной принадлежности должна была выступать общность территории. «Сегодня, — писала она, — следует отбросить последние остатки религиозных и социальных предрассудков и сформулировать чистую, лучшую и абсолютно секулярную национальную идею, которая вобрала бы в себя все лучшее из предшествующей эволюции... Каждая страна, которая имеет свою собственную географическую специфику, обладает способностью стать колыбелью нации. Национальное единство зависит от общности места проживания» [Sister Nivedita, 1978, p. 24]. «Что необходимо для осознания национальной общности? — задавалась она вопросом. — Достаточно ли любви к своей земле, осознания того, что человек родился на ней или гордости за великое прошлое своей страны? Ни одно из них, ни все вместе взятые не могут считаться достаточными. Помимо всего этого должно родиться неодолимое осознание сплоченности, дружеского взаимодействия, прочно связующая дисциплина нерушимого братства» [Там же, p. 17].

Неуклюжая попытка британской колониальной администрации разделить Бенгалию мотивировалась стремлением противопоставить и натравить друг на друга две основные религиозные общины Индии — индусов и мусульман, что было очевидно для многих патриотически настроенных лидеров индийской освободительной борьбы. Еще до этих событий, прекрасно понимая, что обострение межобщинной розни нанесет непоправимый ущерб национально-освободительному движению и развитию страны в будущем, Маргарет Ноубл с большим тактом говорила о религиозно-общинных разногласиях, пытаясь доказать, что обе религиозные общины неразрывно связаны узами тысячелетних историко-культурных традиций. В исследовании «Стержень индийской жизни», над которым она работала с 1901 по 1903 г., тема индусско-мусульманского единства стала одной из основных. В этой же книге была дана резко негативная оценка деятельности английских миссионеров в Индии, а некоторые из ее глав, такие, например, как пятая — «Место женщины в национальной жизни», девятая — «Синтез индийской мысли» и четырнадцатая — «Ислам в Индии», носили явно националистический характер.

Эта книга вызвала большой общественный резонанс в Индии. Реагировали на нее по-разному: патриотически мыслящая интеллигенция и студенчество восприняли с восторгом, а проанглийски настроенные круги подвергли жесткой критике и нападкам. Проанглийская газета 'Pioneer' вообще развернула на своих страницах целую пропагандистскую кампанию, направленную против подстрекательского и антиправительственного характера этой книги. «Стержень индийской жизни», — говорилось в одной из таких публикаций, — это не что иное, как политический пасквиль, призванный доказать, что Индия представляет собой не хаотичный конгломерат религий и рас, а единую нацию, и убедить эту страну в необходимости осознания своей будущей судьбы в качестве единой независимой семьи. В своей основе эта книга коварна, а по содержанию вредна». Это цитирует в своем четырехтомном труде «Ниведита Локмата» один из лучших ее биографов Шанкари Прасад Басу⁹.

Конечно, это сочинение было достаточно наивным и упрощенческим — кастовая система, этот жесткий архаичный социальный институт, всегда выступавший тормозом общественного развития и гармонизации отношений в обществе, в ней чрезмерно идеализировалась, а влияние на общественную жизнь некоторых индусских и исламских традиций излишне гиперболизировалось. И все же искреннее стремление и настойчивость, с которыми она старалась обосновать необходимость обретения национального единства, вызвали живой отклик в среде представителей двух основных конфессий Индии. Симптоматично, что в 1903 г., в то время, когда она находилась в Дарджилинге, сразу несколько мусульманских организаций северной Индии пригласили ее посетить свои штаб-квартиры.

Такая активная и конструктивная гражданская позиция, казалось бы, открывала обещающие перспективы для взаимодействия Ниведиты с признанным лидером движения за свободу М. К. Ганди. Однако неприязнь и непонимание возникли уже при первой их встрече, которая состоялась во время приезда Ганди на 17-ю сессию ИНК в Калькутту. Позже в своей книге «Моя жизнь» Ганди напишет: «Меня поразило окружающее ее величие, но общей темы для разговора мы не нашли... в беседе между мной и этой мятущейся женщиной не нашлось точек соприкосновения» [Ганди, 1959, с. 218].

Ключевым в этом пассаже оказалось определение «volatile», которое в первом русском издании книги, вышедшей в нашей стране в далеком 1959 г. под заголовком «Моя жизнь», было переведено как «мятущаяся». Переводчики этого классического издания несколько смягчили тональность высказывания индийского лидера. На самом деле М. К. Ганди вкладывал в характеристику Ниведиты совсем иной смысл, по большей части негативно-пренебрежительный, и это отчетливо поняли его сограждане — ведь это определение на самом деле переводится как «ветренная», «взбалмошная», «легковесная». Такая оценка вызвала отторжение в среде патриотически настроенных кругов индийской интеллигенции. В 1927 г. в мадрасском журнале «Веданта Кесари» появилась редакционная статья, в которой выражалось сожаление по поводу ошибочной оценки личности Ниведиты и ее искаженного образа, который был представлен Ганди. В унисон звучали также публикации о поспешных и ошибочных взглядах Ганди в бенгальском журнале Миссии Рамакришны

⁹ Шанкари Прасад Басу (1928–2014) — индийский ученый, писатель и критик, профессор бенгальской литературы. Работая на протяжении десятилетий с 1995 г. в архивах Института культуры Миссии Рамакришны в Калькутте, собрал и опубликовал уникальные материалы о жизни и творчестве Свами Вивекананды — «Вивекананда и Самакалин Бхаратбарша» (семь томов), о Сестре Ниведите «Ниведита Локмата» (четыре тома), проделав титанический труд, собрал воедино по всему миру письма Маргарет Ноубл и опубликовал их в двух томах. Все свои работы ученый писал только на бенгали, и многие из них на английский до сих пор не переведены. Поэтому цитаты из его работы «Ниведита Локмата» приводятся в переводе профессора русского языка и литературы Центра российских исследований университета им. Дж. Неру в Нью-Дели Ранджаны Банерджи.

«Удбодхан». Эпитет, который Ганди использовал при описании личности Ниведиты, вызвал резко негативную реакцию Ауробиндо Гхоша [Basu, 1995, vol. 2, p. 275].

В итоге Ганди пришлось оправдываться: в 1927 г. на страницах газеты ‘Young India’ он писал, что сразу не понял, что богатая обстановка, в которой произошла их встреча, к Ниведите не имела никакого отношения — в то время она, дескать, лишь гостила у своих друзей. Ему пришлось также пояснять, что в своей биографии он не имел в виду давать оценку тем или иным персоналиям, а лишь пытался выразить, в какой мере общение с ними повлияло на формирование его взглядов. И все же в итоге он выражал сожаление, что при оценке личности Ниведиты не смог подыскать более адекватного термина [Basu, 1995, vol. 2, p. 275].

Между тем Ниведита продолжала трудиться, стремясь сохранить единство всех участников национально-освободительного движения. Порой ее современников поражало, как в одном человеке, в его взглядах и практической деятельности, могли сочетаться столь явственно выраженные радикальные взгляды с искренним стремлением объединить все слои населения и конфессии в борьбе за обретение независимости. При этом она не уставала повторять, что объединить все патриотически настроенные силы в единый кулак удастся лишь при условии, если Индия будет следовать своим собственным путем и не будет механически копировать опыт политического развития западных стран. «Молодая Индия, — писала она, — очарована политическим спектаклем в европейских странах, очарована и, возможно, загипнотизирована. Она, возможно, полагает, что до тех пор, пока в ней не будет создан своего рода питомник для оппозиционных партий, она не сможет проявить энергию и силу западного патриотизма» [Sister Nivedita, 1978, p. 37].

Необходимо, как считала Маргарет, было следовать своим собственным путем, полагаясь на традиционные ценности и институты, способные сплотить людей, вдохновить их на борьбу за обретение свободы. «Индии еще предстоит осознать, что путь узкопартийной политики — не ее путь, ее предназначение состоит в национальном единстве, прогрессе, достигаемым всеобщими усилиями... По вопросам национального единства среди честных людей в Индии не существует расхождения во мнениях. Нужно объединить индусов и мусульман в рамках Законодательной Ассамблеи. Разве зачастую они не будут выражать общее мнение? Какое значение имеет, где ест брахман или кого он приглашает к себе на обед?» [Там же, p. 38].

Ее взгляды не всегда находили единодушную поддержку в среде бенгальских революционеров, что вполне объяснимо: большинство из них принадлежало к высшим кастам, тогда как крестьянство в Бенгалии в те годы в основном состояло из мусульман. Но Ниведита, судя по дошедшим до нас сведениям, не оставляла усилий переубедить своих соратников. Она настойчиво продолжала разрабатывать свою концепцию объединения нации, особо подчеркивая важность разъяснительной работы среди самых многочисленных и одновременно самых бесправных слоев населения Индии — крестьянства и женщин.

В начале XX века траектория ее политической активности не раз пересекалась с деятельностью известных индийских политиков и лидеров национально-освободительного движения. Одним из них был Г. К. Гокхале, с которым она познакомилась в 1905 г. на 21-й сессии ИНК в Бенаресе. Главными вопросами на этой сессии были раздел Бенгалии, предпринятый английской колониальной администрацией, и бойкот английских товаров — *свадешти* как один из методов антиколониальной борьбы. Активно поддерживая резолюцию о бойкоте английских товаров, Ниведита вместе с тем в своем выступлении на этой сессии призывала к единству действий крайних и умеренных в Конгрессе, говорила о духовно-нравственном праве индийского народа быть свободным. Она не разделяла взглядов лидеров умеренного крыла ИНК по поводу методов борьбы за независимость, так называемой «старой гвардии», к которой принадлежали Ферозшах Мехта и Г. К. Гокхале, одни

из основателей этой партии. Однако это не служило препятствием для ее активного взаимодействия с последним в рамках осуществления программы по возрождению национальной системы образования. И уж, конечно же, она не допускала и мысли о том, что они способны на предательство интересов борьбы за свободу и независимость своей родины.

А такие домыслы и сплетни стали широко распространяться в те годы среди бенгальского студенчества. Поводом послужил отказ Г. К. Гокхале принять участие в митинге протеста против ареста Б. Г. Тилака¹⁰, одного из лидеров радикально мыслящих конгрессистов, который был расценен как предательство антиколониальной борьбы. На фоне этих словесных баталий и спекуляций в газете «Модерн Ревью» появилось несколько статей в защиту Г. К. Гокхале, автором которых, как полагают исследователи, была Ниведита, хотя они и не были подписаны ее именем [Basu, 1995, vol. 2, p. 269]. В них говорилось, что расхождение во взглядах по тем или иным вопросам стратегии и тактики борьбы за независимость — еще не повод для обвинения в предательстве. Тот, кто распространяет подобные слухи об этом уважаемом человеке, говорилось в одной из заметок, сам поступает как предатель, ибо тем самым вносит раскол в ряды борцов за свободу страны. Такой человек, говорилось в них — просто «неприкасаемый». Ниведита, как всегда, была резка и категорична в своих суждениях.

Между тем некоторые факты говорят о том, что ее активная патриотическая позиция попала в поле зрения колониальных властей, и ей, вполне возможно, грозил арест. О реальных намерениях британских властей мы вряд ли узнаем. Но не подлежит сомнению, что Ниведита, безусловно, числилась в списках неблагонадежных и была на подозрении. Чего стоит хотя бы ее деятельное участие в усилиях по освобождению Бхупендранатха Датты, который был осужден после того, как взял на себя ответственность за публикацию двух резких антиправительственных памфлетов в «Джугантаре»! Ниведита анонимно публиковала обращения к властям с требованием освободить соратника по борьбе, даже предлагала внести деньги, чтобы освободить его под залог. Но ее инкогнито было, что называется, «секретом Полишинеля» — характерный авторский стиль был хорошо известен британским чиновникам.

Оценивать этот период ее жизни и деятельности очень непросто. Вполне возможно, что многое в ее поступках было продиктовано сугубо личными соображениями, а иное — политической конъюнктурой. Ее биографы до сих пор не пришли к единому мнению относительно мотивации некоторых ее поступков. Так, например, некоторые считают, что ее внезапный отъезд в Англию в августе 1907 г. был обусловлен исключительно личными соображениями и никак не был связан с ее антиколониальной борьбой в Индии. Иные же утверждают, что Ниведита попросту струсила и сбежала, бросив на произвол судьбы своих соратников в столь трудное время [Sarkar, 1973, p. 475].

¹⁰ Тилак, Бал Гангадхар (1856–1920), родился в Бомбее в семье маратхских брахманов. Получил юридическое образование в колледже в Бомбее. Лидер индийского движения за независимость — сварадж («своя власть»), представитель умеренного крыла партии Индийский национальный конгресс. С 1881 г. издавал газету «Маратта» (Mahratta) на английском языке и «Кесари» на языке маратхи. В 1890-х годах вступил в партию Индийский национальный конгресс. На начальных этапах политической карьеры в основном концентрировался на Махараштре. В 1897 г. был заключен в тюрьму за выступления против британской колониальной администрации и по обвинению в подстрекательстве к убийству. Инициатор проведения в Махараштре массовых народных праздников, в 1893 г. — в честь бога Ганеши (Ганapati), в 1896 г. — в честь маратхского национального героя Шиваджи, основателя Империи маратхов. Эти праздники рассматривались им как одна из основ пробуждения индусского самосознания. Одним из первых начал использовать термин «индусская нация». Вначале исключал из индийской нации мусульман, сикхов, парсов и многие другие группы, однако позднее, в 1908 г., пересмотрел свои позиции и утверждал, что Индия должна принадлежать всему индийскому народу, что позволило ему превратиться в лидера общеиндийского масштаба.

Фото 2. Сестра Ниведита (слева) со своей ближайшей соратницей Жозефиной Маклеод в Европе. 1907 г.
Источник: [Burke, 1985, p. 336]

Последнее представляется маловероятным. Сильная и волевая женщина, посвятившая всю свою энергию достижению одной-единственной цели — освобождению Индии, убежденная в своей правоте и целеустремленная, вряд ли могла так легко отказаться от всего, что составляло смысл ее жизни. Ее соратники по революционной борьбе тех лет позже писали, что даже получасовой разговор с Ниведитой вдохновлял их и вселял уверенность в победе. Так думали не только революционеры. Многие видные общественные деятели и писатели, которые общались с ней, не допускали даже и мысли о ее бегстве. Так, известный тамильский поэт Субраманиам Бхарати¹¹, считавший в определенной мере Ниведиту своей наставницей, опубликовал в 1908 г. сборник стихов под заголовком «Свадеши Гитангаль» («Патриотические песни»). Эту книгу он посвятил Ниведите, которая, как он считал, подобно Кришне, наставлявшим Арджуну перед великой битвой Пандавов с Кауравами на поле Курукшетры, о которой повествуется в эпической поэме Махабхарата, вселила в него осознание высокого долга борьбы за независимость, убедила в необходимости единства действий патриотов вне зависимости от кастовых и религиозных барьеров.

Собственно говоря, вся ее жизнь в Англии после отъезда из Индии служит лучшим подтверждением того, что она оставалась преданной своим идеалам. Она искренне и страстно продолжала стремиться к поставленной цели и была готова пожертвовать чем угодно ради ее достижения. Так, известно, что она поддерживала контакты с индийскими революционерами, вынужденными скрываться за рубежом, — Тирумалом Ачарьей¹² и, возможно, с известным экстремистом Мадан-

¹¹ Субраманиам Бхарати (урожденный Чиннасвами Субраманиан (1882–1921) — индийский писатель, поэт, журналист, педагог, борец за независимость Индии, социальный реформатор. За свои стихи был удостоен почетного титула Бхарати и стал пионером современной тамильской поэзии. Боролся за эмансипацию женщин, против детских браков, выступал против кастовой системы и призывал к реформам в обществе и религии. В декабре 1905 г. посетил сессию Индийского национального конгресса в Бенаресе, где встретил сестру Ниведиту. Общение с ней настолько впечатлило его, что он стал считать ее воплощением индуcской богини Шакти и называть своим гуру. В 1908 г., столкнувшись с угрозой неминуемого ареста, был вынужден скрываться во французском Пондишerry, где прожил почти десять лет. Там редактировал и издавал еженедельный журнал 'India', тамильскую ежедневную газету 'Vijaya', англоязычный ежемесячник 'Bala Bharatham' и местную еженедельную газету 'Suryodayam'. В 1909 г. газеты 'India' и 'Vijaya' были запрещены в Британской Индии. Во время своего изгнания Бхарати имел возможность встречаться с другими революционными лидерами движения за независимость Индии, такими как Ауробиндо, Ладжпат Рай, которые также искали убежища у французов. Бхарати помогал Ауробиндо издавать журналы 'Arya' и 'Karma Yogi'.

¹² Мандаям Пративади Тирумал (широко известный как 'M.P.T.' Acharya) (1887–1954) — один из известных теоретиков анархистского движения в Индии начала XX столетия. В молодости активно участвовал в движении 'свадеши' и в 1908 г., спасаясь от преследования, был вынужден эмигрировать из Индии. Проведя десять лет в изгнании в Европе, на Ближнем Востоке и США, активно взаимодействовал с радикально мыслящими членами индийских эмигрантских группировок, выступающих против британского господства в Индии. В 1919 г. добрался до России,

лалом Дхингрой¹³. Она также часто общалась с Шьямаджи Кришна Вармой¹⁴ — одним из самых популярных индийских деятелей зарубежья. Некоторые исследователи полагают, что она также содействовала в переправке в Индию оружия. Подтвердить или опровергнуть это не представляется возможным. Революционерка, конечно, выступала сторонницей решительных действий, ратовала за радикальные методы борьбы, но, судя по всему, до участия в открытом терроризме никогда не опускалась.

Она всегда стремилась сделать революционное движение как можно более массовым в противовес тактике индивидуального террора, внедрить в сознание людей мысль о необходимости хорошо спланированного народного восстания. Надо было действовать, как считала она, причем действовать решительно, и в этом послыше отчетливо прослеживаются пламенные призывы ее учителя — Свами Вивекананды о пробуждении нации и побуждении ее граждан к активной борьбе за свою самореализацию и всеобщее лучшее будущее. Деятельный, энергичный путь революционного движения — это единственный из возможных для обретения свободы, считала она. Об этом она писала в одном из писем Г. К. Гокхале, выражая надежду, что умеренные лидеры старейшей индийской политической партии в конечном итоге оценят по достоинству вклад немногих патриотов, которые пошли радикальным путем ради того, чтобы их собственная деятельность смогла стать значимой и весомой. Она была уверена, что придет тот день, когда об этом скажут во всеуслышание. И этот день действительно настал, но, увы, она сама это не увидела.

Находясь в Англии с 1907 по 1909 г., Ниведита много выступает с лекциями по индийскому искусству и философии, религии Индии, которые она неизменно увязывала с логикой национального освобождения своей второй родины. Ее взгляды по поводу внутриполитических проблем Индии не претерпели сколько-нибудь существенных изменений: она по-прежнему считала, что залогом духовного и национального возрождения страны может быть только ее полное освобождение от колониального господства.

где присоединился к российско-индийской миссии в Афганистане и там принял участие в основании Индийской революционной ассоциации (Indian Revolutionary Association (IRA)), объединившей в своих рядах панисламистов, левых радикалов и анархистов. В качестве ее полномочного представителя в 1920 г. принял участие во втором съезде Коминтерна в Петрограде, где встретился с известными лидерами индийского коммунистического движения — М. Н. Роем и Абани Мукхерджи. В 1922 г. переехал в Берлин, где в течение многих десятилетий выступал активным поборником философии анархизма как единственно возможного метода обретения Индией независимости.

¹³ Мадан Лал Дхингра (1883–1909) — родился в Амритсаре в уважаемой и обеспеченной семье, отец работал хирургом в государственном госпитале. Окончив колледж в родном городе, получил университетский диплом в Лахоре. Во время учебы увлекся идеями *свараджа* и *свадеша*, принимал самое активное участие в протестных акциях студенчества, за что из университета был исключен. Перебивался случайными заработками, пока семья не настояла на его отъезде в Англию, где в 1906 г. поступил в Лондонский университетский колледж на инженерный факультет. Во время пребывания в Англии много общался с радикально мыслящими индийскими эмигрантами, в числе которых был Дамодар Саваркар, ставший впоследствии «духовным отцом» и главным идеологом индусского национал-шовинистического движения, кульминацией которого стало основание организации «Раштрия Сваямсевак Сангх» (Союз добровольных слугителей родины), до сих пор являющейся главным звеном индийских проиндусских организаций, в том числе правящей партии БДП. Под его влиянием проникся идеями индивидуального террора как главного метода политической борьбы и планировал покушения на ведущих английских чиновников. Одна из его попыток увенчалась успехом — в 1909 г. он прилюдно застрелил Керзона Уилли, политического адъютанта государственного секретаря по делам Индии и главу тайной полиции, который собирал информацию о деятельности Саваркара. Был немедленно схвачен на месте преступления и в том же году казнен. Отец Дхингры публично отрекся от своего сына, а революционно настроенная бенгальская интеллигенция превозносила его как национального героя.

¹⁴ Шьямаджи Кришна Варма (1857–1930) — революционер, юрист и журналист, основавший в Лондоне «Общество за самоуправление Индии». В 1905 г. основал там же Индийский дом и Журнал индийского социолога, которые стали местом встреч радикальных националистов из числа индийских студентов в Великобритании того времени и одними из центров революционного индийского национализма за пределами Индии. Переехал в Париж в 1907 г., чтобы избежать судебного преследования.

В этот период она часто встречается со многими известными политическими и общественными деятелями Индии, находившимися в те годы в Европе. Стремясь заручиться поддержкой прогрессивных кругов английской общественности, она вовлекала в дискуссии по индийской проблематике видных английских журналистов и парламентариев, многие из которых разделяли ее взгляды. Особенно рельефно в ее монологах звучала тема насущной необходимости возрождения традиционной индийской культуры и искусства как необходимой предпосылки пробуждения национального самосознания. Искусство, так же как наука, образование и даже сама промышленность, — утверждала она — должны служить делу реформирования нации. При этом она резко критиковала наметившееся увлечение индийской интеллигенции западным искусством в ущерб национальному. Своего рода квинтэссенцией ее взглядов по этим вопросам стала опубликованная книга «Поступь индийской истории», в которой она стремилась раскрыть перед европейцами тысячелетние сокровища индийской цивилизации: непревзойденные по изяществу и красоте скульптурные изображения, уникальные творения древних зодчих и изысканное волшебство живописи.

В этом стремлении она находила немало единомышленников. Среди тех, кто разделял ее взгляды, были такие известные индийские авторитеты, как Абаниндрнатх Тагор, вице-канцлер Калькуттской школы искусств, вместе с которым Ниведита выступала против механического копирования древних шедевров и подражания европейским образцам, Ананда Кумарасвами, суперинтендант мадрасской школы искусств и хранитель правительственной художественной галереи в Калькутте в период с 1896 по 1906 г., оставивший глубочайший след в индийской культуре и науке. Оба этих индийских искусствоведа выступали против так называемой эллинистической школы происхождения индийской культуры, в соответствии с которой считалось, что она восходит своими корнями к древнегреческой. Вместе с ними Ниведита участвовала в разработке программ для индийских национальных школ искусств.

Важной составной частью программы возрождения нации Ниведита считала развитие индийской отечественной науки. Используя все возможности, она на протяжении многих лет и вплоть до последних своих дней помогала известному индийскому ученому Дж. Босу начиная с 1902 г. в его работах над такими темами, как «Живое и неживое», «Жизнь растений», «Сравнительная электрофизиология». В 1907 г. д-р Бос стал руководителем Национального исследовательского института, о котором так мечтала Ниведита. Позднее, уже в 1937 г., он писал о ней в одном из своих писем: «Сестра Ниведита была чрезвычайно заинтересована в возрождении интеллектуальных исследований в Индии, и именно ее непоколебимая вера в возможности современной науки и той роли, которую призваны сыграть в ее развитии индийские ученые, привели меня к идее создания национального исследовательского института» (цит. по: [Atmaprana, 1977, p. 244]).

Во время пребывания в Лондоне Ниведита несколько раз встречалась с Петром Кропоткиным. Они подолгу беседовали, и позднее она подготовила к печати несколько статей по итогам состоявшихся дискуссий, которые были опубликованы в газете 'Modern Review'. В них речь шла о методах и формах работы среди крестьянских масс в России, какими они виделись русскому философу, его анализе причин и результатов первой русской революции 1905 г., традиционных формах деревенского самоуправления, во многом схожих в России и Индии, а также его взглядах по вопросам революционной работы среди городского населения. В трудах русского мыслителя ей очень хотелось отыскать типологические параллели между сельскими общинами в России и Индии, обнаружить некое сходство, которое могло бы позволить применять на практике взгляды русского мыслителя в Индии.

И это ей удавалось: в работах Петра Кропоткина она находила немало размышлений русского мыслителя о способности людей, объединенных в традиционные формы общественного устройства, в том числе деревенские общины, к самоорганизации и самостоятельному существованию,

без вмешательства извне со стороны государства. В одной из них — «Хлеб и воля», опубликованной в Лондоне, Кропоткин писал: «Русская община, как это доказывают целые тома исследований, производит меньше перемещений с одного участка земли на другой, чем частная собственность с ее судебными разбирательствами. Отчего же жители большого города должны непременно оказаться глупее или неспособнее к организации, чем русские или индийские крестьяне?» [Кропоткин, 1902, с. 107].

Последние годы жизни и борьбы

В середине июля 1909 г. сестра Ниведита под вымышленным именем вернулась в Индию. В шикарном одетой европейской женщине в модной шляпке с плюмажем из перьев, стоящей на палубе первого класса корабля, пришвартованного в бомбейском порту, никто не мог узнать монахиню Ниведиту. Эти меры предосторожности были вовсе не напрасны. Друзья сообщали ей, что полиция намерена арестовать ее сразу же после прибытия в Индию [Reymond, 1953, p. 345]. Благодаря предпринятым мерам предосторожности все прошло гладко, а далее тщетно разыскиваемая полицией революционерка в отдельном купе в сопровождении слуги, как было положено знатным европейским дамам, прибыла в Калькутту. Поселившись здесь в районе Багх Базар, она три недели ради соблюдения конспирации сохраняла инкогнито и ни с кем, кроме самых приближенных соратников, не общалась.

Скрываясь от преследований, она тем не менее была преисполнена решимости продолжать борьбу. Идеи ее российского единомышленника казались ей необычайно актуальными для Индии, и поэтому она буквально сразу же опубликовала отрывки из его книги «Записки революционера», а позже, в 1910 г., продолжила знакомить бенгальскую аудиторию с его трудами под заголовками «Кропоткин о свободном труде», «Книга Кропоткина о капитале», «Кропоткин об обществе будущего».

Но она вернулась в непростое для индийских патриотов время: репрессии колониальных властей против бенгальских революционных группировок усилились, участились обыски и аресты. Были схвачены многие ее соратники по борьбе, в том числе ее близкий и преданный друг Бариндра Кумар Гхош, известный своими радикальными взглядами, тесно граничащими с тактикой физического устранения политических оппонентов. По резонансному «алипурскому бомбистскому делу» (Alipore Bomb Case) он оказался за решеткой. Вместе со своим старшим братом он был схвачен и приговорен в 1908 г. к смертной казни. Суровый приговор был заменен на пожизненное заключение в неприступную тюрьму на Андаманских островах. Оттуда он, тем не менее, все равно бежал, но был снова пойман и заключен в одиночную камеру в Алипуре и только в 1920 г. попал под амнистию. Бариндра Гхош был признан британскими властями главным заговорщиком — утверждалось, что именно он, разъезжая по различным округам Бенгалии, создал сеть центров, которые вербовали радикально настроенных молодых людей для вооруженной борьбы с властями.

В этот скандальный эпизод оказался вовлеченным и монашеский Орден Рамакришны, по судебному делу проходили двое из его послушников — Деваврата Бос и Сачиндранатх. Хотя из-за отсутствия прямых улик их освободили, сам монастырь попал в «черные списки», и над ним было установлено неусыпное полицейское наблюдение.

Кроме того, в застенках оказался также ее единомышленник, известный индийский политический и общественный деятель Бал Гангадхар Тилак. Она продолжала общаться с ним, хотя посещения заключенного были строго запрещены. Оставалось лишь только передавать короткие записки, в чем помогал сотрудник газеты «Маратта», основанной этим индийским лидером [Reymond,

1953, р. 346]. Судя по письмам Ниведиты тех лет и оценкам людей, близко знавших ее, она испытала глубокий шок — освободительное движение в Бенгалии, на которое она возлагала столько надежд, в организацию которого она вкладывала столько душевных сил, резко пошло на спад. Это был серьезный удар.

Но вскоре «забрезжил свет в конце тоннеля»: под давлением бенгальской прогрессивно настроенной общественности в 1909 г. из тюремного заключения был выпущен на свободу Ауробиндо Гхош, и их сотрудничество продолжилось с удвоенной энергией. Индийский политик начал издавать две еженедельные газеты — «Карма-йогин» на английском и «Дхарма» на бенгали. Ниведита принимала в этом самое деятельное участие и сама часто выступала на их страницах. Направленность этих печатных органов не носила политического характера — значительная часть публикаций была посвящена учению Рамакришны-Вивекананды, философским размышлениям о йоге и пониманию такого всеобъемлющего понятия индуизма, как дхарма. В те годы Ауробиндо был для нее кумиром, он представлялся ей «воплощением самой жизни, его идеи казались ей подобными свежей поросли, которая всходит на древней земле Индии, логическим и страстным воплощением учения ее гуру» [Там же, р. 348].

Известный политик действительно был тогда искренне увлечен и буквально заворочен глубинным смыслом учения Рамакришны. «...Высоко образованным людям, гордости университетов, познавшим все, что только способна дать Европа, есть чему поучиться у него; им следовало бы припасть к ногам этого аскета, — писал он. — Работа по духовному раскрепощению, возрождению Индии (на основе этого учения) только начинается... Все то, что воспринял Вивекананда и пытался воплотить в жизнь, еще не осуществилось» [Там же, р. 349]. Это обстоятельство естественным образом сближало Ауробиндо с Ниведитой, которая, несмотря на свое публичное дистанцирование от деятельности монашеского Ордена и погружение в активную политику, в душе оставалась верна заветам и наставлениям своего любимого учителя.

В 1909 г., когда колониальное правительство вознамерилось провести в стране реформы Морли-Минто¹⁵, которые в целом были поддержаны ИНК, в жизни Ауробиндо Гхоша намечился ключевой поворот: он опубликовал в «Карма-йогине» статью, в которой предостерегал индийскую общественность от излишних иллюзий насчет предлагаемых преобразований. Он утверждал, что их осуществление может только отсрочить обретение Индией независимости, воздвигнуть препятствия на пути достижения заветной цели — обретения свободы от иноземного господства. Бескомпромиссная позиция Гхоша вновь привлекала внимание колониальной администрации, и было принято негласное решение депортировать бунтаря из страны. Узнав об этом, Ниведита предупредила его и посоветовала на время скрыться. Вместо этого он опубликовал в своей газете еще более дерзкую статью под заголовком «Открытое письмо англичанам», которая очень сильно взбудоражила патристически настроенную общественность. Его соратница приложила максимум усилий, чтобы эта статья была перепечатана также и в английской прессе.

Тучи над Ауробиндо начали сгущаться, и ситуация достигла критической точки в начале 1910 г., когда власти собрались произвести обыск в редакции «Карма-йогина», арестовать редактора и депортировать его из страны. Узнав об этом через своих друзей в Департаменте криминальных расследований (Criminal Investigation Department), Ниведита, судя по всему, предупредила его, и он решил тайно уехать из Калькутты на французскую территорию в Пондишерри. Сам

¹⁵ Реформы Морли-Минто, также известные как Закон об индийских советах 1909 г., планировалось осуществить по инициативе государственного секретаря по делам Индии лорда Джона Морли и вице-короля лорда Минто. Цель преобразований состояла в расширении полномочий местных органов управления — законодательных советов с целью удовлетворить требования умеренных членов Индийского национального конгресса и обеспечить видимость участия граждан Индии в решении административных вопросов.

Ауробиндо, впрочем, в автобиографической работе «Шри Ауробиндо о себе и Матери» отрицал причастность Ниведиты к этому эпизоду в своей жизни. Расставить все точки над «I» в этой истории сложно. Не исключено, что публичное отрицание было связано с нежеланием в очередной раз скомпрометировать монашеский Орден Рамакришны, — от Маргарет ниточка могла бы потянуться к этой организации. Высказывается и иное предположение — о неминуемом аресте его мог предупредить один из монахов по имени Гонен Махараджа. Подставлять эту уважаемую организацию Ауробиндо очень не хотел — он, как известно, поддерживал с ней тесные контакты и неоднократно брал благословение у духовной супруги Рамакришны — Шри Сарады Деви.

Существует и иное объяснение внезапного самоустранения Ауробиндо от активной политики, которое для окружающих выглядело неожиданным, но на самом деле было вполне осознанным и глубоко прочувствованным выбором иного жизненного пути. Он сам писал о том, что, находясь в заключении, в процессе глубокой медитации обрел некий духовный опыт, ему открылось чудесное божественное видение и он пережил своего рода духовный катарсис, который полностью трансформировал его, раскрыв перед ним истинный смысл существования и его новой духовной миссии в этом мире. Тайно отправившись в Пондишерри с твердым намерением основать там собственный ашрам, в наскоро набросанной перед отъездом записке он поручил Ниведите выполнять обязанности по изданию «Карма-йогины». Этот наказ она честно исполнила, обеспечив выход в свет газеты вплоть до ее запрета в апреле 1910 г.

В одном из последних выпусков этого издания, увидевшем свет 12 марта 1910 г., под своим именем, что случалось не так уж часто, она опубликовала своего рода политическое завещание. Это был последний мощный, преисполненный веры и страсти аккорд, предварявший ее полное отречение от политической активности. Свое эмоциональное обращение она сопроводила флагом независимой Индии, каким он ей представлялся — двумя перекрещивающимися в виде креста *ваджрами* — мифическим оружием индусских богов, изображенными на красном фоне [Antarjana, 1977, p. 194].

Оно стоит того, чтобы его процитировать полностью:

«Я верю, что Индия целостна, неубиваема и неделима. Национальное единство зиждется на общем доме, единых помыслах и взаимной любви.

Я верю, что могущество, заключенное в *ведах* и *упанишадах*, оплодотворившее религию и породившее империи, движущее штудиями ученых и вдохновившее медитацию святых, вновь рождается среди нас, и имя ему — Национальность.

Я верю, что современная Индия глубоко коренится в ее прошлом и ее ждет блистательное будущее.

О Национальность, приди ко мне в радости и печали, в гордости и стыде! Да воцарится Твое царство!» (цит. по: [Reymond, 1953, p. 351]).

Скорее всего, она догадывалась о душевном состоянии своего ближайшего сподвижника и могла предположить, что рано или поздно он все равно оставит избранный в молодости путь и выберет для себя иное жизненное предназначение. И тем не менее его тайный отъезд, когда она осознала, что его больше рядом нет и никогда уже больше не будет, как будто что-то надломил в ней, психологически она была раздавлена и ощущала себя потерянной, начисто лишенной всегда поддерживающей ее в жизни веры в свои идеалы. По сути дела, ей пришлось второй раз в жизни пережить крах своих надежд — впервые, когда после ухода из жизни ее учителя Вивекананды она неистово трудилась, искренне веря, что она продолжает его миссию, но вдруг отчетливо поняла, что даже ее самые ближайшие соратники и друзья не воспринимают ее в таком качестве, и сейчас, когда обрушились ее активные усилия, направленные на скорое обретение Индией политической

независимости. Абстрагировался от политики не только Ауробиндо — практически все освободительное движение в Бенгалии, которому она отдала столько сил и энергии, очень быстро затухало и сходило на нет.

Духовное напряжение и сосредоточенность на достижении поставленных целей, энергия, которую она вкладывала в свою работу, потрясающая способность преодолевать любые трудности и препятствия на пути к достижению задуманного — все это в одночасье рухнуло. Но вместо типичной фрустрации, характерной для западного менталитета, в процессе медитации на берегу Ганги она ощутила неопишное чувство освобождения от мирских забот и суеты, обрела то самое спокойствие разума и освобождение от любых эмоций, к чему стремился, особенно в последние годы жизни, ее учитель Вивекананда, что составляет кульминацию йогической практики. Родилась, по сути дела, совершенно иная женщина, которой, увы, суждено было прожить совсем немного [Reymond, 1953, p. 353].

Поэтому Ниведита с радостью приняла приглашение близкого друга, известного ученого Джагдиша Боса, отправиться в жаркие летние месяцы к святым местам в Гималаи. Путь лежал в Кедарнатх и Бадринах. Для нее это 48-дневное путешествие было подобно глотку свежего воздуха, она ощущала себя будто заново родившейся, проводила много времени в созерцании священных гималайских вершин и медитации. Для семьи Босов — его самого, супруги и племянника это было просто поразительно: они видели перед собой совершенно иную женщину; она полностью преобразилась и как будто бы вся светилась изнутри, хотя порой медитативное состояние прерывалось, и она могла, как и прежде, вести со своим ученым другом разговоры о науке, женском образовании. По возвращении она еще какое-то время продолжала заниматься делами своей школы для девочек, молодых вдов и сирот, но уже не хватало прежней энергии и энтузиазма, не было той неодолимой внутренней движущей силы, которую она ощущала ранее. К тому же руководство этим заведением она уже фактически передала одному из молодых послушников Ордена.

Несмотря на стремление отрешиться от мирских проблем, она исполнила свой долг перед учителем — собрала и опубликовала многие из его лекций на Западе, обрывочно и наспех записанные во время его выступлений, а главное, отредактировала и опубликовала две из четырех частей, составляющих квинтэссенцию его взглядов — «Карма-йога» и «Джняна-йога». Она и сама продолжала работать — писала статьи об образовании в Индии, истории этой страны и стоящих перед ней проблемах. Особый интерес представляют ее «Дневники», где она на протяжении многих лет скрупулезно фиксировала политические события, в которые была вовлечена, в том числе взаимодействуя с лидерами ИНК.

Угасающая активность внезапно оказалась прерванной — находясь в Дарджилинге, Ниведита получила извещение — ее ближайшая американская подруга, г-жа Бул-старшая, которую Вивекананда называл своей «второй матерью», находится при смерти и просит ее приехать. Бросив все, она снова отправилась в далекое плавание в Бостон. Эта поездка оказалась для нее очень тяжелой. Г-же Бул уже ничем нельзя было помочь, и она скончалась, рассудок ее дочери — Оле Бул, с которой она всегда была очень близка и много переписывалась, помутился, и она покончила жизнь самоубийством. Надо было возвращаться в Индию. По пути она остановилась в Англии, где ее друзья уговаривали остаться еще на какое-то время, чтобы принять участие в готовящихся мероприятиях, но она категорически отказалась. 7 апреля 1911 г. она в последний раз ступила на землю Индии в бомбейском порту.

Фото 3. Г-жа Сара Чапман Бул. Источник: [Burke, 1985, p. 336].

Удары судьбы и тяжелые испытания, выпавшие на ее долю, окончательно сломили эту сильную и волевою женщину. По возвращении в Индию она вела затворническую жизнь — не выходила из дома, ни с кем не встречалась и не общалась, не принимала никаких приглашений. Отдушиной показалось предложение ее друзей — супругов Босов на лето поехать в Дарджилинг. Она согласилась, но эта поездка оказалась для нее последней — она тяжело заболела дизентерией, а вылечить это заболевание в те годы в горах было невозможно. Нужно было срочно спускаться в долину, где был стационарный госпиталь, но времени на это многодневное путешествие на лошадях уже не оставалось.

13 октября 1911 г. сестра Ниведита, урожденная Маргарет Ноубл, скончалась. Ей было всего сорок четыре года. Духовную дочь Свами Вивекананды по индусскому обычаю со всеми почестями предали погребальному огню там же, в Дарджилинге. Частицы пепла по традиции были захоронены в священных и почитаемых местах — в основании храма Вивекананды в Белур Матхе, в фундаменте национального исследовательского центра имени Дж. Боса в Калькутте в 1915 г., а также в ее родных местах — в Ирландии в фамильном склепе.

«Жизнь, которую сестра Ниведита отдала нам, — писал Рабиндранат Тагор, — была воистину великой... она всю себя полностью отдала делу служения Индии и ничего не оставила для себя. Каждодневно и ежеминутно она жертвовала ради этого всем, что было в ней самого возвышенного и благородного... претерпевала все лишения и страдания, которые только может выдержать человек. Решимость отдать все что угодно ради этого, нисколько не забоясь о себе, буквально переполняла ее... Она, по сути дела, считала себя матерью всех граждан (Индии)... Нам не приходилось до сей поры видеть такого воплощения чувства материнства, которое преодолевало бы границы семейных уз и охватывало целую страну... Я видел, *как* она смотрела на обычных бедных людей, *как* прикасалась к ним, а не просто их визуализировала. Такое почтение, с которым она относилась к мусульманским нищенкам, проживающим в жалких лачугах, просто невысказанно для обычного человека:

осознавать, что в каждом, даже самом презренном члене сообщества, заключается все величие человечества — воистину великий дар» (цит. по: [Atmaprana, 1977, p. 204]).

Эту цитату поэта-философа, лауреата Нобелевской премии, приводит в своем исследовании жизни и деятельности Сестры Ниведиты бенгальский ученый Правраджелика Атмапрана. Источник — сборник эссе Рабиндраната Тагора «Вишва Паричай», изданный на бенгали в 1937 году, в который были включены его работы на тему взаимосвязи естественных наук и философии, пока доступен только в оригинале. В 8-томное собрание сочинений Тагора, изданное на русском языке в 1955 г., и 12-томное собрание сочинений, вышедшее в свет в 1965 г., эти работы включены не были. В 2017 году было объявлено, что Центр естественных наук и философии имени Тагора (TCNSP) в Калькутте возьмет на себя задачу перевода «Вишва Паричай» на английский и другие языки народов мира, однако этот проект до сих пор так и не был реализован.

Гений индийской литературы сформулировал свое мнение, как всегда, предельно ясно и емко. Считается, что именно он впервые назвал ирландскую бунтарку Маргарет Ноубл *локматой*, что в переводе может означать «мать народа», и с тех пор этот возвышенный собирательный термин прочно вошел в употребление и стал неразрывно ассоциироваться с именем Ниведиты, которое она приняла в монашестве.

Литература / References

Ганди Мохандас Карамчанд. *Моя жизнь*. М.: Издательство восточной литературы, 1959 [Gandhi Mohandas Karamchand. *My life*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1959 (in Russian)].

Кропоткин Петр. *Хлеб и воля*. Лондон: Издание Группы русских коммунистов-анархистов, 1902 [Kropotkin Peter. *Bread and Freedom*. London: Published by a Group of Russian Communist Anarchists, 1902 (in Russian)].

Райков А. В. *Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу*. М.: Наука, 1979 [Raikov A. V. *National Revolutionary Organizations of India in Struggle for Freedom*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Atmaprana Pravrajika. *Sister Nivedita of Ramakrishna-Vivekananda*. Calcutta: Sister Nivedita Girls' School, 1977.

Basu Sankari Prasad. *Nivedita Lokmata*. Vol. 2. Calcutta: Ananada Publishers, 1995.

Basu Sankari Prasad. *Swami Vivekananda in Contemporary Indian News 1893–1902: with Sri Ramakrishna and mission*. Calcutta: Ramakrishna Mission Institute of Culture, 1997.

Basu Sankari Prasad. *Letters of Sister Nivedita*. Vol. 1. Calcutta: Navbharat Publishers, 1982.

Burke Marie Louise. *Swami Vivekananda in the West. New Discoveries*. Vol. 3, 6. Calcutta: Advaita Ashrama, Mayavati, 1985.

Kali The Mother by Sister Nivedita of the Order of Ramakrishna. Calcutta: Wan Sonnenschein and Co., 1900.

Religion and Dharma by Sister Nivedita (Margaret Noble). New York, Bombay, Calcutta and Madras: Longmans Green and Co, 1915.

Reymond Lizelle. *The Dedicated. A Biography of Nivedita*. New York: The John and Company, 1953.

Sarkar Sumit. *The Swadeshi Movement in Bengal (1903–1908)*. New Delhi: People's Publishing House, 1973.

Sister Nivedita, Civic and National Ideals. Published by Brahmachari Gonendra Nath. Calcutta: Udbodhan Office, Baghbazar, 1978.

Swami Gambhirananda. *History of Ramakrishna Math and Ramakrishna Mission*. Calcutta: Advaita Ashrama, 1983.

The Complete Works of Swami Vivekananda. Calcutta: Advaita Ashrama, Mayavati, 1989.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ИТОГИ (К 80-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

© 2025

А. В. Болдырев¹

В настоящей статье рассматриваются основные проблемы советско-турецких отношений в годы Второй мировой войны. Среди таких проблем следует выделить традиционную проблему черноморских проливов, «туранский вопрос», а также вопрос о намерении Турции вступить в войну против Советского Союза. Основные принципы турецкого нейтралитета были сформулированы еще в 1940–1941 гг. Не могло быть и речи о вступлении Турции в войну на стороне «оси» ни в 1940–1941 гг., ни в дальнейшем. В той нестабильной ситуации для неокрепшей региональной державы, которую представляла из себя Турция, это была единственно возможная линия поведения. На решение Турции влияла не только внешнеполитическая ситуация, но и военно-техническая отсталость страны. Турецкие историки подчеркивают, что реалистичная оценка Турцией своего военного потенциала была важным фактором в решении Анкары не ввязываться в войну. В соответствии с этим политика Турции строилась по принципу «приоритетного партнерства». Тем не менее суверенитет Турции в период войны был прогерманским, поскольку турки проявляли симпатию к Германии с самого начала войны. При этом даже в республиканские времена турки видели в Советском Союзе наследственного врага, что трансформировало турецкую внешнюю политику в антисоветском духе. Поэтому нападение Германии на Советский Союз стало огромным облегчением для Турции. Подводя итоги, следует отметить, что турецкая историография Второй мировой войны во многом носит оправдательный характер, а Турецкая Республика лишь внешне была нейтральным государством. Урок Первой мировой был, однако, хорошо усвоен анкарскими руководителями, о чем свидетельствовала политика Турции в 1939–1945 гг. Однако политика «активного суверенитета», которая помогла Анкаре усидеть «на двух стульях», обрекла страну на то, чтобы в течение нескольких послевоенных лет пребывать в состоянии «политического одиночества».

Ключевые слова: Турция, Советский Союз, Вторая мировая война, черноморские проливы, «туранский» вопрос, турецкий нейтралитет

Для цитирования: Болдырев А.В. Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны и ее итоги (к 80-летию окончания Второй мировой войны). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 52–59. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-052-059

¹ Болдырев Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru
Andrey V. Boldyrev, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow;
boldirew.andrei2011@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3982-2848

TURKEY'S FOREIGN POLICY DURING WORLD WAR II AND ITS RESULTS (FOR THE 80TH ANNIVERSARY OF THE END OF WORLD WAR II)

Andrey V. Boldyrev

This article examines Soviet-Turkish relations during World War II. Among such problems, the Black Sea straits, the “Turanian question” and the question of Turkey’s neutrality should be highlighted. The principles of Turkish neutrality were formulated in 1940–1941. There was no talk of Turkey entering the war on the side of the “axis”. In that unstable situation, this was the only possible course of action for a fledgling regional power. Turkey’s decision was influenced not only by the foreign policy situation, but also by the country’s military-technical backwardness. Turkish historians emphasize that Turkey’s realistic assessment of its military potential was an important factor in Ankara’s decision not to get involved in the war. Accordingly, Turkey’s policy was built on the principle of “priority partnership”. Nevertheless, Turkey’s sovereignty during the war was pro-German since the Turks showed sympathy for Germany from the very beginning of the war. At the same time, even in republican times, the Turks saw the Soviet Union as a hereditary enemy, which transformed Turkish foreign policy in an anti-Soviet spirit. Therefore, Germany’s attack on the Soviet Union was a great relief for Turkey. In conclusion, it should be noted that Turkish historiography of World War II is largely justifying, and the Turkish Republic was only outwardly neutral. The lesson of World War I was, however, well learned by the Ankara leaders. The policy of “active sovereignty” helped Ankara to sit “on two chairs”, but doomed the country to a state of “political loneliness” for several post-war years.

Keywords: Türkiye, Soviet Union, World War II, Black Sea Straits, “Turanian” question, Turkish neutrality

For citation: Boldyrev A. V. Turkey’s Foreign Policy During World War II and Its Results (For the 80th Anniversary of End of World War II). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 52–59. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-052-059

В статье рассматриваются основные проблемы советско-турецких отношений в годы Второй мировой войны. Среди таких проблем следует выделить традиционную проблему черноморских проливов, «туранский вопрос», а также вопрос о намерении Турции вступить в войну против Советского Союза. В начальный период Второй мировой войны 26 июня 1940 г. премьер-министр Турции Рефик Сайдам заявил, что Турция вступит в войну только в случае нападения на нее СССР [Россия и исламский мир, 2010, с. 354]. 22 июня 1941 г. Турция объявила о нейтралитете в войне между Германией и Советским Союзом. Основные принципы турецкого нейтралитета были сформулированы еще в 1940–1941 гг., в один из самых тяжелых периодов для Турции ввиду падения Франции и распространения войны на Балканы. Как писал журналист-исследователь Алтемур Кылыч, не могло быть и речи о вступлении Турции в войну на стороне «оси» ни в 1940–1941 гг., ни в дальнейшем [Kılıç, 1959, p. 110–112]. Позиция Турции была встречена негативно странами «оси», которые обвиняли ее в том, что та пытается избежать войны, преувеличивая потенциальную угрозу для себя со стороны СССР². Однако в той нестабильной ситуации для неокрепшей региональной державы, которую представляла из себя Турция, это была единственно возможная линия поведения [Козджаз, 2021, с. 167]. На решение Турции влияла не только внешнеполитическая ситуация, но и военно-техническая отсталость страны. Турецкие

² Однако Германия желала присоединения Турции к державам «оси». Поэтому после захвата Франции Германия опубликовала трофейные документы французского Генерального штаба об англо-франко-турецких переговорах относительно предполагаемых военных действиях в советских нефтяных районах на Кавказе (в Баку и Грозном). Вопреки тревожным ожиданиям Турции советское правительство проявило в этой ситуации выдержку и не поддалось на провокации [Мусаева, 2023, с. 110].

историки Мурат Онсой и Гюрол Баба подчеркивают, что реалистичная оценка Турцией своего военного потенциала была важным фактором в решении Анкары не ввязываться в войну [Önsoy, Baba, 2019, p. 123–124]. Турция обладала самой большой армией в регионе, но она не была модернизирована. Большая часть военной техники страны устарела³. До 1930-х гг. турецкое руководство отдавало приоритет экономическому развитию. Ускоренные темпы военной модернизации начались только в 1930-х годах с эскалацией международных конфликтов [Önsoy, Baba, 2019, p. 123–124]. В связи с этим Турция старалась принизить свое значение как военного союзника. В дальнейшем «германская угроза» была основным аргументом в пользу турецкого нейтралитета в отношениях Турции с западными участниками антигитлеровской коалиции [Davut Han, Bugra, 2014, p. 147].

В соответствии с этим политика Турции строилась по принципу «приоритетного партнерства». Анкара проводила политику «равновесия», присоединялась к сильнейшей стороне, не прерывая при этом отношений и с другой. Профессор Университета Сельджук Шабан Чалыш считает, что суверенитет Турции в период войны был прогерманским, подчеркивая, что турки «проявили свою симпатию к Германии в этой войне с самого ее начала». Поэтому Турция не разорвала дипломатические и торговые отношения с Германией до 1944 г., несмотря на огромное давление западных держав во время войны [Çalış, 1997, p. 105]. Исследователи Аслан Давут Хан и Сельджук Бугра подчеркивают, что разрыв отношений с Германией и Японией и объявление войны Берлину и Токио произошли прежде всего из-за давления со стороны западных держав [Davut Han, Bugra, 2014, p. 138–139].

Нападение Германии на Советский Союз стало огромным облегчением для Турции. Помимо материальных причин это проистекало из-за того, что даже в республиканские времена турки видели в Советском Союзе наследственного врага. В Турции опасались, что в случае победы СССР он станет доминировать в Восточной Европе, установив свои правила в черноморских проливах. Наличие советского фактора трансформировало турецкую внешнюю политику в антисоветском духе. Подобный негатив в отношении СССР подтверждается во многих турецких работах [Parıççular, 2017, p. 7–8; Çalış, 1997, p. 106; Козджаз, 2021, с. 167–168]. Так, согласно утверждению А. Кылыча, в начале войны президент Турции Исмет Инёню откровенно говорил германскому послу Францу фон Папену, что Турция заинтересована «в полном уничтожении русского колосса». При этом А. Кылыч делал оговорку, что это было лишь личным мнением турецкого президента и не может рассматриваться как желание Турции принять участие в войне против Советской России [Kılıç, 1959, p. 94–95]. Доцент Университета Кадыр Хас Онур Ишчи также утверждает, что новость о нападении Германии на СССР приветствовали лишь наиболее реакционные круги [İsci, 2014, p. 101].

Таким образом, отмечается враждебное отношение Анкары к Советскому Союзу на начальном этапе войны при отсутствии его демонстративного выражения.

³ Турецкий флот к 1 августа 1939 года состоял из 1 линейного крейсера, 2 крейсеров, 8 подводных лодок, 4 эсминцев, 2 сторожевых кораблей и 2 торпедных катеров. Флагманом, как и в Первую мировую войну, был линейный крейсер «Гебен». К его устаревшему вооружению была добавлена лишь зенитная артиллерия из 4 орудий и 12 зенитных автоматов. Кроме того, у турок было 2 старых легких крейсера «Хамидие» и «Меджидие» постройки 1901–1904 гг. Боевую ценность они представляли только при защите берегов. 8 турецких подводных лодок были построены с 1928 по 1939 г. Их вооружение составляли 6 торпедных аппаратов. Перед войной Турция заказала три подводные лодки и четыре эсминца в Англии. Они были переданы Турции лишь в 1945 г. Турецкая армия в 1938 г. насчитывала 20 тыс. офицеров и 174 тыс. солдат. В конце 1941 г. была проведена мобилизация, которая позволила сформировать еще 45 дивизий. Однако техническое оснащение и выучка турецких войск оставляли желать лучшего [Ширококоряд А. Б. Нерешительный враг, ненадежный союзник. Загадки турецкого нейтралитета во Второй мировой войне. Независимое военное обозрение. 10.12.2020. URL: https://nvo.ng.ru/history/2020-12-10/12_1121_history.html?ysclid=m2jiqspde512291319 (дата обращения: 10.02.2025)].

Среди основных проблем советско-турецких отношений следует выделить традиционную проблему черноморских проливов, а также «туранский вопрос», что применительно к указанному периоду следует рассматривать как претензию наиболее реакционных кругов турецкого правительства на тюркоязычные территории Советского Союза.

Касаясь проблемы проливов в довоенный период, исследователь Огулджан Йылдырым утверждает, что источником советско-турецких осложнений было стремление Советского Союза контролировать черноморские проливы⁴. Этому способствовали настойчивые попытки Москвы изменить режим конвенции о проливах 1936 г. в свою пользу. Подспудный страх Анкары перед советской угрозой отмечается всеми турецкими исследователями. С другой стороны, стремление Москвы «переписать» неудобные положения конвенции Монтрё объяснялись опасениями по поводу возможного тайного транспортирования оружия и припасов на гражданских судах [Кайгусуз, 2017, с. 37.]. Эти опасения в полной мере подтвердились в период войны в Черном море. По мнению турецкого ученого и политолога Халука Улмана, поскольку конвенция полностью не запрещала проход военных кораблей нечерноморских стран, беспокойство Москвы оказало отрицательное влияние на советско-турецкие отношения в годы Второй мировой войны [Кайгусуз, Рыжов, 2017, с. 113]. Российский исследователь А. А. Ирхин полагает, что в период московских переговоров 1939 г. советская элита по сути требовала гарантий, что в случае войны Турция не пропустит военные корабли нечерноморских государств через Босфор в Черное море [Ирхин, 2017, с. 80].

Что касается «туранской» проблемы, то следует сразу оговориться, что турецкие историки не отрицают, что она имела место. Так, Ш. Чалыш отмечает, что хотя пантюркизм был отвергнут кемалистской Турцией, заинтересованность Анкары в разгроме СССР вновь выдвинула данное идеологическое течение на передний план [Çalış, 1997, р. 106]. А. Кылыч, в свое время изучивший этот вопрос, также отмечал, что в рассматриваемое время пантуранизм еще не умер. Он писал, что успехи Германии на Восточном фронте подстегнули «дремлющие амбиции туранизма в Турции» [Kılıç A., 1959, р. 92–93]. В июле 1941 г. журнал «Бозкурт» опубликовал статью «Пантюркизм ждет» с картой «Великой Турции», в состав которой были включены Закавказье и Средняя Азия⁵. Турецкий исследователь Умит Козджаз полагает, что в рассматриваемый период в Турции существовали националистические и туранские движения, по мнению которых перед Турцией в случае победы Германии могли возникнуть перспективы объединения с тюрками Средней Азии⁶.

Ш. Чалыш указывает также на то, что ностальгия по объединенному тюркскому миру успешно поощрялась немцами [Çalış, 1997, р. 106]. Были предприняты попытки убедить высшее руководство в Анкаре в пользу более активной политики в интересах угнетенных тюрков в России. Но, подчеркивает Ш. Чалыш, они никак не повлияли на президента И. Инёню [Çalış, 1997, р. 106]. Поэтому вопрос о том, насколько турецкое правительство в целом было вовлечено в пантюркистскую деятельность, остается открытым.

Аргументация, что идея пантюркизма имела исключительно неофициальный характер, получила поддержку и среди европейских исследователей. Британский историк Уильям Хейл указывал на то, что идея присоединения к Турции мусульманских территорий СССР была «протестирована»

⁴ Yıldırım O. War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII. URL: https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (дата обращения: 30.08.2020).

⁵ Широкопад А. Б. Нерешительный враг, ненадежный союзник. Загадки турецкого нейтралитета во Второй мировой войне. Независимое военное обозрение. 10.12.2020. URL: https://nvo.ng.ru/history/2020-12-0/12_1121_history.html?ysclid=m2jiqspld512291319 (дата обращения: 10.02.2025).

⁶ Козджаз У. Положение турецкой прессы и образ Советского Союза в турецкой прессе на самом начальном этапе Второй мировой войны. Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 1–7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26795 (дата обращения: 10.01.2020).

правительством через полуофициальные каналы [Hale, 2000, p. 91]. В связи с этим А. Кылыч считал, что единственное, что может быть поставлено в вину Турции, — это планы отдельных лиц из числа правительственной и военной элиты [Kılıç, 1959, p. 111–112].

Такая точка зрения присутствует и в российской историографии. В исследовании С. В. Кизюкова «Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции» «ренессанс» пантюркистских настроений в годы войны рассматривается как общественная тенденция, контролируемая турецким правительством [Кизюков, 2008, с. 111]. Историк Искандер Гилязов полагает, что турецкое правительство проявило осторожность и дистанцировалось от пантюркистов. Сам потенциал пантюркистского движения в Турции, по его словам, был невелик и сводился к деятельности отдельных лиц [Гилязов, 2002, с. 56, 59].

Есть и иная точка зрения. Е. В. Бахревский и И. А. Свистунова в монографии «Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние» отмечают, что в годы войны в Турции наблюдался расцвет деятельности пантюркистских организаций [Бахревский, Свистунова, 2019, с. 144]. Известный востоковед-турколог Н. Г. Киреев считал, что причиной возрождения идеологии пантюркизма стал отход от внешнеполитической доктрины Кемаля Ататюрка [Киреев, 2007, с. 244–249]. Исследователь Надежда Галиакбарова подчеркивает, что в отношении пантюркизма турецкое руководство не спешило занимать определенной позиции до тех пор, пока был неясен исход войны [Галиакбарова, 2008, с. 161–162].

В целом приходится констатировать, что практика турецкой дипломатии соответствовала политике двойных стандартов. При наличии пантюркистских амбиций среди части турецкой элиты правящие круги Турции тщательно обрабатывались германской пропагандой. Тем не менее к началу 1942 г. пантуранизм приобрел более осторожный характер. Причина состояла в том, что Германия постепенно отказывалась от идеи помощи Турции и в создании «туранского государства» [Kılıç, 1959, p. 223]. Помимо осторожного отношения к этому вопросу президента И. Инёню у А. Гитлера были собственные планы на Закавказье⁷.

После поражения Германии под Сталинградом Анкарой была предпринята попытка ликвидировать последствия «пантуранистских устремлений», серьезно осложнивших советско-турецкие отношения в 1941–1942 гг. Ввиду сближения Турции во второй половине 1944 г. с Великобританией и США возникла необходимость запретить пантуранистскую деятельность и принять меры для избавления от людей, которые были известны как пантуранисты, чтобы частично урегулировать отношения с Советским Союзом по этому вопросу [Çalış, 1997, p. 108]. Поэтому маршал Февзи Чакмак в 1944 г. был вынужден уйти в отставку с поста начальника Генерального штаба. В мае того же года были арестованы крупнейший турецкий идеолог и теоретик пантюркизма Нихал Ацыз и его соратники. Тем не менее, по словам Ш. Чалыша, русские не забыли «тюркистские подходы» некоторых кругов во время войны, что стало одной из причин изоляции Турции после войны [Çalış, 2014, p. 111].

Таким образом, следует согласиться с профессором Ш. Чалышем, который отмечал, что тюркизм в Турции не являлся чем-то новым: «Когда тюркисты видели подходящие международные условия, они начинали высказываться об идеалах тюркизма». Но поскольку Турция в экономическом и военном отношении не могла достичь объединения всего тюркского мира, идея перевести пантюркизм из теории в практику возникала только с помощью внешнего стимула [Çalış, 2014, p. 111].

⁷ Широкоград А. Б. Нерешительный враг, ненадежный союзник. Загадки турецкого нейтралитета во Второй мировой войне. Независимое военное обозрение. 10.12.2020. URL: https://nvo.ng.ru/history/2020-12-0/12_1121_history.html?ysclid=m2jiqspde512291319 (дата обращения: 10.02.2025).

Итак, расцвет пантюркизма получил распространение среди наиболее реакционных кругов турецкой элиты и не имел долгосрочной перспективы, усиливаясь благодаря распространившимся в период войны антисоветским настроениям. На первом этапе советско-германской войны Анкара в целом придерживалась политики нейтралитета, не исключая при этом возможности широких территориальных захватов, если бы к тому представилась возможность. Полуофициальное пантюркистское направление во внешней политике Турции с отказом от официальных претензий на территории советского Закавказья как нельзя лучше подходило для этого.

Тем не менее турецкие историки отрицают возможность советско-турецкого военного столкновения в 1941–1942 гг. Напротив, подчеркивается положительное значение нейтралитета Турции для Советского Союза. Аслыхан Гюдек из Эгейского университета в качестве доказательства приводит свидетельство посла СССР в Анкаре в 1940–1948 гг. С. А. Виноградова. В разговоре с И. В. Сталиным осенью 1942 г. советский посол категорически отверг возможность вступления Турции в войну на стороне Германии. По ее словам, И. В. Сталин убедился, что атаки с юга не будет, и перебросил советские войска, прикрывавшие границу с Турцией, на Сталинградский фронт⁸.

С этим согласны историки из стран бывшего Советского Союза, рассматривая возможность вступления Турции в войну на стороне Германии в разгар немецкого летнего наступления 1942 г. Исследователи из Казахстана Алтынай Молдадосова и Баглан Абдугулова на основе анализа архивных документов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) показали, что наиболее подходящим временем для вступления Турции в войну была осень 1942 г. В это время все ресурсы Закавказского фронта были брошены на то, чтобы сдержать прорвавшиеся к Сталинграду и Кавказу немецкие войска. Тем не менее Турция не воспользовалась этим моментом [Moldadosova, Abdugulova, 2017, p. 434].

Таким образом, политика Анкары в отношении Советского Союза представляется турецким историкам вполне нейтральной и даже благожелательной ввиду отказа от вступления в войну на стороне Германии в наиболее «горячий» для СССР период. С другой стороны, последнее не объясняет факта концентрации в это время турецких войск возле советско-турецкой границы, т. е. когда все силы Закавказского фронта были перебросены к Сталинграду [Moldadosova, Abdugulova, 2017, p. 434]. В российской историографии по Второй мировой войне дают более развернутый ответ на этот вопрос. Отмечается, что в конце 1941 г. турки подтянули 26 дивизий к границе с СССР. Всего после мобилизации в Восточной Турции находилось свыше 750 тыс. солдат⁹. По мнению исследователя С. И. Мусаевой, в начале 1942 г. Турция сконцентрировала эти войска на советско-турецкой границе по просьбе Германии, фактически обеспечивая поддержку немцам в предстоящих военных операциях на Кавказе [Мусаева, 2023, с. 111]. В ответ на это с 13 марта 1942 г. в Закавказском военном округе начали проводились штабные учения, в которых Турция выступила в роли вероятного противника. Летом 1942 г. на советско-турецкой и ирано-турецкой границах произошло несколько перестрелок между турецкими и советскими пограничниками, имелись жертвы. Ситуация оставалась напряженной вплоть до осени 1942 г., однако до войны дело так и не дошло.

Итак, «советский фактор» влиял самым непосредственным образом на степень нейтралитета Турции. При этом турецкие исследователи считают, что отношение Турции к СССР при общем «нерасположении» к Советскому Союзу носило ситуативный характер. Коренной перелом

⁸ Гюдек А. Влияние Второй мировой войны на внешнюю политику Турции. ИНОСМИ. 23.02.2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130223/206214145.html> (дата обращения: 01.01.2020).

⁹ Широкопад А. Б. Нерешительный враг, ненадежный союзник. Загадки турецкого нейтралитета во Второй мировой войне. Независимое военное обозрение. 10.12.2020. URL: https://nvo.ng.ru/history/2020-12-0/12_1121_history.html?ysclid=m2jiqspde512291319 (дата обращения: 10.02.2025).

в войне, обозначившийся после победы под Сталинградом, вынудил Анкару серьезно изменить курс своей внешней политики [Ulgul, 2010, p. 29].

Подводя итоги, следует прийти к выводу, что турецкая историография Второй мировой войны во многом носит оправдательный характер. Турецкие историки подчеркивают, что политика дружественных отношений с Германией была частью турецкого нейтралитета. Таким образом, Турецкая Республика лишь внешне была нейтральным государством. Последнее не подразумевало вступление Турции в войну на стороне Германии. Урок Первой мировой был хорошо усвоен анкарскими руководителями, поэтому не могло быть и речи о вступлении Турции в войну на стороне «оси» ни в 1940–1941 гг., ни в период военных успехов Германии на первом этапе советско-германской войны. Общий итог войны, тем не менее, был негативным для Турции. Политика «активного суверенитета» помогла Анкаре в трудное время усидеть «на двух стульях», однако обрекла страну на то, чтобы в течение нескольких послевоенных лет пребывать в состоянии «политического одиночества».

Литература / References

Галиакбарова Н. М. Идеология пантюркизма периода Второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей. *Уральское востоковедение: Международный альманах*. 2008. № 3. С. 155–164 [Galiakbarova N. M. The ideology of the Pantures of the period of World War II in the works of modern Turkish researchers. *Ural Oriental Studies: International Almanac*. 2008. No. 3. P. 155–164 (in Russian)].

Гилязов И. А. *Тюркизм: становление и развитие (характеристика основных этапов)*. Казань: Казанским гос. ун-т, 2002 [Gilyazov I. A. *Turkism: Formation and development (characteristics of the main stages)*. Kazan: Kazan State University, 2002 (in Russian)].

Кайгусуз Д. *Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017 [Kaigusuz D. *Turkish-Soviet relations in the context of the International Military-Political Confront (1920–1991)*. Diss. ... Cand. East. sciences. N. Novgorod, 2017 (in Russian)].

Кайгусуз Д., Рыжов И. Основные причины процесса трансформации турецко-советских дипломатических отношений 1936–1946 гг. *Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi / Journal of Turkish History Researches*. 2017. Yıl (Vol.) 2. Sayı (No). 2. Güz (Fall). S. 109–128 [Kaigusuz D., Ryzhov I. The main reasons for the process of transformation of Turkish-Soviet diplomatic relations 1936–1946. *Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi / Journal of Turkish History Researches*. 2017. Yıl (Vol.) 2. Sayı (no). 2. Güz (Fall). S. 109–128 (in Russian)].

Ирхин А. А. Внешнеполитическая стратегия Турции накануне и в период Второй мировой войны: модель не втягивания в мировой конфликт. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. Том 3 (69). 2017. № 3. С. 77–85 [Irkhin A. A. Foreign Political Strategy of Turkey on the eve of the Second World War: a model of non-drawing into world conflict. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadan philosophy. Political science. Culturology*. Vol. 3 (69). 2017. No. 3. S. 77–85 (in Russian)].

Кизюков С. В. *Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции*. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008 [Kizyukov S. V. *Evolution of the doctrinal foundations of the foreign policy of Turkey*. Diss. ... cand. polit. sciences. Moscow, 2008 (in Russian)].

Киреев Н. Г. *История Турции. XX век*. М.: Крафт + ИВ РАН, 2007 [Kireev N. G. *History of Turkey. XX century*. Moscow: Kraft + IV RAN, 2007 (in Russian)].

Козджаз У. Восприятие СССР в Турции и особенности политики нейтралитета Турции во время Второй мировой войны. *Человеческий капитал*. 2021. № 5 (149). С. 167–174 [Kozdzaz U. Perception of the USSR in Turkey and the features of the policy of the neutrality of Turkey during the Second World War. *Human capital*. 2021. No. 5 (149). P. 167–174 (in Russian)].

Мусаева С. И. Турция и ее политика нейтралитета накануне и в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.). *Современная научная мысль*. 2023. № 1. С. 106–113 [Musaeva S. I. Türkiye and its neutrality policy on the eve and during the Second World War (1939–1945). *Modern Scientific Thought*. 2023. No. 1. S. 106–113 (in Russian)].

Поцхверия Б. М. СССР и Турция в годы Второй мировой войны. *Россия и исламский мир: историческая перспектива и современные тенденции*. М.: Крафт + ИВ РАН, 2010. С. 354–364 [Potskhveria B. M. USSR and Türkiye during the Second World War. *Russia and the Islamic World: Historical Perspective and Modern Trends*. Moscow: Kraft + IV RAN, 2010. P. 354–364 (in Russian)].

Çalış Ş. Pan-Turkism and Europeanism: A note on Turkey's 'pro-German neutrality' during the Second World War. *Central Asian Survey* 1997. № 16 (1). P. 103–114.

Davut Han A., Bugra S. Reflections of the Second World War On Turkey's Foreign Policy. *Vistula University — Warsaw, Poland*. 2014. № 1 (39). P. 130–142.

Hale W. Turkish foreign policy 1774–2000. London & Portland, OR: Frank Cass, 2000.

İsci O. *Russophobic neutrality: Turkish diplomacy, 1936–1945. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History*. Washington: Georgetown University press, 2014.

Kılıç A. Turkey and the World. An appraisal of events and policies since World War II. Washington, D. C.: Public Affairs Press, 1959.

Moldadossova A. K., Abdugulova B. K. Relations between Turkey and the USSR at the Beginning of the Great Patriotic War. *Journal of Slavic Military Studies*. 2017. Vol. 30. Issue 3. P. 410–439.

Önsoy M., Baba G. Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II. *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD)*. 2019. Year 15. Issue 29. P. 123–147.

Papuççular H. Fragile Balances: Turkish Foreign Policy on the Sovereignty of the Dodecanese Islands (1940–1947). *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Journal homepage. 07 December 2017. P. 405–419.

Ulgul M. *The Soviet Influence on Turkish Foreign Policy (1945–1960). A Thesis submitted to the Interdisciplinary Program in Russian and East European Studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts*. Gainesville: Florida State University, 2010.

Электронные ресурсы / Online resources

Гюдек А. Влияние Второй мировой войны на внешнюю политику Турции // *ИНОСМИ*. 23.02.2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130223/206214145.html> (дата обращения: 01.01.2020).

Козджаз У. Положение турецкой прессы и образ Советского Союза в турецкой прессе на самом начальном этапе Второй мировой войны. *Исторический журнал: научные исследования*. 2018. № 5. С. 1–7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26795 (дата обращения: 10.01.2020).

Широкоград А. Б. Нерешительный враг, ненадежный союзник. Загадки турецкого нейтралитета во Второй мировой войне. *Независимое военное обозрение*. 10.12.2020. URL: https://nvo.ng.ru/history/2020-12-0/12_1121_history.html?ysclid=m2jiqspdle512291319 (дата обращения: 10.02.2025).

Yıldırım O. War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII. URL: // https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (дата обращения: 30.08.2020).

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО ОЧАГА»? СИРИЙСКИЙ ХАУРАН 1940-х ГОДОВ ПОД ПРИЦЕЛОМ ЕВРЕЙСКОЙ «КОЛОНИЗАЦИИ»*

© 2025

А. В. Сарабьев¹

Повышенный интерес со стороны еврейских поселенцев к сирийскому Хаурану анализируется в рамках исторического явления сионистской «колонизации» ряда ближневосточных территорий. 40-е годы XX века ознаменовали окончание фазы, заключавшейся в скупке земель, и переход к методам военной экспансии. В отношении Хаурана силовая экспансия не велась вплоть до смены власти в Сирии в декабре 2024 г. Тем самым наблюдаемые ныне явления продолжают общую тенденцию, заложенную еще в первой половине XX в. В статье приводятся документы на момент окончания британского мандата в Палестине, в которых отражена безуспешная попытка апелляции сионистов в условиях пересмотра новыми сирийскими властями еврейско-османских сделок и договоров. Еврейское колониционное общество Палестины было важнейшей структурой, обеспечивающей приобретение земель для поселенцев на протяжении десятилетий. Его деятельность рассматривается в комплексе с масштабными подборками материалов тех лет, подготовленными сионистскими авторами специально для проектов «колонизации». Приводятся редкие издания, в которых Хауран описывается именно в этом ключе — как возможная периферия и источник материального снабжения поселенцев в русле проводимого расширения жизненного пространства для еврейского «национального очага». Исторический анализ приводит к выводу о необходимости обращения к явлениям почти вековой давности для того, чтобы верно оценивать нынешнюю стратегию израильских властей и прогнозировать возможное развитие ситуации на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Хауран, еврейская колонизация Ближнего Востока, сионистская поселенческая активность в Сирии, британская политика в отношении сионизма, РИСА

Для цитирования: Сарабьев А. В. Жизненное пространство для национального очага? Сирийский Хауран 1940-х годов под прицелом еврейской «колонизации». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 60–74. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-060-074

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института востоковедения РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2025 году.

¹ Сарабьев Алексей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alsaraby@ya.ru
Alexey V. Sarabyev, D. Sc. (Hist.), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; alsaraby@ya.ru

LIVING SPACE FOR THE NATIONAL HOME? SYRIAN HAURAN IN THE 1940s IN THE CROSSHAIRS OF THE JEWISH “COLONIZATION”

Alexey V. Sarabyev

The increased interest of Jewish settlers in the Syrian Hauran is analyzed within the historical context of the Zionist ‘colonization’ of certain Middle Eastern territories. The 1940s marked the end of the land-acquisition phase and the transition to military expansion. In the Hauran, military expansion did not occur until the change of power in Syria in December 2024. Thus, the current phenomena continue a general trend that began in the first half of the 20th century. The article cites documents from the end of the British Mandate in Palestine, reflecting the unsuccessful attempt by Zionists to appeal against the new Syrian authorities’ revision of Jewish-Ottoman agreements and treaties. The Jewish Colonization Association of Palestine was a key institution facilitating land acquisition for settlers for decades. Its activities are examined in conjunction with wide collections of materials from those years, prepared by Zionist authors specifically for ‘colonization’ projects. Rare publications are cited in which the Hauran is described precisely in this vein — as a potential periphery and source of material supplies for settlers in the context of the ongoing expansion of living space for the Jewish “National Home”. This historical analysis leads to the conclusion that it is necessary to examine events from almost a century ago in order to accurately assess the current strategy of the Israeli authorities and predict the possible evolution in the Middle East.

Keywords: Hauran, Jewish colonization of the Middle East, Zionist settlement activity in Syria, British policy towards Zionism, PICA

For citation: Sarabyev A. V. Living Space for the National Home? Syrian Hauran in the 1940s in Crosshairs of Jewish “Colonization”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 60–74. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-060-074

Введение

Плато Хауран в Сирии всегда являлось житницей страны. Наряду с плодородными склонами Голан с их благоприятным климатом это земли, пригодные для выращивания зерновых и овощных культур, снабжающие качественной и дешевой сельскохозяйственной продукцией всю Сирию. На протяжении 2025 г. в фокус внимания мировых медиа в ближневосточной проблематике попадали сирийские территории и население этих важнейших для продовольственной безопасности районов, подвергшихся израильской оккупации.

На плодородный Хауран претендовал, конечно, и террористический интернационал «Исламское государство», который даже назначал туда своего так называемого «вали Хаурана». После ряда успешных операций по уничтожению этой угрозы проблема ИГ была локализована ближе к районам Приевфратья, а Хауран с его административным центром в Дераа стал, судя по всему, целью израильской армии. Оккупация планировалась израильтянами продуманно — на долгий срок, а значит, включала в себя и работу с местным населением (суннитами и друзами), и тактические отходы с прежде занятых позиций.

После захвата Дамаска боевиками-джихадистами в начале декабря 2024 г., после крушения прежнего режима в Сирии израильская армия заняла в том числе часть Хаурана, воспользовавшись моментом «транзита власти». Но уже 26 декабря 2024 г. сообщалось, что Израиль вывел свои войска из населенных пунктов вокруг Дераа. Источник в Министерстве внутренних дел Сирии якобы сообщал телеканалу Al Jazeera, что израильтяне вышли из занятых ими Джамлы, Эш-Шаджары, Бейт-Кары, Койи, Маарии и Сайды в сельской местности вокруг Дераа. А 18 февраля

2025 г. прозвучало мнение сирийской «Обсерватории по правам человека», что израильские рейды нацелены на районы западной части мухафазы Дераа², то есть ближние к Голанам области Хаурана.

Можно подвергать сомнению объективность оценок «Обсерватории», но факты говорят за себя. Последовала военная оккупация стратегических районов уже восточнее Голан и в Хаурани, а затем и обострение проблем с недовольными друзьями в Сирии. Последнее важно в связи с тем, что сирийские друзья считают естественным для себя автономный характер их анклава в провинции Сувейда, которая занимает горы Джебель-Друз в восточной части Хауранского плато.

Действия израильтян в Сирии заставляют задаться вопросом, какие исторические корни питают их нынешние амбиции, как проявлялся в истории жизненный интерес еврейских поселенцев к землям Хаурана³. Для приближения к ответу на этот вопрос мы использовали в качестве основы подборку документов, опубликованных в сборнике «Кембриджского издания архивов», относящихся к 1946–1947 гг., масштабный свод данных по Палестине за 1945–1946 гг. Англо-американского следственного комитета, ежегодники Еврейской колонизационной ассоциации Палестины (РСА), а также редкие издания первой половины XX века, относящиеся к теме.

Британские документы, в частности, дают почувствовать накал юридических споров вокруг земель Хаурана, бывших в собственности или аренде РСА. Именно к моменту окончательного вывода французского контингента из Сирии и Ливана осенью 1946 г. (а одновременно и изменения статуса британского присутствия в Палестине и Заиорданье) остро встал вопрос противодействия еврейской экспансии в Сирии со стороны новых властей.

Слово «колонизация» в отношении рассматриваемого феномена должно быть взято в кавычки, ведь само значение этого понятия предполагает усилия по использованию необжитых территорий, введению в сельскохозяйственный оборот неких диких земель путем создания общин переселенцев и постепенного освоения ими новых мест⁴. Но в отношении палестинцев или сирийцев то было, по сути, вытеснение пришлыми людьми прежних форм хозяйствования, изменение способа и интенсивности использования земель, изменение демографии.

Обоснования планов еврейской «колонизации» Хаурана

Хауранское плато на северо-западе поднимается Голанскими высотами (*Хадбат аль-Джулан, Джулан*), а с востока ограничено скалистым горным массивом, который в XIX–XX веках получил название Друзские горы (*Джебель-ад-Дуруз*).

В особом исследовании, изданном в 1914 г., Хауран включался в целую область, которая описывалась как особое географическое единство: «Восточно-Иорданский район, который в основном представляет собой обширное плато, также имеет ряд горных хребтов. Средняя высота Восточно-Иорданского плато составляет 600–900 м. На севере границей служит гора Хермон высотой 2860 м. Помимо собственно Восточно-Иорданских земель, сюда также входят центральная и южная части района Аджлун вплоть до Ярмука. Далее следуют горы Джулан, районы Нукра, Леджа и, наконец, горы Хаурана. Отнесение всей области Восточной Иордании к степи или пустыне отчасти объясняется его нынешним состоянием невозделанности и запущенности. <...> В северной части

² Масдар сурий: аль-ихтиляль йансахиб мин риф Дер'а ва-'аудат ад-даурийят аль-умумийя (Сирийский источник: оккупационные войска уходят из провинции Дераа, ооновские патрули возвращаются). Аль-Джазира, 26.12.2024. URL: <https://www.aljazeera.net/news/2024/12/26/عاجل-مصدر-بوزارة-الداخلية-السورية> (дата обращения: 23.07.2025).

³ В ряде работ используется географическое понятие Башан, восходящее еще к традиции ТаНаХа, хотя оно несколько не совпадает с Хаураном: например, включает в себя и плодородные земли на северо-восток от Джебель-Друз, к западу от плато Леджа.

⁴ См., например, особое звучание этого понятия в работе о советских евреях-колонистах: [Dekel-Chen, 2005, p. 8–10].

страны имеются даже участки чрезвычайно плодородной гумусной почвы, которая также обрабатывается, насколько позволяют условия безопасности, хотя, конечно, как и в других частях страны, лишь весьма несовершенно. На севере Хауран особенно известен своими плодородными для пшеницы почвами. Как и Западный берег, эту территорию пересекают многочисленные ручьи, естественным водосбором которых является Иордан» [Nawratzki, 1914, p. 50–51].

Это описание принадлежит молодому польскому ученому-сионисту из Гданьска, который благодаря своему образованию и энергии занялся информационным обеспечением поселенческой деятельности евреев в Палестине, включая и другие районы Большой Сирии⁵. Он подготовил на немецком языке две подробнейшие книги с массой приложений, в которых были собраны сведения не столько о еврейских поселениях, сколько о местах будущих поселений (колоний) в Палестине и вокруг нее. Обе книги — 1914 и 1919 годов — были изданы в Германии. Южносирийским районам в них уделяется большое внимание в отношении этнографии, безопасности, транспортной доступности, экономическим возможностям. Судя по всему, Хауран рассматривался как житница еврейских поселений, как гарантия их продовольственной безопасности в будущем.

Что касается сельскохозяйственных культур, то Хауран выгодно отличается своими плодородными и хорошо дренированными почвами для богатых урожаев зерновых. В уже цитированном первом из двух этих источников о палестинских землях говорится следующее: «На равнинах, как на побережье, так и в высокогорьях, произрастает большое количество злаков, таких как дурра, кунжут, ячмень и пшеница, причем последняя особенно хорошо растет в Хауране, где гумусная почва, отложившаяся на известковой почве, смешана с небольшими кусочками базальта» [Nawratzki, 1914, p. 53].

Характерно, что в качестве народа, возделывавшего плодородные земли Хаурана, еще в одном источнике — в книге автора-маронита Наджиба Азури, бывшего помощника иерусалимского вали, написанной еще в 1905 г., — были названы друзы, хотя превалировали там в количественном отношении арабы-бедуины. Хауран был отнесен автором к заиорданским землям, и о них сказано следующее: «Насчитывается 100 тыс. жителей, из которых 50 тыс. следует отнести на Хауран, потому что друзы, населяющие эти горы, остаются почти независимыми от турок и довольно хорошо возделывают свою страну. В действительности одни только друзы производят в год 160 тыс. тонн пшеницы, 170 тыс. тонн ячменя, 189 тыс. тонн кукурузы и 95 тыс. тонн других зерновых культур, что составляет общую стоимость 84 млн франков. Остальная часть Трансиорданского плато в четыре раза больше и не менее плодородна, чем Хауран, но не производит и четверти этой цифры. Другие продукты той части Палестины включают зерновые просо, люпин, кунжут, а также фасоль, чечевицу и превосходный виноград» [Azoury, 1905, p. 18]. Очевидно, что все дело было в различии хозяйственного уклада друзов и племенных бедуинов, и это подчеркивал в своем исследовании Н. Азури.

Препятствие для «колонизации» этих земель еврейскими поселенцами цитируемый выше Курт Наврацки, автор своего 560-страничного тома, видел прежде всего в отсутствии безопасности — ввиду особого хозяйственно-культурного уклада местного населения. Он называет их «полубедуинами», которые дорожат своим бедуинским статусом, несмотря на то, что занимаются не только отгонным скотоводством, но и земледелием. «Полубедуины представляют собой нечто среднее между степными бедуинами и феллахами... После начала дождей, как только степь

⁵ Прижившиеся понятия «Историческая Сирия» и «Великая Сирия» не совсем точно передают исходное арабское понятие *Сурия ат-таби'ийя* и *Сурия аль-кубра*, где в первом случае смысл точнее передается на русский язык словом «естественная», а во втором — «большая». Понятие «Естественная Сирия» включает в себе явную соотнесенность с природно-климатическим ареалом (что и соответствует смыслу арабского *Сурия ат-таби'ийя*). А понятие «Большая Сирия», на наш взгляд, лишено того наносного смысла прилагательного «великая» (*Сурия аль-кубра*), которое закрепилось у нас в качестве кальки с английского и французского (ср.: The Grater Syria, La Grande Syrie).

покроется травой и поля будут вспаханы, полубедуины, живущие в хижинах и домах, снимают свои палатки и движутся со своими стадами на восток. Но особенно много полубедуинов в Хауране, которые живут круглый год и зарабатывают на жизнь исключительно сельским хозяйством. Учитывая их род занятий, их следовало бы называть феллахами, но сами они придают большое значение тому, чтобы считаться бедуинами, поскольку это освобождает их от военной службы и налогообложения» [Nawratzki 1914, p. 59–60].

По мнению этого убежденного сиониста, надежность официальных каналов согласования «колониционных» проектов с Портой, равно как и гарантии безопасности под эгидой жандармерии, были ничтожными. Наврацки констатировал: «Колонизация в этой области очень затруднена, несмотря на несомненно хорошую почву, поскольку условия безопасности оставляют желать лучшего, а правление турецкого правительства в этих приграничных районах является лишь номинальным» [Nawratzki, 1914, p. 60].

Важно, что автор связывал систематическую «колонизацию» этих земель со строительством Хиджазской железной дороги [Nawratzki, 1914, p. 60]. Тут интересы еврейских поселенцев явно перекликались с интересами держав, планировавших, строивших и охранявших ее участки. Кстати, английская администрация существенно помогала сионистским трестам в приобретении территорий, издавна принадлежавших полукочевому населению. Как подкупом, так и прямыми угрозами она вынуждала шейхов уводить свои племена с наиболее плодородных пастбищ, а нередко навсегда покидать Палестину и окрестности [A Survey..., 1946, p. 46, 140, 818 et al.]. Подобный план был и в отношении сирийского населения, занимавшегося отгонным скотоводством, — племен Хаурана.

Приводившаяся выше книга Н. Азури «Мечта арабской нации» (Париж, 1905) начиналась словами: «Два важных явления — одной природы, но в то же время противоположные, — на которые пока никто не обратил внимания, наблюдаются в настоящее время в Азиатской Турции: арабская мечта и скрытые усилия евреев воссоздать в весьма широком масштабе древнее царство Израиля. Эти два движения находятся в противостоянии друг с другом, пока одно не одолеет другое. Конечный результат этой борьбы двух народов, представляющих противоположные принципы, будет зависеть от типа внутреннего мира» [Azoury, 1905, p. 3]. Приходя к этому заключению, Азури, без сомнения, исходил из своего опыта османского чиновника в Иерусалиме между 1898 и 1904 гг. [Middle... 1965, p. 91–92].

Основным первоначальным методом достижения этой цели и была «колонизация» земель не только в Палестине, но и вокруг нее. Наврацки сообщал: «Из общей численности еврейского населения Палестины в 100 тыс. человек около 10% проживали в колониях. В 1898 г. насчитывалось около 25 колоний, крупных ферм и 1 сельскохозяйственная школа с примерно 20 тыс. га земли и 45 тыс. чел.; в 1912 г. насчитывалось 33 колонии, 7 крупных ферм и 2 сельскохозяйственные школы с примерно 44 тыс. га земли (включая землевладение в Хауране) и около 10 тыс. чел.⁶. Рост населения в колониях за последнее десятилетие лишь отчасти обусловлен основанием и заселением новых колоний колониционными обществами, но также — независимым расселением владельцев плантаций» [Nawratzki, 1914, p. 349].

Важнейшим морским торговым портом являлся тогда Бейрут, через который вывозились за пределы субрегиона товары — в том числе из Дамаска и лежащего за ним Хаурана — сирийской житницы. Далеко идущие планы еврейских колонистов тех лет входили в унисон с важным транспортным проектом в Палестине и Сирии: в 1901-м было начато, а в 1906 году завершено строительство железнодорожной ветки Хайфа–Дераа, длина которой составила 161 км [Nawratzki, 1914, p. 418]. Тем самым при благоприятном для них развитии поселенческой активности в Хауране

⁶ Для сравнения — население Дамаска составляло тогда порядка 250 тыс. чел.

можно было рассчитывать на гораздо более удобное торговое сообщение с внешним миром, прежде всего на экспорт продуктов сельхозпроизводства поселенцев. Ведь при этом не только почти в два раза сокращалось расстояние до средиземноморского порта, не только миновались участки подъемов и спусков рельсов на горноливанском перевале (с использованием даже зубчатых колес), но и миновались таможи, сбор которых иначе существенно повышал бы цену отгружаемого на торговые суда хауранского зерна, негативно влияя на его конкурентоспособность.

Так и случилось: действительно, товарооборот Хайфы вырос с 1903 г. за восемь лет в пять раз (правда, пока в основном за счет импорта стройматериалов для той же железной дороги). Главное, транзит товаров существенно поменял свое направление: сельхозпродукция из Хаурана тоже пошла через этот порт [Norris, 2022, p. 35, 49]. В своей очередной книге, уже 1919 года (озаглавленной весьма показательно — «Новая еврейская Палестина»), Наврацки писал: «С 1914 г. после завершения строительства вышеупомянутой железнодорожной линии экспорт в большей степени осуществлялся через Хайфу. В отличие от Яффо, Хайфа стала основным пунктом экспорта зерновых, пшеницы и ячменя, которые, помимо внутренних районов Хайфы, производятся в Хауране. Особое значение имеет производство и экспорт кунжута, который здесь широко культивируется» [Nawratzki, 1919, p. 180].

Негодую, что из южносирийских степей арабские «бедуинские племена продвинулись со своими стадами верблюдов до Иордана», что в силу исторических обстоятельств эти плодородные земли на тот момент почти не заселены, Наврацки снова настаивал: «... Все специалисты по сельскому хозяйству тех районов сходятся во мнении, что эту часть Сирии можно снова возделывать, как и в древние времена, поскольку почва здесь отлично подходит для выращивания зерновых, особенно в трех крупных смежных районах. Среди них для Палестины в этом отношении особо выделяются простирающееся к востоку от Тивериадского озера до Хаурана плато, а также древние Моав и Едом. Небольшие площади орошаемых земель на востоке Сирии не учитываются, поскольку они представляют собой практически единственные площади земель, которые до сих пор обрабатывались. Пахотная способность рассматриваемой местности определяется, помимо характера почвы, количеством выпадающих здесь ежегодно осадков, которое уменьшается по мере продвижения на восток» [Nawratzki, 1919, p. 191].

К землям Хаурана и населенным друзами районам проявляли высокий интерес представители британских спецслужб. Например, резидент Уильям Юинг, служивший в Тверии на протяжении пяти лет, специально выезжал на земли к востоку от Иордана, в том числе на равнины и в горы Хаурана. В частности, в своей книге 1907 г. он подробно описывал местность, национальные и религиозно-культурные особенности местного населения [Ewing, 1907, p. 151–180].

О Хауране говорил и такой известный сионистский деятель, как Леопольд Кесслер — личный друг и соратник Теодора Герцля, президент Английской сионистской федерации. В 1918 г. была издана отдельной брошюрой его лекция перед Западно-Лондонской сионистской ассоциацией, где он сообщал: «Благодаря своему большому климатическому разнообразию Палестина пригодна для выращивания всех видов растений. Почва плодородна, и даже Сирийская пустыня после ранних дождей предоставляет собой хорошие пастбища. Продуктивность почвы уже была доказана в некоторой степени в еврейских колониях и другими европейскими поселенцами. Галилея в древние времена считалась самым плодородным районом. По сей день большая равнина к востоку от Иордана, Хауран, является житницей Сирии» [Kessler, 1918, p. 16].

Тем самым южные районы Сирии рассматривались еврейскими колонистами в качестве важной сельскохозяйственной периферии «еврейской Палестины» — периферии богатой и практически не ограниченной. Частичное использование Хаурана в этом качестве продолжалось

сионистами по крайней мере в течение первых двух десятилетий XX века, однако далеко не с той долей эффективности, на какую они рассчитывали. С их точки зрения, мешали, хотя и немногочисленные для такой территории, но неуживчивые, строптивые местные арабские племена — со своими вековыми традициями хозяйствования и способами защиты как от междоусобных столкновений, так и от посягательств извне.

Сопротивление еврейской «колонизации» со стороны местного арабского населения носило в основном стихийный, неорганизованный характер. В османских структурах управления этими территориями или не видели опасности для сложившегося социально-экономического баланса, или сознательно допускали организованное заселение Палестины еврейскими иммигрантами. Хотя наблюдатели тогда говорили даже о «еврейской угрозе»: именно так выражался упоминавшийся автор книги 1905 г. Наджиб Азури. Он досадовал на беспечность в этом вопросе и западных дипломатов, и представителя султанской администрации, посланного специально для сбора информации по этому вопросу. «Ни один консул, — писал этот автор-маронит, — не знает страны и не осознает еврейской угрозы. Я уверен, что ни турецкие губернаторы, ни генеральные консулы еще не направляли своим правительствам доклады, чтобы информировать их о планах, организации и вторжении евреев в Палестину. Недавно (январь 1904 г.) турецкий генеральный инспектор был отправлен султаном в Сирию и Палестину для изучения политической ситуации в этих двух провинциях. Этот высокопоставленный имперский чиновник провел уже шесть месяцев в Бейруте и Иерусалиме, не беспокоясь о еврейском вопросе, когда однажды вечером, во время игры в баккара в доме Кязим-бея, страхового агент случайно упомянул о расположенной неподалеку еврейской колонии. “Ах, верно! — воскликнул его превосходительство генеральный инспектор. — Мне же нужно написать отчет о сионистской колонизации в Палестине, поэтому я прошу вас написать мне на листке бумаги все, что вам об этом известно”. Страховой агент не знал много, но он записал то, что знал; и его превосходительство инспектор составил свой отчет и через неделю вернулся в Константинополь. В Иерусалиме и Бейруте находятся генконсулы, чьей первоочередной обязанностью было бы помешать действиям Израиля (sic! — *А. С.*) в Палестине. Будучи, по сути, враждебны преследуемой евреями цели, они защищают интересы сионистов и способствуют их прогрессу, поскольку позволяют евреям обманывать себя и не осознают неминуемости опасности» [Azougu, 1905, p. 45–47].

Хауран в фокусе внимания Еврейской колониционной ассоциации Палестины

Параллельно с развитием идеологии сионизма в последние десятилетия XIX в. шло развитие всемирного колониционного движения в еврейских диаспорах, которое получило организационное оформление с созданием в 1891 г. Еврейской колониционной ассоциации (Jewish Colonization Association, JCA). Организатором ее стал барон Морис де Хирш, а держателями акций — семь ведущих еврейских деятелей в Лондоне и Париже (E. de Rothschild, J. Goldsmid, E. Cassel, F. D. Mocatta, B. S. Cohen, S. H. Goldsmid, S. Reinach) [Ussishkin, 1973, p. 354].

Но масштабная и целенаправленная колониционная деятельность евреев именно в Палестине и ряде районов Большой Сирии началась с момента, когда в 1899 г. миллионер барон Эдмон де Ротшильд передал JCA свои землевладения в этих районах [Ussishkin, 1973, p. 347; Polley, 2022, p. 184; Norman, 1983]. Он действовал в русле идеи заселения евреями прежде всего Палестины. В секретном докладе в британский Генштаб от 1908 г., озаглавленном «Рекогносцировка Сирии от побережья на восток», констатировалось следующее: «Количество еврейских колоний в Палестине значительно возросло за последние годы. В Иерусалиме колония насчитывает сейчас

30 тыс. чел. со всех частей света, в том числе из Персии, Бухары, Йемена, Багдада, Туркестана. <...> Определенные колонии поддерживаются — прямо или косвенно — фондами, созданными лордом Ротшильдом, семьей Монтефьори и Еврейским союзом (Alliance Israélite)»⁷.

Эта идея, как писал упоминавшийся Кесслер, «объединяла различные еврейские националистические общества в рамках движения Ховеве Цион — “Возлюбившие Сион”». Этот автор сообщал: «Движение Ховеве Цион распространилось из России в Румынию, Германию, Австрию, Англию и Соединенные Штаты. Этому движению и барону Эдмону де Ротшильду принадлежит честь создания первоосновы для переселения евреев в Палестину. Без их поддержки и помощи колониям никогда бы не выжить» [Kessler, 1918, p. 7]. О тесной связке Ротшильда с Ховеве Цион упоминал в 1919 г. и Наум Соколов, автор англоязычного двухтомника «История сионизма»: «Сионистская организация, барон Эдмон де Ротшильд и Ховеве Цион способны, благодаря своим знаниям и своей самоотдаче, предложить необходимые улучшения. Только они знают, как много им пришлось претерпеть разного рода обстоятельств, затруднявших и замедлявших развитие, пройти через опасности, которые порождены спорами по правоустанавливающим документам и невозможностью владения землей, через непомерные налоги и множество других помех» [Sokolow, 1919, p. 309].

К необходимости непосредственного контроля над деятельностью JCA в Палестине Ротшильда привели неудачные экономические проекты, которые планировались и осуществлялись на расстоянии. «Он стал землевладельцем, который принимал решения о том, что именно следует производить с учетом потребностей европейского рынка. Не доверяя поселенцам, Ротшильд направил в свои колонии управляющих из Франции...» [Звягельская, 2012, с. 21]. Правда, от незнания местной специфики происходили досадные для него неудачи типа перепроизводства в Палестине винограда за счет других культур или стекольного завода близ Зихрон-Йакова, для которого оказалось просто недостаточно топлива.

Передача скупленных Ротшильдом земель в пользу JCA в 1899 г. стала, по сути, реорганизацией всей работы местных колоний. «С целью развития духа самостоятельности среди поселенцев и превращения колоний в самодостаточные JCA провела радикальные реформы» [Kessler, 1918, p. 8]. Реформы заключались в оптимизации и коммерциализации производств в колониях, но также и в создании вспомогательных направлений ради финансовой подстраховки основных. «Чтобы колонисты не зависели только от своего урожая, выращивание зерновых поощрялось на подходящих землях, купленных для этой цели» [Kessler, 1918, p. 8]. Так что важнейшим из таких вспомогательных направлений стал засев злаковыми культурами плодородных земель на периферии Палестины, в том числе на полях Хаурана [The Rural..., 1989; Tyler, 2001].

В подробнейшем документе JCA, отчете ее Центральной администрации перед своим же Административным советом за 1909 год, дела в Хауране как одной из зон колонизации описывались особо. Отчет дает представление о том пристальном внимании к Хаурану, которое JCA сохраняла еще в период Младотурецкой революции и сразу после нее. В нем говорилось следующее: «4. Зона Хауран. Надежды, которые мы выражали в нашем прошлогоднем отчете относительно этой зоны, полностью оправдались. Эта зона, которая на протяжении многих лет была источником серьезных разочарований, теперь приносит серьезные прибыли. В этом году чистый доход за вычетом всех административных расходов превышает 23 тыс. франков. Однако оговорки, которые мы сформулировали в нашем последнем докладе, остаются в силе: основать израильскую колонию в этом регионе практически невозможно. Расположенная в области, где организация государственного

⁷ UK Foreign Office. A1281. “Reconnaissance of Syria from the Coast Eastwards”. Part I. Prepared for the General Staff. 1908. (Secret; unclassified) // Minorities in the Middle East. Muslim Minorities in Arab Countries, 1843–1973. Vol. 1: 1843–1930 / Ed. by B. Destani. Cambridge: Archive Editions, 2006. P. 259.

управления все еще находится в зачаточном состоянии, окруженная племенами хищных и задиристых бедуинов, зона Хауран может обрабатываться только местными жителями. Нынешняя система ее эксплуатации — единственная, которую мы можем принять, чтобы добиться успеха, и ее целесообразно продолжать» [Rapport..., 1910, p. 112].

Впрочем, судя по всему, проблему безопасности так и не удалось решить, и Хауран надолго выпадает из поля зрения деятелей JCA. По крайней мере, в подобном отчете уже за 1922 год Южная Сирия не упоминается ни в числе районов с присутствием еврейских колоний, коммун-кибуцев, ни при описании экономического успеха палестинских колоний вообще [Rapport..., 1924; Rapport..., 1926].

Тем временем в 1924 г. JCA была преобразована все тем же бароном де Ротшильдом в Еврейскую колонизационную ассоциацию Палестины (PICA), бессменным президентом которой был назначен его сын Джеймс. В латинской аббревиатуре не только появилась буква P, означающая Палестину, но и изменена J (Jewish) на I (предположительно, подразумевалось Israel)⁸. Переименование отражало выделение основного вектора из всемирной еврейской колонизационной политики — вектора ближневосточного — по сути дела, чисто сионистского по своей идеологии. Фонд Ротшильдов стал практически основным ресурсом финансирования PICA; очевидно, он и определял ее политику.

Что касается общих показателей по Ближнему Востоку, то успехи еврейской «колонизации» богато отражены в обширном «Обзоре Палестины», изданном двумя томами под одной обложкой в 1947 г. Согласно сводной таблице в первом томе, озаглавленной «Территории, приобретенные евреями в 1920–1945 гг.», эта цифра на 1920 г. составляла 650 тыс. дунамов. На 1925 г. (то есть сразу после реформы PICA) пришелся пик купленных для поселенцев площадей — 176 тыс. 124 дунама. В 1945 г. общая площадь этих земель на Ближнем Востоке составляла уже 1 млн 588 тыс. 365 дунамов⁹ [A Survey..., 1946, p. 244]. Сюда следует прибавить еще 174,6 тыс. дунамов концессий, и тогда уже в 1944 г. площадь обрабатываемых еврейскими «колонизаторами» ближневосточных земель составляла 1 млн 731,3 тыс. дунамов, из которых в ведении PICA находилось 973,1 тыс. дунамов, а еще 750 тыс. были собственностью так называемого Еврейского национального фонда (*Керен каемет ле-Израэль*) плюс 8,1 тыс. — взятых им концессий [A Survey..., 1946, p. 376]. (Предшественником последнего, созданного в 1901 г., был Еврейский колониальный банк (1899), капитал которого складывался от продажи акций среди евреев по всему миру [Звягельская, 2012, с. 23]).

Вопрос пахотных земель Хаурана с новой силой возник накануне создания Государства Израиль, и его проблематика отражена в документах британского внешнеполитического ведомства. Сведения из этих документов представляют проблематику в свете весьма конкретных шагов, предпринятых еврейскими колонистами в тесной связке с британцами в 1946–1947 годах.

Коллизии и апелляции по еврейской собственности в Хауране

Несколько опубликованных в сборнике «Кэмбриджского издания архивов»¹⁰ документов передают основные пункты повестки дня еврейских поселенцев в отношении земель Хаурана, находившихся в собственности PICA. На фоне острой конкуренции на территориях Шама (Леванта) англичан и французов, споров между ними по условиям вывода контингента последних из Сирии

⁸ Показательно название этой переименованной организации на иврите — *Хевра ле-хетийашвот йехудит бе-Эрец-Исраэль*.

⁹ Дунам составлял площадь в 0,1 га, и значит, эта цифра соответствовала примерно 160 тыс. га земли.

¹⁰ В 4-м томе 6-томного тематического собрания Minorities in the Middle East, Cambridge Archive Edition, 2005: Jewish Communities in Arab Countries, 1841–1974 in 6 vols. Ed. by B. D. Destany. Vol. 4: 1943–1951.

и Ливана осенью 1946 г. еврейская «колонизация» сирийского юга стала на перепутье: грозил полным срывом многообещающий «хауранский» план — после коренного изменения политического статуса Сирии.

Власти этой, ставшей уже независимой, страны (хотя формально задолго до окончательного выхода французов в декабре 1946 г.) — по ходу национализации иностранной собственности колониальной эпохи в Сирии и по мере обострения еврейско-арабского противостояния в Палестине — стали чинить всевозможные препятствия еврейским колонистам в их праве и далее распоряжаться землями и получать с них доход. Именно к британскому диппредставительству обращались руководители РІСА за помощью в отстаивании своих прав на ускользавшие из рук плодородные поля сирийского Хаурана.

Оставим за рамками наших рассуждений осторожную позицию британцев, вызванную чередой арабских восстаний и невероятным ростом экстремизма еврейских поселенцев, а также известные положения так называемой «Белой книги» (1939). Факт в том, что, несмотря на все это, на прошедшей в Нью-Йорке в мае 1942 г. так называемой Билтморской конференции сионистов (имела ранг конгресса) была принята программа создания еврейского государства в Палестине.

Впрочем, возможно, к 1947 г. для британцев более значительную роль, нежели вопрос о судьбе евреев, играли англо-французское соперничество, а главное — угроза надвигавшегося американского доминирования на Ближнем Востоке. Сложность этого вопроса не позволяет останавливаться здесь на нем подробно. Для нашей темы важны факты, что, во-первых, сионисты все еще обращались за помощью к британским диппредставителям, а во-вторых, что у британцев оставалось уже мало рычагов влияния на Сирию (действовать силовым путем они не могли как в силу договоренностей с французами, так и в силу опасений быть обвиненными со стороны американцев в продолжении колониальных методов — в русле лицемерного пафоса еще вильсонианской идеологии).

Еврейские колонисты пытались ухватиться хотя бы за юридические аргументы. Несмотря на то, что сирийские земли были выкуплены когда-то у османских властей и сами сирийцы не имели, по сути, к тем сделкам никакого отношения, в руководстве колониационного движения пытались изобразить незыблемость еврейско-османских сделок. Высокий представитель РІСА, Гарри Л. Вольфсон, обращаясь из Хайфы к британскому генконсулу в Дамаске 7 ноября 1946 г., так называл предмет спора с сирийцами: «наши хауранские земли»¹¹.

Описывая недавнюю предысторию проблемы, он писал о возникших проблемах с въездом в Сирию представителя обслуживавшей интересы РІСА юридической фирмы S. Horowitz & Co. Дж. Саломона: «Три года назад мы поручили Джейкобу Саломону вести наши юридические дела в Сирии в связи с нашими землями Хаурана. С большим трудом мы, наконец, получили услуги сирийского адвоката, мэтра Вадиха Битара, чтобы официально представлять нас в судах Сирии, где не может выступать ни один палестинский адвокат. Поэтому г-н Саломон, имеющий большой опыт в земельных вопросах, был делегирован нами для решения всех вопросов, касающихся наших земель в Сирии, и для поддержания самого тесного контакта с мэтром Битаром в Дамаске. Ведь при отсутствии прямого надзора существовала вероятность того, что юридический аспект наших дел в Сирии будет еще более серьезно ущемлен. Таким образом, обязанностью г-на Саломона было отправиться в Сирию для улаживания всех вопросов в судах, а также для консультаций с нашими сирийскими и ливанскими адвокатами, и при необходимости сделать официальное представительство от нашего имени в различных соответствующих департаментах. За последние три года г-н Саломон более дюжины раз бывал в Дамаске и Алеппо в связи с нашим делом, и он единственный

¹¹ Letter from the Palestine Jewish Colonization Association (P.O.B. 1057, Haifa) to the British Consulate General, Damascus, 7th November, 1946 // Ibid. P. 125.

из всех наших сотрудников и представителей полностью знаком со всеми тонкостями этих чрезвычайно запутанных дел»¹². Просьба сводилась к помощи в получении визы этому Джейкобу Саломону, который собирался представлять интересы еврейских колонистов по апелляции непосредственно перед новым сирийским правительством.

Прежний апелляционный суд, на который они могли рассчитывать и который включал только одного араба-сирийца из трех других членов (причем не только вторым членом, но и председателем были французы), был распущен еще в мае 1945 года. Поэтому после национализации хауранских земель, принадлежавших ранее РИСА или взятых в долгосрочную аренду у местных владельцев, оспаривать это решение стало очень непросто, тем более учитывая большие трудности с визой для этой цели. В источнике указывалось на «враждебное отношение» к ним представителей сирийских исполнительной и судебной властей. О существе дела в официальном письме от РИСА к пробританской палестинской администрации сообщалось следующее:

«3. Дело касается территории площадью около 80 тыс. дунамов¹³, собственности нашей организации, и мы излагаем здесь как можно короче соответствующие факты, касающиеся этой земли, и нынешнее положение, в отношении которого требуется ваше вмешательство. 4. Около 52 лет назад покойный барон Эдмонд де Ротшильд приобрел в рамках своей еврейской колонизации в тогдашней Османской империи определенные участки земли в округе Хауран в Сирии, составлявшие приблизительно 80 тыс. дунамов (или около 20 тыс. акров) в следующих деревнях: Сахем, Джеллин (включая Музерию¹⁴), Наффа, Бустас и Кокаб. Поскольку земля в Османской империи не могла быть зарегистрирована на имя иностранцев, за исключением специального разрешения, то из Константинополя были получены специальные полномочия для регистрации этих земель на имя последующего представительства барона. Эти регистрации были впоследствии подтверждены в результате длительного судебного разбирательства, которое имело место после Первой мировой войны, во время которой назначенцы барона не могли действовать на Ближнем Востоке. 5. Наша организация была зарегистрирована в Палестине в 1924 г. специальным указом как компания общественного пользования под названием “Еврейская колонизационная ассоциация Палестины (Фонд Эдмона де Ротшильда)” с целью принятия на себя титула и управления всеми землями и поселениями барона в Палестине и прилегающих территориях. В 1929 г. мы начали необходимые формальности в Сирии, чтобы обеспечить перевод земель Хаурана на наше имя. Формальности были надлежащим образом выполнены, и по указанию верховного комиссара по Сирии и Ливану, тогдашнего высшего законодательного и административного органа, выданному через председателя Совета министров Сирии и соответствующих министерств Департаменту земельного кадастра, земли были в конечном итоге переведены на имя РИСА в 1929 и 1930 гг., и нам были выданы официальные документы о праве собственности. 6. На протяжении пятидесяти лет мы и наши предшественники обрабатывали наши земли при помощи арабских земледельцев, мы платили все налоги на владение землей. Некоторые земли (а именно Джеллин, включая Музерию) были арендованы из земель вакфа, и арендная плата за них, которая была существенно увеличена нашими непосредственными предшественниками (назначенцами покойного барона), выплачивалась регулярно,

¹² Ibid.

¹³ То есть около 8 тыс. га земли.

¹⁴ В книге о действиях в пользу британцев Лоуренса Аравийского в 1916–1918 годы много раз упоминается некое селение Мезериб, которое находилось вблизи Хиджазской железной дороги и которое, возможно, и есть Музерия. См.: Barr, James. *Setting the Desert on Fire* T. E. Lawrence and Britain's Secret War in Arabia, 1916–1918. New York — London: W. W. Norton & Co., 2008. P. 280–293.

а для того, чтобы [Управление] вакфа смогло построить приют-лепрозорий в Дамаске, мы заплатили большую часть арендной платы авансом»¹⁵.

Далее в документе сообщалось об усилиях по переводу в собственность (начиная с 1942 г.) упомянутых вакуфных земель Сирии, что, вообще говоря, немыслимо — тем более для иностранной организации. Видимо, пользуясь обстановкой войны на сирийских подмандатных территориях и нахождением на них французского и британского военных контингентов, еврейские колонисты попытались протащить решение в свою пользу: «7. В 1942 г. операции по урегулированию земель были начаты на наших землях Хаурана, которые относились к деревням РІСА Сахем и Джеллин (последняя включала Музерию). Остальные деревни РІСА, а именно Нафаа, Бустас и Кокаб, в то время не были предметом земельного урегулирования»¹⁶.

Вскоре, однако, обстановка изменилась: французы после обещания независимости Сирии в 1943 г. были склонны выказывать знаки внимания сирийцам в тех вопросах, которые не были существенны для политики Франции в Леванте, а британцы не спешили помогать еврейской Ассоциации на сирийских территориях, соперничая с французами в образе благодетелей сирийского народа. Острое соперничество между ними, развернувшееся с мая 1945 года [Сарабьев, 2019], показывало, насколько Сирия становилась ареной борьбы за будущее влияние этих держав уже на новом, постколониальном Ближнем Востоке.

В итоге была проведена своего рода национализация земель, где еврейские колонисты лишились и самих земель, и доходов с них. В документе говорится: «8. Во всех случаях, которые рассматривались уполномоченным сирийского Комитета землеустройства, решение было вынесено против нас на том общем основании, что РІСА, как иностранная компания или ассоциация, не имела права приобретать или владеть землей в области Хауран в Сирии. В одном случае, который касался небольшой территории в пограничном споре между нашими деревнями и другой деревней, земля была объявлена государственным владением; в другом случае (касающемся деревни Сахем) земля была признана в пользу земледельцев; в третьем случае (касающемся Джеллина) земля была признана в пользу Управления вакфа. Во всех трех случаях было постановлено, что наши права должны быть аннулированы без компенсации или права встречного иска против государства или любого другого лица»¹⁷. Это и вызвало необходимость апелляций, подготовка которых началась усилиями РІСА с конца января 1946 г.

Однако автор приводимого письма констатировал, что сирийцы были настроены решительно: «16. ...На землях Джеллина (включая Музерию) при помощи жандармерии была силой отобрана та доля урожая (четверть), которую наш представитель собрал с земледельцев. 17. Что касается земель Сахема, то наш представитель на месте столкнулся с величайшими трудностями в получении нашей доли или ее части, и ему дали понять, что это будет последний раз, когда сирийское правительство позволит нам или нашему представителю забрать какую-либо часть продукции. 18. Далее Управление вакфа объявило о продаже с аукциона урожая или наших земель в Джеллине и Музерии, а также в Кокабе, последней деревне, которая пока еще не подвергалась акциям [Комитета] землеустройства. Списки аукциона были открыты около десяти дней назад, и окончательная дата была назначена на субботу, 14-е число текущего месяца, в нарушение всех элементарных законодательных принципов [Управления] вакфа, которое до недавнего времени и в течение примерно пятидесяти

¹⁵ Letter from the Palestine Jewish Colonization Association (P.O.B. 1057, Haifa) to the Chief Secretary, Government of Palestine, Jerusalem, 12th September, 1946 // Jewish Communities in Arab Countries. Vol. 4: 1943–1951 / Minorities in the Middle East, CAE, 2005. P. 115.

¹⁶ Ibid. P. 116.

¹⁷ Ibid.

лет принимало от нас арендную плату, но теперь полностью игнорирует наши права и с помощью правительства обеспечило себе владение, нарушая обычную юридическую процедуру»¹⁸.

Ради исторической точности можно упомянуть, что интересы еврейских колонистов представляла фирма юристов-поверенных «Herbert Oppenheimer, Nathan & Vandyk. Solicitors»¹⁹.

Таковы были жалобы, аргументы и предыстория вопроса в изложении сионистов-поселенцев. Подборка документов по приведенной переписке оканчивается письмом с вопросом от лица указанной фирмы о реакции на все вышеизложенное британского диппредставительства в Дамаске (письмо датировано 7 февраля 1947 г.). Можно обоснованно предполагать, что в связи с накалявшимися еврейско-арабскими отношениями в Палестине дело окончилось ничем, и все усилия РИСА получить хоть что-то с сирийцев за хауранские земли не удались.

Заключение

Описанный эпизод являлся одним из тех флангов сионистского движения, которые в первые послевоенные годы вплотную подошли к своему провалу в столкновении с подъемом волны арабской независимости. Это, в том числе, обусловило решимость сионистов буквально любой ценой бороться за свои интересы: как только стало ясно, что британцы отказываются от протектората на Палестину в 1947 г., все юридические методы сионистов остались только как вспомогательные, в то время как основным стал силовой.

Неизменным этот подход остается и по сей день. Оккупация израильтянами сирийских южных и юго-западных территорий в 2025 г. может означать очередной этап «колонизации», имеющей глубокие корни и прорастающей на фоне нынешней военно-политической дестабилизации.

Повторим, что, несмотря на название («Еврейское колонизационное общество Палестины»), речь не шла о собственно колонизации, в том числе сирийского Хаурана. К рассматриваемому явлению вообще неприменимы устоявшиеся определения и понятия такого рода (ни колонизация, ни сепаратизм, ни сецессионизм, ни прочие другие). Сионистский проект уникален, и он включал в себя самые разные методы ради одной цели. В отношении Хаурана первоначальным методом была скупка земель в собственность с расчетом на создание в скором времени своего государства. Как и в Палестине времен протектората, предполагалось отторжение привлекательных территорий путем выкупа на деньги всемирной диаспоры при политической поддержке державы-покровителя. Когда эта возможность окончательно угасла, дело было отложено, ожидая своего часа.

Вопрос расширения жизненного пространства сейчас решается израильтянами настойчивыми силовыми методами, невзирая даже на открытое осуждение во всем мире жестокости и вероломности подобного подхода. Подъем в медиапространстве дружеской проблематики, разогрев отношений этой общины в Сирии с другими конфессиями и вмешательство Израиля в ее «урегулирование» — на фоне оккупации стратегических пространств, соседствующих с друзьями, — все это указывает на то, что рассматриваемым сирийским территориям серьезно грозит изменение их статуса. Обращение к историческим источникам первой половины XX века показывает, что нынешние явления — продолжение начатого многие десятилетия назад, что расширение жизненного пространства для «национального очага» продолжается сегодня в виде государственной военной экспансии в Сирии.

¹⁸ Ibid. P. 117.

¹⁹ В состав этой влиятельной юридической фирмы входили, как сообщалось на бланке, Herbert Oppenheimer, Lord Nathan of Churt, Arthur Vandyk, Fred T. Smith, Leslie Cork, J. L. Magnus, W. E. Wolfe.

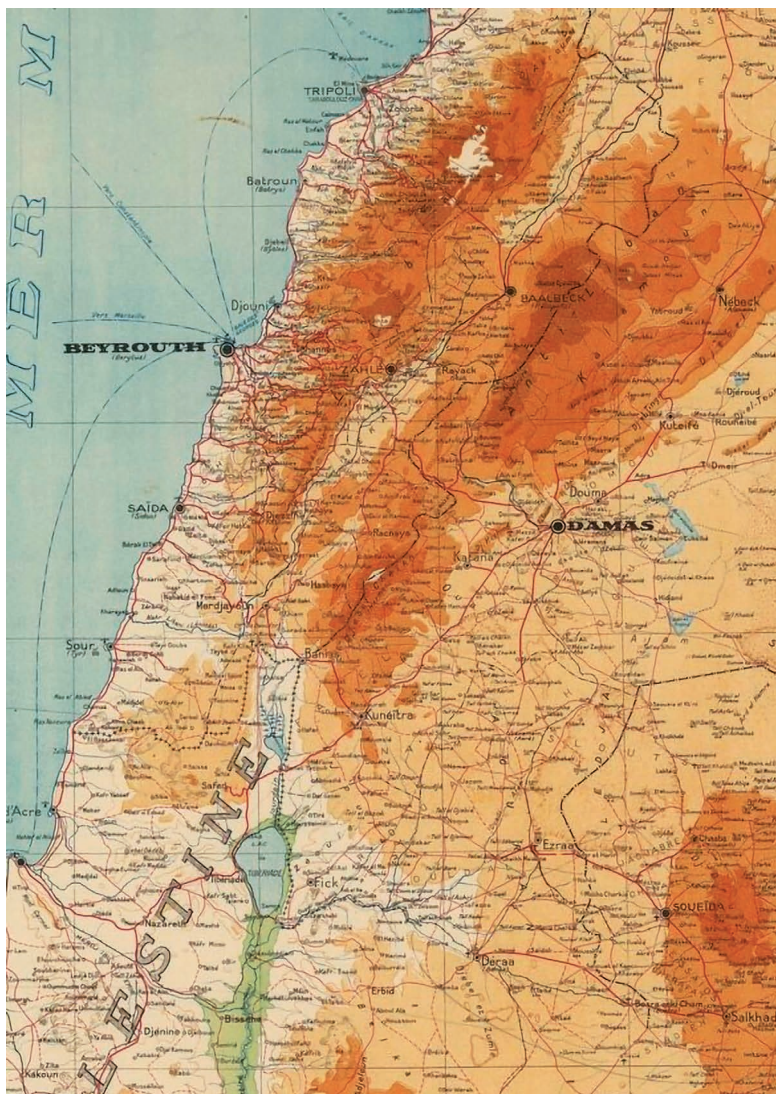

Рис. 1. Район сирийского Хаурана

Литература/References

Звягельская И. Д. *История Государства Израиль*. М.: Аспект Пресс, 2012 [Zvyagelskaya I. D. *History of the State of Israel*. Moscow: Aspect Press, 2012 (in Russian)].

Сарабьев А. В. Хмурый рассвет независимости в отблесках Победы: Сирия и Ливан в мае–августе 1945 года. *Вторая мировая война и Восток*. М.: ИВ РАН, 2019. С. 226–255 [Sarabiev A. V. The Gloomy Dawn of Independence in the Gleams of Victory: Syria and Lebanon in May–August 1945. *The Second World War and the East*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. P. 226–255 (in Russian)].

A Survey of Palestine. Prepared in December 1945 and January 1946 for the information of the Anglo-American Committee of Inquiry. (Set in 2 vols.). [Jerusalem]: Government Printer, 1946–1947.

Azoury Negib. *Le réveil de la Nation Arabe dans l'Asie Turque*. Paris: Plon-Nourrit et C-ie, 1905.

Barr James. *Setting the Desert on Fire T. E. Lawrence and Britain's Secret War in Arabia, 1916–1918*. New York — London: W. W. Norton & Co., 2008.

Bunton Martin P. Colonial land policies in Palestine, 1917–1936. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007.

Dekel-Chen, Jonathan L. Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power, 1924–1941. New Haven — London: Yale University Press, 2005.

Ewing William. Arab and Druze at Home: A Record of Travel and Intercourse with the Peoples East of the Jordan. London: T.C. & E. C. Jack, 1907.

Jewish Colonization Association. Rapport de l'Administration centrale au Conseil d'administration pour l'année 1909, présenté a l'Assemblée générale du 25 juin 1910. Paris: R. Veneziani, 1910.

Jewish Colonization Association. Rapport de l'Administration centrale au Conseil d'administration pour l'année 1922, présenté a l'Assemblée générale du 15 décembre 1923. Paris: R. Veneziani, 1924.

Jewish Colonization Association. Rapport de la Direction générale au Conseil d'administration pour l'année 1924, présenté a l'Assemblée générale du 17 octobre 1925. Paris: R. Veneziani, 1926.

Jewish Communities in the Muslim Countries of the Middle East: a survey / Prepared by S. Landshut [Siegfried Salomon] for American Jewish Committee and Anglo-Jewish Association. Westport (Conn.): Hyperion Press, 1976.

Kessler Leopold. History and Development of Jewish Colonization in Palestine (a lecture delivered before the West London Zionist Association). English Zionist Federation, 1918.

Middle Eastern Affairs. Number Four. Ed. by Albert Hourani. Oxford Univ. Press, 1965. — (St. Antony Papers, no. 17).

Nawratzki Curt. Die jüdische Kolonisation Palästinas: eine volkswirtschaftliche Untersuchung ihrer Grundlagen. München: Verlag Ernst Reinhardt, 1914.

Nawratzki Curt. Das neue jüdische Palästina. Berlin: Jüdischer Verlag, 1919.

Norman Theodore. An Outstretched Arm: A History of the Jewish Colonization Association. Routledge & Kegan Paul, 1983.

Norris Jacob. Land of Progress: Palestine in the Age of Colonial Development, 1905–1948. Oxford University Press, 2013.

Polley Gabriel. Palestine in the Victorian Age: Colonial Encounters in the Holy Land. London et al.: I. B. Tauris, 2022.

Sokolow Nahum. History of Zionism, 1600–1918. With the introduction by the R-t Hon. A. J. Balfour, M. P. In 2 vols. Vol. I. London: Longmans, Green and Co., 1919.

The Rural Middle East: peasant lives and modes of production. London: Zed, 1989.

Tyler Warwick P. N. State lands and rural development in mandatory Palestine, 1920–1948. 2001.

Ussishkin Anne. The Jewish Colonization Association and a Rothschild in Palestine. *Middle Eastern Studies*. 1973. Vol. 9. Issue 3. P. 347–357.

ХО ШИ МИН И Н. С. ХРУЩЕВ: КАК УХУДИЛИСЬ СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (КОНЕЦ 1950-х ГОДОВ)

© 2025

Д. В. Мосяков¹

В статье рассматривается динамика советско-вьетнамских отношений в конце 50-х годов, когда реальностью стал процесс определенного похолодания в отношениях двух партий и стран. Анализируются причины этого явления, показывается, что носили они не только субъективный (Н. С. Хрущева к Хо Ши Мину), но и во многом объективный характер. Дело в том, что когда вьетнамские коммунисты убедились в том, что южновьетнамские власти игнорируют решения Женевской мирной конференции и фактически при поддержке со стороны США строят собственное диктаторское государство, арестовывающее и убивающее коммунистов на Юге страны, они пришли к выводу о необходимости возобновления вооруженной борьбы на Юге как последнего шанса в борьбе за единство Вьетнама. Эта позиция шла вразрез с представлениями Н. С. Хрущева, который активно продвигал концепцию мирного сосуществования социализма и капитализма и твердо был намерен избегать новых региональных конфликтов в Азии с угрозой перехода в глобальное противостояние по линии СССР–США.

Он был решительно против планов возобновления вооруженного конфликта во Вьетнаме, и таким образом позиции руководства ПТВ и руководства КПСС стали расходиться по ключевому вопросу, в отношениях двух партий и стран образовалась глубокая трещина. Как результат — доверие и взаимопонимание стали исчезать, а вьетнамские коммунисты старались всячески ввести Н. С. Хрущева в заблуждение относительно своих действий на Юге Вьетнама. Советский лидер в свою очередь, понимая эти уловки, стал довольно эмоционально на это реагировать и обвинять своих вьетнамских коллег в неискренности и в нежелании прислушиваться к его мнению и к ориентации на Китай, а не на СССР. Все это предопределило еще более сложный этап во взаимных отношениях в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Н. С. Хрущев, Хо Ши Мин, два вьетнамских государства, противостояние, признание, вооруженное восстание

Для цитирования: Мосяков Д. В. Хо Ши Мин и Н. С. Хрущев: как ухудшились советско-вьетнамские отношения (конец 1950-х годов). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 75–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-075-095

¹ Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mosyakov.d@gmail.com
Dmitrii V. Mosyakov, D. Sc. (Hist.), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mosyakov.d@gmail.com

HO CHI MINH AND N. S. KRUSHCHEV: HOW THE RELATIONS BETWEEN USSR AND VIETNAM DETERIORATED IN THE LATE 1950s

Dmitri V. Mosyakov

The article examines the dynamics of Soviet-Vietnamese relations in the late 1950s, when a certain cooling in the relations between the two parties and countries became a reality. The article analyzes the reasons for this phenomenon and shows that they were not only subjective, such as Nikita Khrushchev's "cold" attitude towards Ho Chi Minh, but also objective. The fact is that when the Vietnamese communists realized that the South Vietnamese government was ignoring the decisions of the Geneva Conference and was actually building its own dictatorial state with the support of the United States, arresting and killing communists in the South, they came to the conclusion that it was necessary to resume the armed struggle in the South as the last chance to fight for the unity of Vietnam. This position was at odds with the policies of Nikita Khrushchev, who actively promoted the concept of peaceful coexistence between socialism and capitalism and was determined to avoid new regional conflicts that could escalate into global confrontation. on the USSR-USA line.

He was strongly opposed to the resumption of the armed conflict in Vietnam, and as a result, the positions of the PTV leadership and the CPSU leadership diverged, creating a deep rift between the two parties and countries. As a result, trust and mutual understanding began to disappear, as the Vietnamese communists tried to mislead Nikita Khrushchev about their actions in South Vietnam, and Khrushchev, realizing the various tricks, became quite emotional and accused his Vietnamese colleagues of insincerity and unwillingness to listen to his opinion and to focus on China rather than the USSR. This led to an even more complicated stage in their relationship near future.

Keywords: N. S. Khrushchev, Ho Chi Min, two Vietnamese states, confrontation, recognition, armed uprising

For citation: Mosyakov D. V. Ho Chi Minh and N. S. Krushchev: How the Relations Between USSR and Vietnam Deteriorated in the late 1950s. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 75–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-075-095

Безуспешная борьба за статус-кво

Визит А. И. Микояна в Ханой, состоявшийся в апреле 1956 г., ознаменовал окончание одного и начало другого этапа в отношениях Москвы и с Партией трудящихся Вьетнама, и с ДРВ. Если до этого взаимные связи шли в целом по восходящей, то после визита все быстрее стали скользить по нисходящей линии. Причин для этого хватало как объективных — настроенность ПТВ на более близкие отношения с КПК, так и субъективных — отсутствие симпатии и доверия между Хо Ши Мином и Н. С. Хрущевым. Достаточно сравнить, с каким радушием советский лидер принимал индонезийского президента Сукарно в Москве в 1961 г., дважды в 1955 и в 1960 гг. ездил к другому своему другу — президенту Бирмы У Ну. С Хо Ши Мином у Н. С. Хрущева такой откровенной теплоты и приязни не было. Возможно, играл роль личностный фактор — внутренняя аскетичность и строгость Хо Ши Мина не очень нравились советскому лидеру, его прошлое в Коминтерне усиливало недоверие. Совершенно по-другому происходило его общение с тем же Сукарно или У Ну. Они по духу очень были похожи — такие же популисты и сторонники авторитарного правления. Что касается Хо Ши Мина, то Н. С. Хрущев чувствовал, что лидер Вьетнама не разделяет его взгляды на И. В. Сталина и не согласен и с тем, как был организован доклад о культе личности на XX съезде, и с тем, что в этом докладе содержалось.

Крайне «сдержанное отношение» Н. С. Хрущева к Хо Ши Мину и к ситуации во Вьетнаме особенно проявилось меньше чем через год после визита А. И. Микояна, когда в Москве без согласования с вьетнамскими друзьями решили, что вьетнамская проблема будет решаться по типу корейской с длительным разделом страны на противостоящие друг другу государства. Там пришли к выводу, что существует паритет сил между Северным и Южным Вьетнамом и такое статус-кво следует закрепить в рамках международных договоренностей. Почему предварительно этот вопрос не был обсужден с вьетнамскими друзьями, сказать сложно, но фактом остается то, что 23 января 1957 г. на заседании Совета Безопасности ООН советский представитель безо всяких консультаций с руководством ДРВ предложил предоставить Северному и Южному Вьетнаму статус суверенных государств. Для северовьетнамских властей это было абсолютно неприемлемо, и они незамедлительно заявили резкий протест. Хо Ши Мин немедленно вызвал советского посла и раскритиковал и это предложение, и вообще позицию СССР относительно ситуации во Вьетнаме. Он указал, что «признание Северного и Южного Вьетнама в ООН и признание Советским Союзом режима Зьема означает ликвидацию Женевских соглашений» [Gaiduk, 2003, с. 85]. Особое раздражение у него вызвал тот факт, что советские дипломаты договариваются за спиной своих северовьетнамских товарищей, не поинтересовавшись их мнением по данному вопросу.

В архивах сохранились документы, которые в определенном смысле объясняют логику действий советского руководства в отношении двух частей Вьетнама. В частности, речь идет о докладной записке заместителя заведующего отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР М. А. Максимова, датированной 20 марта 1959 г. и направленной в адрес заместителя министра иностранных дел СССР Г. М. Пушкина. В ней рассматривался вопрос о необходимости установления отношений СССР с Южным Вьетнамом и отмечалось, что «Посол СССР в Японии т. Федоренко предложил рассмотреть вопрос об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Южной Кореей. В связи с этим он считает целесообразным всесторонне изучить также вопрос о нашем отношении к Южному Вьетнаму» [телеграмма из Токио № 1047 от 30 декабря [19]58 г.].

Соображения, которыми т. Федоренко обосновывает свои предложения, сводятся к тому, что «отсутствие всяких связей с Южной Кореей и отсутствие наших там представителей фактически отдаст Южную Корею полностью в лагерь американского империализма. Это обстоятельство в определенной мере относится и к Южному Вьетнаму». В отношении его в документе утверждалось, что «на территории Вьетнама продолжают укрепляться два государства с противоположными социально-экономическими системами». В этой связи, указывалось в записке, представляется целесообразным и отвечающим интересам социалистического лагеря в целом признать де-факто реальное положение, сложившееся на территории Вьетнама, и считать назревшей в отношении Вьетнама задачу налаживания каких-то межгосударственных связей стран социалистического лагеря с Республикой Вьетнам с целью использования этих связей для ослабления и последующей ликвидации нынешнего доминирующего положения США в Южном Вьетнаме. Такими связями в существующих условиях могли бы быть связи экономические и культурные. Еще в документе утверждалось, что «установление экономических и культурных связей стран социалистического лагеря с Южным Вьетнамом не противоречило бы положениям Женевских соглашений о Вьетнаме.

Но самое интересное в этой записке содержалось во второй ее части, где явно прослеживалась критика позиции «северовьетнамских властей, которые выступают против такого решения». Там отмечалось, что «вследствие позиции вьетнамских друзей, опирающихся на формальную сторону Женевских соглашений и пока отказывающихся на этом основании хотя бы де-факто признать статус государственности за южновьетнамской Республикой Вьетнам, для стран социалистического

лагеря практически невозможно даже налаживание экономических и культурных связей с Южным Вьетнамом в интересах ослабления американского господства в этой части страны».

Таким образом, какое-либо изменение нашей политики по отношению к Южному Вьетнаму зависит прежде всего от позиции вьетнамских друзей относительно южновьетнамского режима [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 24. Д. 13. Л. 38–39].

При анализе этого документа возникают большие сомнения в том, что и посол, и, кстати, выдающийся востоковед и дипломат Н. Т. Федоренко, и ответственные работники МИД были настолько наивными, что рассчитывали установлением связей с Южным Вьетнамом и появлением там советских представителей всерьез ослабить американское влияние в Сайгоне. Скорее всего, этот аргумент имел больше пропагандистско-политический характер, ведь как-то надо было объяснить отход от политики «одного Вьетнама» и вообще совершенно новый взгляд на ситуацию в этой стране. Интересы СССР оказаться при таком развитии событий над конфликтом и иметь свободу рук в отношениях с Севером и с Югом плюс еще и возможность новых контактов с американцами, курировавшими южновьетнамский режим, просматриваются невооруженным глазом. Более того, признание двух вьетнамских государств на Севере и на Юге должно было показать, что СССР готов на длительную перспективу иметь дело со сложившимся статус-кво и исключить тем самым возобновление военного конфликта во Вьетнаме и в Индокитае. В этой связи возможное появление советских представителей в Сайгоне, а южновьетнамских в СССР могло означать еще и то, что Москва дает определенные гарантии безопасности южновьетнамскому режиму и готова к тому, что его противостояние ДРВ превращается в длительный и неопределенный по своим результатам переговорный процесс.

Кроме того, появление такой записки в недрах правящей советской политической элиты указывает на то, что скептическое отношение к укреплению дружбы и сотрудничеству с Вьетнамом и вообще с коммунистами в Индокитае имело и влиятельных сторонников в партийном аппарате, и определенные основания. В Москве среди части партийных кадров, особенно на внешнеполитическом треке, уже тогда, как выясняется, существовали прозападные настроения, опиравшиеся на странные надежды на то, что возможна конвергенция социализма и капитализма и равноправные отношения с США, что с Америкой лучше дружить, а не враждовать. Среди сторонников такого подхода можно вполне определенно назвать А. Н. Яковлева, который изучал основы политического плюрализма во время стажировки в 1958–1959 гг. в Колумбийском университете. В 1965 г. он занял пост первого заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Очевидно, что эти взгляды разделяли А. Ф. Добрынин — посол СССР в США, Н. Т. Федоренко — посол в Японии и будущий академик, а также многие другие влиятельные люди в партийной иерархии.

Они полагали, что все эти страны Индокитая — лишняя обуза, что содержание их правящих партий требует слишком много ресурсов, которые могли бы быть потрачены на собственное развитие. Их мало интересовали вопросы коммунистической идеологии, они скорее являлись сторонниками реальной геополитики и видели интерес СССР в наличии не конфронтационных, а лучше даже партнерских отношений с США. Их политическая линия проявит себя несколько позже, когда вместо поддержки коммунистических сил в Камбодже после переворота в Пномпене в апреле 1970 г. Москва, чтобы показать свое нежелание открывать еще один конфликт с США в Индокитае, поддержала генерала Лон Нола, несмотря на его теснейшую близость и откровенную зависимость от США.

На практике все эти попытки следования внешне прагматичной и лишенной идеологии политической стратегии с опорой на реальную геополитику никакого позитивного эффекта ни в 1958 г. с идеей признания проамериканского Южного Вьетнама, ни в 1970 г. с признанием

проамериканского режима Лон Нола, ощутимого позитивного эффекта не дали. Хуже того: они нанесли огромный ущерб в первом случае советско-вьетнамским отношениям и особенно межпартийным связям, а во втором — советско-камбоджийским отношениям, когда и без того слабые контакты с компартией Камбоджи вообще прекратились, а СССР был объявлен чуть ли не главным врагом кхмерского народа и красных кхмеров.

Несомненно, что предложение установить контакты с Южным Вьетнамом теснейшим образом было связано с тем, что Н. С. Хрущев был крайне привержен придуманной его советниками так называемой политике «мирного сосуществования» с Западом, которая трактовалась как специфическая форма классовой борьбы во всемирном масштабе, как главное средство недопущения как глобального конфликта, так и более мелких войн. В русле этой концепции только и могла существовать направленная на компромисс со странами Запада политическая линия. Применительно к Вьетнаму было очевидно, что Н. С. Хрущев совершенно не собирался от нее отступать из-за желания руководства ПТВ освободить Юг Вьетнама и объединить страну под своей властью. Он старался мыслить глобально, и в его планах акцент делался на сочетание мирного сотрудничества и конкуренции социализма с империализмом в экономике и политический диалог в вопросах поддержания мира. Это на самом деле оказалась в полном смысле провальная идея, которая противоречила всем марксистским догмам и писаниям классиков, а главное — она не учитывала того, что СССР в любом обличье и при любой политике стоял как «кость в горле» США и коллективного Запада, так как их целью было расчленение и уничтожение СССР как препятствия к абсолютному мировому лидерству.

В Индокитае и во Вьетнаме среди руководства ПТВ идея мирного сосуществования особой поддержки не нашла, так как в Ханое большинство в партийной элите выступало за продолжение борьбы за объединение страны любыми, в том числе военными средствами. Там и представить себе не могли длительное разделение страны на два государства и активно готовились возобновить вооруженную борьбу на Юге.

Очевидно, что Н. С. Хрущев чувствовал оппозицию со стороны ПТВ и в отношении решений XX съезда, и своим планам сохранения статус-кво; это формировало барьер недоговоренности и явно охлаждало взаимные контакты. Советский лидер не раз показывал, что не испытывает особой заинтересованности в событиях во Вьетнаме, а вьетнамские товарищи, в свою очередь, настойчивыми призывами оказать максимально возможную поддержку во всех областях вызывали у него, как мы знаем, у А. И. Микояна и других членов руководства КПСС откровенное раздражение. Такая довольно эмоциональная реакция советского лидера в отношении ДРВ особенно хорошо видна при изучении стенограммы его беседы с Хо Ши Мином, состоявшейся во время визита вьетнамского лидера в Москву летом 1957 г. Товарищ Хо прибыл в советскую столицу 14 июля проездом, направляясь с визитом в восточноевропейские страны, 16 июля он и сопровождавшие его члены вьетнамского руководства встретились с правительственной делегацией СССР во главе с Н. С. Хрущёвым и Н. А. Булганиным, а 17 июля, в день отъезда, у него состоялась отдельная беседа с Н. С. Хрущевым. На ней стоит сосредоточиться особо, так как ее стенограмма крайне необычна. На протяжении всей встречи Хо Ши Мин старался максимально подробно рассказать Н. С. Хрущеву о событиях во Вьетнаме на Юге и о положении в ПТВ. Его собеседник в ответ не выказывал никакого к этому интереса, отвечал на вопросы вьетнамского лидера односложно, не задавая каких-то уточняющих вопросов. Например, заговорили о визите Во Нгуен Зиапа в Москву, и Н. С. Хрущев отвечает: если нужно, то пусть «Во Нгуен Зиап приезжает», об экономической помощи — «да вопросы экономической помощи мы рассмотрим». «Мы, — сказал в заключение беседы Н. С. Хрущев, — изучим ваши документы и затем сообщим Вам свое более фундаментальное мнение». Как видим, никаких

неформальных или дружеских слов и приветствий. Все очень сухо и официально. Именно такой стиль выбрал Н. С. Хрущев для общения с вьетнамскими друзьями.

Не вызывает сомнения, что такой многоопытный политик и просто очень проницательный человек, как Хо Ши Мин, не мог не отметить открыто отстраненное отношение советского лидера к вьетнамским делам, но больше всего его должны были насторожить слова Н. С. Хрущева относительно того, как тот понимает положение, сложившееся во Вьетнаме. Советский лидер отметил, что «можно сказать заранее, что ни Северный, ни Южный Вьетнам не пойдут на взаимные уступки. Надо учитывать существующее положение де-факто, но при этом использовать политический нажим на противников единства Вьетнама и разработать соответствующую тактику. Женевские соглашения, которые были завоеваны вьетнамским народом в упорной многолетней борьбе, являются выгодными для Северного Вьетнама, и поэтому не следует терять вытекающих отсюда преимуществ. Мы считаем, что в своей борьбе вьетнамский народ добился хороших результатов. Кроме того, надо поднимать экономику Севера, создать там экономические преимущества и тем самым повлиять на сознание населения Южного Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и других соседних стран» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 74–78].

Такая позиция Н. С. Хрущева, отрицавшая в принципе всякую возможность продолжения вооруженной борьбы и явно направленная на сохранение во Вьетнаме сложившегося статус-кво, была для вьетнамского руководства, где сторонники возобновления вооруженной борьбы на Юге преобладали, абсолютно неприемлемой. Дело в том, что режим Нго Динь Зьема, с которым хотели установить связи в Москве, являлся крайне жестоким и диктаторским — последовательно уничтожал коммунистов, их партийные ячейки и кадровых бойцов. Глава сайгонского режима и стоявшие за его спиной американцы вместо организации выборов развернули операции по подавлению любой оппозиции, фактически развязали террор против всех, кто сочувствовал коммунистам. В ситуации тотального преследования и без помощи со стороны Севера коммунистам на Юге было не устоять. Однако Н. С. Хрущев как будто этого не знал и не замечал, поэтому все его разговоры о мирном сосуществовании и неприкосновенности Женевских соглашений воспринимались вьетнамскими коммунистами как предательство коммунистов Юга и откровенный ревизионизм.

Их несогласие с позицией советского лидера усиливалось тем, что в это время другой союзник ДРВ — Китай — полностью поддерживал и аграрную реформу, и курс на вооруженную борьбу для освобождения Юга. Так, например, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай указывал руководству ПТВ, что земельная реформа стала большим успехом, потому что производство риса превзошло ожидания на 4 млн т, а сотни тысяч крестьян стали землевладельцами [Пат, 2021, с. 92]. Он призывал еще более усиливать во Вьетнаме «классовую борьбу», так как «капиталистическая идеология глубоко укоренилась в умах вьетнамской интеллигенции, а значит, этих реакционеров необходимо подавить; в противном случае они найдут способы противостоять социалистической революции [Там же].

Председатель Мао в свою очередь высказал одобрение посетившему его вьетнамскому премьер-министру Фам Ван Донгу, отметив: «что касается земельной реформы, Вьетнам провёл ее более правильно и спокойно, чем Китай. По сути, это успех». В отношении ситуации в мире Мао посоветовал Фам Ван Донгу «избегать больших ошибок, совершённых странами Восточной Европы» [Там же]. Нет сомнений, что «великий кормчий» имел в виду ошибки коммунистического руководства Венгрии и Польши, которые оказались недостаточно жесткими к внутренним врагам и допустили мятежи против правления коммунистов.

Все эти заявления Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая вступали в противоречие с оценками и действиями А. И. Микояна и Чэнь Юня в апреле 1956 г., которые были очень критичны относительно

хода аграрной реформы и внутренней политики ПТВ в целом. Но прошло время, в Китае начался «большой скачок в коммунизм», и точка зрения относительно ее характера изменилась. Еще более существенным стало то, что в противовес Москве Пекин в то время всецело поддерживал планы руководства ПТВ решить проблемы национального единства и воссоединения Юга военным путем. Мао Цзэдун открыто выступал за более активные действия против проамериканских властей Южного Вьетнама и поощрял стремление вьетнамских коммунистов к вооруженной борьбе. Все это придавало уверенности вьетнамскому руководству, создавало ощущение справедливости своей позиции и несправедливости позиции СССР, который был чуть ли не готов признать марионеточные власти Юга. В результате, по информации Д. Зусмановича, «в Ханое приняли решение перестать вести диалог и ставить в известность Кремль относительно своих планов и действий в Южном Вьетнаме» [Зусманович, 2016, с. 20].

Этот вывод на самом деле не вполне справедлив и лишь отчасти отражает реальность советско-вьетнамских отношений, сложившуюся во второй половине 50-х. Очевидно, что нет никаких оснований утверждать, что диалог двух сторон прекратился: он продолжался, причем достаточно интенсивно, но действительно атмосфера этого диалога кардинально изменилась, и ставить в известность Кремль относительно своих планов и действий в Южном Вьетнаме в Ханое прекратили, точнее — стали скрывать все то, что могло не понравиться Москве.

Такая перемена в характере взаимных связей и контактов с частичной утратой взаимного доверия, несомненно, представляла собой серьезный негатив в отношениях двух правящих партий. Но нельзя не признать, что со стороны вьетнамского руководства дезинформация относительно своих планов на Юге носила во многом вынужденный характер, так как в Москве явно не разделяли стратегических устремлений Ханоя. В противовес тому, на чем настаивал Н. С. Хрущев, руководство ДРВ готовилось к военному продолжению конфликта и в этой связи стремилось получить наиболее современное оружие. Именно поэтому Хо Ши Мин в беседе с советским послом во Вьетнаме Л. И. Соколовым, которая состоялась в середине января 1959 г., высказал пожелание организовать очередной визит министра обороны ДРВ в Москву. Хо Ши Мин, отмечал в своем сообщении советский посол, сказал, что «в сентябре с. г. Во Нгуен Зиап совершит секретную поездку в Китай и сможет приехать в Москву для того, чтобы дать более детальную информацию, если на это согласны советские товарищи».

Важность этого визита и получения военной помощи для планируемых операций была настолько велика, что Хо Ши Мин в беседе с послом демонстративно старался всячески подчеркнуть свою максимальную поддержку курсу Н. С. Хрущева и всячески приветствовал установление связей СССР и США в рамках неофициальной поездки А. И. Микояна в США. Мне трудно предсказать, заявил он, «каков будет окончательный итог бесед и встреч т. А. И. Микояна в США, но ясно одно, что результат может быть только положительным. Об этом можно судить уже по тому радушному приему, который оказывается т. А. И. Микояну в США со стороны не только простых американцев, но и со стороны американских деловых кругов». Он еще добавил, что «мирные цели визита тов. А. И. Микояна говорят народу Америки о том, что коммунисты не хотят войны не потому, что они ее боятся, а потому, что мир необходим всем народам для созидания» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 22–25].

Содержание таких, явно приятных для кремлевского руководства, заявлений имело вполне понятную и определенную цель — показать поддержку советской политики, а взамен получить от СССР максимально возможную помощь. С одной стороны, восхищение визитом А. И. Микояна соответствовало интересам вьетнамской стороны, но с другой — такие льстивые заявления носили со стороны Хо Ши Мина не вполне искренний характер. Ведь ПТВ и ее руководство вслед

за китайскими товарищами не одобряли огульную критику И. В. Сталина, не принимали и концепцию так называемого мирного сосуществования стран социализма и капитализма, их мирную конкуренцию, считали ревизионизмом идею о том, что возможен приход коммунистов к власти путем выборов, причем винили во всем руководства КПСС и лично Н. С. Хрущева.

Все эти, так любимые советским лидером, новации в коммунистическую доктрину слабо коррелировались с ортодоксальным марксизмом и были на самом деле просто придуманы в недрах КПСС антисталинскими интеллектуалами, которые в лучших традициях российских западников искали возможность достичь устойчивого мира на основе неформализованных договоренностей с капиталистическим Западом. Они действовали по негласному заказу, так как Н. С. Хрущев искал любой повод противопоставить себя ушедшему вождю — не просто обвинить его во всех грехах недавнего прошлого, но и продемонстрировать свой собственный курс, отличный от сталинского. Он хотел выступить таким миротворцем, рассчитывал на успех в экономической конкуренции с Западом и верил, что сможет добиться своих целей глобального советского доминирования без войны.

Все эти надуманные конструкции, в которых Н. С. Хрущев вполне искренне видел свой вклад в марксизм, не просто легли в основание его политики — он стал их пропагандировать как новое слово в коммунистической доктрине и реально их осуществлять: выводить войска из Австрии, Румынии и Финляндии, распускать Коминформ, какой-никакой, но все-таки бледный наследник Коминтерна. У Хо Ши Мина все эти рассуждения и действия советского лидера понимания найти не могли, тем более что буквально накануне его встречи с советским послом на прошедшем под его председательством 14–16 января 1959 г. XV пленуме ЦК ПТВ было принято историческое решение о начале вооруженной борьбы на Юге и о свержении правительства Нго Динь Зьема [Локшин, 2015, с. 138].

Понятно, что шло оно в разрез со всем, что предлагал и за что выступал Н. С. Хрущев и уже в силу этого представляло собой очевидный вызов и даже угрозу как сохранению высокого уровня доверия, так и партийным и государственным взаимосвязям.

В Москве этого решения явно не желали, так как оно кардинально меняло ситуацию во Вьетнаме, вело к тому, что конфликт Севера и Юга вновь выходил на передний план мировой политики, открывался новый раунд войны и соответственно противостояния советско-китайского блока и США и стран Запада, которые стояли за спиной южновьетнамских властей. При таком раскладе ни о каком мирном сосуществовании и речи не было. В Ханое это понимали и, опасаясь гнева Москвы, постарались максимально долго скрывать свое решение, а если и упоминать о ситуации на Юге, то исключительно как о сочетании политической борьбы со стороны ПТВ и выступлений против южновьетнамского режима обездоленных крестьян.

Причина такого обмана заключалась в том, что армии северян, как, впрочем, и прокоммунистическим партизанам на Юге остро требовалось новое советское оружие, и как можно больше, чтобы возобновить военные действия на Юге и вести их эффективно. Наверно, поэтому Хо Ши Мин готов был, наступая на «горло собственной песни», демонстративно показывать послу свою поддержку политике Н. С. Хрущева в международных делах и даже выражать свое искреннее восхищение «искусству т. А. И. Микояна вести беседу» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 22–25].

Подтверждением того, что вьетнамский лидер решил не ставить в известность о своих планах Москву и вел хитрую игру с советским руководством, является его ответ на прямой вопрос советского посла относительно решений, принятых на XV пленуме ЦК ПТВ. Говорил он о них крайне уклончиво, не раскрывая ни сути, ни подробностей обсуждения. Он лишь сказал, что на пленуме «подробно разбираются причины отдельных недостатков за прошедший период в работе партии

на Юге, разрабатываются меры для их устранения». Единственным намеком на реальное положение дел стала его фраза о том, что современное положение в Южном Вьетнаме можно определить как «назревание революционной ситуации» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 22–25].

По всей видимости, в Москве сочли ответ Хо Ши Мина на вопрос посла недостаточно полным, там явно желали получить более значимую информацию о принятых вьетнамскими товарищами решениях и потребовали от главы советской дипмиссии вновь поднять этот вопрос. Поэтому на встрече с Ле Зуаном Л. И. Соколов обратился к нему с просьбой «проинформировать нас о решениях XV Пленума, который рассмотрел основные проблемы развития революционного движения в Южном Вьетнаме, борьбы за объединение страны. Тов. Ле Зуан, по сообщению посла, выразил согласие, но оговорил, что резолюция XV пленума нуждается пока в окончательной доработке. Он указал, что у него будет еще возможность проинформировать советского посла по основным моментам положения в Южном Вьетнаме и развертываемой там работы, ибо он полагает, что сегодняшняя встреча является лишь началом последующих деловых и дружеских контактов» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 102–107].

Из беседы Ле Зуана с советским послом следует, что он, как и Хо Ши Мин до него, не стал подробно обсуждать решения, принятые на прошедшем пленуме, пообещав в будущем это сделать. Явное нежелание лидеров ПТВ рассказывать советскому представителю, что они решили относительно политики на Юге Вьетнама, служит подтверждением того факта, что неинформирование, а точнее — введение советского руководства в заблуждение относительно цели и направления политики ПТВ было продуманной политикой и касалось всего руководящего состава партии. Это делалось намеренно и оправдывалось тем, что они справедливо полагали: руководство КПСС, которое было так привержено Женевским соглашениям и не желало никакого нового конфликта в Индокитае, наверняка выступит резко против возобновления вооруженной борьбы на Юге. Правда, при этом Ле Зуан, как это сделал до него и Хо Ши Мин, старался рассуждениями о «новой фазе борьбы на Юге, о существующей там революционной ситуации» готовить Москву к принятию их политического выбора.

В Москве, так и не получив исчерпывающей информации из «первых рук», не успокоились и продолжали требовать от посла, чтобы он добился от вьетнамского руководства более определенного ответа о принятых решениях. Можно предположить, что по другим каналам информация о решении начать вооруженную борьбу на Юге в Москве имела, но Н. С. Хрущев, видимо, хотел получить сообщение о принятых в противовес его советам решениях непосредственно от лидеров партии и страны. Поэтому в конце мая 1959 г. на встрече с Фам Ван Донгом Л. И. Соколов вновь задал все тот же уже ставший сакраментальным вопрос о решениях XV пленума. Он спросил своего собеседника о том, когда посольство сможет получить необходимую информацию о решениях XV и XVI пленумов ЦК ПТВ. Тов. Фам Ван Донг, по сообщению посла, не дал определенного ответа, сказав, что «до настоящего времени резолюции этих пленумов окончательно еще не отредактированы». «Как только будет закончена их редакция, посольство будет немедленно должным образом поставлено в известность» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 123–126].

Как мы видим, вьетнамское руководство и дальше продолжило свою «игру в молчанку», довольно откровенно показывало свое нежелание информировать и обсуждать с Москвой ключевые решения, которые оно принимало. Это не могло не вызвать раздражения и подозрений в Москве, так как было известно, что сам пленум состоялся в середине января и советские товарищи справедливо полагали, что к концу мая вьетнамские друзья могли бы уже отредактировать принятые документы и ознакомить их с ними. Но в Ханое этого не делали или не решались сделать, зная взрывной характер советского лидера, и справедливо полагали, что Н. С. Хрущев в ответ на игнорирование

его рекомендаций относительно сохранения мира и Женевских соглашений мог взять и одним решением остановить советскую помощь ДРВ, которая была по многим показателям даже больше, чем помощь со стороны Китая.

В связи с этим очевидно, что политику ПТВ в отношениях с Москвой можно рассматривать как продуманную игру, цель которой заключалась в том, чтобы получить как можно больше помощи, не ставя в известность Н. С. Хрущева о реально принятых решениях и планах. Скорее всего, вьетнамские руководители предполагали постепенно подготовить советского лидера к таким малоприятным для него известиям. Более того, рассчитывали, видимо, добиться серьезных успехов в Южном Вьетнаме и тогда в совершенно иной обстановке свершившихся успехов рассказать о своих планах советскому руководству. Архивные документы показывают, что в Москве прекрасно видели эту игру руководства ПТВ и делали соответствующие выводы, которые явно не шли на пользу взаимным отношениям. Об этом может свидетельствовать новая встреча Н. С. Хрущева и Хо Ши Мина в Москве в июле 1959 г., в ходе которой заметное охлаждение отношений стало свершившимся фактом.

Изучение стенограммы их беседы, состоявшейся 3 июля 1959 г., обнаруживает тот вызывающий удивление факт, что вся она была посвящена ситуации в Лаосе. Н. С. Хрущев хотел, видимо, показать своему визави, что Лаос и перипетии борьбы за власть в этой стране его волнуют больше, чем то, что происходит на Юге Вьетнама. В ходе беседы о положении там практически ничего не говорилось, впрочем, как и не поднимался вопрос о предоставлении нового пакета советской помощи. Н. С. Хрущев старался продемонстрировать равнодушие и незаинтересованность относительно действий и решений ПТВ. В качестве примера царившей в ходе беседы атмосферы можно привести слова Н. С. Хрущева в ответ на сообщение Хо Ши Мина о том, что крестьяне Вьетнама собрали хороший урожай. Советский лидер как будто это не услышал и вместо поощрения стал указывать на ошибки китайских товарищей в ходе коллективизации, а потом рассуждать о своих отношениях с президентом Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насером и о положении, сложившемся в Ираке.

Дальше он начал знакомить вьетнамского лидера с глобальными успехами советской внешней политики, которую он курировал лично. В его рассуждениях содержался недвусмысленный намек на то, что те, кто следует его рекомендациям и предложенной им политике, преуспевают и у него на хорошем счету. А вот ДРВ, судя по отсутствию позитивных коннотаций относительно ее политики и отсутствия всякого упоминания ее и ее руководства Н. С. Хрущевым в позитивном плане, явно в эту обойму не входила. Лишним свидетельством этого стал его ответ на очередное приглашение Хо Ши Мина посетить Вьетнам. В документе сказано, что «Тов. Н. С. Хрущев рассказывает т. Хо Ши Мину, что в этом году это абсолютно невозможно, поскольку предстоит его поездка во главе партийно-правительственной делегации в Польскую Народную Республику, затем он должен выехать в Скандинавские страны, а затем будет в отпуске. Возможно, что удастся побывать во Вьетнаме в будущем году» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 89–92].

Почему Хрущев не доверял вьетнамскому руководству

Как мы знаем, обещание приехать в Ханой в следующем году было лишь удобной отговоркой, чтобы показать, что вьетнамские дела не стоят у советского лидера на переднем плане. В 1960 г. Н. С. Хрущев будет активно путешествовать, например, с 11 февраля по 5 марта 1960 г. он побывает в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане, но во Вьетнам, который, можно сказать, был совсем рядом, так и не заедет. А там его очень ждали, причем Хо Ши Мин заранее специально

пригласил к себе советского посла и сообщил, что в связи с предстоящим в феврале месяце визитом т. Н. С. Хрущева в Индонезию он хотел бы выяснить возможности посещения т. Н. С. Хрущевым и ДРВ. По информации посла, Хо Ши Мин сказал, что если «маршрут перелета будет разработан так, что т. Н. С. Хрущев по пути в Индонезию сделает остановку не только в Нью-Дели, но и в Рангуне, то мы считаем, что он сможет посетить и Ханой. Мы, продолжал Президент, хотим пригласить т. Н. С. Хрущева побывать в ДРВ, тем более что Никита Сергеевич дал мне на это в Москве принципиальное согласие, а я указал, что наиболее подходящим периодом посещения Вьетнама с точки зрения климатических условий является весна». Президент, сообщал далее посол, «затем обратился ко мне с просьбой выяснить возможности, существующие в этом вопросе» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 23. Д. 6. Л. 1–3].

Понятно, почему так стремились вьетнамские товарищи принять Н. С. Хрущева в Ханое. Такой визит стал бы в определенном смысле знаком одобрения со стороны Москвы и ее согласия со всеми их действиями. Рассчитывали еще и на то, что в Ханое, на вьетнамской земле, было бы легче убедить советского вождя в правильности выбранного ими курса. Н. С. Хрущев все это понимал, и его отказ от визита во Вьетнам был определенным жестом, который свидетельствовал, что советский руководитель недоволен политикой ПТВ и зримо это показывал. Вполне вероятно, что он еще хотел таким образом отреагировать на то, что так и не получил от вьетнамских друзей всей информации о состоявшихся пленумах ЦК ПТВ и в целом хотел показать, что не одобряет политику северовьетнамского руководства на Юге страны. Не менее существенным, видимо, было и то, что в условиях разраставшегося конфликта с КПК и лично с Мао Цзэдуном он полагал, что руководство ПТВ выступает против него и находится не на правильной стороне, а больше поддерживает КПК, чем КПСС.

Для таких выводов у него уже были довольно веские основания. Так, например, в справке, подготовленной в это время в посольстве СССР в ДРВ и направленной в центр, отмечалось, что «в плане политическом между ДРВ и КНР существуют тесные контакты. В 1959 г. тов. Хо Ши Мин неоднократно посещал Пекин, где встречался с тов. Мао Цзэ-дуном, Лю Шао-ци, Чжоу Эньлаем и др. В результате этих встреч и переговоров в феврале 1959 г. был подписан целый ряд соглашений, имеющих важное значение в плане политического и экономического сотрудничества» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 30. Д. 20. Л. 47–52]. В документе также указывалось, что между ЦК ПТВ и ЦК КПК «имеют место постоянные связи, осуществляемые путем консультаций и предоставлением необходимой информации». Но что больше всего могло расстроить советского руководителя, так это замечание о том, что «при проведении социалистических преобразований вьетнамские друзья в большей степени используют опыт КНР..., что ежегодно Китай посещают 70–100 вьетнамских делегаций» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 30. Д. 20. Л. 47–52].

Говорилось в документе еще и о том, что Китай — первый по значимости торговый партнер ДРВ, что почти 100 вьетнамских студентов там обучаются, что все мало-мальски серьезные решения вьетнамские товарищи согласовывают с китайскими друзьями [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 30. Д. 20. Л. 47–52]. Нет сомнений, что такая информация только усиливала скепсис советского лидера относительно возможности влиять на политику ДРВ и ПТВ. Не исключено, что он вообще решил для себя, что конкурировать с Китаем на этом поле вообще бессмысленно.

Но, с другой стороны, он должен был отдавать себе отчет в том, что все эти связи с Китаем налаживались и развивались при полной поддержке Москвы, и ничего неожиданного и криминального во всех этих многообразных отношениях не было. Дело в том, что еще в декабре 1949 г. на одной из встреч между И. В. Сталиным и Мао Цзэдуном советский вождь, указав на культурную и историческую близость Китая и Вьетнама, сказал своему собеседнику относительно вьетнамских

дел буквально следующее: «Разбирайтесь сами, а мы, если будет необходимо, вас поддержим, поможем, но Вы нас регулярно информируйте» [Ильинский, 2005, с. 16]. Уже после ухода И. В. Сталина, в 1954 г., формируя советскую политику в Азии, председатель Совета министров СССР Г. М. Маленков на встрече с премьером ДРВ Фам Ван Донгом, выслушав его просьбу об оказании помощи, по воспоминаниям М. С. Капицы, занимавшего тогда пост советника-эксперта Дальневосточного отдела МИД СССР, стал рассуждать в том духе, что «появление новых государств народной демократии требует больших усилий и средств, одному Советскому Союзу это не по плечу, поэтому было бы целесообразно разделить функции между СССР и КНР. Советский Союз заботился бы об укреплении социализма и народной демократии в Европе, а Китай — в Юго-Восточной Азии» [Капица, 1996, с. 269]. Из этого следует, что советское руководство не просто было согласное, оно выступало за то, чтобы усилить и развить влияние китайских коммунистов в Азии и, в частности, в ДРВ. С 1954 г. неформально, но реально вьетнамские дела находились в сфере ответственности прежде всего китайских друзей [Наумкин, 2022], которые тогда по версии министра иностранных дел В. М. Молотова совместно с СССР возглавляли социалистический лагерь [Рябенко, 1998, с. 54]. Так что очевидно, что тесные связи ПТВ с КПК были фактически одобрены и санкционированы в Москве. Но дело в том, что такая ситуация устраивала Н. С. Хрущева до тех пор, пока советско-китайские отношения носили дружественный и тесный характер, когда же обозначились конфликты и противоречия, существовавшее в ЮВА статус-кво уже не могло устраивать Москву.

Из сложившегося расклада сил, масштаба контактов и связей ПТВ и КПК советский лидер, не погружаясь в сложную историю вьетнамо-китайских отношений, мог сделать вполне однозначный вывод о том, что руководство вьетнамских коммунистов самым тесным образом связано с КПК и в разгоравшейся дискуссии явно будет не на его стороне, а на стороне Пекина. Как справедливо отмечал Кристофер Гоша — известный канадо-американский историк, специализировавшийся на изучении истории «холодной войны» в Азии, «с 1950 г. вьетнамские коммунисты уже импортировали марксизм-ленинизм и в изрядной степени маоизм, чтобы структурировать партийное государство, настроить определённым образом верную бюрократию и новую военную касту и преобразовать общество и экономику по коммунистическому шаблону» [Goscha, 2016, p. 291]. А по мнению Нгуен Лиен Ханга, еще одного известного в этой сфере вьетнамо-американского автора, «Пекин имел большее влияние на политику Ханоя, чем Москва» из-за сильной зависимости Северного Вьетнама от китайской помощи [Nguyen, Lien-Hang. 2012, p. 41–42].

Но если поставить вопрос о преимущественной ориентации вьетнамского руководства на Китай несколько иначе и рассмотреть, как это воспринималось в Ханое, то будет очевидным, что правящие круги в ПТВ постоянно стремились найти в СССР некий контрбаланс своим отношениям с Китаем и были крайне заинтересованы в сохранении контактов с Москвой. С этой точки зрения в Ханое не вполне понимали скепсис и индифферентность советского лидера, какие «красные линии» они переступили и почему сложилась такая странная ситуация, почему то, что раньше углубление связей с Китаем считалось нормальным, рассматривалось как позитивное действие и не вызывало никакого протеста, превратилось в один из «каменей преткновения» в отношениях с СССР.

С точки зрения Н. С. Хрущева близость к Китаю и тесные с ним связи рассматривались как свидетельство поддержки линии Мао в коммунистическом движении и отхода от позиции Москвы. В Кремле, к сожалению, даже не замечали, что во внутренней политике ПТВ следует не китайскому, а советскому опыту административного строительства. Известный китайский историк Цян Чжай отмечал, что «обожжённые опытом земельной реформы, Хо Ши Мин и его коллеги в конце 1950-х годов постепенно отошли от маоистской модели массовой мобилизации, классовой борьбы и непрерывной революции в сторону советской модели централизации и управленческого контроля» [Zhai,

2000, р. 76]. Уже один этот факт мог бы изменить позицию советского лидера. Но он то ли этого не замечал, то ли не хотел замечать, скорее всего, именно по инициативе Н. С. Хрущева ДРВ перестали считать первостепенной с точки зрения близости и союзничества, заметно ограничили взаимные связи и стали переводить отношения с ней на периферию советской внешней политики. Исходя из такой тенденции, Москва и стала в начале 60-х годов выстраивать свои отношения с Ханоем.

С точки зрения советского руководства приоритет Китая в отношениях с ДРВ был несправедлив, так как по вопросам помощи и содействия СССР ни в чем не уступал, а даже превосходил КНР. Например, в сфере военной помощи — во второй половине 50-х Северный Вьетнам получил ее в общей сложности в объеме 49 585 т: 29 996 т от Советского Союза, 22 982 т от Китая и 441 т от других социалистических стран [Lê Văn Thịnh, 2012, р. 48–55]. В период с 1955 по 1960 г. Китай предоставил ДРВ финансовые средства в размере 1,2 млрд юаней, из которых безвозмездная помощь составила 900 млн юаней (800 млн в 1955 г. и 100 млн в 1959 г.); 300 млн были предоставлены в качестве долгосрочного кредита в 1959 г. Из 1,2 млрд юаней 638 млн было использовано на экономическое развитие и 262 млн — на военные расходы [Косал, 2021, с. 92]. За период 1955–1960 гг. советская помощь Северному Вьетнаму составила 560 млн руб. (около 0,5 млрд долл.), в том числе 530 млн — экономическая и 30 млн — военная помощь, что составляет 35% общей безвозмездной помощи и кредитов от социалистического блока [Там же, с. 93]. Размер безвозмездной помощи и займов превысил 300 млн руб. По семи соглашениям с 1955 по 1960 г. Москвой было предоставлено кредитов в размере 208 млн руб. [Там же, с. 92]. Из всех этих данных следует, что с точки зрения всех видов помощи Китай ни в чем не превосходил СССР, тем не менее политическое влияние СССР сильно уступало китайскому.

Но и этот тезис, а скорее даже некий стереотип, даже для рубежа 50-х и 60-х годов можно поставить под сомнение. Да, ориентация на Китай была несомненной, поддержка китайской позиции в споре с КПСС очевидной, но в то же время можно найти массу примеров, когда не китайская, а именно советская точка зрения учитывалась при подготовке важных партийных решений и документов. Один из наиболее очевидных примеров — пересмотр уже готовых партийных решений на состоявшемся в сентябре 1960 г. III съезде ПТВ. По сведениям И. Гайдук, руководство ДРВ собралось на этом съезде открыто высказаться за вооруженный путь объединения страны, в Москве это восприняли с удивлением и недовольством. Советское руководство заявило, что это будет означать объявление войны сайгонскому режиму и что страны СЕАТО могут воспринять такое заявление как косвенную агрессию и вмешаться в войну. Вместо этого СССР предлагал ограничиться моральной поддержкой южновьетнамского населения и продолжить строить социализм на Севере [Gaiduk, 2003, р. 114]. В подтверждение этой версии И. Гайдук приводит телеграмму, посланную ЦК КПСС и Президиумом Верховного Совета СССР Хо Ши Мину по случаю его 70-летия от 18 мая 1960 г., где говорилось о мирном демократическом объединении Вьетнама [Ibid, р. 115]. Именно этот текст, сформулированный в Москве, нашел отражение в документах съезда. В них ни о каком вооруженном пути объединения страны речи не идет. Основным содержанием генеральной линии партии названы были задачи строительства социализма в Северном Вьетнаме и борьба за мирное объединение страны. Это как раз было именно то, чего и добивалось советское руководство [Огнетов, 2008, с. 73].

Еще надо отметить, что на самом съезде вопросы вооруженной борьбы на Юге особо не поднимались и оставались на периферии его работы. Однако в отчетном докладе ЦК ПТВ III съезду говорилось, с одной стороны, о необходимости «...бороться за соблюдение Женевских соглашений», что коррелировалось с рекомендациями Москвы, но с другой — выдвигалась задача «освободить Южный Вьетнам от реакционного господства американских империалистов и их

приспешников» и отмечалось, что «...наш народ должен усилить революционную борьбу в Южном Вьетнаме» (цит. по: [Тихонов, 2008, с. 173]), что отражало позицию Китая. Мы видим, таким образом, что в Ханое стремились балансировать между Москвой и Пекином и не складывать все «яйца в одну корзину». К сожалению, в Москве такую стратегию вьетнамских друзей не все правильно понимали и оценивали.

На этом съезде Ле Зуан выдвинул идею создания на Юге широкого общественного фронта всех враждебных Нго Динь Дьему (так в тексте — *Д.М.*) сил [Дивильковский, Огнетов, 1978, с. 188]. Именно этот фронт должен был стать политическим представителем оппозиционных сайгонскому режиму партий и групп населения и в случае отказа от переговоров возглавить военно-политическую борьбу за свержение сайгонского режима. Появление этого фронта как раз и шло в русле советов из Москвы относительно развертывания политической борьбы, хотя очевидна была его полная зависимость от ДРВ и позднее он не столько выступал от лица южновьетнамского населения, сколько служил удобным «зонтиком», под защитой которого могли развернуться регулярные части северовьетнамских войск, замаскированных под южновьетнамских партизан.

Так что говорить о том, что советское влияние практически отсутствовало или было крайне незначительным, не совсем верно. Именно под влиянием Москвы руководство ПТВ не просто сделало ставку на вооруженную борьбу, а пыталось политически маневрировать, стараться сочетать все виды борьбы. Кстати, именно о таком подходе как раз и свидетельствует резолюция съезда о поддержке коммунистов на Юге, которая некоторыми авторами рассматривается как доказательство предпочтения чисто военных методов борьбы. На самом деле там говорилось о примате именно политических методов борьбы, военные выступали как крайний случай для защиты революционных баз. Вообще на съезде торжествовала повестка Москвы, то есть главные цели — политическая борьба на Юге и ускоренное развитие экономики Севера.

О том, что в Москве оценили «правильный» настрой руководства ПТВ, свидетельствует тот факт, что после подведения итогов съезда поток советской помощи стал быстро увеличиваться. Еще до съезда в июне 1960 г. СССР предоставил ДРВ ссуду в 350 млн руб., а 23 декабря 1960 г. было подписано советско-вьетнамское Соглашение об оказании экономического и технического содействия ДРВ в осуществлении плана развития народного хозяйства на 1961–1965 гг. По этому соглашению СССР предоставил ДРВ долгосрочный кредит в 430 млн руб. и 20 млн руб. безвозмездно для борьбы с малярией [Gaiduk, 2003, p. 31].

Хрущев — Хо Ши Мин: спор о кризисе мирового коммунизма

Успех советской повестки на III съезде ПТВ можно объяснить еще и тем, что неожиданно и Китай на съезде занял довольно близкую к Москве позицию в отношении перспектив развития ситуации на Юге Вьетнама. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай сказал тогда, что Южный Вьетнам должен быть освобожден и что сделано это должно быть при помощи комбинации политической и вооруженной борьбы [Ibid, p. 47]. Особый вес поддержке Китая придавало то, что он в 1960 г. обеспечил 52,9% от всей помощи социалистических стран [Burnham, 1967, p. 188].

Как мы видим, вьетнамскому руководству удалось в 1960 г. найти баланс советских и китайских интересов и получать помощь и от Москвы, и от Пекина. Однако надо признать: не все у него получалось, иногда руководство ДРВ делало буквально фатальные ошибки, отторгая от себя важнейших союзников. Я имею в виду известное письмо Хо Ши Мина, направленное в адрес Н. С. Хрущева, в котором вьетнамский лидер на правах старого коммуниста еще коминтерновского призыва попытался вмешаться с самыми лучшими намерениями и советами в разгоравшийся конфликт

КПСС с китайскими товарищами, а если говорить точнее, то в споры между Н. С. Хрущевым и Мао Цзэдуном.

Эта проблема его сильно волновала, он видел страшные угрозы делу всей своей жизни — борьбе за победу коммунизма и уничтожение капитализма и империализма из-за углубления разрушительного для коммунистического движения противостояния. В связи с этим 22 июня 1960 г. он пригласил к себе временного поверенного в делах СССР в ДРВ Н. Н. Годунова, и тот позже записал в своем дневнике, что «сегодня т. Хо Ши Мин пригласил меня и продиктовал текст письма, адресованного т. Н. С. Хрущеву, которое он тут же подписал. Президент просил передать данное письмо адресату». Затем, как пишет советский дипломат, «Тов. Хо Ши Мин коротко пояснил причины, вынудившие его обратиться с соответствующими предложениями к ЦК КПСС и ЦК КПК. Нам известно, сказал он, что по ряду кардинальных вопросов, таких, например, как проблема мирного сосуществования двух различных социально-экономических систем, пути строительства социализма и коммунизма, вопрос о всеобщем и полном разоружении, существуют расхождения во взглядах между КПСС и КПК. В настоящее время и при сложившейся международной обстановке это различие точек зрения может повлечь за собой серьезные последствия, тем более что дискуссия уже ведется открыто на страницах партийной печати». Далее Хо Ши Мин отметил, что «в капиталистических странах уже пытаются раздуть эти разногласия и тем самым подорвать единство нашего лагеря. Я считаю, — указал вьетнамский лидер, — что необходимо в наших общих интересах предотвратить открытую дуэль, которая кроме вреда ничего не принесет. Чем скорее это будет сделано, тем будет лучше. Видимо, прежде чем созвать совещание всех братских коммунистических и рабочих партий, ЦК КПСС и ЦК КПК должны совместно обсудить существующие спорные вопросы в ходе совместной встречи и прийти к общему согласию. У нас в партии, — заметил тов. Хо Ши Мин, — уже имеют место в связи с этими разногласиями недоуменные вопросы, но мы стараемся предотвратить их постановку и призываем членов ПТВ подождать и не делать никаких скороспелых выводов» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 23. Д. 6. Л. 160–162].

Весь этот текст беседы чрезвычайно интересен и показывает Хо Ши Мина и как убежденного коммуниста, и как политика, который стремится предотвратить раскол коммунистического движения. Особый интерес вызывает его фраза о том, что в партии «задают недоуменные вопросы». Он не уточняет, относительно политики кого именно из коммунистических лидеров партийные кадры ПТВ испытывают недоумение, но безо всякого уточнения понятно, что речь шла о Первом секретаре ЦК КПСС, так как его политика сдерживания ДРВ, развенчания культа Сталина и отход от ортодоксального марксизма вызывала критику и протесты в рядах вьетнамских коммунистов. По воспоминаниям И. А. Огнетова, многие высокопоставленные вьетнамские деятели обвиняли именно Н. С. Хрущева и его политику в расколе с КПК и начале разделившего коммунистический мир конфликта.

Важно выяснить еще и то, почему Хо Ши Мин написал это письмо, справедливо предполагая, что оно неизбежно вызовет обострение и без того его сложных отношений с советским лидером. Здесь мне видится образ коммуниста еще ленинского призыва, старого коминтерновца, для которого нет национальных границ и отдельных партий, а есть всемирная коммунистическая организация, которой грозит разрушение. При всей его любви к родному Вьетнаму он не мог поступить иначе, так как всю жизнь посвятил борьбе за победу коммунизма, строил мировую коммунистическую систему и не мог, спокойно стоя в стороне, смотреть, как она идет под откос. Поэтому он поставил вопрос единства мирового коммунизма выше сиюминутных отношений Ханоя и Москвы, понимая, что если удастся переломить тенденцию к конфликту и укрепить единство коммунистического движения, то и проблемы в отношениях Москвы и Ханоя исчезнут как бы сами по себе.

Но в данном конкретном случае его попытка повлиять на Н. С. Хрущева и намекнуть ему на его ошибки и просчеты, необходимость поиска компромиссов с Мао ради восстановления единства коммунистов ни к чему хорошему для Хо Ши Мина и ДРВ не могла привести. Судя по всему, Н. С. Хрущев был твердо уверен в своей правоте, видел себя мировым лидером коммунизма, не переносил любую критику в свой адрес, особенно от бывшего коминтерновца с неясными связями в прошлом. Он даже представить себе не мог свою неправоту, то, что действовал на достижение своих политических целей без учета объективных факторов, мнения окружающих, собственных возможностей и вероятных последствий. История показала, что прав оказался именно Хо Ши Мин, что советский лидер произвольно, без серьезного обсуждения с представителями мирового коммунизма ревизовал ортодоксальную марксистскую доктрину, включив в нее концепцию «мирного сосуществования» и фактически исключив из нее идею мировой революции. Все это (кстати, его мемуары тоже — *Д.М.*) показывает, что Н. С. Хрущев был не очень хорошо образованным человеком, не любил теорию, выступал по жизни чистым практиком, но его практика подчас мало соотносилась с классическим марксизмом.

Как и можно было предположить, Н. С. Хрущев так и не ответил Хо Ши Мину и отказался от выполнения его главного предложения — провести закрытые консультации и дискуссии с представителями КПК и постараться найти компромисс. Скорее всего, он думал, что письмо написано по рекомендации китайских товарищей, и в этой связи еще более укрепился в своей неприязни к вьетнамскому лидеру, а значит, и к ПТВ в целом. Кстати, после этого письма он встретился с Хо Ши Мином лишь только один раз в Пицунде, где они провели две содержательные беседы 17 и 19 августа, причем обе прошли по инициативе Хо Ши Мина, который при начале беседы 17 августа сказал советскому лидеру, что «главное, что заставило меня приехать в Советский Союз, так это албанский вопрос. Эту поездку я предпринял по своей инициативе» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141].

До этого момента, когда он определил для Н. С. Хрущева цель беседы, он терпеливо слушал, как советский руководитель выкладывал свои обиды и претензии к албанскому руководству — и советские подводные лодки, стоявшие в порту Влера, захватили, и промосковских людей в руководстве убили, ведут себя, особенно Мехмет Шеху, просто по-бандитски и вообще они превратились в орудие китайцев, направленное на СССР. Несмотря на очевидное раздражение и даже ярость своего собеседника относительно действий руководства Албанской партии труда (АПТ), Хо Ши Мин как один из последних паладинов — защитников общего коммунистического пространства попытался защитить албанских товарищей. Он сказал, что «мы все признаем, что в единстве стран социалистического лагеря большая сила. До последнего времени Албания была членом этой большой социалистической семьи. Если же Албания будет публично исключена из этого содружества, то это ляжет на нас черным пятном. Албания — малая страна, самая малая в большой семье социалистических народов. Признано, что СССР является главой социалистической семьи. И если руководствоваться семейными чувствами, то старший брат должен помогать младшему брату, защищать его, прощать его ошибки. Если Албания будет исключена из содружества социалистических стран, то ее легко могут проглотить империалисты. От этого пострадает албанский народ. Можем ли мы допустить, чтобы из-за ошибок отдельных людей страдал весь народ?

Далее Хо Ши Мин провел параллель с Вьетнамом. Он сказал, что «наша страна — Вьетнам и партия ПТВ — малые. С точки зрения географического положения мы имеем много общего с Албанией. Рядом с нами есть враги, которые готовы проглотить нас. И если бы мы представили на минуту, что с нами нет Советского Союза, то что бы тогда стало с нашей родиной?»

Несомненно, отметил он, «албанские руководители допустили ошибки, но албанский народ их не совершал. Не допускаете ли Вы такой мысли, что можно критиковать албанских руководителей и в то же время помогать албанскому народу?.. Вот почему я обращаюсь к Вам с призывом проявить снисходительность. Я хочу только одного: чтобы на общей картине прекрасных успехов не было темных пятен и чтобы албанский народ не страдал из-за плохих руководителей. Возможно, я выступаю адвокатом по очень нехорошему делу. Но я верю в величие старшего брата. Очень важно, чтобы натиску империализма мы противопоставили монолитное единство социалистической семьи. Это особенно необходимо теперь, когда Албания уподобилась кошке, которая угрожает тигру. И когда тигр извинит кошку, то от этого он еще больше возвеличится. Именно это и заставило меня проделывать к Вам многотысячный путь» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141].

В ответ Н. С. Хрущев довольно жестко осадил Хо Ши Мина. Он спросил его: «Просила ли Вас Албания предпринять такой демарш? Если она не просила, тогда как же быть? Допустим, что мы изменим наше отношение к албанским руководителям, а они после скажут, что не желают дружить с Советским Союзом. В каком положении мы тогда окажемся?» Далее он обвинил Хо Ши Мина в том, что его позиция «сильно походит на христианскую догму непротивления злу насилием: когда тебя бьют в одну щеку, подставляя другую». Хо Ши Мин отвечает, что это его позиция и что «если бы албанские товарищи слушали меня, они не совершили бы таких проступков. Думаю, что я, как старый коммунист, должен выступить в роли примирителя. Хотя я почти уверен, что албанские руководители меня не поймут» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141].

В завершение беседы 17 августа Н. С. Хрущев решил показать, что его не убедили доводы вьетнамского лидера в защиту Албании, и сказал Хо Ши Мину, что «теперешние дела албанских руководителей несовместимы со званием коммунистов. Не исключено, что они не те, за кого себя выдают. Поезжайте к ним, выслушайте их мнение. Они, наверное, скажут, чего они хотят» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141]. В этих словах советского лидера слышится предупреждение товарищу Хо, что он защищает не коммунистов, а скорее пособников империалистов и врагов СССР. Тем не менее во время следующей беседы, состоявшейся там же, в Пицунде, 19 августа, после обсуждения вопросов, связанных с ситуацией в Южном Вьетнаме, где Хо Ши Мин был оптимистичен в отношении перспектив роста революционного движения, он сообщил своему собеседнику, что крестьяне массово поддерживают коммунистов, рассказал о зверствах режима Нго Динь Зьема и о вынужденном вооруженном ответе на эти действия, и вновь, несмотря на очевидное нежелание Н. С. Хрущева, вернулся к албанскому вопросу.

Хо Ши Мин предложил советскому лидеру посмотреть условия примирения с албанцами, которые он сформулировал на основе их разговора 17 августа. Н. С. Хрущев в целом их одобрил, но дальше после обсуждения роли Китая в Албании неожиданно посоветовал своему собеседнику обращаться не к нему, а совсем по другому адресу. «Вам надо говорить с тов. Мао Цзэдуном, — сказал Н. С. Хрущев, — ибо, по правде говоря, вопрос о нашей дружбе с Албанией решается не в Тиране, а в Пекине» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 560. Л. 141–150].

Очевидно, что Хо Ши Мин проделал огромный путь в Москву и в Пицунду совсем не для такого ответа. К его разочарованию, Н. С. Хрущев отказался даже вступать в дискуссию, он уже сформировал свое мнение по албанскому вопросу и не собирался даже его обсуждать. Более того, когда речь пошла о конкретных условиях примирения КПСС с албанскими коммунистами, которые сформулировал и предложил советскому лидеру Хо Ши Мин, Н. С. Хрущев фактически отстранился от решения вопроса, переадресовав эти условия для представления в Пекин. Он даже не понимал, что таким ответом полностью дискредитирует себя как лидера мирового коммунизма, что для товарища Хо и старого коммуниста, как он сам себя называл, было особенно печально, так как он

убедился в нежелании Н. С. Хрущева решать накопившиеся проблемы и конфликты и поддерживать единство коммунистического движения. Кроме того, он увидел, что отношение Н. С. Хрущева к политике албанского руководства во многом напоминало его отношение к советско-вьетнамским связям — советский лидер сформировал свою позицию, и никакие доводы не могли его с этой позиции сдвинуть. Проблема Н. С. Хрущева заключалась в том, что он во многих случаях очень упрощал ситуацию, искал наиболее элементарные и очевидные мотивы тех или иных событий, не всегда понимал и воспринимал ситуацию во всей ее полноте. Он проходил мимо возможных компромиссов, не учитывал отдаленные последствия своих действий, был очень самонадеян и подчас груб.

Скорее всего, он просто не понимал тех опасений и тревог, которые испытывал Хо Ши Мин относительно будущего мирового коммунизма: они находились в разных мирах и хоть общались на русском языке, но получалось, что говорили на разных языках — вьетнамский лидер рассуждал о глобальных задачах строительства нового общества, о важности сохранения единства мирового коммунизма, а Н. С. Хрущев говорил о возмущавших его обидах и «плохом поведении» тех или иных коммунистических лидеров. Вьетнамский лидер, видимо, казался ему каким-то странным человеком из прошлого, из 30-х годов, ортодоксальным коммунистом, хотя на самом деле Хо Ши Мин был реалистом, говорил и заботился о будущем мирового коммунизма, которое на его глазах превращалось в вереницу бесконечных споров, обид и столкновений, что подрывало его способность противостоять мировому капитализму и ставило под вопрос возможность достижения объявленных еще классиками целей.

Судя по последующим событиям, несмотря на все усилия и доводы Хо Ши Мина, никакого изменения позиции советского вождя не произошло. Более того, как считает А. С. Стыкалин в своей рецензии на монографию И. В. Селиванова «Советский Союз и Вьетнам: “Балканский вектор” в их отношениях при Сталине, Хрущеве и Брежневе», «стремление Хо Ши Мина заступиться за албанцев едва ли не стало фактором, подтолкнувшим импульсивного Хрущева к дальнейшей эскалации конфликта с Тираной» [Селиванов, 2024].

Интересно в этой беседе еще и то, что кроме темы Албании Н. С. Хрущев говорил о Китае и китайских реформах в сельском хозяйстве и посоветовал Хо Ши Мину «не создавать во Вьетнаме коммун и не увлекаться гигантоманией в кооперативном строительстве». В ответ Хо Ши Мин сообщил, что «сейчас в ДРВ кооперировано 85% крестьянских семей и в среднем в кооперативе от 50 до 200 семей». Тем самым он сообщил Н. С. Хрущеву важную информацию — во Вьетнаме не идут по китайскому пути в сельскохозяйственном строительстве, но советский лидер даже не обратил на этот факт никакого внимания. После этого Н. С. Хрущев, как записано в стенограмме, вновь обещал посетить Вьетнам, а Хо Ши Мин в очередной раз благодарил за помощь в поставках продовольствия из-за неурожая в 1960 г. и желал Н. С. Хрущеву доброго здоровья [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 560. Л. 141–150].

Несмотря на такой, скажем так, добрый финал двухдневных интенсивных бесед, Н. С. Хрущев был явно недоволен своим собеседником, так как убедился в нежелании Хо Ши Мина однозначно согласиться с его мнением относительно албанского руководства. Более того, он фактически выступил в защиту албанских коммунистов от его критики. Для советского лидера, давно отвыкшего от свободной дискуссии, все это было абсолютно неприятно и неприемлемо. Поэтому беседа в Пицунде стала «последней каплей» в его и без того сложных отношениях с лидером Вьетнама. Больше он с Хо Ши Мином никогда не встречался.

Литература / References

АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 102–107. Подлинник. Машинописный текст, подпись — автограф Л. И. Соколова. Еще один экз. см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 247. Л. 100–105. Запись беседы посла СССР в ДРВ Л. И. Соколова с секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном 15 апреля 1959 г. о развитии национально-демократического движения в Южном Вьетнаме и ведении там «вооруженной пропаганды». 24 апреля 1959 г. Ханой. 24 апреля 1959 г. [AVP of the Russian Federation. F. 079. Op. 14. P. 23. D. 5. L. 102–107. Original. Typewritten text, signature — autograph of L. I. Sokolov. Another copy can be found at: RGANI. F. 5. Op. 49. D. 247. L. 100–105. *Record of a conversation between L. I. Sokolov, the Soviet Ambassador to the Democratic Republic of Vietnam, and Le Duan, Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam, on April 15, 1959, about the development of the national-democratic movement in South Vietnam and the use of “armed propaganda” there.* April 24, 1959. Hanoi, April 24, 1959 (in Russian)].

Дивильковский С. И., Огнетов И. А. *Путь к победе. Очерк борьбы за национальную независимость, единство, мир и социализм во Вьетнаме (1945–1976 гг.)*. М.: Политиздат, 1978 [Divilkovsky S. I., Ogetov I. A. *The Way to Victory. An Essay on the Struggle for National Independence, Unity, Peace, and Socialism in Vietnam (1945–1976)*. Moscow: Politizdat, 1978 (in Russian)].

Докладная записка заместителя заведующего Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР М. А. Максимова заместителю министра иностранных дел СССР Г. М. Пушкину о необходимости установления отношений с Южным Вьетнамом. 20 марта 1959 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 24. Д. 13. Л. 38–39 [Report by M. A. Maksimov, Deputy Head of the Southeast Asia Department of the USSR Ministry of Foreign Affairs, to G. M. Pushkin, Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR, on the need to establish relations with South Vietnam. March 20, 1959. Russian Foreign Ministry Archives. F. 079. Op. 14. P. 24. D. 13. L. 38–39 (in Russian)].

Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева с президентом ДРВ Хо Ши Мином о ходе выполнения Женевских соглашений. 17 июля 1957 г. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 74–78 [Record of a conversation between Nikita Khrushchev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, and Ho Chi Minh, President of the Democratic Republic of Vietnam, about the implementation of the Geneva Accords. July 17, 1957. RGANI. F. 52. Op. 1. D. 555. L. 74–78 (in Russian)].

Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева с президентом ДРВ Хо Ши Мином о международном положении, противостоянии двух систем, конфликт СССР с Албанией. 17 августа 1961 г. (Пицунда, 17 августа 1961 г. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141 [Record of a conversation between Nikita Khrushchev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and Chairman of the Council of Ministers of the USSR, and Ho Chi Minh, President of the Democratic Republic of Vietnam, about the international situation, the confrontation between the two systems, and the conflict between the Soviet Union and Albania. August 17, 1961 (Pitsunda, August 17, 1961. RGANI. F. 52. Op. 1. D. 555. L. 125–141 (in Russian)].

Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева с президентом ДРВ Хо Ши Мином о положении в Индокитае и создании национального фронта освобождения Южного Вьетнама. 19 августа 1961 г. (Пицунда, 19 августа 1961 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 560. Л. 141–150) [Record of a conversation between Nikita Khrushchev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and Chairman of the Council of Ministers of the USSR, and Ho Chi Minh, President of the Democratic Republic of Vietnam, about the situation in Indochina and the creation of the National Front for the Liberation of South Vietnam. August 19, 1961 (Pitsunda, August 19, 1961. RGANI. F. 3. Op. 64. D. 560. L. 141–150 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в ДРВ Л. И. Соколова с президентом ДРВ Хо Ши Мином 16–17 и 19 января 1959 г. о встрече первого заместителя председателя Совета министров СССР А. И. Микояна с госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом и назревании революционного положения в Южном Вьетнаме. 21 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 22–25. Еще один экз. см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 247. Л. 9–12. [Record of a conversation between L. I. Sokolov, Ambassador of the USSR to the Democratic Republic of Vietnam, and President Ho Chi Minh of the Democratic Republic of Vietnam on January 16–17 and 19, 1959, about a meeting between A. I. Mikoyan, First Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR, and U. S. Secretary of State John F. Dulles, and the brewing revolutionary situation in South Vietnam. January 21, 1959. AVP of the Russian Federation. F. 079. Op. 14. P. 23. D. 5. L. 22–25. For another copy, see: RGANI. F. 5. Op. 49. D. 247. L. 9–12 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в ДРВ Л. И. Соколова с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом 26 мая 1959 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 123–126 [Record of a conversation between L. I. Sokolov, Ambassador of the USSR to the Democratic Republic of Vietnam, and Prime Minister of the Democratic Republic of Vietnam Pham Van Dong on May 26, 1959. Russian Foreign Ministry. F. 079. Op. 14. P. 23. D. 5. L. 123–126 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в ДРВ Л. Н. Соколова с президентом ДРВ Хо Ши Мином 4 января 1960 г. о возможном визите Н. С. Хрущева в Ханой и о военном перевороте в Лаосе. 6 января 1960 г. [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 23. Д. 6. Л. 1–3. Подлинник Record of a conversation between L. N. Sokolov, Ambassador of the USSR to the Democratic Republic of Vietnam, and President Ho Chi Minh of the Democratic Republic of Vietnam on January 4, 1960, about a possible visit by Nikita Khrushchev to Hanoi and the military coup in Laos. January 6, 1960. AVP of the Russian Federation. F. 079. Op. 15. P. 23. D. 6. L. 1–3. Original (in Russian)].

Зусманович Дмитрий. *Советско-американские отношения и война во Вьетнаме. 1964–1968 гг.* М.: «Алгоритм», 2016 [Zusmanovich Dmitry. *Soviet-American Relations and the Vietnam War. 1964–1968.* Moscow: Algorithm, 2016 (in Russian)].

Ильинский М. М. *Вьетнамский синдром. Война разведок.* М.: Яуза, 2005 [Ilyinsky M. M. *The Vietnam Syndrome. Intelligence Warfare.* Moscow: Yauza, 2005 (in Russian)].

Капица М. С. *На разных параллелях. Записки дипломата.* М.: Книга и бизнес, 1996 [Kapitsa M. S. *On Different Parallels. Notes of a Diplomat.* M.: Kniga i biznes, 1996 (in Russian)].

Локшин Г. М. 40 лет победы вьетнамского народа. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2015. Выпуск XXVI. № 26. С. 138–155 [Lokshin G. M. 40 Years of the Victory of the Vietnamese People. *Southeast Asia: Current Development Issues.* 2015. Issue. XXVI. No. 26. P. 138–155 (in Russian)].

Наумкин В. В. «Силам социализма выгодно, чтобы американцы покрепче завязли в Юго-Восточной Азии». Президиум ЦК КПСС и определение стратегической линии СССР во Второй индокитайской войне в 1965 году. *Восток (Oriens).* 2022. Вып. 6. С. 6–28 [Naumkin V. V. “It is beneficial for the forces of socialism that the Americans become more deeply entangled in Southeast Asia.” The Presidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the definition of the USSR’s strategic line in the Second Indochina War in 1965. *Vostok (Oriens).* 2022. Issue 6. P. 6–28 (in Russian)].

Огнетов И. А. Воссоединенный Вьетнам: первое десятилетие трудных поисков и решений. *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность.* 2008. № 6. С. 73–85 [Ognetov I. A. Reunited Vietnam: the First Decade of Difficult Searches and Solutions. *Vostok.* 2008. No. 6. P. 73–85 (in Russian)].

Пат Косал. Экономическая и техническая помощь Китая и СССР Северному Вьетнаму, 1955–1960. *Вьетнамские исследования.* Серия 2. 2021. № 1 [Pat Kosal. Economic and Technical Assistance of China and the USSR to North Vietnam, 1955–1960. *Vietnam Studies.* Series 2. 2021. No. 1. С. 92–93 (in Russian)].

РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 89–92. Подлинник. *Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева с президентом ДРВ Хо Ши Мином об обстановке в Лаосе и отношениях СССР с ОАР. 3 июля 1959 г.* [RGANI. F. 52. Op. 1. D. 555. L. 89–92. Original Record of a conversation between Nikita Khrushchev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and Chairman of the Council of Ministers of the USSR, and Ho Chi Minh, President of the Democratic Republic of Vietnam, about the situation in Laos and the USSR’s relations with the United Arab Republic. July 3, 1959 (in Russian)].

Рябченко Н. П. Советско-китайский конфликт. 60-е — начало 80-х годов. *Россия и АТР*. 1998. № 2. С. 50–63 [Ryabchenko N. P. The Soviet-Chinese Conflict. 1960s-early 1980s. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 1998. No. 2. P. 50–63 (in Russian)].

Селиванов И. В. *Советский Союз и Вьетнам: “Балканский вектор” в их отношениях при Сталине, Хрущеве и Брежнев*. СПб.: Алетейя, 2024 [Selivanov I. V. *The Soviet Union and Vietnam: The “Balkan Vector” in Their Relations under Stalin, Khrushchev, and Brezhnev*. St. Petersburg: Aleteia, 2024 (in Russian)].

Сов. секретно из дневника временного поверенного в делах СССР в ДРВ Годунова Н. И. запись беседы с тов. Хо Ши Мином. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в ДРВ Н. Н. Годунова с Хо Ши Мином 22 июня 1960 г. о разногласиях КПСС и КПК и о положении в Лаосе. 6 июля 1960 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 23. Д. 6. Л. 160–162 [Top Secret From the diary of the USSR Chargé d’Affaires in the DRV, N. I. Godunov, a record of a conversation with Comrade Ho Chi Min. A record of a conversation between the USSR Chargé d’Affaires in the DRV, N. N. Godunov, and Ho Chi Min on June 22, 1960, about the disagreements between the CPSU and the CCP and the situation in Laos. July 6, 1960. Foreign Ministry of the Russian Federation. F. 079. Op. 15. P. 23. D. 6. L. 160–162 (in Russian)].

Справка отдела ЮВА МИД СССР «О вьетнамо-китайских отношениях». 2 июля 1960 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 30. Д. 20. Л. 47–52 [Reference to the Department of Southeast Asia of the USSR Ministry of Foreign Affairs “On Vietnam-China Relations”. July 2, 1960. AVP of the Russian Federation. F. 079. Op. 15. P. 30. D. 20. L. 47–52 (in Russian)].

Телеграмма из Токио № 1047 от 30 декабря [19]58 г. [Telegram from Tokyo No. 1047 dated December 30, [19]58 (in Russian)].

Тихонов П. Г. Взаимоотношения СССР, КНР и ДРВ в первой половине 60-х годов XX века. *Вестник Самарского государственного университета*. 2008. № 4. С. 173–179 [Tikhonov P. G. Relations between the USSR, the PRC, and the DRV in the first half of the 1960s. *Journal of the Samara State University*. 2008. No. 4. P. 173–179 (in Russian)].

Burnham James. *The War We Are In. The Last Cade and the Next*. New Rochelle (N.Y.): Arlington house, 1967. С. 188.

Gaiduk I. V. *Confronting Vietnam: Soviet policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963*. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Stanford, Calif, 2003.

Goscha Christopher. *Vietnam: A New History*. N.Y.: Basic Books, 2016.

Lê Văn Thịnh. Viện trợ kinh tế — kỹ thuật và quân sự của Liên Xô cho cách mạng Việt Nam từ 1954 đến 1975. *Tạp chí Lịch sử Quân sự*, 2012. số. 242. P. 48–55 [Lê Văn Thịnh. Economic, technical and military aid of the Soviet Union for the Vietnamese revolution from 1954 to 1975. *Tạp chí Lịch sử Quân sự*, 2012. số. 242. P. 48–55 (in Vietnamese)].

Nguyen, Lien-Hang. *Hanoi’s War: An International History of the War for Peace in Vietnam*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2012.

Zhai Qiang. *China and the Vietnam Wars, 1950–1975*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000.

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-096-104

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ АМУЛЕТ *УДЖАТ* ИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ GE 75A В ГИЗЕ: ОПЫТ ДАТИРОВКИ

© 2025

А. Ю. Волович¹

В центре внимания данной статьи – вопрос датировки амулета *уджат* (полевой номер — 22/89/sh1-Bur1/f11, далее – амулет *уджат* f11), найденного Российской археологической экспедицией ИВ РАН в Гизе в сезоне 2022 года во время работ в погребальной камере 75A скальной гробницы GE 75. Такие амулеты имели мощную апотропеическую функцию и часто присутствовали в захоронениях, начиная с эпохи Древнего царства.

Датировка амулета производится сравнительно-типологическим методом. Для этого на первом этапе рассматривается археологический контекст амулета, определяется его тип и наиболее характерные конструктивные и иконографические особенности (амулет f11); на втором этапе рассматривается группа амулетов *уджат*, датированных в границах Третьего переходного периода — Позднего периода², выбранных в качестве референсов, которые сопоставляются с амулетом f11 по признакам, определенным на первом этапе исследования. В результате такого сравнения можно заключить, что все рассмотренные амулеты относятся к одному и тому же типу и являются очень близкими, иногда до полного совпадения, по иконографическим характеристикам. Это позволяет предположить, что амулет следует датировать в диапазоне Третьего переходного периода — Позднего периода, однако археологический контекст позволяет сузить датировку *уджата* f11 до Позднего периода.

Ключевые слова: Древний Египет; Восточный некрополь Гизы, Российская археологическая экспедиция ИВ РАН в Гизе; *уджат*; «глаз бога Хора»; амулет из фаянса; сравнительно-типологический метод датировки

Для цитирования: Волович А. Ю. Древнеегипетский амулет *уджат* из погребальной камеры GE 75A в Гизе: опыт датировки. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 96–104. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-096-104

¹ Волович Анна Юрьевна, младший научный сотрудник Центра историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья, Институт востоковедения РАН, Москва; anna@volovich.me

Anna Yu. Volovich, Junior Research Fellow, Centre of Historical and Archaeological Research of Crimea and the Mediterranean, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; anna@volovich.me
ORCID: 0000-0001-9219-1884

² Третий переходный период — время правления XXI–XXV династий (XI–VII вв. до н.э.); Поздний период — время правления XXVI–XXX династий (VII–IV вв. до н. (664–332 гг. до н. э.)). Хронологические сведения приводятся в соответствии с трудом Ю. фон Бекерата, который является основной обобщающей работой по древнеегипетской хронологии [Beckerath, 1997].

ANCIENT EGYPTIAN *UDJAT* AMULET FROM BURIAL CHAMBER GE 75A IN GIZA: THE EXPERIMENT OF DATING

Anna Yu. Volovich

This article focuses on the dating of the udjat amulet (field number — 22/89/sh1-Bur1/f11, *udjat* amulet f11), discovered by members of the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science at Giza during excavations in burial chamber GE 75A in the 2022 season. Such amulets were a powerful apotropeias and presented in burials throughout almost the entire of ancient Egyptian history.

A comparative typological method is used to date the amulet. This required solving several problems. At first, its archaeological context was studied, type and most characteristic design and iconographic features were determined. In the second stage, a group of udjat amulets dated within the Third Intermediate Period to the Late Period and selected as references. The references are compared with amulet f11 based on the features, which were identified in the first stage of the study. As a result, it can be concluded that all the amulets examined are of the same type. Furthermore, amulet f11 and the references are very similar in iconographic and structural characteristics. This suggests that the amulet should be dated within the Third Intermediate Period — Late Period, but the context makes it possible to narrow the dating of *udjat* f11 to Late Period.

Keywords: Ancient Egypt; Eastern necropolis of Giza; Russian Archeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science at Giza; udjat eye amulet; “Horus eye”; faience amulet; comparative typological dating method

For citation: Ancient Egyptian *udjat* amulet from burial chamber GE 75A in Giza: the experiment of dating. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 96–104. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-096-104

В сезоне 2022 года участниками Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (руководитель — д. и. н. Э. Е. Кормышева) была раскопана гробница GE 89. В юго-восточном углу восточной стены помещения А этой гробницы находилась ниша, под которой обнаружили шахту. Во время раскопок на восточной стене ствола этой шахты, на глубине 56 см, было обнаружено отверстие в погребальную камеру смежного сооружения (в настоящее время данному комплексу присвоен номер GE 75, погребальной камере — 75A).

По всей видимости, она была разграблена, вследствие чего слои потревожены. Начиная с 10 см от потолка камеры фиксируется слой светло-коричневой супеси с мелкими камнями и известняковой крошкой. На глубине 40 см от потолка камеры, в северо-восточной ее части была обнаружена обработанная известняковая плита, расколотая на две неравные части. На этом же уровне около плиты фиксируется фрагмент фаянсового изделия. Также в слое присутствовали фрагменты керамики, костей, единичные фаянсовые бусины и раковина каури.

На глубине около 60–65 см от потолка камеры состав слоя начинает меняться: в светло-коричневой супеси присутствуют мелкие и средние камни, известняковая крошка и небольшое количество мелких известняковых пластин. В заполнении слоя были найдены разрозненные фаянсовые бусины разного размера, фрагменты керамики, костей, несколько фрагментов черепов, два фрагмента ручки ситулы, расписной амулет *уджат* из фаянса (в момент обнаружения был расколот на две части, находившиеся рядом), амулет из голубого фаянса в виде бога Шу-Хеха, частично сохранившийся двусторонне-гладкий амулет *уджат* из темно-серого сланца, фрагмент *ушебти* из голубого фаянса, фрагмент истлевшего дерева, предположительно со следами пелен.

В ходе расчистки камеры в ее восточной части были обнаружены два углубления под саркофаги, вырубленные в материнской скале. Одно из них — антропоидное, второе — прямоугольной формы. Антропоидное углубление ориентировано по оси север-юг и содержало остатки оригинального погребения — потревоженный фрагмент скелета без следов мумификации. Скелет лежал в частично анатомическом порядке (отсутствовали лопатки, берцовые кости обеих ног, бедренные кости правой ноги, *in situ* — череп, позвоночник, ключицы, частично ребра, тазовые кости, кости рук, фрагмент бедренной кости левой ноги). Несмотря на повреждения, можно определить, что тело лежит в вытянутой позе, голова умершего была ориентирована на юг лицом на восток, кисть правой руки усопшего, судя по положению костей, находилась на тазовых костях, левая рука была вытянута вдоль тела.

Под грудным отделом скелета, ближе к восточному борту саркофага, в этом же слое залежали несколько фрагментов кальцитового алабастрона (полевой номер 22/89/sh1-bur1/al1). Алабастроны, использовавшиеся в качестве емкостей для хранения благовоний, являлись частым элементом погребального инвентаря [Petrie, 1937, p. 14–15]. Бытование таких сосудов наблюдается в границах Позднего периода — Птолемеевского периода³. Справа от правой плечевой кости скелета, также в слое коричневой супеси, находился сосуд короткой цилиндрической формы с отвернутым наружу венчиком из светло-голубого фаянса высотой около 3,2 мм (полевой номер 22/89/sh1-Bur1/f12). Сосуды, близкие ему по типу, встречаются в погребениях Позднего периода и птолемеевской эпохи⁴.

Слева от левой локтевой кости скелета в этом же слое находился маленький двусторонний фаянсовый амулет *уджат* f11 (рис. 1). По всей видимости, эти предметы изначально относились к данному погребению, находившемуся в углублении под антропоидным саркофагом. Также в засыпке скелета были найдены фрагменты керамических сосудов, типичных для Позднего периода⁵.

Цель настоящего исследования состоит в установлении датировки амулета *уджат* f11 с помощью сравнительно-типологического метода. Сопоставление этого амулета с другими амулетами уджат со сходными иконографическими чертами и установленной датировкой, а также его рассмотрение в археологическом контексте погребения, обнаруженного в камере GE 75A, позволит предложить датировку амулета f11. Для этого ставятся следующие задачи: 1) определение иконографических и конструктивных особенностей амулета f11; 2) изучение группы амулетов уджат, датированных в границах Третьего переходного периода — Позднего периода, выбранных в качестве аналогов, и сопоставление их с амулетом f11 по иконографическим и конструктивным признакам.

1. Амулет *уджат* f11: символика и особенности иконографии

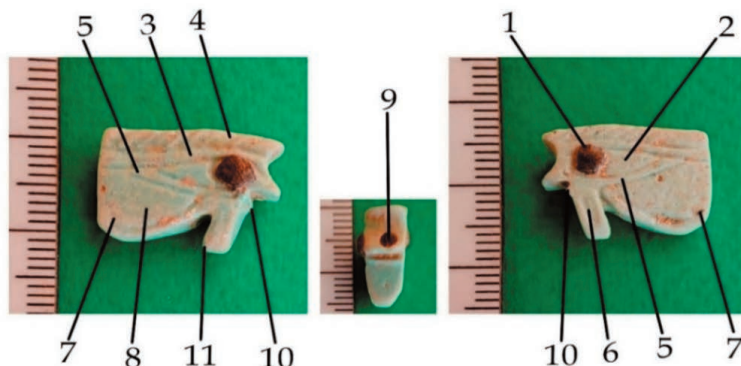
Нахождение такого амулета среди погребального инвентаря вполне оправдано: символ *уджат* имеет мощную апотропеическую функцию, несет в себе идею посмертного воскрешения, а также связан с сюжетом целостности мироздания и восстановления вселенского миропорядка [Altenmüller, 1975, s. 53–54; Pinch, 2006, p. 7–29, 42, 79, 87, 109–110, 116, 135; Shaw, Nicholson, 2002, p. 133–134; Wilkinson, 2003, p. 178].

³ <https://www.christies.com/en/lot/lot-5926342> (дата обращения: 07.10.2025); <https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/alabastron-perfume-vase-24> (дата обращения: 07.10.2025); <https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/alabastron-perfume-vase-12> (дата обращения: 07.10.2025); <https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/alabastron-perfume-vase-21> [Petrie, 1937, p. 14–15, pl. XXXVII] (дата обращения: 07.10.2025).

⁴ https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA58330-c (дата обращения: 07.10.2025); https://www.britishmuseum.org/collection/object/X_3782 (дата обращения: 07.10.2025); [Petrie, 1888, pl. XXV]

⁵ Личное сообщение керамиста Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе к. и.н. С. Е. Малых.

Двусторонний амулет изготовлен из фаянса⁶, покрыт светло-голубой глазурью, размеры: 16 мм x 12,6 мм (соотношение длины амулета к его высоте — около 1,27). Способ изготовления — оттиск в форме⁷.

Илл. 1. Амулет уджат 22/89/sh1-Bur1/f11 (фото автора)

Изображение имеет ряд иконографических особенностей. С каждой стороны амулета расположен человеческий глаз с круглым выпуклым зрачком (1). Амулеты с такой яркой особенностью К. Херрманн отнес к типу «Уджат рельефный, декорированный темной композитной пастой» [Herrmann, 2016, s. 227–229]. Визуальный осмотр предмета с помощью 20× лупы не позволил с уверенностью установить, что зрачок амулета *f11* был выполнен из композитной пасты черного цвета. Следы по бокам зрачка скорее говорят, что он был уже оттиснут выпуклым, а затем окрашен пигментом черного цвета.

С обеих сторон зрачка находится склера (2), которая в данном случае не декорирована.

В верхней части амулета расположены два валика-дуги (3, 4). Нижний валик-дуга (3), находящийся непосредственно над склерой и зрачком, очень узкий и обозначает линию нанесения косметического средства на верхнее подвижное веко. Здесь целесообразно подчеркнуть, что само веко /подбровное пространство на рассматриваемом амулете не обозначено, и эта особенность будет взята как одна из характерных деталей для сравнения *уджата f11* с датированными амулетами. Верхний валик-дуга, обозначающий бровь (4), украшен орнаментом-насечками, являющимся вариантом так называемого «елочного» орнамента⁸.

Снизу склера и зрачок ограничены валиком, обозначающим край нижнего века, на который наносится косметическое средство (5).

Следующей особенностью амулета *уджат f11* является положение верхнего и нижнего валиков, обозначающих линии нанесения косметического средства (3 и 5). Здесь верхняя линия

⁶ Здесь и далее автор не упоминает возможность датировки по тесту фаянса, поскольку его состав оставался практически неизменным на всем протяжении древнеегипетской истории [Kaczmarczyk, 1983, p. 244; Фалькович, 1992, с. 15].

⁷ В настоящее время невозможно точно утверждать, использовались ли при производстве древнеегипетского фаянса закрытые двусторонние формы из-за отсутствия соответствующих находок. В этой связи ряд исследователей высказывают мнение, что, поскольку основные операции по формованию изображения при изготовлении фаянсовых изделий производятся в холодном состоянии перед глазурованием и окончательным обжигом, возможно, что двустороннее изображение получали путем использования двух максимально совпадающих односторонних форм [Nicholson, 2009, p. 2].

⁸ Это условное обозначение декора в виде либо параллельных коротких насечек (штриховки) косыми линиями, либо в виде диагональных насечек, расположенных V-образными элементами, напоминающими ветви ели [Müller-Winkler, 1987, s. 94, 119]. Такой декор фиксируется только со времени Нового царства (подробнее об этом — [Müller-Winkler, 1987, s. 119; Tursi, Genchi, 2024, p. 4]. В свою очередь, К. Херрманн называет данный орнамент «пером» [Herrmann, 1994, s. 652–665], очевидно, из-за его визуальной схожести с опахалом птичьих перьев.

повторяет изгиб брови и продолжается до окончания тела амулета (образуя то, что в современном макияже называется «стрелкой»), а нижняя линия нанесения косметического средства огибает склеру и зрачок, четко очерчивая разрез глаза, и обозначает его внешний уголок, не образуя с верхней линией макияжа единую линию (т. е. не уходя при этом в единую «стрелку»).

Вниз из-под зрачка с небольшим смещением вправо (к центру тела амулета) отходит желобчатый *тит*⁹ в форме сильно вытянутого прямоугольника с закругленными краями (11), единственным продольным желобком (6) и маленьким острым выступом около внутреннего уголка глаза (10), а также диагонально отходящей аркой, которая оканчивается дугой с маленькой «бородкой» (7).

Клиновидное пространство¹⁰ между линией нанесения косметики на нижнее веко, линией «стрелки» и аркой сплошное, с отсутствием орнамента и изображений (8). Глаз с обеих сторон имеет продольно-горизонтальное расположение.

Амулет имеет продольное отверстие для подвешивания (9), которое расположено в центре выемки между бровью и внутренним уголком глаза.

2. Сопоставление амулета f11 с датированными амулетами

Для сравнения амулета f11 по иконографическим и конструкционным признакам взяты следующие амулеты (илл. 2):

- амулет *уджат* AE335, Третий переходный период (частная коллекция, г. Сан-Диего) (илл. 2a)¹¹;
- амулет *уджат* 1209, Третий переходный период (время правления XXII династии) — Поздний период (время правления XXVI «саисской» династии) (Музей Израиля, г. Иерусалим) (илл. 2b) [Herrmann, 1994, s. 761–762];
- амулет *уджат* 0567, Поздний период (начиная с середины правления XXVI «саисской» династии и оканчивая эпохой правления XXXI династии) (частная коллекция, Израиль) (илл. 2c) [Herrmann, 2016, s. 228];
- амулет *уджат* 0568, Поздний период (частная коллекция, Израиль) (илл. 2d) [Herrmann, 2016, s. 229];
- амулет *уджат* 1208, Третий переходный период (время правления XXII династии) — Поздний период (время правления XXVI «саисской» династии) (частная коллекция) (илл. 2e) [Herrmann, 1994, s. 761];
- амулет *уджат* 56.20.695, Третий переходный период — Поздний период (Всемирный музей, Ливерпуль) (илл. 2f)¹²;
- амулет *уджат* 56.21.488, Третий переходный период — Поздний период (Всемирный музей, Ливерпуль) (илл. 2g)¹³;

⁹ В данном случае для обозначения части изображения *уджата* используется ее самоназвание ꜥꜣ tit, которое фиксировалось в религиозных текстах, начиная с Третьего переходного периода [LGG VII, s. 364]. В других исследованиях данная часть *уджата* названа «appendage» («придаток», «отросток») [Petrie, 1914, p. 32], «Fortsatz» («выступ») [Herrmann, 1994, p. 611; Müller-Winkler, 1987, s. 94] или «уступ» [Аникеева, Яблонский, 2018, с. 65].

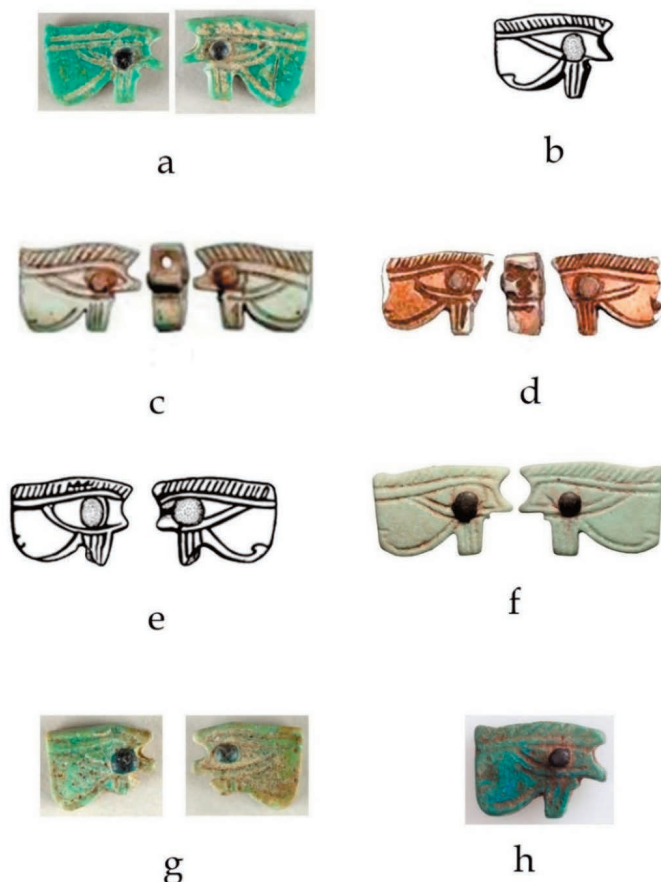
¹⁰ В уже упомянутых исследованиях [Müller-Winkler, 1987, s. 94; Herrmann, 1994, s. 611] данное пространство именуется «Zwickel», что можно перевести как «клин», «парус», «вставка (клиновидной формы)» или «клинообразный элемент».

¹¹ <https://www.ancientresource.com/lots/egyptian/ujat-wadjet-eyeofhorus-amulets.html> (дата обращения: 07.10.2025); https://www.ancientresource.com/images/egyptian/ujat_eyeofhorus/wadjet-AE3355.jpg (дата обращения: 07.10.2025).

¹² <https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/wedjat-eye-amulet-6> (дата обращения: 07.10.2025).

¹³ <https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/wedjat-eye-amulet-225> (дата обращения: 07.10.2025).

- амулет *уджат* 1214, Поздний период (начиная с середины правления XXVI «саисской» династии и оканчивая эпохой правления XXXI династии) (частная коллекция г. Ашкелон) (илл. 2h) [Herrmann, 1994, s. 764].

Илл. 2. Амулеты *уджат*, датированные Третьим переходным периодом – Поздним периодом: а) амулет *уджат* AE335; б) амулет *уджат* 1209 [Herrmann, 1994, s. 761–762]; в) амулет *уджат* 0567 [Herrmann, 2016, s. 228]; д) амулет *уджат* 0568 [Herrmann, 2016, s. 229]; е) амулет *уджат* 1208 [Herrmann, 1994, s. 761]; ф) амулет *уджат* 56.20.69514; г) амулет *уджат* 56.21.48815; б) амулет *уджат* №1214 [Herrmann, 1994, s. 764]

Все перечисленные амулеты являются двусторонними, они оттиснуты в форме-матрице¹⁶ и покрыты светло-голубой, зеленовато-голубой и синей глазурью. Зрачок на всех амулетах окрашен и сильно выступает над плоскостью амулета.

Верхний валик, обозначающий бровь, украшен короткими параллельными косыми насечками (за исключением амулета 56.20.695, у которого валик гладкий). Верхняя линия нанесения

¹⁴ <https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/wedjat-eye-amulet-6> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁵ <https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/wedjat-eye-amulet-225> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁶ Различные керамические формы-матрицы для изготовления амулетов *уджат* присутствуют в коллекциях многих музеев и датируются периодом, начиная с Нового царства до окончания Позднего периода (см., напр., <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/559154> (дата обращения: 07.10.2025); https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1920-0417-1 (дата обращения: 07.10.2025); <https://ma.krakow.pl/en/tour/amulet-mould-depicting-the-eye-of-horus> (дата обращения: 07.10.2025); <https://collections.mfa.org/objects/147845/mold-for-an-eye-of-horus---wedjat-amulet?ctx=0f05eda8-51b8-4535-b196-4de21ee001bc&idx=484> (дата обращения: 07.10.2025)).

косметического средства повторяет изгиб брови и продолжается до окончания тела амулета, а нижняя линия огибает разрез глаза и формирует его внешний уголок, не образуя с верхней линией макияжа единую линию. Клиновидное пространство и склера не декорированы. Кроме того, все амулеты, рассматриваемые в качестве сравнительного материала, имеют продольное отверстие для подвешивания, расположенное в центре выемки между углом брови и внутренним уголком глаза. *Тит*, так же как тит амулета f11, имеет в верхней части маленький выступ со стороны внутреннего уголка глаза.

Вместе с тем некоторые иконографические и конструктивные признаки датированных амулетов по сравнению с *уджатом* f11 являются вариативными.

Амулет *уджат* AE335 (илл. 2a). Тит данного амулета, в отличие от тита *уджата* f11, направлен вертикально вниз, имеет три продольных желобка. Арка не оканчивается дугой с «бородкой», а завершается в нижнем углу клиновидного пространства. Высота амулета *уджат* AE335 чуть больше, чем у амулета f11: 16 мм × 11 мм, соотношение длины к высоте — 1,45.

Амулет *уджат* 1209 (илл. 2b). В данном случае для зрачка использована коричневая композитная паста. *Тит* направлен вертикально вниз, на нем читаются два продольных желобка. Размер амулета 1209 практически соответствует размеру *уджата* f11—16 мм × 11,2 мм (соотношение — 1,3).

Амулет *уджат* 0567 (илл. 2c). От *уджата* f11 амулет 0567 отличается использованием для зрачка коричневой композитной пасты и *титом* с неодинаковым количеством желобков с обеих сторон — с одной стороны амулета читаются три желобка, тогда как с другой стороны — один. Кроме того, данный амулет меньше амулета f11: его размер 15 мм × 11 мм (соотношение — 1,36).

Амулет *уджат* 0568 (илл. 2d) отличается от амулета f11 вертикально сориентированным *титом* с двумя желобками и коричневым цветом композитной пасты, формирующей зрачок. Также наблюдается минимальное расхождение с *уджатом* f11 по размеру: 16 мм × 12 мм (отношение длины к высоте — 1,33).

Амулет *уджат* 1208 (илл. 2e). От *уджата* f11 данный амулет отличается вертикально направленным *титом* с тремя желобками, использованием коричневой пасты для зрачка и чуть более скромными размерами: 15 мм × 11 мм (соотношение 1,36).

Амулет *уджат* 56.20.695 (илл. 2f). От амулета f11 *уджат* 56.20.695 отличается арка, лишенная «бородки», а также гладкий валик, обозначающий бровь. Из информации в музейной карточке можно заключить, что зрачок в данном случае покрыт черной глазурью¹⁷. Кроме того, наблюдается небольшое расхождение с амулетом f11 по длине — 14 мм × 11 мм (соотношение 1,27).

Амулет *уджат* 56.21.488 (илл. 2g). В данном случае вариативными признаками являются окончание арки, лишенной дуги и «бородки», *тит* с двумя желобками (тогда как на амулете f11 желобок один) и размер амулета: 23 мм × 12,5 мм (соотношение 1,84). Кроме того, как и в случае с амулетом 56.20.695, из содержания музейной карточки можно сделать вывод, что зрачок покрыт черной глазурью¹⁸.

Амулет *уджат* 1214 (илл. 2h). От амулета f11 данный *уджат* отличается *титом* с двумя желобками, использованием одновременно черной и белой композитных паст для зрачка и размером: 16 мм × 11 мм (соотношение 1,45).

В результате сопоставления наблюдается сходство амулета *уджат* f11 с датированными амулетами AE 335, 0567, 0568, 1208, 1209, 1214, 56.20.695 и 56.21.488 по следующим признакам:

¹⁷ «Two tone green and black glazed faience *wedjat* (eye of *Horus*) amulet» [<https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/wedjat-eye-amulet-225> (дата обращения: 07.10.2025)].

¹⁸ Ibid.

1. Зрачок сильно выступает над плоскостью амулета и сформирован из композитной пасты или покрыт черной глазурью¹⁹. Наличие сильно выступающего зрачка определяет типологию всех рассмотренных амулетов. При этом может фиксироваться вариативность техники выполнения зрачка²⁰, которая, однако, не влияет на датировку.
2. Расположение глаза — продольно-горизонтальное.
3. Склера глаза и клиновидное пространство гладкие.
4. Арка сориентирована диагонально вниз. Окончание арки вариативно: она может оканчиваться дугой с «бородкой» или завершаться в нижнем углу клиновидного пространства, не образуя дуги.
5. Подвижное верхнее веко / подбровное пространство не проработано.
6. Верхняя линия нанесения косметического средства повторяет изгиб брови и продолжается до боковой грани амулета, а нижняя линия очерчивает разрез глаза и обозначает его внешний уголок, не образуя с верхней линией нанесения косметики единую линию.
7. Декорирование верхнего валика, обозначающего бровь, вариативно: он может быть либо гладкий, либо украшенный частыми параллельными косыми насечками.
8. *Тит* является желобчатым, с вариативным количеством желобков.
9. *Тит* имеет маленький, чаще — острый, реже — округлый выступ в верхней части со стороны внутреннего уголка глаза.
10. Направление *тита* вариативно: он может быть направлен как вертикально вниз, так и окончанием сориентирован к центру амулета.
11. Отверстие для подвешивания продольное, расположено в центре выемки между углом брови и внутренним уголком глаза.
12. Размер амулетов незначительно отличается от размеров амулета *уджат* f11.

Признаки, в которых присутствует вариативность, могут трактоваться как не влияющая на датировку норма, предусматривающая возможность выбора варианта иконографии для рассматриваемого типа амулетов *уджат* Третьего переходного периода — Позднего периода.

Подытоживая вышесказанное, можно заключить, что амулет *уджат* f11 обладает в совокупности всеми признаками, характерными для данного типа амулетов Третьего переходного периода — Позднего периода. Однако археологический контекст и сопутствующие предметы позволяют сузить датировку до Позднего периода. Это дает основание полагать, что погребение, обнаруженное в камере GE 75А, можно предварительно датировать в границах Позднего периода. Поскольку в настоящее время изучение погребального комплекса GE 75, в который входит вышеуказанная камера, а также происходящего из него материала еще не окончено, датировка обнаруженного там амулета *уджат* f11 является вкладом в дальнейшее исследование памятника.

¹⁹ Изучая амулеты *уджат* с выступающим зрачком из композитной пасты, следует уточнить, что кроме рассмотренных выше референсов фиксировались довольно много датированных амулетов, которые по разным причинам не вошли в референсную группу (например, необходимые для сопоставления признаки не сохранились ввиду значительной утраты тела амулета либо не читаются достаточно четко по причине схематичности проработки линий). Тем не менее все рассмотренные мной амулеты *уджат* со зрачком из выступающей композитной пасты датировались в границах Третьего переходного периода — Позднего периода. Данное наблюдение позволяет сделать предположение о том, что такой зрачок может являться хронологическим признаком для этого типа амулетов, однако для более точных выводов это должно стать темой отдельного исследования.

²⁰ Возможно, цвет может указывать на место изготовления амулета. Более четкий ответ можно дать только после проведения дополнительного исследования.

Сокращения

CGC—Catalogue général des antiquités égyptiennes du musée du Caire.
MÄS — Münchner ägyptologische Studien. München–Berlin.
OBO — Orbis Biblicus et Orientalis. Freiburg (Schweiz); Göttingen.
LÄGG VII—Leitz, Ch. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen.
Bd. VII. Orientalia Lovaniensia Analecta, 116. Leuven, 2002.
UCLA — University of California, Los Angeles.

Литература / Reference

Аникеева О. В., Яблонский Л. Т. Амулеты «Глаз Хора» из курганов ранних кочевников на Южном Урале. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 63–81. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.6> [Anikeeva O. V., Yablonskiy L. T. Amulety «Glaz Khora» iz kurganov rannikh kochevnikov na Yuzhnom Urale. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. T. 23. № 3. S. 63–81 (in Russian)].

Фалькович Ю. А. Египетские амулеты доримского времени: Опыт составления базы данных: автореф. дис. канд. ист. наук / Ю. А. Фалькович. М., 1992 [Falkovich Yu. A. Egipetskiye amulety dorimskogo vremeni: Opyt sostavleniya bazy dannykh: avtoref. dis. kand. ist. nauk / Yu. A. Falkovich. Moscow, 1992 (in Russian)].

Altenmüller B. Synkretismus in den Sargtexten. Göttinger Orientforschungen, IV. Reihe: Ägypten, Bd 7. 1975.

Andrews C. Amulets of Ancient Egypt/ C. Andrews. London: British Museum Press, 1994.

Beckerath J. von. Chronologie des pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. MÄS, Band 46. 1997.

Griffiths G. J. Remarks on the Mythology of the Eyes of Horus. *Croniqje d'Egypte*. 1958. Vol. 33. № 66. P. 182–193.

Herrmann Ch. Ägyptische Amulette aus Palästina/ Israel: mit einem Ausblick auf ihre Rezeption durch das Alte Testament/Christian Herrmann. OBO 138. 1994.

Herrmann Ch. Ägyptische Amulette aus Palästina/Israel. Von der Spätbronzezeit IIB bis in römische Zeit. Band IV. OBO 38. 2016.

Kaczmarczyk A., Hedges R. E. M. Ancient Egyptian faience: an analytical survey of Egyptian faience from predynastic to Roman times. Warminster: Aris and Phillips, 1983.

Nicholson P. Faience Technology. In Willeke Wendrich (ed.), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. Los Angeles, 2009. P. 1–11. URL: <http://digital2.library.ucla.edu/viewItem.do?ark=21198/zz0017jts> (дата обращения: 23.10.2025).

Müller-Winkler C. Die ägyptischen Objekt-Amulette. Mit Publikation der Sammlung des Biblischen Instituts der Universität Freiburg Schweiz, ehemals Sammlung Fouad S. Matouk. OBO 5. Freiburg Schweiz und Göttingen, 1987.

Petrie W. M. F. Naukratis. Bd 1: 1884–5. Memoir of the Egypt Exploration Fund, 3. London, 1886.

Petrie F. Amulets. The Egyptian Collection in University College. London: University College, 1914.

Petrie W. M. F. The Funeral Furniture of Egypt, Stone and Metal Vases. London, 1937.

Pinch G. Magic in Ancient Egypt. London: British museum press, 2006.

Reisner G. Amulets Amulets. CGC, vol. 35. Le Caire: l'Institut français d'archéologie orientale, 1907.

Shaw J., Nicholson P. The British Museum. Dictionary of Ancient Egypt. The American University in Cairo Press, 2002.

Tursi G., Genchi F. An *Udjat*-eye amulet discovered at Dibbā al-Bayah (Sultanate of Oman): Long-distance trade relations in the Late Pre-Islamic burial chamber of the LCG-2 tomb. *Archaeological Research in Asia*. Volume 40, 2024. Article 100562. P. 1–10.

Wilkinson R. H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. The American University in Cairo Press, 2003.

СОЛНЦЕ В КУРДСКОЙ МИФОЛОГИИ

© 2025

Ю. Р. Дасни¹

Солнце, будучи источником света и тепла, имело жизнетворное и астральное значение в истории многих, если не всех народов мира, представляло божественное начало и встречается в различных источниках, где подчеркивается значимость этого светила как основы всего сущего. Вероятно, что если бы солнца не было, то не было бы и жизни на Земле. На протяжении веков возникали разного рода мифы, которые в том числе привели к возникновению идеи о существовании сверхъестественной силы и исходящего от нее солнечного света. Эта идея передавалась из одной общины в другую, и по сей день есть люди, которые считают солнце божественным явлением, есть и те, кто считает его обычным природным явлением, приносящим естественную пользу в повседневной жизни. В этой статье мы рассмотрим мифологию курдского народа, в истории и жизни которого солнце имеет сакральное значение.

Ключевые слова: курды, езиды, солнце, огонь, Бог, религия, солнцепоклонники

Для цитирования: Дасни Ю. Р. Солнце в курдской мифологии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 105–119. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-105-119

THE SUN IN KURDISH MYTHOLOGY

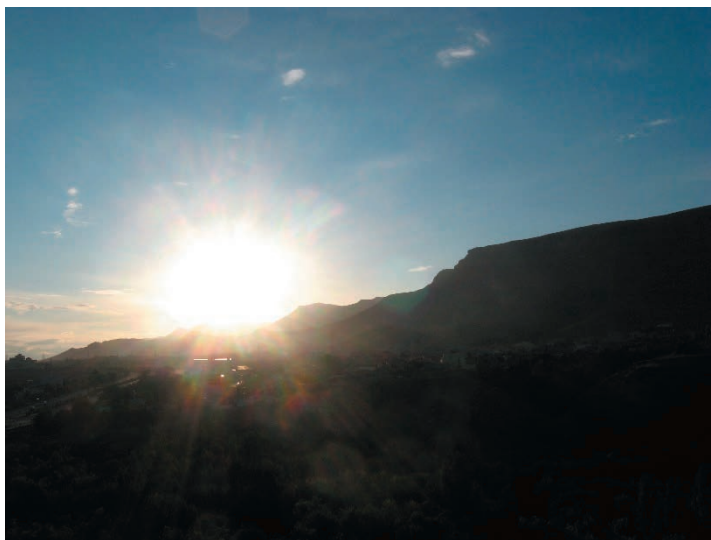
Yury R. Dasni

The sun, as a source of light and heat, has had a life-giving and astral significance in the history of many, if not all, peoples of the world. It has represented the divine principle and is found in various sources that emphasize the importance of this luminary as the foundation of all existence. It is likely that without the sun, there would be no life on earth. Over the centuries, various myths arose, including the idea of a supernatural force and the sunlight emanating from it. This idea was passed down from one community to another, and to this day, some consider the sun a divine phenomenon, while others consider it an ordinary natural phenomenon, bringing natural benefits to everyday life. In this article, we will examine the mythology of the Kurdish people, in whose history and life the sun has a sacred significance.

Keywords: Kurds, Yazidis, sun, fire, God of the sun, religion, sun worshipers

For citation: Dasni Yu.R. The Sun in Kurdish Mythology. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 4. P. 105–119. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-105-119

¹ Дасни Юрий Романович, кандидат политических наук, Москва; yudasny@gmail.com
Yury R. Dasni, PhD (Politics), Moscow; yudasny@gmail.com
ORCID: 0009-0001-1463-3592

Восход солнца в г. Духок, Иракский Курдистан. Фото из архива автора

С древних времен человек инстинктивно осознавал свою зависимость от природных явлений, особенно от солнца, поскольку это небесное тело является не только главным источником света и тепла, но и расцвета природы, созревания зерновых культур, фруктов и овощей, поэтому было и есть наиболее значимым для человека. И дело не в том, что люди раньше сильно зависели от природы, а в том, что все понимают, какое существенное влияние солнце оказывает на нашу жизнь. Вся жизнедеятельность человека и многие праздничные обряды испокон веков были связаны с солнцем. Наши предки воспринимали солнце как живое существо, думали и говорили: «солнце умирает», «солнце рождается», мы до сих пор на разных языках говорим: «солнце встает», «солнце садится», «солнце идет» и т. п. Тьма, напротив, всегда считалась символом негатива и по своей природе миром грешников.

На протяжении тысячелетий в сознании разных народов возникали мифы о сверхъестественной силе солнца и его могуществе. Считалось, что солнечный свет приносит человеку жизнь, а если поклоняться ему, то счастье и удачу. В молитвах и во время праздников люди славили солнце, просили у него добра, урожая, хорошей жизни. От имени солнца выступали жрецы и правители, им клялись для подтверждения своих действий и обещаний, чтобы придать словам особую силу и значимость, поскольку считается, что нарушение клятвы перед Богом может иметь печальные последствия. С участием жрецов проводились ритуалы, приносили солнцу жертвы, всячески восхваляли это светило и старались оказать ему свое почтение. По представлениям верующих эта мистическая практика позволяет подключаться к солнечной энергии и через нее к Богу, направлять божественную энергию внутрь себя. Целью ритуала было получение духовной благодати в сложных жизненных обстоятельствах, особенно в условиях наступления темных и холодных времен года. Эта вера передавалась из поколения в поколение и отражалась в графических и письменных произведениях, из которых мы сегодня имеем представление о ментальности и мировоззрении древних народов, об их культурных и религиозных традициях.

Первая из научных концепций происхождения религии возникла в начале XIX века в среде немецких филологов, одним из которых был Макс Мюллер. Исходя из изучения древних религиозных текстов, он подошел к проблеме религии с лингвистической стороны. Используя имена

божеств из разных индоевропейских групп, Мюллер сделал вывод, что существующие в солнечном потоке разные названия божеств имеют этимологические связи друг с другом и ролевые сходства. Поклонение Богу у древних людей, по мнению Мюллера, произошло не из идеи божественного откровения (например, как в христианстве или исламе), а было одним из проявлений чувственного восприятия. Например, солнце, луна и другие звезды недостижимы для человека и доступны только посредством зрения и осязания. Недоступность и сила солнца внушили древнему человеку представление о его сверхъестественности и бесконечности, что впоследствии привело к возникновению идеи Бога. Мюллер считает, что солнце изначально не являлось Богом, а всего лишь символизировало идею божественности, но потом сила солнечного света и его влияние на природу и жизнь человека привели к возникновению у разных народов своих солярных божеств и мифов, которых они называли своими именами. Под влиянием этой идеи прежняя идея о существовании высших и сверхъестественных сил была забыта, и человек стал считать Солнце Богом².

Целью настоящего исследования является изучение небесного светила «Солнца» в курдской мифологии в его сопоставительном аспекте на материале с мифами других народов мира. Данная цель предусматривает исследование семантики солнца в культурах разных народов мира; классификации устойчивых выражений солнца у различных народов; определений значения и типологии символов солнца в исследуемых культурах; определений образа и значения солнца в курдской культуре; выяснение универсальных и отличительных значений в символике солнца в курдской и других культурах.

Поклонение солнцу

До появления современных религий культ солнца был у предков многих, если не у всех народов мира. Древнегреческий философ Платон в «Законах» писал, что «...эллыны и все варвары как при различных несчастьях, так и при полном благополучии преклоняют колени и повергаются ниц при восходе и закате Солнца и Луны, показывая этим не только полную свою уверенность в бытии богов, но и то, что у них на этот счет даже не возникает сомнения» [Платон, 1923, с. 125]. Во многих культурах солнце ассоциировалось со светом, теплом, плодородием и жизненной силой. Солнце играло важную роль в народных верованиях и суевериях, в защите от злых духов, в молитвах о здоровье и других желаниях. Культ солнца нашел широкое отражение в фольклоре и традициях, такие даты, как дни летнего и зимнего солнцестояния, а также весеннего и осеннего равноденствия, многими народами отмечались как всенародные праздники, а некоторыми отмечаются и до сих пор. В произведениях литературы и искусства солнце ассоциируется с высшей силой, что делает это светило равнозначным божественному началу, усиливая его торжественность и значимость.

В шумеро-аккадской мифологии наряду с богом луны одним из самых почитаемых божеств был бог солнца Шамаш. Он считался сыном бога луны Син (Нанны) и богини Нингаль. Его почитали как бога, дарующего свет и жизнь, несущего справедливость и добро, чьи лучи сжигают в человеке зло. В Вавилоне культ Шамаша получил более широкое распространение, где его стали почитать так же, как бога справедливости, устанавливающего законы и наблюдающего за их исполнением. На одной из древних табличек вавилонский царь Хаммурапи изображен в образе получающего свод законов от бога солнца³.

² Фридрих Макс Мюллер — немецкий и английский филолог, религиовед. Его мифологическая концепция изложена в книге "Сравнительная мифология" (1856) и в его лекциях, опубликованных в сборнике как "Введение в науку о религии" (1873). В этих работах он через лингвистический анализ и сравнение мифов разных индоевропейских народов развил солярную концепцию обожествления древними людьми природных явлений, особенно солнца.

³ Табличка Шамаша — глиняная табличка, обнаружена в древнем вавилонском городе Сиппар на юге Ирака в 1881 году.

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tablet_of_Shamash_relief.jpg

В древнем Египте бога солнца называли Ра. Египетский бог солнца часто изображается с головой сокола, увенчанной солнечным диском. Древние египтяне наносили его изображения на стены храмов и своих жилищ, изготавливали талисманы и амулеты с глазом Ра и другие украшения.

В протоиндоевропейской мифологии Солнце представлено многосторонней фигурой, проявляющейся как божество и воспринимаемое как глаз отца-неба Деуса⁴. В мифологии разных народов божества Солнца и Луны представлены в бинарном начале. В большинстве традиций Солнце выступает в мужском начале — как Отец или Брат, а Луна в женском — Мать или Сестра, но бывает и наоборот. В германской мифологии Солнце — женщина, а Луна — мужчина. В некоторых традициях Солнце и Луна рассматривались как супруги — бог Солнца и богиня Луны. В курдской мифологии Солнце выступает как мужское начало, а Луна как женское [Омархали, 2010, с. 149]. В езидских священных текстах Солнце называют Дочь (Дот), а Луну — Мать (Де).

По иранским мифам бога солнца звали Митра — это бог света, справедливости и мира. Бог Митра символизирует восходящее солнце, почитается как вездесущее око мира и олицетворяет собой светлое благое начало в человеке. По преданиям, он родился сразу взрослым из скалы, на которую с неба пролился свет божий. Первыми о его рождении узнали пастухи, которые восприняли его за бога и в знак поклонения преподнесли ему дары.

Древние греки бога солнца называли Гелиос, которого представляли себе красавцем со сверкающими глазами и развевающимися волосами, прикрытыми лучистой короной. Они верили, что это божество каждый день на своей золотой колеснице, в которую была запряжена четверка коней, передвигалось по небу с востока, где находился дом этого божества, и к вечеру достигало запада, а к утру следующего дня вновь возвращалось к отправной точке.

⁴ Слово «Деус» отражает мифологическое влияние протоиранцев, у которых бог «Даэва» напрямую был связан с солнцем. «Даэва» — дозороастрийское имя бога, известно в индоевропейских языках под схожими названиями: латинское «Deus», германское «Teiwaz», славянское «Дива», в балтийских яз. «Dievas», в финских яз. «taivas» и т. д. Зороастр на основе вероучения маздаизма (Авеста «маздайна») создал свою религию как альтернативу религии маздаясна. В отличие от маздаизма, который был монотеистической религией, он разделил божества на добрых — «Ахура» и злых — «Даэва». Под влиянием зороастрийской религии в иранской мифологии это слово получило негативную семантику и приобрело уничижительное значение «демон». Из иранской мифологии оно перешло к другим индоевропейским народам, где Даэва также считается злым духом и имеет формальные параллели с протоиранским понятием.

Сол — бог солнца у древних римлян. Его культ по важности превосходил все другие из пантеона римских божеств. Наподобие греческого Гелиоса атрибутами римского бога солнца также были крылатые кони, запряженные в золотую колесницу, на которой он ежедневно объезжал небо. Римские правители отождествляли себя с солнцем и напрямую связывали себя с Богом, тем самым подтверждая свое божественное происхождение. Ежегодно 25 декабря римляне проводили праздник солнца, называемый «Dies Natalis Solis Invicti (день рождения непобедимого солнца)».

Сурья — индусский бог солнца, изображается в разных образах — в виде птицы, коня, быка или колеса, катящегося по небосводу; считается источником жизни и света, прославляется в Ведах древней Индии как всевидящий бог, который наблюдает как за добрыми, так и за злыми поступками. Поклонение солнцу является древней традицией в индуизме и актуально до сих пор. Верующие, обращаясь на восток, приветствуют солнце на рассвете, начинают молиться и приносят ему подношения.

В славянской мифологии бог солнца и его олицетворение, бог плодородия и солнечного света — Дажьдбог⁵. Кроме Дажьдбога у славян было еще четыре бога солнца. Предки славян представляли это небесное светило сразу в четырех обликах: в виде младенца — Коляды, юноши — Ярило, зрелого мужчины — Купало и старика — Авсень или Таусень. Славяне считали солнце ликом или окном, через которое Бог смотрит на землю. В «Слове о полку Игореве» русский народ назван Дажьдбожьими внуками [Слово о полку Игореве, 1987, с. 142]. Княгиня Ярославна обращается с молитвой-плачем к светлому солнцу [Там же, с. 14]. Традиции почитания солнца сохранялись в России вплоть до XX столетия. При восходе и заходе солнца крестьяне снимали шапки, крестились и кланялись «на солнышко» [Бокова, 2012, с. 39]. Одна из распространенных клятв на Руси была: «Красна солнышка не видать!» Символическое поклонение солнцу среди славян существует по сей день.

До принятия христианства грузины поклонялись солнцу. В грузинской летописи «Картлис Цховреба», в частности, говорится: «В то время (в Картли) люди забыли бога, их творца, и стали служить Солнцу и Луне и пяти звездам» [История Грузии, 2008, с. 16]. Одним из главных дохристианских грузинских богов солнца считается Борджгали — это символ вечности, бесконечности, плодородия и жизненной силы. Также есть богиня солнца Барбале, почитавшаяся как покровительница женского пола и женского плодородия, и Мзекали — богиня солнца, дочь бога Гмерти, освещающая мир, созданный ее отцом.

В грузинском языке сохранилось множество выражений, связанных с почитанием солнца. До сих пор у грузин одной из клятв является «чемма мзем» (клянусь солнцем).

Култ поклонения солнцу был широко распространен и у армян. В армянской мифологии солнце представлено в образе бога Арэв, который считается богом солнца, небесного света и справедливости. В древности официальная религия армян включала культ солнца и луны; их статуи находились в храме в Армавире. Секты солнцепоклонников сохранялись в Армении еще и в 12 в. [Мифы народов мира, 1987, с. 88]. У армян солнце является важным божеством, связанным с вечностью и возрождением, что отражается в армянском символе — «Арэвахач». Этот символ представляет собой круг в виде солнца с 6–8 лучами и олицетворяет собою вечность, свет, счастье, благополучие и возрождение. В переводе с армянского «арэв» означает «солнце», а «хач» — «крест», поэтому в народе его называют «солнечным крестом». Арэвахач, представляющий собой крест в круте, часто встречается на популярных у армянского народа хачкарах (каменная стела с резным изображением креста, дословно «крест-камень») и других архитектурных памятниках. Одной из основных клятв в армянском языке до сих пор является «им арэв», что в переводе означает «клянусь солнцем».

⁵ Дажьдбог в восточнославянской мифологии, Дабог у южных славян и Дасбог у западных славян.

Древнегреческий историк Ксенофонт в Анабасисе, описывая Армению, пишет, что армяне жертвуют коней Богу солнца [Ксенофонт, 1951, с. 113–114].

Вера в солярные божества была важной составной частью духовной культуры и других народов Кавказа [Сефербеков, 2007, с. 64–103].

Аматэрасу — богиня солнца у японцев и прародительница японских императоров. Символом Японии является «восходящее Солнце». Солнце играет важную роль в японской культуре, олицетворяет божественную силу, энергию и процветание.

Тонатиу — бог неба и солнца, один из самых главных божеств в мифологии древних ацтеков и майя.

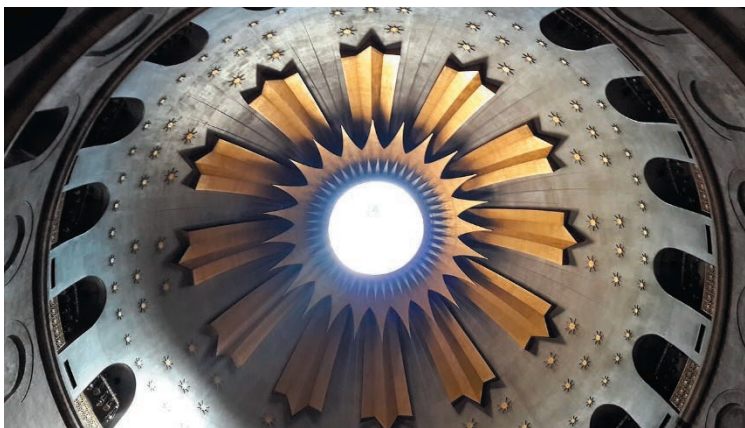
Солнце как символ вечного света и жизни у многих народов часто использовалось в клятве, которая должна быть вечной и нерушимой — подобно самому солнцу. Клятва солнцем является древним обычаем и по сути считается гарантом обещаний, заверением истинности сказанного, сделанного или того, что предстоит сделать в будущем. Клятва перед солнцем означала принятие на себя ответственности перед всем обществом и его законами, подчеркивая честность и чистоту намерений, силу и истинность сказанных слов. Примеры подобной клятвы можно встретить в культуре многих народов мира, в народном творчестве, а также в литературных произведениях, где солнце становится свидетелем и выступает гарантом всего происходящего. Клятвенные обращения к Солнцу отмечаются по всему индоевропейскому ареалу на протяжении тысячелетий. Клятва Солнцем содержится в Коране [Сура 91]. Упоминания о клятвах Солнцу есть в исторических и литературных произведениях мировой культуры.

Солнце в современных религиях

С развитием современных мировых религий многие народы изменили свое отношение к солнцу, которое иначе отражается в их сознании и быту. Они видят семантику исследуемого явления не как божественное проявление, а как обычный объект природы. Само поклонение солнцу объясняется относительной социальной отсталостью прежних поколений и их слабостью перед неподвластными им явлениями природы, из-за которых древние цивилизации признавали силу Солнца и почитали его как Бога. Эта философия породила в сознании представителей разных групп универсальное восприятие солнца как обычного природного явления окружающего нас мира. Изменение отношения к символике солнца проявляется не только в религии, но и в культуре. В своем большинстве письменные тексты после принятия христианства и ислама крайне враждебно отнеслись к прежним религиям, называют их языческими и рассматривают как примитивное идолопоклонство. Церковь воспринимает солнце как зачаточную форму христианского богослужения и считает его языческой символикой человека до принятия христианства.

Несмотря на это, в народе после принятия христианства и ислама культ солнца не был забыт. Люди отказались от прежней веры, но следы солнечного культа сохранились в памяти и быту. В преданиях и сказках, в частности, говорится о том, что солнце является лицом Господа Бога; что солнце — это «окно», через которое до человека доходит блаженный свет; что Господь при помощи солнца, которое ежедневно освещает землю, следит за всем, что происходит на Земле, и др. Христианство приняло языческую символику, наполнив ее новым содержанием. Солнце считается олицетворением Спасителя, в византийской и древнерусской летописи Христа называют «Праведное Солнце», а христианство называют исходящим от него светом. Сравнение Христа с Солнцем часто встречается в древних христианских писаниях. Почти все ранние толкователи понимают Христа, который должен быть описан как восходящее солнце [Keil, 1969, p. 468].

Известно, что солнце издавна изображалось знаком креста и означало божество жизни. Сегодня солярные символы часто встречаются в различных формах, таких как солнечные кресты, колесо солнца и свастика (изначально солярный символ), изображение святых с лучами, исходящими от плеч, как в образах бога солнца в месопотамском искусстве. В христианских храмах можно увидеть элементы солнца, в частности, в храме Христа Спасителя в Иерусалиме, что наглядно указывает на связь христиан с ранним поклонением солнцу.

Купол храма Гроба Господня. Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Inside_the_Church_of_the_Holy_Sepulchre_-_09.jpg?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera

*Символ Солнца на полу храма Гроба Господня в Иерусалиме.
Источник: <https://digital-angell.livejournal.com/993601.html>*

В Библии 150 упоминаний о солнце, и в большинстве из них солнце предстает как источник света [Словарь библейских образов, 2005, с. 1122]. Приведем некоторые из них:

Второзаконие 4:19. «...и дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну, и звезды, и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом».

Судьи 5:31. «Так да погибнут все враги Твои, Господи! Любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей! — И покоилась земля сорок лет».

Псалом 71:17. «Будет имя его вовек; доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его; и благословятся в нем все племена земные, все народы ублажат его».

Псалом 83:12. «Ибо Господь Бог есть солнце и щит, Господь дает благодать и славу; ходящих в непорочности Он не лишает благ».

Премудрость 5:6. «Итак, мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас».

Премудрость 16:28. «...дабы известно было, что должно предупреждать солнце благодарением Тебе и обращаться к Тебе на восток света».

Сирах 43:2. «Солнце, когда оно является, возвещает о них при восходе: чудное создание, дело Всевышнего!»

В исламе в основном проповедуются культ Луны, но упоминается и Солнце. В Коране есть множество упоминаний о солнце и прямая связь с ним. Солнцу посвящена Сура 91, в которой, в частности, говорится: «Клянусь солнцем и его сиянием утренним! Клянусь луной, когда она за ним следует! Первая пара: это великолепное Солнце — источник света и нашего физического существования, и Луна, которая следует за ним и является вторым, после Солнца, «источником» света, озаряющим наш мир. Луна, когда она на небе вместе с Солнцем, бледна и неприметна; но, когда Солнце скроется, она светит отраженным светом и метафорически может быть названа «наместником» Солнца».

Аллах создал солнце, луну и планеты, каждая из которых имеет свой собственный путь или орбиту. Сура Йа Син 36:38 «Аллах сделал Солнце и Луну источником света в разной степени, дал особую красоту дню и ночи, устроил весь мир таким образом, чтобы люди могли пользоваться им».

Время молитвы определяется на основе движения солнца, особенно его положения. Теоретически времена на молитву были определены Кораном и Сунной через феномен движения солнца [Muhammad Rifqi, 2020, с. 194].

Сура Юнус 10:5 «Он — Тот, Который сделал солнце сияющим, и луну — светом (отражающим лучи солнца), и распределил её по стоянкам (фазам), дабы знали вы число годов и счёт (дней)».

Хадис: «Поистине, солнце и луна являются двумя из знамений Аллаха, затмением которых Аллах устрашает рабов своих, и поистине, затмение (этих двух светил) не происходит по причине смерти кого-либо из людей. А посему, увидев его, молитесь и взывайте к Аллаху с мольбами до тех пор, пока оно не прекратится».

В исламе оба светила не имеют божественной силы и считаются творениями Аллаха. Мохаммед называл солнце глазом Аллаха.

В иудаизме бог солнца (евр. Шемеш) упомянут вместе с луной как два великих небесных светила [Быт. 1:14–18]. Своим движением и влиянием они должны были отмечать и разделять времена и сезоны. На четвертый день Бог создал солнце, луну и звезды «для знамений, и времен, и дней, и годов. Солнце — «для управления днем», луну — «для управления ночью» [Быт. 1:14–16]. Хотя известно, что родоначальник еврейского народа Авраам изначально поклонялся солнцу и воспринимал его как Бога [Мидраш-Берешит, с. 28; Езидский гимн «О пророке Аврааме» (Qewle Birahim rexember)]. Некоторые еврейские цари (Манассия, Ахаз) и общины тоже поклонялись солнцу, но после прихода к власти Езекии иудеи отошли от этой практики. В современном иудаизме солнце рассматривается как одно из творений Всевышнего, которое он создал для развития жизни на Земле, и не является объектом религиозного поклонения, а его почитание считается идолопоклонством.

Таким образом, существующие до сих пор в христианской религии солнечные символы означают преемственность языческих и христианских традиций. В исламе Солнце и Луна рассматриваются как творения Аллаха, подчинены его воле и не считаются объектами поклонения. В иудаизме Солнце, как и другие небесные тела, считается творением Бога, не почитается как божество и рассматривается как часть божественного света.

Курды поклоняются солнцу до сих пор

В истории и культуре курдского народа культ солнца всегда имел сакральное значение. Солнце и курды были и до сих пор связаны друг с другом. Известно, что курдский народ является автохтонным населением Месопотамии и имеет прямое отношение к таким древним религиям, как маздаизм, зороастризм, митраизм и езидизм, в основе которых — культ поклонения солнцу. На протяжении тысячелетий солнце в истории курдского народа было и остается чем-то большим, чем просто источник света и тепла. Шамаш — бог солнца в шумерской и вавилонской мифологии, который был одним из главных богов в пантеонах древней Месопотамии, в современном курдском языке называется «Шамс» и считается одним из имен Бога. Курды сохранили большое число доисламских элементов в культах и обрядах [Рашад, 2003, с. 46]. Их быт и повседневная жизнь независимо от вероисповедания включают символы солнца, они почитают солнце и поклоняются ему, возносятся к нему молитвами, украшают им свои дома и предметы, всегда и везде оставаясь с солнцем, из-за чего курдов называют солнцепоклонниками. Также курды поклоняются огню, который считается материальным проявлением солнца на земле, поэтому их также называют огнепоклонниками.

Особое значение культ солнца имеет в курдской езидской общине⁶, у которой это явление имеет глубокие исторические корни, наделено астральным смыслом, выходящим за пределы человеческого сознания, напрямую связано с Богом, древними обычаями и мистическим опытом. Разрушительное влияние на езидизм оказали мусульмане, которые в VII в. вторглись в Месопотамию и стали насильственно обращать иноверцев в свою религию. Завоеватели и прозелиты путем силы, жестокости и миссионерства внесли в древнюю религию коренных жителей многие элементы ислама, о чем свидетельствуют факты средневековой истории Курдистана. Результатом насильственной исламизации езидов и уничтожения их артефактов стало то, что многие аспекты езидского вероучения сегодня являются гипотезой, которой недостает подтверждения в исторических памятниках.

По примеру вероисповеданий других древних народов, связывающих солнце с разными божествами, многие люди касательно езидской религии также называют солнце Богом, а езидов — язычниками. На самом деле для езидов Солнце не Бог⁷ и никогда не было Богом. Согласно религиозному учению езидов, изложенному в двух священных книгах и гимнах⁸, само Солнце как небесное светило не может быть Богом, а является его проявлением — светом, духом, мыслью, видением и дыханием Бога в нашем мире. Солнце есть блаженный свет, исходящий от Бога. Это видимый образ божественной благодати, трансцендентный «глаз Бога», через который Бог наблюдает за всем происходящим на Земле. Кроме солнца в езидизме часто упоминается и луна, но Бог главным образом представлен солнцем.

Согласно езидской священной книге «Масхафа Раш (Черная Книга)» все сущее на Земле, в том числе Солнце, является творением Бога: «...в начале Сотворения мира Бог сотворил семь

⁶ Езиды — этноконфессиональная община курдского народа. Езидизм — уникальная религия курдского народа, одна из древнейших монотеистических религий мира.

⁷ Бог по-курдски [Хведа], состоит из двух слов [Хве] и [Да], что буквально переводится как [себя дал] или создал.

⁸ По-курдски «Qewl».

Великих Ангелов, затем с их помощью Семь небес, Землю, Солнце и Луну, после чего Великий Бог сказал ангелам — я сотворю Адама и Еву и из сущности Адама произведу человеческий род. Когда Адам поднялся на ноги, Мелек Таус⁹ повернул его лицом к Солнцу и сказал ему, что существует нечто гораздо большее, чем он, и что он ежедневно при восходе и заходе Солнца должен молиться Верховному Богу и всегда должен помнить эту истину». Цит. по: [Семенов, 1927, с. 64–67].

В гимне, посвященном Богу «Medhe Xwede», говорится: «...Господи! Ты всемилостив и всемогущ. Ты вечен. Ты Господь над всеми, Владыка света и тьмы, Солнца и Луны, дня и ночи, Судья мира. Ты правитель всего света. Господи! У тебя ни дома, ни семьи, у тебя ни лица, ни голоса, ни запаха, ни цвета. Никто не знает, каков Ты».

Согласно учению Бог в езидизме — творец вселенной и всего сущего, он сотворил мир из противоположностей: Солнце и Луну, день и ночь, мужчину и женщину и т. д. Для того, чтобы постичь суть чего-либо, нужно знать его противоположность [Альманах Святой Лалыш, 2008, с. 5]. Увидеть Бога невозможно, так как он недоступен, неизвестен и невообразим, и только Солнце является проявлением Господа на Земле, поэтому все молитвы и просьбы езидов обращены к Солнцу — к свету божьему. Езиды, несмотря на то, что исповедуют единобожие, до сих пор почитают солнце, известное у них под названием «Шамс» (Şems) или «Шешамс» (святое солнце). Езиды видят в солнце отражение Божия луча [Егiazаров, 1891, с. 184].

В езидских священных текстах есть множество упоминаний о Солнце. Каждое утро, когда восходит солнце, и вечером, когда заходит, каждый езид должен трижды пасть ниц перед ним и приветствовать Господа. Первая молитва совершается при восходе солнца. Перед самым восходом езиды выходят наружу и обращают свой взор в сторону Солнца. Наиболее набожные кланяются и целуют землю, которую коснулись первые лучи солнца, и после этого читается утренняя молитва [Сулейман, Джуди, 1979, с. 28]. В утренней молитве [Dua Sbe] говорится: «Шешамс (Господь) властвует над силой нашей и верой. Правитель Ади — венец от начала и до конца. Боже, врата добра открой, врата зла затвори, помилуй ради Ангелов, стоящих перед Солнцем».

Вечерняя молитва совершается на закате солнца. Взгляд обращен в сторону захода солнца. Молитва [Dua ewage] начинается со слов: «О, Всадник восхода и заката, ради Солнца и Луны спаси нас от несчастья и беды, сохрани и в этот раз...» [Сулейман, Джуди, 1979, с. 29].

В гимне Забуна максур — стих 18 говорится, что Бог создал Солнце и Луну, которые стали его глазами, чтобы видеть все вблизи и вдали.

Также Солнце упоминается в Гимнах Шешамс, Шехсин, Шихади, Дуа сбе, Дуа рожава, Пашдуа, Аткат, Диалог Неба и Земли, Сермерг, О месяцах, О Мир Мухамаде курди, О пророке Аврааме и др.

* * *

В отличие от курдов-мусульман, для которых солнце является символом предков, езиды почитают солнце не просто как первоисточник жизни, света и тепла, а как видимое присутствие Бога на Земле. С самого начала зарождения езидской общины их вера включает в себя воззрения людей, которые мифологизировали и символизировали Солнце как свет божий. Солнце для езидов — это живое явление, духовно связывающее человека с Богом, оно служит проводником между человеком и Богом, может прогнозировать или даже определять судьбу человека. Во время молитвы езиды совершают поклон лучам солнца, но это не значит, что они поклоняются этому

⁹ Мелек Таус, в переводе Ангел-Павлин, в езидизме Верховный ангел, назначен Богом главой Великих Ангелов в начале Сотворения мира. Езиды верят, что Бог назначил Мелек Тауса покровителем их общины, и именно его они почитают как своего Ангела-покровителя.

светилу — фактически езид поклоняется Богу. Солнце в езидской религии ассоциируется с божественным проявлением, которое считается священным и достойным почитания. Солнечный свет в езидизме является источником и основой человеческой души.

Молитвенная практика езидов проста и строго регламентирована, связь с солнцем имеет веками установленный порядок, отделена от обыденного, мирского и требует духовного отношения и благоговения [Базиленко, 2017, с. 59]. Вся жизнь, события и праздники езидов напрямую связаны с Солнцем. Даже архитектурные элементы езидского храма имеют солярную символику — острые грани куполов символизируют лучи солнца, сам храм должен быть расположен одной стороной на восток, другой на запад. К примеру, в главном езидском зиккурате Лалиш (Иракский Курдистан) в восточной и западной стенах сооружения окна устроены таким образом, чтобы было видно, как солнце восходит и как заходит. В езидском храме Лалиш до сих пор ведется летоисчисление по солнечному календарю. Один из главных праздников — «Праздник Езида (Sejna Ezid)», посвященный Богу, связан с рождением нового солнца, которое приходится на конец декабря, когда заканчивается зимнее солнцестояние и день начинает прирастать (у христиан-католиков 25 декабря). Другой праздник связан с днем весеннего равноденствия, который приходится на 21 марта и называется Науроз (курд. новый день). Этому празднику посвящен гимн [Qewle Newroze], в котором говорится о расцвете природы и начале новой жизни. Накануне этого праздника езиды пекут сладкий хлеб круглой формы, называемый «Клоча сеаре сале (букв. Кулич нового года)». Его круглая форма символизирует Солнце. Одной из главных клятв у езидов (и у некоторых курдов-мусульман) до сих пор является клятва солнцу, когда езид обращает взор в сторону солнца и произносит: «Аз ве Рое кьм (Клянусь этим солнцем).

Примечательно, что праздник Науроз отмечается всеми курдами независимо от вероисповедания. Корнями история этого праздника уходит в Месопотамию, где зародилась традиция отмечать весеннее пробуждение природы с рождением нового солнца. Если для многих народов мира этот день означает просто день весеннего равноденствия, то для курдского народа — день рождения нового солнца, а вместе с ним — начало нового года, новых надежд и наступление лучшей жизни. В этом празднике солнце и огонь как символы света и тепла молитвенно связаны с верховной силой, чтобы человек и его дух не были безбожными. В день праздника курды зажигают ритуальные огни, каждый из которых посвящен определенному желанию, и все они являются символом борьбы света с тьмой. Этот праздник воспринимается всеми курдами как день возрождения и процветания. Даже курдские иммигранты, рассеянные по всему миру, принесли этот праздник с собой в разные страны и ежегодно справляют этот ритуал.

Среди курдов весьма популярны украшения, изображения, обереги, сувениры, брелоки и другие изделия с символикой солнца. Среди женщин распространено древнее искусство татуировки, которое включает разнообразные сюжеты солнца. Считается, что символы солнца являются источником жизни и долголетия, защищают от злых сил, привлекают удачу, процветание и укрепляют семейные узы. Солярные мотивы изложены в народном фольклоре, танцах, притчах и сказках, передаваемых из поколения в поколение. Эта традиция отражает национальную культуру и веру и почти в неизменном виде существует на протяжении многих веков.

* * *

В заключение можно сделать следующие выводы. Письменные источники, артефакты и предания свидетельствуют о том, что поклонение Солнцу изначально входило в систему верований многих народов мира. Археологические находки демонстрируют, что солярные даты отмечались еще в доисторические времена. Солнечные боги или божества у разных народов носят разные имена, отличаются семантикой, происхождением и внешностью, но суть у всех одна и та же — это могущественные силы,

обладающие божественной благодатью и дарующие людям свет, тепло, силу и надежду. Многие древние правители (императоры, цари, князья) отождествляли себя с солнцем. Родством с солнцем они обосновывали идею своего божественного происхождения и тем самым утверждали свою безграничную власть на Земле. В представлениях древних народов солнце всегда считалось воплощением истины и справедливости. Клянясь этим светилом, человек фактически клялся своей честью и жизнью.

Сегодня культ солнца в представлении многих народов считается древним мифическим символом, элементом языческой религии и уже не является объектом поклонения. Несмотря на отступление современных религий от культа Солнца и запреты, его следы остались почти во всех культурах и религиях, обычаи и праздники солнца в народе сохранились до сих пор, а некоторые были признаны церковью и приспособлены к ее традициям. Во многих регионах мира сохранились древние языческие храмы и святилища, посвященные солнцу, в христианских храмах есть изображения и другие символы солнца. Символы солнца в виде крестов, свастики, народных вышивок, орнаментов и других элементов можно встретить на домах, одежде и других предметах в разных уголках мира. Во многих языках сохранились фразеологизмы, связанные с солнцем. До сих пор есть люди, которые продолжают кланяться солнцу и клясться солнцем. Сюжеты поклонения солнцу отражены в народных верованиях, национальных сказках и фольклоре. Солярные праздники, песни и пляски в честь солнца встречаются в культурах многих народов.

Празднование солярных дат имеет характерные общие черты среди всех индоевропейских народов. Схожими являются танцы, особенно хороводы, песни, прыжки через зажженные костры, важнейшим символом праздника были и остаются пироги круглой формы (куличи), которые символизируют Солнце. В России, Беларуси, Украине, Польше, Шотландии, Германии, Франции, балтийских странах почти до начала XX в. сохранялся обычай снимать головной убор при виде восходящего Солнца. Как символ верховной власти солнце часто используется в геральдике современных государств. Символы Солнца как значимые для страны и ее народа присутствуют на флагах многих государств [Григорьев, 2013, с. 107]. Помещенное в виде полного диска в центре или верхнем поле герба или флага солнце говорит о совершенстве и расцвете государства, а также о его независимости (Аргентина, Эфиопия, Япония, Мальта и др.), восходящее солнце в геральдике — знак развития, устремленности в будущее (в этом значении оно помещалось в гербе Советского Союза) [Бокова, 2012, с. 39].

Эти факты указывают на то, что Солнце было объектом поклонения и важной частью ритуалов для многих народов мира. Сохранившиеся до сих пор элементы почитания солнца у некоторых народов остаются уникальным явлением и ярким примером приверженности человека своим древним традициям. Все это дает основание воспринимать Солнце как универсальный символ — божественной истины и справедливости, необходимого природного явления и гаранта жизни.

Поклонение солнцу в той степени, в которой оно присутствует у курдов, особенно езидов, можно встретить только у них. Исследование древних верований и обычаев курдского народа позволяет сделать вывод, что с незапамятных времен самым важным культовым объектом в курдской среде было и есть Солнце, которое изначально появилось в представлениях их древних предков в качестве света, исходящего от Бога, и выступало символом вечности на Земле. Культ солнца до сих пор занимает важное место в курдской культуре и представляет собой переходящую из поколения в поколение традицию его почитания и поклонения. Самосознание курдского народа коренится в поклонении солнцу как блаженному свету, исходящему от Бога. Все курды независимо от вероисповедания одинаково понимают, что как только солнце восходит — наступает время молитвы Богу. Особенно эта традиция сильна у курдов-езидов, она неизменно существует с незапамятных времен. В отличие от курдов-мусульман солнцепоклонство у езидов не только имеет глубокие корни, но и остается основой религии и смыслом жизни.

Отношение курдов к солнцу представляет собой древний аспект традиционной и духовной культуры, которая наглядно демонстрирует приверженность народа своим древним традициям, историческому прошлому и коллективная память которых не забывает, кому поклонялись их предки до принятия ислама, христианства и других религий. Особое почитание солнца и его символики у курдов указывает на то, что солнце является их древним общенациональным символом и духовно сближает всех курдов независимо от вероисповедания. После завоевания Курдистана в начале XX века и начала борьбы курдского народа за независимость курдские патриоты добавили изображение солнца на национальный флаг, который стал символом борьбы за свободу и объединения всех курдов независимо от страны проживания и вероисповедания. Сегодня в курдском менталитете солнце представляет собой мощный символ свободы и национальной идентичности, доминирует идея, что народ разбросан по всему миру, но объединен под одним солнцем. В ходе борьбы за самоопределение эта идея все больше приобретает общенациональный характер. Сегодня курдский народ в большинстве считает солнце символом социального обновления и личностного объединения, хотя изначально на протяжении многих тысячелетий под этим символом подразумевалась религия.

Литература / References

- Авдоев Т. В. Историко-теософский аспект езидизма. *Журнал Апокриф*. 2011. № 15 [Avdov T. V. Historical and theosophical aspect of Yezidism. *Апокрифа Magazine*. 2011. No. 15 (in Russian)].
- Альманах «Святой Лалыш». С. А. Григорьев, Л. И. Иваско, Д. В. Пирбари. Екатеринбург, 2008 [Almanac "Holy Lalish". S. A. Grigoriev, L. I. Ivasko, D. V. Pirbari. Ekaterinburg, 2008 (in Russian)].
- Базиленко И. В. Езидизм. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии*. 2017. № 1 [Bazilenko I. V. Yezidism. *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*. 2017. № 1 (in Russian)].
- Барсегян П. А. Особенности культа солнца в древней Армении. *Материалы V Международной научно-практической конференции «Религия и история»*. Минск: Ковчег, 2018. С. 37–43 [Barseghyan P. A. Features of the Sun Cult in Ancient Armenia. *Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference "Religion and History"*. Minsk: Kovcheg, 2018. P. 37–43 (in Russian)].
- Бокова В. Солнце и солнечные эмблемы. *Сокровища мировой цивилизации. Символы. Знаки*. М.: Мир энциклопедий Аванта-Астрель, 2012. С. 38–47 [Bokova V. The Sun and Solar Emblems. *Treasures of World Civilization. Symbols. Signs*. Moscow: World of Encyclopedias Avanta-Astrel, 2012. P. 38–47 (in Russian)].
- В поисках забытого прошлого: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: ИВ РАН, 2018 [In Search of the Forgotten Past: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2018 (in Russian)].
- Григорьев А. А. Планетарно-географическая роль солнца в формировании геокультурного пространства. *Вестник СПбГУ*. Сер. 7. 2013. Вып. 4. С. 98–108 [Grigoriev A. A. Planetary-geographical role of the sun in the formation of geocultural space. *Bulletin of St. Petersburg State University*. Ser. 7. 2013. Issue. 4. P. 98–108 (in Russian)].
- Егiazаров С. А. *Краткий этнографическо-юридический очерк езидов Эриванской губернии*. Тифлис, 1891 [Egiazarov S. A. *Brief ethnographic and legal essay on the Yezidis of the Erivan Governorate*. Tiflis, 1891 (in Russian)].
- Жорж Ру. *Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия. Царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э.* М.: Центрполиграф, 2016 [George Ru. *Great civilizations of Mesopotamia. Ancient Mesopotamia. Kingdoms of Sumer, Akkad, Babylonia and Assyria. 2700–100 AD BC e.* M.: Centerpolygraph, 2016 (in Russian)].

История Грузии (Картлис цховреба). Под ред. Метревели Р. Тбилиси: Издательство «Артануджи», 2008 [*History of Georgia (Kartlis Tskhovreba)*. Ed. R. Metreveli. Tbilisi: Artanuji Publishing House, 2008 (in Russian)].

Ксенофонт. *Анабасис*. М. — Л., 1951 [Xenophon. *Anabasis*. М. — Л., 1951 (in Russian)].

Куликова Ю. В. Культ Sol в Древнем Риме. *Локус*. 2020. № 1. С. 46–63 [Kulikova Yu. V. The Cult of Sol in Ancient Rome. *Locus*. 2020. No. 1. P. 46–63 (in Russian)].

Куртик Г. Е. *Солнечное божество Уту/Шамаш в шумерской астрономии*. ИАИ. Вып. XXXVIII, 2015. С. 38–68 [Kurtik G. E. *Solar deity Utu/Shamash in Sumerian astronomy*. IAI. Vol. XXXVIII, 2015. P. 38–68 (in Russian)].

Мифы народов мира. Под ред. Токарева С. А. М.: Советская энциклопедия, 1987 [*Myths of the peoples of the world*. Ed. Tokareva S. A. M.: Soviet Encyclopedia, 1987 (in Russian)].

Нидерле Л. *Славянские древности*. М., 2015. С. 391–408 [Niederle L. *Slavic Antiquities*. Moscow, 2015. P. 391–408 (in Russian)].

Омархали Х. *Йезидизм из глубины тысячелетий*. СПб.: Изд-во СПб университета, 2005 [Omarchali Kh. *Yezidism from the depths of millennia*. St. Petersburg University Press, 2005 (in Russian)].

Пирбари Д. В., Щедрицкий Д. В. *Тайна жемчужины. Езидская теософия и космогония*. Москва–Тбилиси, 2016 [Pirbari D. V., Shchedritsky D. V. *The Secret of the Pearl. Yezidi Theosophy and Cosmogony*. Moscow–Tbilisi, 2016 (in Russian)].

Пирбари Д. В. *На пути к истине — Езидизм*. Тбилиси, 2003 [Pirbari D. *On the way to the truth — Yezidism*. Tbilisi, 2003 (in Russian)].

Платон. *Законы*. Труды петербургского философского общества, полное собрание творений в 15 томах, под редакцией С. А. Жебелева, А. П. Красавина, Э. Л. Радлова. Том 14. Петербург, 1923 [Plato. *Laws*. Transactions of the St. Petersburg Philosophical Society, complete works in 15 volumes, edited by S. A. Zhebelev, A. P. Krasavin, and E. L. Radlov. Vol. 14. St. Petersburg, 1923 (in Russian)].

Рашад Сабри Рашад. *Этноконфессиональная ситуация в современном Курдистане*. СПб.: «Наука», 2003 [Rashad Sabri Rashad. *Ethno-confessional situation in modern Kurdistan*. St. Petersburg: «Nauka», 2003 (in Russian)].

Семенов А. А. *Поклонение сатане у переднеазиатских курдов-езидов*. Труды вост. факультета Среднеазиатского гос. университета. Ташкент: Уэполиграфтрест, 1927 [Semenov A. A. *Worship of Satan among the Near Asian Yezidi Kurds*. Trudy Vost. Faculty of the Central Asian State University. Tashkent: Wepoligrafrest, 1927 (in Russian)].

Сефербеков Р. И. Мифологические образы солнца и луны в верованиях народов Дагестана. *Вестник ИАЭ*. 2007. № 4. С. 64–103 [Seferbekov R. I. Mythological images of the sun and moon in the beliefs of the peoples of Dagestan. *Bulletin of the IAE*. 2007. No. 4. P. 64–103 (in Russian)].

Словарь библейских образов. Под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана (пер.: Скороходов Б. А., Рыбакова О.). Санкт-Петербург: Библия для всех, 2005 [*Dictionary of Biblical Images*. Edited by Leland Raiken, James Wilhoit, and Tremper Longman (translated by B. A. Skorokhodov and O. A. Rybakova). St. Petersburg: Bible for Everyone, 2005 (in Russian)].

Слово о полку Игореве. Без автора. М.: «Художественная литература», 1987 [*The Tale of Igor's Campaign*. Authorless. Moscow: «Khudozhestvennaya Literatura», 1987 (in Russian)].

A Guide to Introducing the Lalish Center and Izidizm. Duhok, 2015. P. 18.

Allison C. *The Yezidi Oral Tradition in Iraqi Kurdistan*. Richmond, 2001.

Keil Carl Friedrich. *Biblical Commentary on the Old Testament*. Vol. 25. Eerdmans, 1969.

Kreyenbroek Ph. G. *Yezidism: Its Background, Observance and Textual Traditions*. Lewiston, 1995.

Layard A. H. *Discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon, with travels in Armenia, Kurdistan and the desert*. Vol. 1. London, 1853.

Muhammad Rifqi Hasan. Astronomical Interpretation of Early Prayer Times. *Al-Hilal: Journal of Islamic Astronomy*. Vol. 2. No. 2. Tahun 2020. P. 194–213.

Muller Friedrich Max. *Comparative Mythology*. London: George Routledge and Sons, Limited. New York, 1856.

Muller Friedrich Max. *Introduction to the Science of Religion*. Course of Lectures at the Royal Institution in February and May 1870. London–Bombay, 1899.

Ordixane Celil, Celile Celil. *Zargotina kurda*. Moskva, 1978 [Ordikhane Jalil, Jalile Jalil. *Kurdish Folklore*. Moskva, 1978 (in Kurdish)].

Othman Mamo. Izidy Religions between the Sun-Worshipers and Mysticism. *Lalish Magazine*. 2011. No. 34. P. 16–22.

Silêman Pir Khidir, S. Khalil. *An Introduction on Izidians and Lalish*. Duhok: Khani press, 2009.

Silêman Pir Xidir. Êzidiyatî. Dengê Êzidiyan. *The Voice of the Yezidis*. Oldênburg, Hejmar 1, 2001 [Sleman Pir Khidir. *The Voice of the Yezidis*. Oldenburg, Number 1, 2001 (in Kurdish)].

Sileman Pir Xidir. *Ezidiyati No. 1, 2, 3, 4, 5, 6. Binge Laliş*. Duhok [Sleman, Pir Khidir. *Ezidiati No. 1, 2, 3, 4, 5, 6. Lalish cultural center*, Duhok (in Kurdish)].

Silêman Xidir, Cûdî Xelîl. *Êzidiyatî li ber roşniya xandak tekstêd aîynê êzîdîyan*. Bexda, 1979 [Sleman Pir Khidir, Judi Khalil. *Yazidism in the light of Yazidi religious texts*. Baghdad, 1979 (in Kurdish)].

Sileman Pir Xidir. *Egidiyati. Dengi Egidiyan*. Oldenburg. Hejmar 2, 2001 [Pir Khidir Sleman. *Ezidiati. Voice of the Yezidis*. Oldenburg, Number 2, 2001 (in Kurdish)].

Религиозные книги / Religious books

Авеста [*Avesta* (in Russian)].

Библия, Книга Бытие [*Bible, Genesis* (in Russian)].

Коран [*Koran* (in Russian)].

Масхафа Раш — Езидская религиозная книга. [*Maskhafa Rash* — Yazidi religious book (in Russian)].

Езидские священные гимны [*Yazidi sacred hymns*. Qewle: Medhe Xwede, Zebuna maksur, Xerqe, Padşa, Mire Ezid, Şeşams, Şexsin, Şixadi, Şehda din, Atqat, Tausi Melek, Erd u ezman, Dua sibe, Dua rojava, Dirozge, Mir Mehmede kurdi, Birahim pexember etc (in Kurdish)].

ЕГИПЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ШКОЛЫ: ИНТЕГРАЦИЯ ЯПОНСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ В СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ ЕГИПТА

© 2025

О. В. Москалец¹

Опыт создания египетско-японских школ представляет собой уникальный пример трансфера образовательных моделей и демонстрирует попытку гармоничного слияния японской педагогической философии с египетской учебной программой. Объявление о создании Египетско-японского партнерства в области образования в 2016 году стало отправной точкой для масштабных преобразований в египетской системе обучения. Это партнерство не просто предполагало передачу учебных материалов, а затронуло глубинные аспекты педагогической культуры, сосредоточившись на развитии личности ребенка в целом, а не только на усвоении знаний. Интеграция египетско-японских школ в программу реформ «Образование 2.0» подчеркивает признание египетским правительством необходимости модернизации школьной системы. В рамках этой новой модели образования акцент делается не только на академические знания, но и на развитие жизненных навыков и гражданственности. Это означает, что ученикам предлагаются специальные курсы, которые помогают им стать более уверенными и социально адаптированными. Важную роль в этом процессе играют образовательные мероприятия, известные как «токкацу», которые включают в себя различные активности, направленные на формирование у детей чувства ответственности и заботы о своем окружении. Система «токкацу» направлена на то, чтобы дети с раннего возраста учились самодисциплине и самообразованию. В отличие от традиционных методов преподавания, которые зачастую фокусируются на запоминании фактов и выполнении заданий, японская модель образования стремится мотивировать детей к самостоятельному поиску знаний и развитию своих способностей. В этом контексте образовательный процесс становится более интерактивным и ориентированным на личностные интересы и потребности каждого ученика. Эта реформа, амбициозная по своим масштабам, стремится не только повысить качество образования, но и подготовить молодое поколение к вызовам современного мира, формируя у них ключевые компетенции для успешной жизни и работы в глобализованном обществе.

Ключевые слова: Египет, реформа образования, египетско-японские школы, японская модель «токкацу»

Для цитирования: Москалец О. В. Египетско-японские школы: интеграция японской образовательной модели в систему образования Египта. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 120–126. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-120-126

EGYPTIAN-JAPANESE SCHOOLS: INTEGRATION OF THE JAPANESE EDUCATIONAL MODEL INTO THE EGYPTIAN EDUCATION SYSTEM

Oksana V. Moskalets

¹ Москалец Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; oksana_interpost@mail.ru

Oksana V. Moskalets, PhD (Hist.), Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; oksana_interpost@mail.ru

The Egyptian-Japanese school system represents a unique example of the transfer of educational models and demonstrates an attempt to harmoniously integrate Japanese pedagogical philosophy with the Egyptian curriculum. The announcement of the Egyptian-Japanese Education Partnership in 2016 marked the starting point for large-scale transformations in the Egyptian education system. This partnership went beyond the simple transfer of educational materials and addressed deep aspects of pedagogical culture, focusing on the development of the child's whole personality, not just the acquisition of knowledge. The integration of Egyptian-Japanese schools into the "Education 2.0" reform program underscores the Egyptian government's recognition of the need to modernize the school system. This new education model emphasizes not only academic knowledge but also the development of life skills and citizenship. This means that students are offered specialized courses that help them become more confident and socially adaptive. Educational activities known as "tokkatsu" play a key role in this process. These activities include various activities aimed at instilling in children a sense of responsibility and concern for their surroundings. The «tokkatsu» system aims to teach children self-discipline and self-education from an early age. Unlike traditional teaching methods, which often focus on memorizing facts and completing assignments, the Japanese educational model strives to motivate children to independently seek knowledge and develop their abilities. In this context, the educational process becomes more interactive and focused on the personal interests and needs of each student. This ambitious reform seeks not only to improve the quality of education but also to prepare the younger generation for the challenges of the modern world, developing key competencies for successful life and work in a globalized society.

Keywords: Egypt, educational reform, Egyptian-Japanese schools, Japanese «tokkatsu» model

For citation: Moskalets O. V. Egyptian-Japanese Schools: Integration of the Japanese Educational Model into the Egyptian Education System. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 120–126. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-120-126

Реформа «Образование 2.0» (EDU 2.0) в Египте стартовала в августе 2017 года и рассчитана на поэтапное внедрение до 2030 г. Эта масштабная национальная реформа, направленная на создание совершенно новой системы образования, была сформулирована и начала воплощаться в жизнь под руководством Тарика Шауки (министр образования и технического развития Египта 2017–2022 гг.), который заявил, что «классическая система образования Египта исчерпала себя, и настала необходимость в программе реформ, чтобы вернуть образование в классы. Пришло время пробовать что-то ещё»². Реформа направлена на радикальную реструктуризацию старой схемы образования и создание совершенно новой системы просвещения, целью которой является модернизация и повышение качества образования, начиная с детского сада и заканчивая средним образованием. Классическая система образования Египта была ориентирована на подготовку выпускников, пригодных для рынка труда прошлого, при этом основное внимание уделялось исключительно получению диплома, который мог бы гарантировать работу, как правило, в государственном секторе. Навыки, компетенции и обучение не были приоритетом старой образовательной системы. Поэтому основные цели реформы, разработанной Министерством образования Египта, были направлены на переход системы образования от механического запоминания и поверхностного обучения к новой методике, которая поощряет критическое мышление, основанное на знаниях, стимулирует исследовательскую деятельность с ориентацией на получение знаний на протяжении всей жизни.

На базе концепции модернизации школьного образования в Египте с учетом потребностей современных реалий возникла идея в качестве эксперимента перенять японский метод обучения путем создания египетско-японских школ в стране. Во время визита в Японию в 2016 г.

² <https://blogs.worldbank.org/en/education/shaking-egypts-public-education-system> (дата обращения: 15.11.2025).

президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси и тогдашний премьер-министр Японии Синдзо Абэ объявили о создании Египетско-японского партнерства в области образования «EJEP»³ под эгидой Японского агентства международного сотрудничества «JICA»⁴, которое направлено на модернизацию и усовершенствование системы образования в Египте путем внедрения основных аспектов японской модели развития детей в египетскую школьную систему. Впоследствии египетско-японские школы были интегрированы в программу реформ реструктуризации школьного обучения «Образование 2.0».

Аналитики отмечают, что основной экономического развития и прогресса Японии было расширение качественного образования. Японская модель образования, известная своим акцентом на дисциплину, коллективное обучение и развитие критического мышления, была выбрана как образец для подражания. Исходя из этого, египетские власти рассчитывают, что сотрудничество принесет ощутимые плоды в формировании продвинутой и обновленной системы обучения. Заручившись поддержкой Японского агентства международного сотрудничества (JICA), Министерство образования и технического развития Египта разработало новые программы и методички для обучения учащихся в египетско-японских школах. Японское агентство поддерживает египетский образовательный сектор путем предоставления качественных учебников и методических материалов, а также берет на себя организацию подготовки учителей к новой обучающей схеме, привлекая при этом к школьной деятельности родителей и местные сообщества⁵.

Основной вектор деятельности агентства в Египте сосредоточен на четырех главных направлениях: дошкольное, базовое, техническое и высшее образование.

JICA поддерживает повышение качества дошкольного образования путем распространения методики «Обучение через игру», суть которой состоит в воспитании независимости, сотрудничества, общительности и дисциплины среди детей, что, в свою очередь, по мнению педагогов, будет способствовать гармоничному развитию личности египетских детей.

Что касается базового образования, JICA поддерживает открытие египетско-японских школ (EJS), которые применяют японскую концепцию всестороннего развития ребенка посредством специальных мероприятий, известных как «Токкацу», с целью развития социальных, эмоциональных, физических и научных навыков египетских учащихся для формирования ответственных и работоспособных членов общества.

Для технических школ Египта, где выпускники сталкиваются с низким уровнем трудоустройства и несоответствием квалификации сотрудника занимаемой должности, JICA в сотрудничестве с японскими компаниями в Египте содействует подготовке компетентных выпускников путем обучения студентов руководящим принципам, нацеленным на практические навыки как на уровне управления школой, так и на уровне наставников. Такая методика способствует повышению дисциплины, производительности и командной работе учащихся, а также их постепенному переходу на рынок труда.

Японское агентство международного сотрудничества также содействует развитию образовательных навыков египетской молодежи путем увеличения числа египтян, направляемых в Японию для совместных исследовательских и учебных программ. За счет финансирования принимающей стороны в течение пяти лет в Японии прошли обучение более 2500 египетских студентов. Учащиеся

³ Egypt-Japan Education Partnership (EJEP) — международная структура по сотрудничеству в области образования, включая дошкольное, базовое, техническое и высшее образование, а также научные исследования, технологии и инновации.

⁴ Japan International Cooperation Agency (JICA) — Японское правительственное агентство. Создано для содействия международному сотрудничеству, развитию японской и мировой экономики путем поддержки социально-экономического развития, восстановления и экономической стабильности развивающихся регионов.

⁵ <https://www.jica.go.jp/english/activities/issues/education/index.html> (дата обращения: 15.11.2025).

получали навыки по инновационным японским образовательным программам, перенимали опыт передовых японских технологий в различных областях науки и техники, а также в области здравоохранения и образования. В долгосрочной перспективе вложения в образовательный потенциал должны принести пользу для экономического и социального развития Египта⁶.

Особый акцент был сделан на внедрение в обновленную египетскую систему образования японских школ, их распространение и популяризацию по всей стране. Несмотря на то, что школы реализуют японский подход к обучению, сама учебная программа является египетской, и японский язык не входит в число предметов, преподаваемых в этих школах. В них преподается национальная учебная программа Египта на английском языке, а также проводятся специальные курсы по обучению жизненным навыкам и гражданственности. По данным Японского агентства международного сотрудничества, система направлена на развитие эмоционально стабильных, социально адаптированных детей, включая образовательные мероприятия «токкацу»⁷ в японском стиле, такие, например, как формирование в детях аккуратности и чистоплотности посредством уборки и сбора мусора, подчеркивания важности личной гигиены и развития навыков сотрудничества через командную работу. Ребенка с малых лет учат самодисциплине и самообразованию. Школы не просто дают знания, а мотивируют ребенка получать эти знания. Образовательный процесс направлен на развитие социальных, поведенческих и личностных навыков студентов наряду с академическим обучением. Специально разработанная система поощрений и наказаний, встроенная в воспитательный процесс, призвана не наказывать за ошибки, а стимулировать самодисциплину и самоконтроль. Упор делается на понимание причин плохой успеваемости и помощь в их преодолении. Это подход, направленный на формирование внутренней мотивации к обучению, а не на внешнее принуждение. «Токкацу» — характерная японская обучающая система, делающая акцент на всестороннее гармоничное развитие ученика через внеклассную и коллективную деятельность, где учителя выступают в роли наставников и помощников, а не просто передатчиков знаний. Они помогают ученикам развивать свои сильные стороны, преодолевать трудности и находить свой путь в жизни. Этот подход позволяет создать внутреннюю мотивацию к обучению и достижению успехов.

Модель «токкацу» включает в себя несколько основных элементов, которые помогают создать целостную образовательную среду. Во-первых, это создание классного сообщества. Важно, чтобы ученики чувствовали себя частью дружеской атмосферы, где они могут помогать друг другу, работать в команде и уважать разнообразие. Это способствует формированию доверительных отношений между учениками и учителями, что, в свою очередь, создает более комфортные условия для обучения.

Во-вторых, режим дня в подобных школах организован таким образом, чтобы дети могли принимать участие в различных активностях. Это может включать в себя не только учебные занятия, но и уход за школьными животными, участие в планировании мероприятий и другие формы взаимодействия. Такие занятия помогают развивать у детей навыки самоуправления и ответственности, что является важным аспектом их личностного роста.

Третий важный элемент — активное общение и обсуждение. Ученики вовлекаются в диалоги, где они могут высказывать свои мнения и участвовать в совместных решениях. Это способствует развитию критического мышления и навыков преодоления проблем, что является необходимым для успешной жизни в современном обществе.

Модель «токкацу» направлена на формирование у детей опыта сотрудничества, добросовестности и активного участия в школьной жизни. Детей не воспитывают как соперников — их

⁶ <https://www.jica.go.jp/english/overseas/egypt/activities/activity12.html> (дата обращения: 15.11.2025).

⁷ Tōkatsu — японский термин, сокращение от «Токубецу Катсудо», что означает «специальная деятельность».

воспитывают с чувством единства коллектива. Японский подход к философии образования гласит: «победа одного означает поражение и чувство горечи другого». Эта модель учит уметь работать в коллективе, а не выделять себя, хотя и индивидуальные заслуги никто не отрицает.

Главная цель «токацу» — воспитание ответственности, чувства коллективизма, умения работать в команде и самостоятельно решать возникающие задачи. Через практическое участие в этих мероприятиях учащиеся развивают не только трудовые навыки, но и учатся ценить труд других, понимать важность коллективных усилий для достижения общих целей. Философия «токацу» — это не только получение знаний и развитие эрудиции, но и воспитание чувства сопричастности к общему делу, формирования гражданской ответственности и патриотизма.

Египетско-японские школы ориентированы на семьи среднего и выше среднего достатка и предоставляют вариант обучения, который на порядок лучше, чем государственные школы, и с более низкой платой, чем частные альтернативы, таким образом, считаются более доступными. Министерство образования заявило, что оно выбирало места для такого рода школ, основываясь на районах, которые подходят для «социальных стандартов и доходов родителей, чтобы иметь возможность оплачивать обучение в школах»⁸. Школы отличаются обширной инфраструктурой, куда помимо учебных классов входят бассейны, стадионы, парковая зона, зона отдыха и школьная столовая. Плата за обучение в такого рода учебных заведениях в настоящее время составляет 16,7 тыс. ег. ф., при этом учебники, оплачиваемые отдельно, стоят 600 ег. ф. Школьная форма официально продается за 1,3 тыс. ег. ф., в результате чего общая стоимость для каждого ученика составляет 18,6 тыс. ег. ф. в год (400\$)⁹. Чтобы облегчить финансовое бремя и стимулировать к поступлению в египетско-японские школы, кабинет министров объявил в 2020 г., что родители, чьи дети учатся в этих школах, могут подать заявку на получение восьмимесячных кредитов от государственного Банка Египта, чтобы покрыть до 100% платы за обучение.

Японское агентство международного сотрудничества (JICA) оказывает финансовую и техническую поддержку этой инициативе, включая соглашение о финансировании в размере 18,6 млрд ег. ф., ратифицированное в 2018 г. В 2019 г. правительство Египта получило грант от Японии в размере 7,5 млн ег. ф. для совместных школ, в результате чего общий объем финансирования составил около 26,1 млрд ег. ф.

Эксперты Японского агентства в области образования также проводят консультации и тренинги для египетских учителей по знаниям, необходимым для обучения по японской методике. Тысячи египетских учителей и директоров школ были направлены в Японию для получения навыков погружения в систему «токацу», где их обучали методам и основам японской философской мысли и модели образования, а также практике интеграции японской системы в египетскую национальную учебную программу. К 2023 году Японское агентство (JICA) направило более 700 учителей в Японию для обучения на местах.

В настоящее время в 26 провинциях Египта функционируют 68 египетско-японских школ, где обучаются около 16 тыс. учеников¹⁰. В каждом классе от 35 до 40 учеников — это примерно половина от количества учеников в государственных школах¹¹.

В дальнейшем предполагается наращивание количества египетско-японских школ, некоторые из которых будут преобразованы в государственные школы японского типа. Правительство

⁸ <https://www.egypttoday.com/Article/1/63045/Egyptian-Japanese-Schools-bear-fruit> (дата обращения: 15.11.2025).

⁹ <https://ejs4students.moe.gov.eg/disclaimerstudents/> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁰ <https://ejs4students.moe.gov.eg/programs/> (дата обращения: 15.11.2025).

¹¹ <https://english.ahram.org.eg/News/541499.aspx> (дата обращения: 15.11.2025).

Египта стимулирует Министерство образования к работе над созданием большего количества такого рода школ, поручив сосредоточиться на провинциях, которые страдают от переполненных классов.

Недавние заявления действующего министра образования и технического развития Египта Мухаммада Абдель-Латифа предусматривают введение японской системы образования «токкацу» в государственных школах по всей стране. Согласно плану, изложенному Абдель-Латифом, в 2024–25 учебном году японская система была внедрена в 100 государственных школах 16 провинций Египта. Начиная с 2026–27 учебного года данную модель обучения планируется расширить и включить в учебную программу уже в 1700 государственных школах по всей стране¹². Министерство образования и технического развития Египта планирует обучить не менее 30 000 учителей в государственных школах по системе «токкацу»¹³.

Однако стоит заметить, что система «токкацу», хотя и практикуется повсеместно в Японии, редко применяется за рубежом. Данная образовательная модель, кроме Египта, была внедрена сравнительно недавно еще в четырех развивающихся странах: Малайзии, Казахстане, Малави и Кыргызстане.

Несмотря на все преимущества японской образовательной модели, интеграция ее в египетскую систему образования сопряжена с определенными сложностями. Культурные различия между двумя странами требуют тщательного учета и адаптации японских подходов к египетским реалиям. Например, система поощрений и наказаний, принятая в японских школах, может нуждаться в модификации с учетом египетских традиций и менталитета. Необходимо также обеспечить специальную подготовку педагогов, чтобы они могли эффективно применять новые методики обучения. Японские специалисты проводят тренинги и мастер-классы, но необходимо обеспечить непрерывное совершенствование профессиональных навыков учителей. Это может включать в себя обмен опытом с японскими коллегами, посещение японских школ, а также разработку специальных программ повышения квалификации для египетских педагогов. Кроме того, целями глобальной повестки дня Японского агентства международного сотрудничества, как заявлено в уставных документах, «помимо обеспечения качественного образования, которое способствует формированию фундамента общества, где люди в полной мере могут развивать свои таланты и способности для достойной жизни, что в свою очередь содействует устойчивому социально-экономическому развитию», является «дальнейшее проникновение в образовательное пространство развивающихся стран путем создания в этих странах японских университетов, которые будут вносить свой вклад в развитие японских лидеров и укрепление высших учебных заведений в развивающихся странах»¹⁴. Данная концепция идет вразрез с идеей властей о создании новой современной национальной системы образования в Египте, цель которой — воспитать новое поколение национально ориентированной, продвинутой и технически подкованной молодежи, готовой к вызовам современного общества и способной внести свой вклад в развитие страны.

В заключение можно сказать, что опыт создания египетско-японских школ представляет собой интересный эксперимент по трансферу образовательных моделей. Успех этой инициативы будет зависеть от многих факторов, включая эффективность подготовки педагогов, адаптацию японских подходов к египетским условиям и гарантии необходимого уровня ресурсного обеспечения. Дальнейшее изучение этого опыта, анализ его сильных и слабых сторон может принести ценную информацию для других стран, стремящихся к реформированию своих систем образования. Однако

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ <https://www.jica.go.jp/english/activities/issues/education/index.html> (дата обращения 15.11.2025).

важно помнить, что успех не гарантирован простым копированием чужого опыта, а требует глубокого понимания контекста и тщательной адаптации к местным условиям.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Al Ahram online. URL: <https://english.ahram.org.eg/Index.aspx> (дата обращения: 15.11.2025).

EDU 2.0. *Education 2.0: Research and Documentation Project*. URL: <https://edu2-egypt.com/> (дата обращения: 15.11.2025).

JICA. *Japan International Cooperation Agency*. URL: <https://www.jica.go.jp/english/> (дата обращения: 15.11.2025).

МОЕ: *Ministry of Education and Technical Education Egypt*. URL: <https://moe.gov.eg/en> (дата обращения: 15.11.2025).

МОИС: *Ministry of International Cooperation — Egypt-Japan Education*. URL: <https://moic.gov.eg/project/77> (дата обращения: 15.11.2025).

The World Bank Group. *World Bank blogs: Egypt*. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 15.11.2025).

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ СТИХА УРДУ

© 2025

Л. А. Васильева¹

Поэзия урду занимала большую часть литературного пространства на этом языке вплоть до начала XX в. Исторические периоды развития поэзии традиционно связывались с именами крупнейших поэтов своей эпохи. В статье рассматриваются оценочные критерии, по которым в различные времена, включая современность, выносились суждения о достоинствах прежде всего наиболее популярного поэтического жанра — газели и ее отдельного стиха — *ше‘ра*, а также «величины» самого поэта. Среди оценочных критериев были как субъективные, неопределенные («размытые») критерии, основанные на личных вкусах критиков, так и научно обоснованные. Особо подчеркивается значение *мушаифы* при оценке газельного стиха. Поэзия урду, являясь прямой наследницей великой персоязычной литературы, имела досконально разработанную оценочную систему, в которой критерии оценки стиха были зафиксированы в заимствованных поэтиках на фарси. До конца XX в. поэтики на персидском языке были основным поэтологическим пособием для самих поэтов и для литературных критиков. Положение изменилось с появлением первой поэтики на языке урду А. Х. Хали. В ней автор попытался установить основные критерии подхода к поэзии нового времени с позиций индийского мусульманского просветительства второй половины XIX в. В настоящее время критики урду все чаще пользуются методами и оценочными критериями современного литературоведения. Ш. Р. Фаруки совмещает последние с традиционным подходом к поэзии, что можно рассматривать как новейший подход к теории стиха урду и его оценки в частности.

Ключевые слова: поэзия урду, газель, стих (*ше‘р*), оценочные критерии, *мушаифа*, поэтика, персидский язык, Амир Хусроу, Ш. Р. Фаруки, Хали, Шибли

Для цитирования: Васильева Л. А. К вопросу о критериях оценки стиха урду. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 127–136. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-127-136

ON THE CRITERIA FOR EVALUATING URDU VERSE

Lyudmila A. Vasilyeva

Urdu poetry occupied the majority of Urdu literary space until the early twentieth century. Historical development periods of the Urdu poetry have traditionally been associated with the names of the greatest poets of their eras. This article examines the evaluating criteria used at various times, including the present day, to judge the merits of the most popular poetic genre, the ghazal, and its individual verse (*she‘r*), as well as the ‘greatness’ of the poet himself. These evaluating criteria included both subjective, vague patterns based on the personal tastes of critics, as well as scientifically proved ones. Particular importance is attached to the evaluation of ghazal verse. A direct heir of great Persian literature, Urdu poetry had a thoroughly developed evaluating system, in which the

¹ Васильева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ludvas55@bk.ru
Ludmila A. Vasilyeva, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ludvas55@bk.ru
ORCID: 0000-0002-2466-3832

criteria for evaluating a verse were determined in borrowed Farsi poetry. Until the end of the twentieth century, Persian-language poetics were the main petrological manual for poets themselves and literary critics also. This situation was changed with the appearance of A.H. Hali's first Urdu-language poetic. The author attempted to establish the basic criteria for the rating of an Urdu verse from the point of view of the Indian Muslim Enlightenment of the second half of the nineteenth century. Nowadays, Urdu critics increasingly use the methods and criteria of modern literary criticism. S.R. Farooqi combines them with a traditional approach to poetry. This can be considered as a new approach to the theory of Urdu verse and its evaluation.

Keywords: : Urdu poetry, ghazal, verse (*she'r*), evaluating criteria, *mushaira*, poetics, Persian language, Amir Khusrow, S.R. Farooqi, Hali, Shibli

For citation: Vasilyeva L. A. On the criteria for evaluating Urdu verse. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 127–136. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-127-136

На протяжении долгого времени литература урду ассоциировалась в основном с поэзией. В прозе создавались антологии — *тазкира*², суфийские сочинения проповеднического характера и вплоть до последней трети XIX в. — лишь единичные художественные прозаические произведения³. К этому времени в поэзии уже были созданы многочисленные шедевры лирики. Наиболее востребованным и излюбленным поэтическим жанром урду у самой широкой публики Индостана вплоть до нового века оставалась газель (в отличие от газели на персидском языке⁴), что «подтверждало известное на субконтиненте высказывание: “Поэзия — душа урду, а газель — душа поэзии”» [Васильева, 2015, с. 10].

Немного о газели урду

Газель — лирическое произведение, состоящее из двустрочий, каждое из которых называется *ше'р* (урду) или *бейт* (перс.). Газель может состоять из любого числа *ше'ров* — от двух до пятнадцати, а нередко и больше. Каждый *ше'р* представляет собою самостоятельную, семантически завершённую поэтическую единицу, своеобразную «поэтическую миниатюру».

Газель урду — прямая наследница вековых поэтических традиций персоязычных поэтов. Но этот жанр поэзии урду прошел свой путь становления, который значительно отличался от этапов, пройденных персидской газелью до ее канонизации как жанра. На своем пути развития газель урду обретала «индийские» черты, накапливая собственный опыт. Ее характерной особенностью стал синтез двух культур: арабо-персидского наследия и наследия Индии, ее фольклора и литературы» [Васильева, 2015, с. 14]. Своего полного расцвета газель урду достигла в XVIII в. Непрерывная традиция газельного творчества начинается с Вали Аурангабади (ок. 1667–1707?), увенчанного титулом «*imām-e urdū ghazal*» («имам газели урду»), и продолжается до наших дней.

Согласно давней литературной традиции, существовавшей в Индии, филологи урду вплоть до XX в., упоминая об определенном периоде литературы урду, предпочитали не указывать его хронологические параметры, а называть имена крупнейших поэтов, живших в соответствующее

² *Тазкира* — жанр антологическо-библиографической энциклопедии, в которой кроме стихов поэта (или цитат из них) упоминаются подробные биографические сведения, комментарии автора *тазкира* о личности поэта, известные анекдоты о нем и мнение о достоинствах и недостатках его стихов.

³ К таковым относится, например, первое прозаическое художественное произведение на урду «Сабрас» (*Sabras*) (1635) Муллы Ваджахи (ум. ок. 1660 г.), представляющее собой переложение известной поэмы «Красота и сердце» (*Husn-o-dil*) персидского поэта М. Я. С. Фатахи Нишапури (ум. в 1498 г.).

⁴ В персоязычной поэзии Индии газель не имела столь широкого распространения, как *касыда* и *маснави*. И лишь с творчеством Амира Хусроу (1253–1325), уделившего газели особое внимание, положение несколько изменилось, и персидская газель индийских поэтов также стала пользоваться немалой популярностью.

время. Примером тому может служить «история» поэзии урду от Вали до Амира Минаи (1829–1900), т. е. от начала XVIII в. до начала XX в., изложенная современным индийским филологом Камилом Курейши:

«В своем историческом развитии газель проходила различные этапы. На самом раннем этапе Вали столь красочно и зримо описывал красоту предмета своей любви, что все замирали в восхищении. Позднее Мир, Сауда и Дард завораживали сердца манерой выражения сердечных переживаний, проникновенной силой слова и привлекательностью тем, облекали суфийские размышления в выверенные формы...» [Qureshi, 1987, p. 15]. Перечислив имена еще одиннадцати поэтов с такими же комплиментарными «мини-характеристиками» без указания каких-либо дат, автор в одном абзаце уместил более чем двухсотлетний процесс развития газели урду. Можно встретить и у других индийских авторов описание литературных периодов, обозначенных не хронологическими вехами, а именами наиболее видных поэтов, которые за минимальным расхождением совпадают у большинства литераторов.

Существовал не один способ оценки стихов на родном урду, и в основном выбор «лучших» стихотворцев основывался на личных вкусах и мнениях. Кто же выступал критиками поэзии и как определялось имя поэта, достойного называться лучшим представителем той или иной эпохи в истории литературы урду?

Мушаира

До возникновения современной критики на языке урду использовались различные способы оценки стиха.

С самого начала XVIII в. в Северной Индии — на родине языка урду и в районах его распространения — возникали группы поклонников того или иного поэта, между которыми шла настоящая «борьба» за место своего кумира на иерархической лестнице. Каждая группировка повсюду превозносила имя и стихи своего любимца и доказывала его приоритет над другими. Очень часто им оказывался учитель-наставник молодых поэтов. Активность этих групп особенно проявлялась на *мушаирах* — своеобразных поэтических собраниях⁵. Поэт урду писал газели прежде всего именно для *мушаиф*, т. е. предназначались стихи сначала не для читателей, а для слушателей.

На арабском языке и вплоть до конца XIV в. на персидском слово *мушаира* означало «состязание поэтов», но затем оно обрело более общее значение — «поэтическое собрание» и с ним утвердилось и в языке урду. В Индии *мушаирой* стали называть не только выступление поэтов, но и всю аудиторию — поэтов и слушателей. И сегодня можно услышать такую фразу: «Вся вчерашняя *мушаира* переехала в город N», а об успехе поэта — «Он покори́л всю *мушаиру*».

Уже с начала XVI в. в Северной Индии *мушаиры* были одним из излюбленных видов досуга образованных горожан. На *мушаирах* поэты читали свои стихи, а аудитория выступала не только слушателем, но и критиком прочитанных стихов. Именно на *мушаире* во многом определялось, насколько хорош или плох тот или иной *ше'р* газели. Лучшие строки быстро и безошибочно воздействовали на аудиторию и встречались шумом похвальных возгласов и требованием повторить стих, что означало его высокую оценку. Слабые возгласы или молчание (что случалось крайне редко) означали провал поэта, и возможность «реабилитироваться» представлялась неудачнику на следующей *мушаире*. Степень воздействия стиха на аудиторию слушателей в традиционной практике урду признавалась одним из критериев его оценки.

⁵ Об индийской мушаире и ее истории подробнее см.: [Васильева, 2015, с. 129–362].

До начала книгопечатания в Индии именно благодаря *мушаирам* газели быстро становились достоянием широкой аудитории. «Бывали периоды, когда целые города жили “от мушаиры до мушаиры”, обсуждая, разбирая и повторяя услышанные на мушаирах стихи» [Васильева, 2015, с. 340]. Индийские филологи утверждают, что долгий процесс слушания десятков похожих стихов развил способность слушателей распознавать лучшие строки. «Оценка» *мушаиры* носила, безусловно, субъективный и эмоциональный характер, основанный прежде всего на вкусах аудитории, а нередко и на ее настрое по отношению к тому или иному поэту.

В основе арабской поэзии лежит просодическая система *аруз* (*аруд*), которую восприняла поэзия на иранских, тюркских, а затем и новоиндийских языках, прежде всего — поэзия урду. *Аруз* имеет особое значение для любого стихотворения классической формы, а для газели — прежде всего. Поэту необходимо было доскональное знание *аруза* и строгое следование его правилам. *Аруз* также следует считать одним из оценочных критериев стиха на *мушаире*; ибо ошибку поэта в *арузе* сразу улавливало чуткое ухо ценителей стиха, а именно они и посещали мушаиры.

«Низкое — высокое»

Существовала и другая «оценочная шкала» поэтического творчества, также весьма относительная, на которой основными параметрами служили понятия «низкий — высокий» (*past-o-buland*). С этими терминологическими словами связано имя великого лирика XVIII в. Мира Таки Мира (1723–1810), еще при жизни увенчанного титулом «Бог поэзии» (*ḡhuda -e suḡhan*).

Многие современники Мира не одобряли те его стихи, в которых, по их мнению, принижался статус возлюбленной и употреблялась по отношению к ней «базарная» лексика, т. е. слова и выражения из разговорного языка, не содержащиеся в поэтическом лексиконе⁶. Вскоре после смерти поэта в литературной среде распространились суждения о «низком и высоком» (*past-o-buland*) в газелях Мира Таки Мира.

Первоначально определения «низкое» (*past*), «высокое» (*buland*), а также «высочайшее» (*baḡhāyat buland*) были употреблены автором *тазкира*, неким Таки Вахди⁷, и относились они к поэзии Амира Хусроу (1253–1325). Затем современники Мира Таки Мира, обсуждая его газели и отдельные *ше‘ры*, вспомнили и в качестве оценочных критериев стали широко употреблять определения «низкий» и «высокий». Против подобного подхода к поэзии выступал выдающийся филолог, лексикограф и поэт (и к тому же родственник и учитель Мира Таки Мира) Хан-е Арзу (1687–1756). Он «считал неправомерным подобный подход к поэзии поэтов, поскольку все стихи даже великих *устадов*⁸ не могут быть одинаковыми поэтическими шедеврами. Арзу привел знаменитый персидский стих Гани Кашмири (1630 — ок. 1669): “Если стих — чудо, то он не будет высоким (*buland*) или низким (*past*), // Все пальцы на белой руке [Мусы] не одинаковы”⁹. Но критиков

⁶ Мир Таки Мир считается не только поэтом-новатором, способствовавшим развитию жанра газели, но и основоположником современного литературного урду. Его лексические новации в дальнейшем вошли в основной словарь поэтического языка урду.

⁷ По-видимому, Вахди был малоизвестным литератором. Его имя (без каких-либо сносок) упоминается критиками урду, но не значится ни в одном доступном справочнике.

⁸ *Устад* — досл. «учитель», «мастер» — почетный титул, который использовался для мастера в любом виде искусства или занятия.

⁹ Транскрипция оригинального текста: «*she‘r gar-e‘jaz bāshad be buland o past nīst // dar yad beiza hama angoshtha yakdast nīst*». Согласно Корану, одним из чудес, дарованных Мусе (библейскому Моисею) Аллахом для свидетельства о Нем, была рука Мусы, которая становилась белой (сияющей), когда он вынимал ее из одежды. В своем *бейте* Гани Кашмири сопоставляет «белую руку» (т. е. чудодейственную руку Мусы) и «чудо поэзии».

не убедили аргументы Арзу, они, характеризуя стихи Мира, как и других поэтов, продолжали пользоваться этими же формулировками»] Васильева, 2015, с. 178[.

Понятия «низкое — высокое» были возведены в ранг оценочных критериев. Они широко распространились среди литераторов урду и вплоть до второй половины XX в. присутствовали в рассуждениях критиков о поэзии, включая газели «великих *устадов*» урду. Насколько «низкий» или «высокий» тот или иной стих, критик определял, руководствуясь исключительно личным вкусом, часто не совпадающим с мнением его оппонентов. Так, один из именитых поэтов и литературных критиков урду, доктор филологии Фирак Горакхпури (1896–1982) в статье о Мире Таки Мире писал: «У Мира можно насчитать, пожалуй, чуть более или менее двух с половиной — трех сотен *ше'ров* высочайшего качества (досл. «высочайших» — *bulandtarīn*). Но и очень хороших (досл. «очень высоких» — *nihāyat buland*) стихов — не менее трех тысяч» [Firaq, 2010, p. 174–175]. Не комментируя «арифметику» Фирака, основанную опять же на его собственном выборе, обратим внимание на факт использования современным ученым старых, весьма субъективных оценочных категорий.

«Целый» поэт

С именем Мира Таки Мира связана и бытовавшая в его эпоху оценка, касающаяся не столько качества стиха, сколько жанрового диапазона поэзии того или иного автора. Один эпизод из жизни Мира, рассказанный М. Азадом¹⁰, стал расхожим литературным анекдотом на «оценочную» тему.

Однажды кто-то спросил Мира, кого из своих современников он считает хорошим поэтом. Мир, подумав, ответил, что знает «двух с половиной» поэтов: кроме Миры Сауды (1713–1781) и себя самого, «половиной поэта» Мир признал своего друга, выдающегося мастера суфийской газели Мира Дарда (1721–1785). Нашему современнику могут показаться по меньшей мере странными слова Мира о «половине поэта», отнесенные к одному из трех выдающихся стихотворцев, именами которых «обозначена» поэзия XVIII в¹¹.

Этот анекдот не комментировался Азадом, поскольку у его современников слова Мира не вызывали недоумения, так как ситуация тогда была понятна всем образованным людям. Во времена Мира на поэтическом социолекте «целым поэтом» (*mukammal shā'ir*) назывался поэт, который пробовал перо по меньшей мере в трех основных «высоких» жанрах, которыми признавались *касыда*, *маснави* и *газель*. Дард же уделял внимание только газели (к тому же преимущественно с мистическим уклоном), поэтому Мир и счел его за «половину» поэта, при этом ничуть не понизив поэтический статус своего знаменитого делийского друга.

Персидские поэтики

Однако своеобразная «домашняя» оценка поэтических строк того или иного поэта не снимала задачу научно аргументированной оценки стиха. Она решалась на основе поэтологического анализа, поскольку поэзия урду со времени своего зарождения имела и научную традицию оценки художественного качества поэтического текста. Скрупулезно разработанная теория стиха, включая

¹⁰ Мухаммад Хусейн Азад (1830–1910) — автор труда «Вода жизни» (*Āb-e ḥayāt*, 1880), первой на языке урду истории поэзии на этом языке.

¹¹ Согласно литературной традиции урду крупнейшими поэтами XVIII в. признаются Мир Дард, Мир Таки Мир и Мирза Рафи Сауда. Их имена являются литературными «маркерами» века.

классическую оценочную систему, была полностью заимствована у персидской литературы и содержалась в персидских поэтиках.

Следует помнить, что персидский язык, начиная со времен Делийского султаната, основанного в 1206 г., был официальным языком мусульманских правителей Индии вплоть до 1837 г., когда в империи Великих Моголов его место занял урду (наряду с английским). Фактически до 1900 г. персидский оставался языком регионального судопроизводства во многих провинциях Северной Индии. Поэтому персидским языком владела практически вся образованная публика¹², и «в подсознании индийских интеллектуалов оставалось отношение к персидскому языку как к элитарному языку высокой поэзии» [Васильева, 2015, с. 318].

Для поэтов урду персидский язык был практически вторым родным языком вплоть до второй половины XX в¹³, а для начинающих стихотворцев «азбукой» служили поэтики персидских авторов. Ими же пользовались и составители *тазкира*, обращаясь к творчеству того или иного поэта урду, и рассматривая достоинства и недостатки его строк с точки зрения персидских поэтологических канонов, выступали таким образом в роли критика.

Критерии Амира Хусроу

В связи с персидскими поэтиками нельзя не упомянуть имени великого персоязычного поэта Индии Амира Хусроу Дехлеви (1253–1325). «Первым индийским теоретиком поэтического искусства, оказавшим немалое влияние на становление поэзии урду» назвал его Ш. Р. Фаруки¹⁴, подробно рассмотревший поэтологическую теорию стиха Амира Хусроу в своем труде «Начальный период урду» (*Urdū kā ibtidāi zamānā*, 1999). Свои теоретические воззрения Хусроу подробно изложил в предисловиях к третьему *дивану* «Полнота совершенства» (*Гуррат ал-камал*, 1294) и к «Полному собранию поэзии Хусроу» (*Куллийат-е назм-е Хусроу*, ок. 1318).

Ш. Р. Фаруки доказал, что влияние Амира Хусроу на поэзию урду заключалось прежде всего в теоретическом видении построения стиха, а также в ряде его свойств, которые по сути дела представляли собой своеобразные оценочные параметры. Одно из этих свойств — *ravani* («плавность») заслуживает особого внимания. Амир Хусроу, а затем и все поэты урду придавали ему особое значение в оценочной системе поэзии.

Персидские поэты при изложении своей концепции поэтического творчества, рассуждая о достоинствах поэзии, часто использовали мотивы первоэлементов, реализуя их в разных вариантах. Амир Хусроу, говоря о стилистической особенности *ravani* («плавность») как об одном из основных достоинств стиха, также обращается к природе стихий, сопоставляя *ravani* с природой огня и воды.

«Наиболее ценное, по Хусроу, свойство стиха *ravani* достигает своей вершины, когда проходит несколько стадий превращения: из воды в жар, затем в воздух, снова — в жар (т. е. огонь) и снова в воду. При этом происходит свободное, причем неоднократно “перетекание” одного элемента в другой, энергии одного элемента в энергию другого. Эту способность к “перетеканию”

¹² Распространение персидского языка в Индии до завоевания независимости вполне сопоставимо со статусом французского языка в России XVIII–XIX вв., когда французский язык был, по сути дела, языком российской элиты, а знание французского языка являлось показателем образованности человека.

¹³ Мухаммад Икбал (1877–1938) был последним поэтом Индии, язык большей части творчества которого — персидский.

¹⁴ Ш. Р. Фаруки (1935–2020) — выдающийся лингвист, историк языка урду, лексикограф, поэт, писатель и литературный критик. Ш. Р. Фаруки был первым исследователем-филологом, кто стал сочетать традиционные методы подхода к оценке стиха с западными, используя достижения в современной филологии ученых Запада. Подробнее о Ш. Р. Фаруки см: [Васильева, 2023, с. 95–105].

Хусроу считает естественным свойством стиха, похожим на свойства музыки, но существует и разница между ними» [Васильева, 2015]. Эту разницу между поэзией и музыкой Ш. Р. Фаруки объяснил так: «Поэзия льется, как музыка, то оживляясь, то замирая, но более свободно, поскольку воздух, вода и огонь, сопричастные свойствам *равани*, следуют своим вкусам, в то время как музыка связана временем и ритмом. Поэтическая плавность (*равани*) претупает границы времени и ритма, поглощая и преобразовывая несоизмеримые элементы» [Faruqi, 1999, p. 81].

Приоритет *ravani* перед другими достоинствами стиха признали прежде всего иранские поэты, их примеру последовали сначала деканские поэты урду¹⁵, а позднее и поэты Северной Индии. В стихах современников Хусроу и поэтов урду последующих поколений постоянно встречаются газели, на практике подтверждающие исключительную значимость *ravani* в оценочной системе стиха. Это связано прежде всего с вышеупомянутой изначальной ориентировкой на устное исполнение газели перед аудиторией слушателей, при котором «напевное звучание стиха, его фонические достоинства обеспечивали более легкое его восприятие и понимание» [Faruqi, 1999, p. 93]. Нельзя не отметить, что такое же требование предъявлялось всегда и к персидской поэзии. Как указывает М. Л. Рейснер, «сравнения и метафоры, относящиеся к сфере звучания стиха при его восприятии на слух (плавность, музыкальность, напевность)» выступали «доминантными» в описании идеальной поэзии [Рейснер, 2006, p. 345].

Критика нового времени. Хали и Шибли

Критика урду пользовалась исключительно поэтиками на персидском языке до конца XIX в., пока не появился труд Алтафа Хусейна Хали¹⁶ «Введение в поэтику» (*Muqddama-e she'r-o-shā'irī*, 1893), чаще упоминаемый в литературе как «Поэтика». Это была первая поэтика на языке урду, от которой ведет отсчет современная литературная критика на этом языке.

«Поэтика» Хали коренным образом отличалась от канонических персидских и арабских поэтик. В ней были пересмотрены традиционные, классические устои поэзии урду с позиций индийского просветительства второй половины XIX в., сформулированы определенные уставы, направленные на реформирование поэзии, предложен новый, современный взгляд на стихотворное произведение и новые оценочные критерии подхода к поэзии.

При рассмотрении поставленных в «Поэтике» проблем Хали пользовался общепринятой терминологией арабско-персидских поэтик, но при этом вводил также свою терминологию для обозначения новых понятий, не существовавших в классических поэтиках. Таковыми стали «простота» (*sādagī*), «правдивость» (*aṣliyet*), что можно перевести также как «реальность», и «страстность» (*josh*). Эти понятия Хали почерпнул из английского источника, а точнее, из лекции о поэзии Кольриджа, который цитировал Мильтона¹⁷.

В «Поэтике», приводя газельные строки поэтов-классиков, Хали подверг резкой критике газель как жанр, не отражающий насущные потребности общества. Анализируя газели известных классиков, таких как Мир и Галиб, Хали все же прибег к старым понятиям «низкое-высокое» как к оценочному критерию стиха. Например, часть *ше'ров* Мира, которая подверглась критике, названа «предельно низкими» (*intihāi past*), а стихи, свидетельствующие о величии Мира, — «высокими» (*buland*)».

¹⁵ О деканском периоде в истории поэзии урду см.: [Васильева 2015, с. 127–155].

¹⁶ Алтаф Хусейн Хали (1837–1914) — крупнейший представитель просветительского периода в литературе урду, видный поэт, прозаик, критик и публицист, мусульманский просветитель-реформатор второй половины XIX — начала XX в. Об А. Х. Хали и его творчестве см.: [Васильева, 1997].

¹⁷ Подробнее см.: [Васильева, 1999, с. 85–86].

В «Поэтике» Хали были обоснованы принципиально иные по сравнению с «классическими» требования к поэзии, сориентированные на ее общественную значимость, подверглись переоценке прежние эстетические категории. Вместо прежнего представления о прекрасном как соответствующем поэтическим канонам пришло понимание прекрасного как общественно полезного; на первый план выдвинулась тематика стихотворения. Эта «ниточка» Хали протянется от мусульманских просветителей до авторов нашего времени.

Современник Хали и его литературный оппонент Шибли Ноумани¹⁸ осуждал реформистские устремления своих коллег и выступал поборником старых, классических устоев поэзии. Своеобразной реакцией на «Поэтику» Хали можно назвать его пятитомный труд «Иранская поэзия» (*She'r ul'ajam*), публикация которого началась в 1906 г. В своем фундаментальном исследовании Шибли старался проделать ту же работу на материале персидской поэзии, какую проделал Хали на материале поэзии урду. В глазах Шибли традиционный поэтологический канон, который критиковал Хали, имел непреходящую ценность. Пытаясь доказать это, Шибли выдвинул свои поэтические критерии в противовес тем, что были сформулированы в поэтике Хали, и считал, что с ними следует подходить и к поэзии урду, базирующейся на принципах персидских поэтов. В свою терминологию Шибли, как и Хали, вложил собственное содержание. Вот один из примеров.

Термин *salāsat* (многозначное слово, включающее в себя совокупность понятий ясности, легкости и простоты) в классической поэтике Ватвата¹⁹ толкуется так: «*Salāsat* – значит смиряться и повиноваться, и поэты называют стихи *sālīs*, когда они плавные (*ravan*) и естественные (*matbū'*)» [Ватват, с. 170]. Но Шибли «вместо двух строк посвящает толкованию понятия *salāsat* страницы текста, выделяя из него “плавность” в отдельную категорию, а вопрос о “естественности” вовсе опускает» [Васильева, 1997, с. 96].

Если даже просто перечислить все критерии, которые устанавливает Шибли для оценки поэтических строк, можно заметить, что все они касаются только формальной стороны стиха. Многие его термины не затрагивают целый ряд приемов поэтической практики (символики, сложности образов, обилия метафор, наличия подтекста), закрепленных в шедеврах суфийской и философской лирики. Для постижения сути таких стихов необходим был подход с позиций рассудка, а Шибли выступал в защиту превосходства слова над смыслом. Крайность в формалистических увлечениях привела Шибли к тому, что «он, пользуясь своими критериями, не мог дать правильную оценку тому творчеству поэтов, в основе которого заложена глубокая мысль, а стиль насыщен иносказаниями, символами, сложными метафорами» [Васильева, 1997, с. 97].

Новая терминология, новые оценки

Именно в эпоху Хали (возможно, впервые именно в «Поэтике») появились понятия «новая поэзия», «новый стих», «новая газель», и определение «новый» передавалось, кроме общепотребительного *naūā* («новый»), также синонимами арабского происхождения *jadīd* и *'asrī* («современный, относящийся к нынешней эпохе»).

Вполне очевидно, что во времена Хали слово *'asrī* — «новый», «современный» особого разъяснения не требовало, так как оно только-только вошло в обиход в качестве термина, и смысл его был однозначен: поэзия, не соответствующая обычным, классическим образцам. Под словом

¹⁸ Шибли Ноумани (1857–1914) — блестящий литератор, поэт, философ, ученый-богослов, историк, основоположник романтического направления в поэзии урду.

¹⁹ Ватват, Рашид ад-Дин (ок. 1087– ок. 1178) — персо-арабский поэт, писатель и филолог, автор трактата по поэтике «Сады волшебства в тонкостях поэзии» (*Ḥadāiq al-sihr fī daqāiq al-she'r*, XII в.).

jadīd понималась и так называемая «натуральная поэзия» (*natural shā'irī*) — литературное явление просветительского периода²⁰.

Новая терминология имела в своей основе также оценочный характер: для поклонников классических традиций слова *‘asrī* и *jadīd*, а также *natural* звучали как «отвратительное». Это в определенной степени отражало борьбу устоявшихся литературно-эстетических и этических взглядов с элементами нового мировоззрения, которое свидетельствовало о наступлении качественно иной стадии развития индийского общества, еще сохранявшего черты средневекового уклада.

В критике наших дней появилась новая устойчивая оппозиция «традиционная поэзия — современная поэзия», говорящая, с одной стороны, об устойчивости традиционных форм и художественных средств выражения, а с другой — об изменившихся оценочных критериях поэзии.

Одним из проявлений нового времени стала «передвижка» в литературной системе урду. Кроме того, что появился и стал с большой быстротой развиваться жанр художественной прозы, в поэзии газель существенно потеснили другие жанры. На первое место стал выходить *назм* — тематическое стихотворение с самыми различными принципами рифмовки или вовсе без рифмы, без ограничения размера, со многими формами. Тема *назма* также выбиралась поэтом.

С начала XX в. критики урду стали уделять большее внимание анализу поэтических произведений, пользуясь методами и оценочными критериями современной европейской науки. *Назм* во многом соответствует европейскому стихотворению, и аналитический подход к *назму* также легко вписывался в схемы анализа европейского стиха.

В современных работах критиков урду, касающихся газели, появилось понятие «проходной стих» (*bhartī ka she'r*, букв. «стих-наполнитель»), иными словами, стих, лишенный поэтических изысков и написанный для того, чтобы заполнить газельное пространство. Оно вполне заменяет старую оценку «низкий» (*past*).

Заключение

На протяжении веков с развитием поэзии урду претерпевала определенные изменения и оценочная система стиха. При этом оставались и остаются неизменными каноны персидских поэтов, по которым оценивается классический стих, прежде всего газель.

XX век дал урдуязычному миру многих замечательных поэтов, и его невозможно «обозначить» двумя-тремя именами. О многих из них написаны работы, в которых разбирается их поэзия и оценивается их творчество. Кроме формальных качеств стиха (прежде всего *назма*, потеснившего газель) особая важность придается содержательной стороне. В оценке стиха тема и идея стихотворения, особенности композиции стихотворения, образы, в которых воплощен замысел поэта, рассматриваются с позиции современной теории поэзии. Но и по-прежнему большую роль в оценке стиха играют лексические и синтаксические средства, средства выразительности — тропы, стилистические фигуры, которые носят прежние терминологические названия, зафиксированные в персидских и урду поэтиках.

XXI век еще молод, чтобы выявить новую плеяду стихотворцев, имена, которые можно назвать лучшими в новой литературной эре. «Общественная» оценка в виде *мушаир* в основном изжила себя. *Мушаира* XXI в. (прежде всего аудитория слушателей) не может похвастаться поэтическими вкусом и «чутьем», которыми обладала *мушаира* прежних времен. Главная причина

²⁰ О терминах *natural*, *nechārī*, вошедших в широкий обиход индийского общества просветительского периода с легкой руки Сайид Ахмад-хана (1817–1898), см.: [Васильева, 1997, с. 65, 67–88].

этого, на мой взгляд, заключается в весьма плачевном положении языка урду в обеих странах субконтинента²¹, отчего падает интерес к самому языку и к поэзии на нем.

Но критика урду продолжает свой путь, стараясь дать справедливую оценку произведениям молодых поэтов, пользуясь богатейшим арсеналом оценочных критериев стиха урду, нажитых веками.

Литература / References

Васильева Л. А. *Благонравный мятежник*. М.: РИФ «Рой», 1997 [Vasilyeva L. A. *Well-behaved Rebel*. Moscow: RIF "ROY", 1997 (in Russian)].

Васильева Л. А. *Становление газели урду. У истоков жанра*. М.: ИВ РАН, 2015 [Vasilyeva L. A. *The Formation of Urdu Ghazal: The Origins of the Genre*. Moscow: IV RAN, 2015 (in Russian)].

Васильева Л. А. История языка урду и его статус в Пакистане. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 138–149 [Vasilyeva L. A. The History of Urdu Language and its state in Pakistan. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. P. 138–149 (in Russian)].

Васильева Л. А. Выдающийся филолог Индии Ш. Р. Фаруки. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 95–105 [Vasilyeva L. A. The outstanding philologist of India S. R. Faruqi. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 2. P. 95–105 (in Russian)].

Ватват Рашид ад-Дин. *Сады волшебства в тонкостях поэзии*. Перевод с персидского, исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой. М.: Наука, 1985 [Vatvat, Rashid ad-Din. *The Gardens of Magic in the Subtleties of Poetry*. Translation from Persian, research and commentary by N. Yu. Chalisova. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Qureshi, Kamil. Muqaddama. *Urdu Ghazal*. Delhi: Urdu Academi, 1987 [Qureshi, Kamil. Preface. *The Urdu ghazal*. Delhi: Urdu Academy, 1987 (in Urdu)].

Рейснер М. Л. *Персидская лироэпическая поэзия X — начала XIII века*. М.: Наталис, 2006 [Reisner M. L. *Persian Lirico-epic Poetry 10-the beginning Of 13 century*. Moscow: Natalis, 2006 (in Russian)].

Faruqi, Shamsur Rahman. *Urdū kā ibtidāī zamānā*. Karachi: Aj ki kitaben, 1999 [Faruqi Shamsur Rahman. *The Early Period of Urdu*. Karachi: Aj ki kitaben, 1999 (in Urdu)].

Firaq Gorakhpuri. Mir ki Alamgir maqbuliyet. *Mir Taqi Mir. Mirshinasi*. Islamabad: Muqtadara-e qaumi zaban, 2010. P. 163–179 [Firaq Gorakhpuri. Worldwide fame of Mir. *Mir Taqi Mir. The Study of Mir*. Islamabad: Muqtadara-e qaumi zaban, 2010. P. 163–179 (in Urdu)].

²¹ См.: [Васильева, 2020, с. 138–149].

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-137-148

THE NORTHERN SEA ROUTE: HISTORY, PROBLEMS AND PROSPECTS AS A NATIONAL AND INTERNATIONAL PROJECT

© 2025

Ludmila B. Aristova¹

Today, the Northern Sea Route (NSR) is the most important way to develop the Russian North, develop various areas of infrastructure in the Arctic regions, and develop minerals. The maritime transport system operating here is an important part of the entire economy of the North of the Russian Federation. Huge financial resources and the work of many generations of Russians have been invested in the development of the NSR. In the modern conditions of Russia's confrontation with the collective West, the NSR is becoming one of the most important routes in the world. A number of Asian countries are showing some interest in using the NSR, which is becoming an international integration project not only for the transit of goods, but also for the participation of friendly countries in joint infrastructure projects, mining, transport projects, environmental protection, scientific research in the Arctic, etc.

The article discusses the history and development of the NSR, the transportation of international and domestic goods, the participation of China and India in the work of the NSR, the development of the economy of the Arctic regions of Russia, the prospects and tasks of the NSR.

Keywords: International transport corridors, the Northern Sea Route, the Arctic, international transportation of China, India

For citation: Aristova L. B. The Northern Sea Route: history, problems and prospects as a national and international project. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 137–148. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-137-148

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КАК НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА

Л. Б. Аристова

Сегодня Северный морской путь (СМП) — это важнейший способ освоения российского Севера, развития различных сфер инфраструктуры арктических районов, разработки полезных ископаемых. Действующая здесь морская транспортная система является важнейшей частью всей экономики Севера РФ. В развитие СМП вложены огромные финансовые средства, труд многих поколений россиян. В современных условиях противостояния России с коллективным Западом СМП становится одним из самых значимых маршрутов в мире. Целый ряд стран Азии проявляет определенный интерес к использованию СМП, который становится международным интеграционным проектом не только для транзита товаров, но и для

¹ Ludmila B. Aristova, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; aristova3@list.ru
Аристова Людмила Борисовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва; aristova3@list.ru
ORCID: 0000-0001-7583-7452

участия дружественных стран в совместных инфраструктурных проектах, разработке полезных ископаемых, транспортных проектах, проектах в области охраны окружающей среды, научно-исследовательских работах по Арктике и др.

В статье рассматриваются история и пути развития СМП, перевозка международных и отечественных грузов, участие КНР, Индии в работе СМП, развитие экономики арктических районов России, перспективы и задачи СМП.

Ключевые слова: Международные транспортные коридоры, Северный морской путь, Арктика, международные перевозки КНР, Индия

Для цитирования: Аристова Л. Б. Северный морской путь: история, проблемы и перспективы как национального и международного проекта. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 137–148. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-137-148

Since the beginning of the XXI century, various programs and concepts of the country's strategic development have been developed in Russia to boost the domestic economy. At an extended meeting with members of the Government of the Russian Federation, the Federal Assembly, and members of the Presidium of the State Council, Russian President Vladimir Putin announced the launch of priority national projects [Druzhinin, 2019].

Since then, new programs and tasks have been developed: demography, healthcare, tourism and the hospitality industry, education (the emergence of modern schools in rural regions), small and medium-sized enterprises, housing and urban environment, culture, safe high-quality roads, ecology, science and universities, digital economy, labor productivity, development of the agro-industrial complex, international cooperation and exports, modernization of transport infrastructure. All of them are designed to increase the level of economic development of Russia, improve the lives of the population in the face of anti-Russian sanctions and military actions.

Russia is the largest country in the world in terms of territory — almost 10 thousand km from West to East. Modernization of all modes of transport will ensure interaction between regions, fast cargo delivery, transit transportation. The state program «Development of the transport system»² includes work in railway transport, construction and reconstruction of seaports, airports, development of the Europe — Western China route, and, finally, the Northern Sea Route.

RUSSIA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS OF EURASIA AND THE ROLE OF THE NSR

Since the beginning of the twentieth century and especially in the 21st century, international transport corridors (MTCs), which connect the countries of Europe and Asia, have become of great importance in the world. MTCs are important for each country not only from the point of view of commercial benefits, but also from the standpoint of national security. The use of MTK helps to reduce the cost of transportation, increase financial opportunities and modernize shared infrastructure, leads to increased requirements for synchronizing traffic schedules, improving common customs tariffs, and much more. The ITC contributes to the expansion and strengthening of international cooperation, the formation of new economic ties, scientific, economic, technical, and cultural ties. According to the UN, the ITC «is a part of a national or international transport system that provides significant international freight

² Правительство РФ (2017). Государственная программа «Развитие транспортной системы». 20.12.2017. № 1596 [The Russian Government (2017). The state program «Development of the transport system». December 20, 2017. No. 1596]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/841/events/> (дата обращения: 07.05.2025) (in Russian).

and passenger transportation between individual geographical areas, includes rolling stock and stationary devices of all types of transport operating in this direction, as well as a set of technical, organizational and legal conditions for these transportation» [Kuznetsova, 2019, p. 2]. According to the materials of the Government of the Russian Federation (No. 3363 r 11.27.2021) the definition of the ITC sounds like «An international transport corridor is a set of routes passing through the territories of the state and providing transportation of passengers and goods in international traffic in the directions of their greatest concentration, as well as a set of technological and organizational and legal conditions for the implementation of these transportation»³.

In the modern world, the processes of economic globalization are continuing, competition between states is becoming tougher, and changes are taking place in the world commodity markets by individual associations. There are numerous sanctions against Russia that restrict the country's foreign trade. In this regard, cargo flows in the Eurasian space are being regrouped. The Russian state faces the challenges of integrated development and diversification of national transport systems.

Several Eurasian transport corridors pass through Russia: the Transsib, the increasingly important North-South ITC, which has a number of parallel routes, a water and railway route, etc. [Stepanov, 2022, p. 202–210]. Currently, the MTK “Northern Sea Route” is becoming increasingly important, both for Russia and for many countries in Asia, partly and Europe. The Russian northern route is necessary as the most important route connecting certain regions of Russia, contributes to the development of the Arctic zone of the Russian Federation and can provide most of the transportation from the Far East to the European part of the country. The NSR also guarantees the delivery of imported goods to St. Petersburg and the Baltic ports. Ensuring the passage of ships along the NSR in both directions, with the development of the route, transport logistics companies and ports of the Arctic will be involved, which will lead to favorable conditions. For a more coordinated work of the NSR, it is necessary to unite and coordinate the actions of individual participants — public authorities: the Ministry of Transport, the Ministry of Defense, the administration of the NSR, local authorities, Rosatom business, Russian raw materials companies, etc. Today, the NSR is an accessible waterway between the Far East, Central Russia and the Northwest of the country.

The Northern Sea Route runs parallel to the Trans-Siberian railway and highway from west to east. The NSR is also connected with the transportation of goods and passengers in the meridian direction (along the Lena, Yenisei, Ob, Volga rivers) along the seas of the Pacific Ocean to the Far East and to the countries of Southeast Asia. Currently, the Northern Sea Route is not an easy transport artery. Today, this is the most important way to develop the Russian North, develop various areas of infrastructure in the Arctic regions, and develop minerals. The Arctic regions of Russia are a unique mineral resource base for Russia, which is necessary to strengthen the country's economy. 100% of diamonds, more than 90% of nickel and cobalt, 60% of copper, more than 98% of platinum, more than 90% of natural gas production and 60% of Russian oil are mined in these areas. More than 40% of gold, 80% of tin, tungsten and mercury are concentrated in these areas⁴. Huge reserves of hydrocarbons are located on the Arctic shelf. All this determines the need for a year-round high-speed mode of transport along the NSR and along the main rivers of Siberia.

After the collapse of the USSR in the 90s, despite the importance of developing the Arctic regions of Russia and due to the lack of funds, the instability of government structures, the problems associated with the development of the Arctic regions of the Russian Federation, with the survival of the peoples of the North, and the preservation of cities and towns worsened. Objective reasons led to the closure of

³ Ibid.

⁴ Арктика — мировой природный ресурс [The Arctic is a global natural resource]. Арктика сегодня [The Arctic today], 19.04.2019. URL: <https://goarctic.ru/news/arktika-mirovoy-prirodnyy-resurs/> (дата обращения: 09.04.2025) (in Russian).

mining and processing plants, there was no electricity in cities and towns, and the polar stations were abandoned. Much has changed in recent years, much has been done, and there are broad new plans for the revival and use of the Northern Sea Route.

The Northern Sea Route is one of the most significant and unique routes in the world. The NSR includes the seas of the Arctic Ocean. 8–9 months of the year, the surface is covered with thick ice. The temperature conditions are also severe (up to -65°C in the Chukotka region). But at the same time, the SPM is the shortest distance between Europe and the Far East. Since the mid-2000s, separate tourist routes have been opened.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN SEA ROUTE

During the XII–XIII centuries, the north of Russia was explored by Pomors, immigrants from Russian cities — Novgorod the Great, etc. Since the 13th century, this route has attracted the attention of researchers, merchants, Pomors (residents of the Far North). At the end of the XVI century, the route along the mouth of the Ob River was mastered, which was used regularly for the transportation of goods. Several prisons were founded along this route. Later it became the cities of Salekhard, Berezovo, Mangazeya. Gradually, Russian sailors passed all the way east, to the Yenisei and Kolyma rivers.

Among the first navigators in the north were representatives of England and Holland. The Europeans were looking for a shorter route to India and China. At the beginning of the XVII century, by order of Boris Godunov, the city of Mangazeya was founded in Siberia beyond the Arctic circle, where a rich port was founded, where foreign merchants came⁵. Later, the role of the city came to naught, the harsh climatic conditions negatively affected. In the 19th century, interest in the NSR again attracted the attention of both Europeans and in Russia. The wealth of minerals in Siberia needed to be developed and developed in local areas.

In the middle of the XVII century, the Cossack Semyon Dezhnev discovered the strait between the eastern part of Europe and North America (now the Bering Strait). This strait was first crossed in 1743 by the explorer Vitus Bering, who did a lot to explore Kamchatka, Alaska, and the development of sea routes. The active movement along the NSR began in 1877, when the export of mineral raw materials from Siberia began. The first passages along the NSR without long stops began with the commissioning of icebreakers in 1932, when a scientific expedition led by Otto Schmidt for the first time passed through the NSR in one navigation on the icebreaker Alexander Sibiryakov. As a result of the expedition, the main directorate of the Northern Sea Route was established. Glavsevmorput engaged in the construction of icebreakers, the development of polar aviation, radio communications, and the creation of weather stations along the coast of the Arctic Ocean.

In order to use the NSR for passenger transportation, in 1933 (July) the steamer Chelyuskin was sent, which reached the Bering Strait. Unfortunately, the wind and currents dragged the ship back with ice into the Arctic Ocean (Kara Sea). In February 1934, the Chelyuskin was covered with ice and sank, the expedition members landed on the ice. People were rescued by Soviet pilots. A new trip from Vladivostok to Murmansk was made in 1934 in one navigation without accidents. This was the first through voyage from east to west⁶.

⁵ История освоения Северного морского пути (СМП) [The history of the development of the Northern Sea Route (NSR)]. Универсальная морская компания Арктика [Universal Marine Company Arctic], 2024. URL: <https://umcshipping.ru/article/severnuyu-morskoj-put/> (дата обращения: 09.04.2025) (in Russian).

⁶ Трагедия «Челюскина»: авантюра Отто Шмидта или риск первооткрывателей? [The «Chelyuskin» tragedy: Otto Schmidt's adventure or the risk of the discoverers]. Русское географическое общество [Russian Geographical Society], 13.02.2024. URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/tragediya-chelyuskina-aventyura-otto-shmidta-ili-risk-pervootkryvateley/> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

In the USSR, scientific research was actively carried out at drifting polar stations. Appliances, equipment, and food were delivered to the ice floe. In 1937, the first polar station «North Pole 1» (head Ivan Papanin) and 4 members of the group traveled more than 2 thousand km on the ice floe (274 days of the expedition). The materials obtained by the expedition showed data on sea currents, weather, air temperature, etc.

In the USSR, huge construction work was carried out to develop the Arctic coast. The northern seaports (Igarka, Dixon, Pevek, Providence Bay) were built. All of them received special strategic importance during the Great Patriotic War. During the war, military cargo, food, and energy resources were transported through the NSR. For example, the passage of ships of the Pacific Fleet took place along the NSR. The military industry of the USSR received the necessary raw materials through the NSR — copper, nickel, timber, etc. During 1941–1945, more than 4 million tons of strategic cargo were transported along the NSR. Several hundred cargo ships participated in the route.

The study and use of the Arctic regions of Russia continued after the war. In December 1959, the first nuclear icebreaker Lenin appeared, which drove caravans of ships for more than 30 years. Icebreakers were needed in connection with the construction of new industrial centers in Siberia. The construction of the Norilsk large industrial center led to the use of the NSR year-round between the village of Murmansk and the port city of Dudinka. In 1970, the first Arctic winter flight was conducted from Murmansk. In the 70–80's of the twentieth century. Thanks to the emergence of new technologies, new technical developments, and scientific and technological progress, the Russian Northern Marine Fleet has received new icebreaker vessels of the Arctic and Siberia types. In 1977, an icebreaker that could break ice up to 2.8 m thick. Since 1978, two icebreakers and several cargo ships made up a caravan, so the year-round passage along the NSR began.

THE MODERN SIGNIFICANCE OF THE NORTHERN SEA ROUTE

The Northern Sea Route is a historically established national unified transport communication of Russia in the Arctic. The maritime transport system operating here is an important part of the entire economy of the North of the Russian Federation. Huge financial resources and the work of many generations of Russians have been invested in the development of the NSR. The NSR unites the European and Far Eastern ports of the Russian Federation, as well as the mouths of navigable Siberian rivers into one system. The NSR is almost 2 times shorter than other sea routes from Europe to South Asia and China. The length of the St. Petersburg — Vladivostok route through the Suez Canal is 23.20 thousand km, along the NSR — 14.28 thousand km, which is 40% less. The duration of navigation is 2–4 months, but today the use of powerful icebreakers allows year-round transportation [Birzhakov, Kostryukova, Ozimina, 2015]. The NSR gradually turned from an extreme route into a fairly ordinary route, due to measures and attention to its development on the part of the state. As a result, the 80s of the twentieth century became record-breaking in terms of traffic.

In 1987, cargo turnover on the NSR reached 6.6 million tons [Bhagwat, 2022, p. 76–99]. A large project for the integrated development of the Soviet Arctic was developed, but it was not completed [Timoshenko, 2019, p. 70–75]. The Central Research Institute of the Navy (CRIN) has developed a plan-strategy for the development of the NSR. The program included the following tasks: state support for the development of priority sectors of the North (oil and gas, mining, forestry, chemical), increasing cargo flows in the shortest possible time; development of the transport infrastructure of the Northern Sea Route (icebreakers, port equipment, hydrography, meteorological services, navigation aids). Tasks were presented for large Russian companies (Lukoil, Gazprom, Norilsk Nickel, etc.) that will participate

in the development of the NSR. The use of icebreakers and ships on the NSR is focused on ensuring the transportation of large-scale cargoes, including export cargoes to Europe and Asia. This is oil from the basins of the Ob River and the Yenisei, liquefied natural gas from the Yamal Peninsula. With the development of the economy of the Arctic regions and the NSR, the Arctic transport system is self-sustaining [Peresypkin, Yakovlev, 2007, p.12–16].

In accordance with this strategic program, the CRIN developed a concept for the development of the NSR, according to which it was planned to build 4 nuclear icebreakers of a new generation by 2014 with a capacity of up to 80 thousand hp, a nuclear icebreaker with a capacity of 150 thousand horsepower (by 2017), 5 diesel icebreakers of 3.4 thousand hp, 3 port icebreakers, capacities of 9 thousand hp and other equipment for ports [Zhuravleva, 2021, pp. 72–87]. It was supposed to modernize existing and build new ports in the Arctic (Pechenga, Indigo) and reconstruct shipping terminals (Tiksi, Providence Bay, Petropavlovsk-Kamchatsky). The issues of ensuring the safety of swimming in an ice environment were resolved. In the implementation of these plans, it was supposed to involve a number of organizations of various profiles: 7 research institutes, 5 design bureaus, 12 main factories, etc. organizations in Russia. The approximate cost estimate for the implementation of the program until 2020 was more than 150 billion US dollars [Goncharenko, Prokofieva, Sergeev, 2011, p. 173–182].

At the beginning of the XXI century, before the introduction of numerous sanctions against Russia, a number of European Union (EU) countries jointly with the Russian Federation drew up a project on the development and use of the NSR for the transportation of hydrocarbons from the Russian Arctic regions to Europe [Kravchuk, 2016, p. 36–46].

The development of the NSR is a national Russian program capable of ensuring cargo flows, both of national goods and cargo, and of foreign ones, and transit. Currently, a lot is being done to solve the tasks of developing the NSR. As a result, according to the Arctic development strategy provided by the Ministry of Regional Development of the Russian Federation, the NSR will be able to provide up to 80% of the loading of the route by 2035. In 2030, transportation along the NSR will reach 120 million tons (2024–80 million tons), by 2035 — will grow to 150 million tons⁷. Currently, one liquefied natural gas (Yamal LNG) project is operating in the Arctic on the Yamal Peninsula. The shareholders of the project are NOVATEK (50.1%), French Total (20%), Chinese CNPC (20%), the Silk Road Fund (9.9%)⁸. Despite the sanctions, liquefied natural gas from Russia goes to Europe. The volume of gas supplied is increasing for Asian countries. In 2023, 17.7 billion cubic meters of gas were sent to Europe, 6.8 billion cubic meters to Asia [Vorobyov, 2024]. It is planned to build 3 LNG lines based on the Morning gas field on the Gydan Peninsula (Yamalo–Nenets Autonomous Okrug) with a capacity of 6.6 million tons per line⁹.

The development of oil fields in Taimyr is underway, this is the RosNeft project. The total hydrocarbon resource base of several fields is 6 billion tons. The company has planned to launch two LNG

⁷ Interfax (2019). Грузопоток по СМП может вырасти до 120 млн т к 2035 г. при условии налоговых льгот для нефтедобытчиков — Росатом [Freight traffic on the NSR may grow to 120 million tons by 2035, subject to tax incentives for oil producers — Rosatom]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/gruzopotok-po-smp-mozhet-vyrasti-do-120-mln-t-k-2035g-pri-uslovii-nalogovyh-lgot-dlya-neftedobychikov-rosatom?ysclid=lvwhujcx98222833013> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

⁸ CDD FEC (2018). Борьба на рынке СПГ [The struggle in the LNG market]. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/456/?ysclid=lvwhy53ej273397389 (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

⁹ «Новатэк» отправит первую очередь завода по сжижению СПГ в июле [Novatek will ship the first stage of the LNG liquefaction plant in July]. Мурманск РБК [Murmansk RBK], 12.05.2023. URL: <https://murmansk.rbc.ru/murmansk/12/05/2023/645e02b09a7947d2b0461e95> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

projects in 2030–2035 — Taimyr LNG and Kara LNG. The capacity of Taimyr LNG (North Bay of the Krasnoyarsk Territory) may amount to 35–50 million tons¹⁰.

Rosneft plans to build 50 different vessels to operate on the NSR. 10 ice-class tankers with a deadweight of 120 thousand tons have already been ordered (for operation on the NSR). Gazprom is developing the Novoportovskoye field in Yamal with an oil production of 6.7 million tons per year¹¹.

According to the NSR, in addition to the transportation of oil, natural gas, coal, metals, small volumes of loading from Russian wheat, the supply of fish in container ships is increasing. All these cargoes are transported by icebreakers of the nuclear fleet and special vessels. According to the State Statistics Committee, in 2023, 5 times more cargo was transported along the Northern Sea Route than in the record Soviet year of 1987¹².

The cargo traffic volume along the Northern Sea Route (NSR) in 2024 reached a historic high of 37.9 million tons, exceeding the 2023 figure by 1.6 million tons. This information became available in January 2025. According to Rosatom, a record number of 92 transit voyages were completed in 2024, and the volume of transit cargo exceeded 3 million tons, which is one and a half times greater than the 2023 figures. Specialists from GlavSevmorput reviewed 1,312 applications for sailing in the NSR waters, setting the highest number in the entire history of the sailing permit system¹³.

In 2024, the crews of the nuclear icebreakers of FSUE «Atomflot» and the specialists of «GlavSevmorput» ensured 976 icebreaker-assisted transits. Furthermore, a unique icebreaking escort of dredgers from the east to the Gulf of Ob was successfully implemented, and information and navigation support services were provided to 72 vessels¹⁴.

At the suggestion of the President of the Russian Federation V. V. Putin, back in 2023, changes were made to the Strategy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period up to 2035¹⁵. According to the changes, it is planned to build additional vessels for the operation of the NSR. The commissioning of new vessels will provide at least 135 trillion rubles in addition to the federal budget due to the development of the infrastructure of the NSR (by 2035). Currently, Russia has 41 icebreakers, of which 34 are diesel-powered and 7 are nuclear-powered. This number exceeds the total number of icebreakers in the USA, Canada, Finland, Denmark, Sweden and China. Russia has the most powerful nuclear icebreakers (7), of which «Arctic» (2020), «Siberia» (2022) and «Ural» (2022). A new icebreaker «Russia» is currently under construction, launching is scheduled for 2027 (capacity 120 MW). The vessels Yakutia and Chukotka are under construction. By

¹⁰ Interfax (2023). «Роснефть» в рамках «Восток Ойла» построила уже 200 километров нефтепровода [Rosneft has already built 200 kilometers of oil pipeline within the framework of Vostok Oil]. URL: <https://www.interfax.ru/business/929291> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

¹¹ Mediapaluba (2021). «Роснефть» построит более полусотни судов для своего нового проекта [Rosneft will build more than fifty vessels for its new project]. URL: <https://paluba.media/news/5978?ysclid=lvwjflyuwu254186914> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

¹² Rigel' (2024). Ледокольный флот России: больше, чем у США, Канады, Финляндии, Дании и Китая вместе взятых [Icebreaking Fleet of Russia: more than the United States, Canada, Finland, Denmark and China combined]. 15.01.2024. URL: <https://salt.news/promishlennost/ledokolnyj-flot-rossii-bolshe-chem-u-ssha-kanady-finlyandii-danii-i-kitaya-vmestevzvyatyh/?ysclid=lvwjxic4g639221454> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

¹³ Северный морской путь [Northern Sea Route]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Северный_морской_путь (дата обращения: 10.09.2025) (in Russian).

¹⁴ Объем грузоперевозок по Северному морскому пути установил рекорд [The volume of cargo transportation along the Northern Sea Route has set a record]. URL: <https://rosatomflot.ru/press-centr/novosti-predpriyatiya/2025/01/09/11644-obem-gruzoperevozok-po-severnomu-morskomu-puti-ustanovil-rekord/> (дата обращения: 14.09.2025) (in Russian).

¹⁵ Kremlin.ru (2023). Внесены изменения в Основы государственной политики в Арктике на период до 2035 года [Changes have been made to the Fundamentals of State Policy in the Arctic for the period up to 2035]. 21.02.2023 (in Russ.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70570> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

2028, it is also planned to build the Kamchatka and Sakhalin icebreakers. Without our icebreakers, passage through the Arctic Ocean would be limited to 2–4 months¹⁶.

The year 2024 witnessed several significant events in the development of Russia's icebreaker fleet. In January, the icebreaker «Leningrad» was laid down; in November, the icebreaker «Chukotka» was launched; and in late December, the flag was raised on the icebreaker «Yakutia». These events underscore the strategic importance of developing the Arctic fleet for ensuring the uninterrupted operation of the Northern Sea Route¹⁷.

Our icebreakers ensure the operation of seaports, terminals, gas carriers, tankers all year round. Recognizing the importance of the icebreaking fleet, the government of the Russian Federation has taken measures by the end of 2024. Our Arctic fleet will be replenished with 16 new rescue vessels of various capacities; the lead icebreaker Leader, 4 non-nuclear icebreakers, 3 hydrographic vessels, 2 pilotage vessels. By 2030, it is planned to build 30 more such vessels¹⁸.

For the construction of container ships intended for transportation along the Northern Sea Route, a joint venture between Rosatom and the Chinese company New New Shipping was established at the end of 2024. The new company, named Northern Sea Route Shipping Line, was established under the jurisdiction of the People's Republic of China and will facilitate the development of shipping infrastructure in the Arctic direction¹⁹.

While developing the NSR, Russia has repeatedly stated that the MTK is open for use by other countries, for large-scale initiatives in the Arctic, and for transit cargo transportation. In the modern situation, the passage of ships through the Suez Canal has become more difficult. The military actions in Gaza led to an escalation and military actions by supporters of Palestine in the Persian Gulf. Merchant ships are forced to change course to a course around Africa, which lengthens the time and increases the cost of transportation. The use of the NSR is available all year round, absolutely free for cargo transportation, safe (no pirates). Passage with icebreakers ensures the independence of ships from Arctic weather and ice. A number of Asian countries have already become interested in new routes, including the BRICS countries (China, India).

After the visit of Chinese President Xi Jinping to Russia in 2023 and talks with Russian President Vladimir Putin, it was noted that Russia is ready to create a joint working body on the development of the Northern Sea Route. China and neighboring Asian countries are showing great interest in using the NSR to supply national goods to Europe. A new, calmer and shorter way. The old route through the Suez Canal is 21 thousand km along the NSR, the path is shortened from 8 thousand km to 13 thousand km between the ports of Asia (Shanghai) and Russia, the travel time is reduced from 5–6 weeks to 2–2.5 weeks [Nefedov, 2024]. The changes will cause a new configuration of international cargo shipping. According to Chinese economists, a new stable connection between Europe and Asia will appear in the world. «If the crisis in the Gaza Strip expands, it will all the more become a huge danger for the Suez Route. Therefore, the NSR will be increasingly in demand». With the development of the economy in the Russian Federation, China and other Asian countries, the value of trade turnover is increasing.

¹⁶ Mintrans (2024). Ледокольный флот России — самый мощный в мире [Russia's icebreaking fleet is the most powerful in the world]. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11115?ysclid=lujqo26b6a374114847> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

¹⁷ Северный морской путь [Northern Sea Route]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Северный_морской_путь (дата обращения: 10.09.2025) (in Russian).

¹⁸ Mintrans (2024). Ледокольный флот России — самый мощный в мире [Russia's icebreaking fleet is the most powerful in the world]. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11115?ysclid=lujqo26b6a374114847> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

¹⁹ Northern Sea Route Shipping Line. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Northern_Sea_Route_Shipping_Line (дата обращения: 10.09.2025) (in Russian).

Countries are looking for new and more convenient ways of trade, and investment and trade barriers are being eliminated. China is fully promoting the «One Belt– One Road» project not only by land. Using the NSR for cargo transportation, the PRC defined it as the Polar Silk Road.

CHINA'S PARTICIPATION IN THE NORTHERN SEA ROUTE DEVELOPMENT PROJECT

A number of Asian countries, in particular China, are showing some interest in using the NSR as the shortest safe route to Europe for their goods. The PRC's interest in the NSR is confirmed in the White Paper on the Arctic²⁰ and on the tasks in the 14th five-year development Plan of the country. The military situation in the Red Sea and the Houthi raids in the Strait of Malacca hinder the development of trade and the transportation of Chinese goods to Europe. Due to the military operations in the Red Sea area, transit through the NSR has increased significantly. In the summer and autumn months of 2023, part of the cargo from the Suez Canal was transferred to the NSR. The use of the NSR for these purposes is becoming necessary for the PRC. Today, problems are growing in the South China Sea around Taiwan. For stable navigation, the year-round NSR can be useful for China and other countries.

The trade turnover between Russia and China creates a huge potential for the growth of maritime transportation. Cooperation between Russia and China in the energy sector will also lead to an increase in hydrocarbons and coal transported to China. The Chinese company New Shipping Line performed 8 flights from China to Murmansk and St. Petersburg last year. With the development of cargo flows along the NSR, it is necessary to increase the number of ships on the route. According to Vladimir Panov, a representative of Rosatom, Russia is not closed to cooperation in the field of shipbuilding²¹.

By 2030, about 100 new icebreaking fleet vessels will be required to ensure constant navigation along the NSR [Kamanin, 2024]. Cooperation with Chinese shipbuilding companies is possible in this area. China's interest in the Arctic is not accidental. He is motivated by obtaining shorter and quieter sea routes, as well as new sources of energy and mineral resources of the Russian North. The Chinese shipping company COSCO²² participates in 30% of the NSR flights [Martins, 2023]²³. The issue of China Communications Construction Co., Ltd. («CCCC»)²⁴ and China Railway (CR)²⁵ on the extraction of raw materials in the Komi Republic and the possible construction of a railway and a deep-water seaport in the Russian Federation for loading raw materials onto ships and further transportation along the NSR was discussed. The Chinese Energy Engineering Corporation (Energy China — CEEC)²⁶ has agreed to explore natural gas fields in the Nenets region, which is located beyond the Arctic Circle along the Barents Sea.

²⁰ Zhongguo zhengfu (2018). Zhongguo De Beiji Zhengce (2018 Nian 1 Yue) [China's Arctic Policy (January 2018)]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm (дата обращения: 10.04.2025) (in Chinese).

²¹ TASS (2024). Эксперт: объемы грузоперевозок по СМП будут рекордными следующие несколько лет [Expert: freight traffic volumes on the NSR will be record-breaking in the next few years]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19762093?ysclid=lvwl7qe1xp384370321> (дата обращения: 12.04.2025) (in Russian).

²² Zhongguo Yuanyang Haiyun Jituan Youxian Gongsi [China COSCO Shipping Corporation Limited]. URL: <https://www.coscoshipping.com/> (дата обращения: 14.04.2025) (in Chinese).

²³ Martins T. T. (2023). Arctic Ambitions: China's Engagement. With the Northern Sea Route. Diplomat media INC, 24.11.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/arctic-ambitions-chinas-engagement-with-the-northern-sea-route/> (дата обращения: 15.04.2025).

²⁴ Zhongguo Jiaojian [China Communications Construction Co., Ltd.] (in Chinese). URL: <https://www.ccccltd.cn/> (дата обращения: 15.04.2025) (in Chinese).

²⁵ Zhongguo Guojia Tielu Jituan Youxian Gongsi [China State Railway Group Co., Ltd.] (in Chinese). URL: <http://www.china-railway.com.cn/> (дата обращения: 10.04.2025) (in Chinese).

²⁶ Zhongguo Nengyuan Jianshe Gufen Youxian Gongsi [China Energy Engineering Corporation Ltd.] (in Chinese). URL: <https://www.ceec.net.cn/> (дата обращения: 15.04.2025) (in Chinese).

China has become one of the main partners of the Russian Federation in the Arctic in oil and gas production. The Russian company Gazprom uses the Chinese drilling rig Nanhai VIII, which belongs to the oilfield services company China Oilfield Services Limited (COSL)²⁷. In 2017, this installation was transported via the NSR to the production site on the Chinese vessel Hai Yang Shi You 278 for drilling operations at the Rusanovsky and Nyarmeysky sites in the Kara Sea. In 2020, Gazpromneft transported 144 thousand tons of oil produced in the north of the Russian Federation to the Chinese port of Yantai²⁸.

China proposes to lay a fiber-optic cable (10,500 km) along the Arctic seas. This project will improve communication on the NSR, increase technical safety in these areas by increasing the data received for use by ships during navigation.

On September 23, 2025, the Central People's Government of the People's Republic of China announced the launch of a historic trans-Arctic route. The Chinese container ship Istanbul Bridge became the first cargo vessel to set a course from China to European ports via the Arctic route using the Northern Sea Route. The vessel departed from a Chinese port carrying a cargo of construction materials, textiles, and electromechanical products, bound for the British port of Felixstowe with an expected delivery time of 19 days²⁹.

Other Asian countries are also interested in transporting their goods through the NSR [Tillman, Jian, Nielsson, 2023, p. 345–362]. For example, India, which has increased oil imports from Russia. The BRICS countries are also considering participating in the work of the NSR, which can provide optimal trade routes between Asia and Europe, connect large industrial agricultural areas, energy hubs with consumer markets. The construction of a fuel terminal, hub ports, and railways expands the capabilities of the icebreaker fleet and, in general, will have a beneficial effect on Russia's interstate relations with Asian countries.

Today, the Northern Sea Route (NSR) is the most important way to develop the Russian North, develop various areas of infrastructure in the Arctic regions, and develop minerals. The maritime transport system operating here is an important part of the entire economy of the North of the Russian Federation. Huge financial resources and the work of many generations of Russians have been invested in the development of the NSR. In the modern conditions of Russia's confrontation with the collective West, the NSR is becoming one of the most important routes in the world. A number of Asian countries are showing some interest in using the NSR, which is becoming an international integration project not only for the transit of goods, but also for the participation of friendly countries in joint infrastructure projects, mining, transport projects, environmental protection, scientific research in the Arctic, etc.

References / Литература

Биржаков М. Б., Кострюкова О. Н., Озими́на Л. А. Северный морской путь — историческое наследие России. *Журнал Института наследия*. 2015. № 3 [Birzhakov M. B., Kostryukova O. N., Ozimina L. A. The Northern Sea Route — the historical heritage of Russia. *Zhurnal Instituta naslediya*. 2015. № 3]. URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/5/48.html> (дата обращения: 10.04.2025) (in Russian).

²⁷ China Oilfield Services Limited (COSL). URL: <https://www.cosl.com.cn/col/col20611/index.html> (дата обращения: 16.04.2025).

²⁸ Gazprom Neft (2020). «Газпром нефть» впервые поставила арктическую нефть в Китай [Gazprom Neft supplies Arctic oil to China for the first time]. URL: https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/gazprom_neft_vpervye_postavila_arkticheskuyu_neft_v_kitay/ (дата обращения: 16.04.2025) (in Russian).

²⁹ Китай отправил первое грузовое судно в Европу по Северному морскому пути [China sent its first cargo ship to Europe via the Northern Sea Route]. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/23/09/2025/68d231a79a7947bea9e69d54> (дата обращения: 16.09.2025) (in Russian).

Бхагват Д. В. Государственная транспортная политика по развитию СМП в СССР и Российской Федерации в XX в. *Арктика и Север*. 2022. № 47. С. 76–99. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.47.76 [Bhagwat J. (2022). The State Transport Policy for Development of the NSR in the USSR and the Russian Federation in the 20th Century. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2022. No. 47. P. 76–99]. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.47.76 (in Russian).

Гончаренко С. С., Прокофьева Т. А., Сергеев В. И. Лидирующая роль России в формировании северной зоны Евроазиатских международных транспортных коридоров: «Северный морской путь — Енисей — Северо-Российская Евразийская магистраль — Транссиб». *Сибирь и Дальний Восток в долгосрочной стратегии развития единой транспортной инфраструктуры Евразии*. Иркутск: ИГУПС, 2011. С. 173–182 [Goncharenko S. S., Prokofieva T. A., Sergeev V. I. (2011). Russia's leading role in the formation of the northern zone of Eurasian international transport corridors: The Northern Sea Route — Yenisei — North Russian Eurasian Highway — Transsib. *Siberia and the Far East in the long-term strategy for the development of integrated transport infrastructure in Eurasia*. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya, 2011. P. 173–182] (in Russian).

Журавлева А. Долго ли, коротко ли: зачем миру Севморпуть? *Энергетическая политика*. 2021. № 14 (158). С. 72–87 [Zhuravleva A. How long or short: why the world needs the Northern Sea Route? *Energeticheskaya politika*. 2021. No. 14 (158). P. 72–87]. DOI: 10.46920/2409–5516_2021_4158_72 (in Russian).

Кравчук А. А. Национальные интересы и крупные экономические проекты России в Арктике в контексте её политики «поворота на Восток». *Ойкумена*. 2016. № 4. С. 36–46 [Kravchuk A. A. National interests and major economic projects of Russia in the Arctic in the context of its policy of «turning to the East». *Ojkuмена*. 2016. No. 4. P. 36–46] (in Russian).

Кузнецова С. Путь на Восток: развитие евразийских транспортных коридоров. *СФЕРА. Нефть и Газ*. 2024. № 1 (93). С. 46–51 [Kuznetsova S. The Way to the East: the development of Eurasian transport corridors. *SFERA. Neft' i Gaz*. 2024. No. 1(93). P. 46–51] (in Russian).

Пересыпкин В. И., Яковлев А. Н. Будущее Северного морского пути. *Транспорт Российской Федерации*. 2007. № 11. С. 12–16 [Peresypkin V. I., Yakovlev A. N. The future of the Northern Sea Route. *Transport Rossijskoj Federacii*. 2007. No. 11. P. 12–16] (in Russian).

Степанов Н. С. Институциональное развитие Северного морского пути в рамках модернизации экономики России. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2022. № 57. С. 202–210 [Stepanov N. S. Institutional development of the Northern Sea Route within the framework of Russian economy modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika — Tomsk State University Journal of Economics*. 2022. No. 57. P. 202–210. DOI: 10.17223/19988648/57/14 (in Russian).

Тимошенко А. И. Арктика и Северный морской путь в экономическом развитии Сибири (1920–1980). *Гуманитарные науки в Сибири*. 2019. Т. 26. № 2. С. 70–75 [Timoshenco A. I. The Arctic and Northern sea Route in the economic development of Siberia (1920–1980). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2019. Vol. 26. No. 2. P. 70–75]. DOI: 10.15372/HSS20190213 (in Russian).

Tillman H., Jian Y., Nielsson E. T. The Polar Silk Road China's New Frontier of International Cooperation. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2023. Vol. 4. No. 3. P. 345–362. DOI: 10.1142/S2377740018500215

Electronic sources / Электронные ресурсы

Воробьев С. Газ России и мировой рынок газа. Сектормедиа, 18.03.2024 [Vorobyov S. *Russian gas and the global gas market*. Sektormedia, 18.03.2024]. URL: <https://sektormedia.ru/news/ekonomika-i-rynki-neft-i-gaz/gaz-rossii-i-mirovoy-rynok-gaza/> (дата обращения: 16.04.2025) (in Russian).

Дружинин А. История нацпроектов в России. ТАСС, 11.02.2019. <https://tass.ru/info/6101471> [Druzhinin A. *The history of national projects in Russia*, TASS, 11.02.2019] (in Russ.). URL: <https://tass.ru/info/6101471> (дата обращения: 16.04.2025) (in Russian).

Каманин Р. В «Росатоме» оценили интерес Китая к Северному морскому пути. МК.ру, 21.01.2024 [Kamanin R. (2024). *Rosatom appreciated China's interest in the Northern Sea Route*. МК.ру, 21.01.2024] (in Russ.). URL: <https://www.mk.ru/economics/2024/01/21/v-rosatome-ocenili-interes-kitaya-k-severnomu-morskому-puti.html?ysclid=lvxyw3ib3p109281598> (дата обращения: 12.04.2025) (in Russian).

Нефедов Д. *Севморпуть и Китай: бесрочные акценты взаимного притяжения*. Фонд стратегической культуры, 23.01.2024 [Nefedov D. *Sevmorput and China: indefinite accents of mutual attraction*. Fond strategicheskoy kul'tury, 23.01.2024]. URL: <https://fondsk.ru/news/2024/01/23/sevmorput-i-kitay-bessrochnye-akcenty-vzaimnogo-prityazheniya.html> (дата обращения: 16.04.2025) (in Russian).

Martins T. T. (2023). *Arctic Ambitions: China's Engagement*. With the Northern Sea Route. Diplomat media INC, 24.11.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/arctic-ambitions-chinas-engagement-with-the-northern-sea-route/> (дата обращения: 18.04.2025) (in Russian).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ ТАИЛАНДА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОЕКТАМ XIX в.?

© 2025

И. В. Федулов¹

Железные дороги Таиланда в настоящее время находятся в начале пути модернизации. Проблема повышения транспортной связности страны с соседними странами, а также с южным Китаем диктует необходимость восстановления и развития железнодорожной инфраструктуры, строительства новых, современных линий. Таиланд сохраняет и развивает существующую сеть железных дорог с колеей 1000 мм, одновременно участвуя в китайской инициативе «Пояс и путь», строя высокоскоростную магистраль до соединения с Лаосом.

Анализ исторической логики развития железных дорог в стране, а также текущего состояния отрасли позволяет сделать осторожный оптимистический вывод о дальнейшем расширении железнодорожной сети Таиланда, которое позволит использовать транзитный потенциал страны.

Ключевые слова: Таиланд, железные дороги, Пояс и путь, развитие инфраструктуры, убытки

Для цитирования: Федулов И. В. Железные дороги Таиланда: возвращение к проектам XIX в.? *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 149–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-149-159

RAILWAYS OF THAILAND: A RETURN TO THE NINETEENTH CENTURY PROJECTS?

Iliia V. Fedulov

Thailand's railways are currently at the beginning of their modernisation process. The need to improve the country's transport links with neighbouring countries, as well as with southern China, dictates the restoration and development of railway infrastructure and the construction of new, modern lines. Thailand is maintaining and developing its existing 1,000 mm gauge railway network, while also participating in China's Belt and Road Initiative by building a high-speed line to connect with Laos.

An analysis of the historical logic of railway development in the country, as well as the current state of the industry, allows us to make a cautiously optimistic conclusion about the further expansion of Thailand's railway network, which will allow the country to utilise its transit potential.

Keywords: Thailand, railways, The Belt and Road Initiative, infrastructure development, losses

For citation: Fedulov I. V. Railways of Thailand: a Return to Nineteenth Century Projects? *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2025. No. 4. P. 149–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-149-159

¹ Федулов Илья Викторович, кандидат технических наук, научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва; I.fedulov@ivran.ru

Iliia V. Fedulov, PhD (Engineering), Research Fellow, Department of Economic Studies, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow; I.fedulov@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-3621-8234

История железных дорог Таиланда началась 26 марта 1896 г., когда король Чулалонгкорн (Рама V) провел церемонию открытия первой линии Бангкок — Аюттхая. Но первые проекты сиамской железной дороги обсуждались еще с 1840-х гг. Они были инициированы Великобританией, чтобы связать тогдашнюю британскую Бирму через север Сиам с южным Китаем для удобной перевозки британских товаров. В 1887–1888 гг. правительством Сиам были заказаны британской инженерной фирме «Midland Railway Company and Messrs Clark Punchard and Company» работы по инженерным изысканиям линии от Бангкока до Аюттхая, а затем и до Кората.

Вторая линия должна была пройти от Аюттхая до Лопбури, затем до Лампанга, Лампхуна и Чиангмая. Из Чиангмая она должна была идти на север до Чиангграя и, в конечном итоге, до Чиангсена на р. Меконг.

Большая часть этих изысканий принесла плоды несколько лет спустя при строительстве частей современных Северной и Северо-восточной линий, хотя участок Северной линии за Чиангмаем не построен и по сей день: сообщение на север с Китаем через Чиангсен и Меконг было очень привлекательным с точки зрения торговли с начала XX в., но инженерные трудности, связанные с тяжелыми условиями в горах северного Таиланда, оказались неразрешимыми вплоть до недавнего времени.

Другой проект железной дороги в стране — линия Тхонбури–Пхетчабури (позднее Южная дорога), которая была открыта 19 июня 1903 г.

Если Северную дорогу построили с колесей 1435 мм, то для строительства Южной дороги была выбрана метровая колея (1000 мм) — для экономии средств и для дальнейшей связи с британской Малайей, также использующей метровую колею.

В конце XIX — начале XX вв. властями Королевства было признано важное значение железных дорог в поддержке работы централизованной государственной администрации. В. А. Грэм, бывший администратор и советник сиамского правительства, отмечает, что экономическая отдача от инвестиций в железнодорожные перевозки все еще была под вопросом, но «для целей управления ценность железных дорог не может быть переоценена, и фактически нынешняя система сельского правительства вряд ли могла бы существовать без них» [Paik, Vechbanyongratana, 2024, p. 814]. Фактически первые железные дороги были больше политическим проектом и в какой-то степени укрепили территориальную целостность страны, остановили притязания Франции и Великобритании на территории, слабо подконтрольные Сиаму.

В конце 1910-х гг. было принято решение об унификации колеи в стране. В качестве единственной колеи была выбрана колея 1000 мм, в основном для «бесшовного» соединения с соседними странами, а также для упрощения и удешевления строительства. Поэтому Северная дорога в течение 10 лет была перешита на метровую колею, которая и до настоящего времени остается единственной железнодорожной колеей в Таиланде.

Во время II Мировой войны происходило дальнейшее развитие железных дорог в стране, но уже под руководством японских войск. Японии нужны были железные дороги для перемещения войск и военных грузов. Так, за 2 недели был достроен недостающий участок линии между Пномпенем и Бангкоком, по которому были пущены поезда. Также в июле 1942 г. началось строительство железной дороги от Нонг-Пладука (станция на Южной линии, открытая в 1903 г.) до Танбюзаята (в Бирме) через горный хребет Тенассерим. Строительство координировалось Императорской армией Японии, при строительстве использовался труд военнопленных, а построенная дорога получила название «дорога смерти».

Во время войны железные дороги подвергались бомбардировкам и получили значительные повреждения. Также международное сообщение, действующее во время войны, было прекращено.

После войны помимо восстановления существующих в стране строились и новые линии, но из-за нехватки средств многие запланированные линии так и не были построены. Так, из 5 проектов новых линий были реализованы только 3: Сурат Тани (สุราษฎร์ธานี) — Хири Рат Никхом (คีรีรัฐนิคม) (дальнейшее планируемое продолжение линии до провинции Пханг Нга и далее до Пхукета так и не было построено), Кенг Кхой (ชุมทางแก่งคอย) — Буаяй (ชุมทางบัวใหญ่) и линия Удон Тани (อุดรธานี) — Нонг Кхай (หนองคาย). Линия Удон Тани–Нонг Кхай, ведущая до границы с Лаосом, была построена при содействии США, которым был нужен надежный путь в Лаос.

Также закупался в разных странах подвижной состав, в том числе и в Японии. Однако закупались в основном паровозы, а не современные на тот момент тепловозы.

Финансирование развития железных дорог исключительно за счет государственных средств было явно недостаточным, и правительство обратилось за кредитом к Всемирному банку. В ходе переговоров о предоставлении кредита Всемирный банк предложил правительству реорганизовать существующее Королевское железнодорожное управление, предоставив ему большую независимость и гибкость в управлении железнодорожными операциями. Таким образом, 1 июля 1951 г. Королевский железнодорожный департамент изменил свой статус, став государственным предприятием общественного пользования под названием «Государственные железные дороги Таиланда» — SRT (การรถไฟแห่งประเทศไทย).

До 1958 г. железная дорога не имела значимой конкуренции со стороны автомобильного транспорта, т. к. в стране отсутствовала сеть национальных автодорог с хорошим покрытием. Однако в 1958 г. американцами для снабжения своих северо-восточных военных баз была построена Mittraphap Road («National Highway-2») — первая в стране автомагистраль с твердым покрытием (асфальт и бетон). В дальнейшем росли как протяженность современных автодорог, так и количество автомобилей.

Так, если протяженность автодорог увеличилась с 1979 по 1983 г. с 27 498 км до 33 148 км, а с 1987 г. по 1990 г. — с 40 164 км до 45 445 км, то протяженность железных дорог с 1979 по 1983 г. оставалось неизменной (3735 км) и только к 1990 г. увеличилась до 4450 км [Statistical Yearbook Thailand, 1984, p. 297, 308; Statistical Yearbook Thailand, 1991, p. 191, 193].

В то же время на железной дороге также происходило улучшение инфраструктуры — применение более тяжелых рельсов, использование современных сцепок и другие мероприятия. Это способствовало тому, что железные дороги становились более адекватными современным требованиям перевозок, но происходило гораздо меньшими темпами, чем в автомобильном транспорте. К 1950-м гг. было принято решение прекратить закупку паровозов, а в начале 1960-х гг. SRT планировала к концу 1970-х гг. перейти полностью на тепловозную тягу.

Железные дороги страны (кроме железных дорог в г. Бангкок), в том числе линия в аэропорт, подчиняются министерству транспорта, а линии в Бангкоке — министерству внутренних дел (такое же разделение и для автодорог).

В настоящее время (по данным на 2024 г.) длина железных дорог Таиланда остается неизменной на протяжении многих лет и составляет 4814 км (без учета 212 км городских железных дорог в Бангкоке и его пригородах) [Statistical Yearbook Thailand, 2024, p. 415].

По данным SRT, не учитывая двойную длину для двухпутных линий, общая длина в 2023 г. составила 4050 км, из них однопутные участки — 3041 км, двухпутные — 903 км, трехпутные — 106 км [Transport Infrastructure Annual Report, 2023, p. 27]. По аналогичным данным за 2021 г. общая длина составила 3988 км, из них однопутные участки — 3332 км, двухпутные — 551 км,

трехпутные — 105 км [Transport Infrastructure Annual Report, 2021, p. 13]. Мы видим, что происходит увеличение длины двухпутных участков, что является положительным фактором для увеличения пропускной способности, а также повышения безопасности движения.

Электрификация фактически отсутствует, электрифицированы только линии городского транспорта г. Бангкока.

Схема железных дорог Таиланда на 2023 г. представлена на рис. 1.

Рис. 1. Схема железных дорог Таиланда

Источник: Transport Infrastructure Annual Report, 2566 (2023). P. 19

Количество пассажиров, перевезенных железнодорожным транспортом в 2022 г., составило, по данным Национального статистического управления Таиланда, 17,48 млн пассажиров, пережив резкое падение годом ранее до 14,2 млн [Statistical Yearbook Thailand, 2024, p. 440]. По данным Управления транспорта и дорожного движения (Office of Transport and Traffic Policy and Planning — ОТП), количество пассажиров, перевезенных железнодорожным транспортом в Бангкоке и пригородах, составило в 2023 г. 17,8 млн чел. При этом коммерческих пассажиров было 8,98 млн а социальных пассажиров — 8,82 млн. Количество пассажиров в междугородних железнодорожных перевозках составило в 2023 г. 13,85 млн, из них коммерческих пассажиров — 3,01 млн, социальных — 10,84 млн [Transport Infrastructure Annual Report, 2023, p. 71–72]. Мы не видим преобладания пригородных железнодорожных перевозок над междугородними (например, как в Индии в некоторые годы). В различных государственных отчетах количество пригородных железнодорожных перевозок в г. Бангкок не учитывается и используется величина междугородних перевозок.

Для сравнения приведем количество пассажиров в 2023 г., перевезенных по ветке (Airport Rail Link) в аэропорт Бангкока: оно составило за 6 месяцев 2023 г. около 45 млн чел.

Средняя длина поездки пассажира выросла в 2022 г. и составила 164,6 км. В 2020 г. эта величина была равной 145,8 км [Statistical Yearbook Thailand, 2024, p. 440]. Для сравнения: в Индии этот показатель в 2021/22 ф. г. составлял 167,7 км.

Доля железнодорожного транспорта в междугородних пассажирских перевозках в 2023 г. составила 4,72%, автобусные перевозки составили 85,21%. Перевозка водным транспортом составила 0,02%, авиа — 10,05% от общего количества пассажиров [Transport Infrastructure Annual Report, 2023, p. 96].

Доля железнодорожного транспорта в перевозке грузов также невелика и в 2023 г. составила всего 1,39%. Распределение видов транспорта при перевозке грузов приведено в таблице 1.

Таблица 1. Перевозка грузов различными видами транспорта в 2023 г.

Вид транспорта	Доля от объема перевозок, %	Объем перевозок, млн т
Железнодорожный транспорт	1,338	12,117
Автомобильный транспорт	86,278	753,139
Водный транспорт	12,331	107,639
Воздушный транспорт	0,003	0,028

Источник: Transport Infrastructure Annual Report, 2566 (2023). P. 125

При этом объем грузовых перевозок по железной дороге в 2023 г. увеличился на 6,6% по сравнению с 2022 г. [Transport Infrastructure Annual Report, 2023, p. 126].

Также увеличилась выручка за перевозку грузов.

Основные грузы, перевозимые по железной дороге, — это нефтепродукты, цемент и контейнеры. По стоимости перевозок в 2023 г. на первом месте были контейнерные грузы (808,4 млн бат), на втором — нефтепродукты (507,6 млн бат), на третьем — цемент (183 млн бат). Всего было заработано 1606,9 млн бат (против 1474,1 млн бат в 2022 г.) [Statistical Yearbook Thailand, 2024, p. 441].

Железные дороги предоставляли в 2023 г. услуги по перевозке контейнеров по 8 маршрутам: 4 маршрута внутри страны и 4 международных маршрута. Международные маршруты — 3 с Малайзией и 1 с Лаосом.

По данным на 2023 г., в наличии имеются 269 дизельных локомотивов для работы на линии возрастом (временем работы) от 1 до 59 лет и 17 маневровых локомотивов возрастом от 38 до 71 года.

С 2020 г. происходила смена дизель-локомотивов на более современные модели. В 2020 г. был подписан контракт на покупку 50 дизель-локомотивов с нагрузкой 16 т на ось. Локомотивы изготавливаются китайской CRRC QISHUYAN Co., Ltd., ведущим производителем в Китае. Тепловозы поставлены в 2023 г., прошли испытания и приняты в эксплуатацию. Стоимость контракта составила 6,525 млрд батов [Annual Report, 2023, p. 224].

Убытки за 2023 г. составили 14,27 млрд бат [Annual Report, 2023, p. 497]. За все время существования SRT являлась убыточным предприятием. Например, в 2017 г. SRT получила крупнейшие единовременные вливания из бюджета в размере 76 млрд бат на устройство двухпутных участков, расширение надземной железной дороги в Бангкоке, а также на строительство мостов, ограждений и другие меры по улучшению инфраструктуры. Однако в финансовом году, закончившемся 30 сентября 2016 г., SRT удалось освоить лишь 53% выделенного инвестиционного бюджета в размере 60 млрд батов, в то время как средний уровень освоения средств среди 55 государственных предприятий Таиланда составляет 80% [Janssen, 2017].

SRT — также один из крупнейших землевладельцев Таиланда, однако в 2017 г. железная дорога даже не знала, сколько земельных участков ей принадлежит [Janssen, 2017].

В последние годы ситуация постепенно исправляется, SRT вводит современные методы электронного документооборота, привлекает высококвалифицированные кадры. В 2017 г. даже была

поставлена цель стать лучшим железнодорожным оператором в АСЕАН к 2027 г.² Однако структурные проблемы, а именно практически полное игнорирование государством развития железнодорожных грузовых перевозок и, соответственно, развития необходимой железнодорожной инфраструктуры с 1950-х гг., не позволяют железным дорогам занять заметное место в перевозках грузов как внутри страны, так и на международных маршрутах.

В то же время SRT, проводя работы по устройению второго пути на существующих линиях, модернизации железнодорожного полотна, позволяющего обеспечить движение поездов со скоростью до 120 км/ч, осуществляя строительство новых двухпутных участков, постепенно приводит состояние железных дорог к уровню, обеспечивающему конкурентоспособность железных дорог в перевозке грузов и пассажиров.

Правительство Таиланда разработало стратегию развития логистики страны, направленную на повышение эффективности железнодорожного транспорта и связи с соседними странами, включая Лаос и Китай. В рамках этой стратегии министерство транспорта собирается инвестировать почти 300 млрд бат в расширение протяженности двухпутных железнодорожных линий в 2025 г.³ Ожидается, что реализация проекта начнется в 2026 г.⁴

Уникальное географическое положение Таиланда не могло не способствовать тому, что даже при неразвитой железнодорожной инфраструктуре железные дороги стали участвовать в международной торговле. Развивается сеть грузовых железнодорожных перевозок в Китай. В декабре 2023 г. открылось грузовое сообщение из тайландской провинции Районг в китайский город Чэнду, а также линия между Бангкоком и китайским Чунцином. Каждая из двух грузовых линий использует железную дорогу Лаос–Китай, которая становится ключевой транспортной артерией между Китаем и Юго-Восточной Азией.

По оценкам частного исследовательского центра «Kasikorn», сделанным в марте 2024 г., ожидалось, что стоимость тайских товаров, поступающих в Китай через соседние страны, в 2024 г. вырастет на 17% и составит 250 млрд бат (6,88 млрд долларов США)⁵. Пока предполагается, что будут в основном перевозить дуриан (разрешенный Китаем для ввоза из Таиланда) и другую сельскохозяйственную продукцию, но также планируется рост экспорта промышленной продукции.

Другой интересный логистический проект — железнодорожный проект «ASEAN Express», соединяющий Малайзию с Китаем через Таиланд и Лаос. Транснациональная линия начинается в штате Селангор, недалеко от столицы Малайзии Куала-Лумпура, проходит через Таиланд и Лаос и заканчивается в Чунцине. Преимущество такого маршрута перед морскими перевозками очевидно — значительное сокращение времени перемещения грузов. По данным национального железнодорожного оператора Малайзии Keretapi Tanah Melayu Berhad (KTMB), вся поездка на ASEAN Express занимает около девяти дней, что намного короче двух-трех недель, проводимых по морю. Первый поезд отправился из Малайзии 27 июня 2024 г. с сельскохозяйственной продукцией и другими товарами. Первоначально поезда ASEAN Express курсировали 2 раза в неделю, однако все страны заинтересованы

² “To be the best state rail operator in ASEAN in 2027”. State Railway of Thailand (SRT) — Asean Railways Portal. URL: https://aseanrailways.org/?page_id=701 (дата обращения: 14.10.2025).

³ B300bn allocated for six double-track railway projects. Bangkok Post. 14.12.2024. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2919627/b300bn-allocated-for-six-double-track-railway-projects> (дата обращения: 14.10.2025).

⁴ “สุริยะ”สั่งกรมทางหลวงอีกครั้ง! หยุดก่อสร้างถนนพระราม2 เร่งM8นครปฐม-เพชรบุรีแทนสำนักแผนงานอาชวแทนโยธาฯศึกษา... Dailynews Online (Сурия вновь распорядился, чтобы Департамент автомобильных дорог приостановил строительство дороги Рамы II и вместо этого ускорил строительство трассы M8 Накхонпатхом — Пхетчабури. Управление планирования и планирования (OPP) не должно нарушать политику исследования). Dailynews Online. 22.08.2025. URL: <https://www.dailynews.co.th/news/5040712/> (дата обращения: 14.10.2025).

⁵ Thailand's new rail links carry hope for expanded Chinese trade. Nikkei Asia. 23.07.2024. URL: <https://asia.nikkei.com/business/transportation/thailand-s-new-rail-links-carry-hope-for-expanded-chinese-trade> (дата обращения: 14.10.2025).

в переходе на ежедневный график. Как и любой новый логистический маршрут, проект «ASEAN Express» должен «раскататься», чтобы создать надежную альтернативу морским перевозкам.

Правда, этот маршрут имеет небольшой недостаток. Между Таиландом и Малайзией грузы перевозятся по железной дороге одной колеи — 1000 мм, что делает перемещение вагонов «бесшовным». Однако на границе Таиланд–Лаос приходится перегружать грузы на вагоны «европейской» или, скорее, «китайской» колеи — 1435 мм (в сухом порту Таналенг в г. Вьентьяне, Лаос). Однако опыт эксплуатации показал, что задержка, вызванная перегрузкой, не превышает двух часов [Diandra Paramitha, 2025]. Дальше в Китай грузы также идут «бесшовно» по дороге Лаос–Китай с колеей 1435 мм.

Помимо развития основных железных дорог с колеей 1000 мм Таиланд решил участвовать в китайской инициативе «Пояс и путь», используя свое выгодное географическое положение. По оценкам Азиатского банка развития (АБР), странам АСЕАН потребуется к 2030 г. не менее 2,8 трлн долл. инфраструктурных инвестиций (базовая оценка) для достижения целей устойчивого развития, причем государственное финансирование лишь частично может покрыть необходимые затраты. Хотя прямые иностранные инвестиции (ПИИ) вернулись к допандемическому уровню, страны АСЕАН не смогли эффективно их использовать, поскольку на субрегион приходится лишь 11% от общего мирового притока ПИИ⁶. Участие Таиланда в китайской инициативе будет выгодно для страны, а традиционно настороженное отношение к Китаю поможет избежать различных «ловушек» и впасть в зависимость от него.

На основе нереализованных планов Таиландского парламента 2010 г. по строительству высокоскоростной железнодорожной магистрали был разработан проект новой скоростной железной дороги Бангкок–Нонг-Кхай (Bangkok–Nong-Khai), связывающей через уже построенную дорогу в Лаосе железные дороги Таиланда и Китая. Началом этого инфраструктурного проекта можно считать подписание в декабре 2013 г. Меморандума о взаимопонимании по развитию железнодорожной инфраструктуры Таиланда (в соответствии со «Стратегией развития транспортной инфраструктуры Таиланда в 2015–2022 гг.»).

11 июля 2017 г. Кабинет министров Таиланда одобрил реализацию Государственной железной дорогой Таиланда (SRT) проекта «Высокоскоростная железная дорога Бангкок — Нонгкхай для обеспечения регионального сообщения (Участок 1: Бангкок — Накхонратчасима)». Проект представляет собой совместный проект Таиланда и Китая на уровне правительств. Правительство Таиланда отвечает за все инвестиции в проект, строительные работы и применение китайских строительных технологий и железнодорожных систем. Церемония запуска проекта состоялась 21 декабря 2017 г. Проект с общим бюджетом 179 412,21 млн бат на момент написания статьи (конец 2025 г.) находится в стадии строительства, а его ввод в эксплуатацию запланирован на 2027 г. Дорога рассчитана на движение пассажирских поездов с максимальной эксплуатационной скоростью 250 км/ч. Ширина колеи — 1435 мм. Поезда предполагается использовать китайской серии «Fuxing», модель CR300AF [Федулов, 2025, с. 80].

⁶ Q&A: Innovative Financing Can Help Bridge Southeast Asia's Infrastructure Financing Gap. Asian Development Bank. 02.05.2023. URL: <https://www.adb.org/news/features/qa-innovative-financing-help-bridge-southeast-asia-infrastructure-financing-gap#:~:text=ADB%20estimated%20ASEAN's%20total%20infrastructure,billion%20and%20%24210%20billion%2C%20respectively> (дата обращения: 14.10.2025).

Рис. 2. Проект ВСМ «Бангкок — Нонгкхай».

Оранжевые выноски — Участок 1, синие выноски — Участок 2

Источник: <https://www.highspeedrail-thai-china.com/wp-content/themes/highspeed-thai-china/images/project-1-en.png>

Инженерные характеристики:

- эстакадный путь: 188,68 км;
- путь на уровне земли: 54,09 км;
- туннели: 8 км (всего два туннеля: один в районе Муак Лек, а другой — у водохранилища Лам Таконг).

Проект состоит из 15 контрактов, 14 из которых относятся к общестроительным работам, а один — к железнодорожной системе управления высокоскоростными поездами, закупке и поставке подвижного состава. Общий прогресс реализации проекта на 25.09.2025 составляет 48,57%⁷.

1 этап разбит на 15 контрактов, 14 из них — строительные. 1 контракт — для всех остальных работ («Контракт 2–3: Железнодорожная система, механические и электрические системы, закупка подвижного состава и обучение персонала»). Подрядчики контракта 2–3 — «China Railway International Company Limited» и «China Railway Design Corporation» (китайские государственные предприятия).

На сентябрь 2025 г. из 14 контрактов 2 выполнены полностью, 2 не подписаны, остальные — в различной степени готовности.

Однако в контракте 3–5 (Khok Kruat–Nakhon Ratchasima) участок 7,85 км придется переводить на эстакаду из-за протеста местных жителей, что приведет к удорожанию работ на 4,7 млрд бат, а на его строительство потребуется дополнительно 28 месяцев [Supoj Wancharoen, 2024].

⁷ Project Updates. Thai–Chinese High-speed Railway (HSR) Develop Thai railways, Connect internationally. URL: <https://www.highspeedrail-thai-china.com/en/> (дата обращения: 16.10.2025).

Рис. 3. Строительство эстакадной части ВСМ 1 участка Бангкок — Накхонратчасима
Источник: <https://www.highspeedrail-thai-china.com/wp-content/uploads/2025/10/2-3-300x194.jpg>

На рисунке 3 мы видим хорошо известную технологию сборки коробчатых пролетных строений из готовых элементов с последующем натяжением внутриканальной арматуры. Эта технология не новая, но требует высокого уровня технических процессов и подготовки специалистов. Почти 189 км на эстакадах свидетельствуют о достаточно высоком уровне строительной индустрии Таиланда в области транспортных сооружений.

Продолжение проекта высокоскоростной железной дороги — «Высокоскоростная железная дорога, этап 2: участок Накхонратчасима — Нонгкхай» спроектирована и должна быть построена (как и участок 1) в соответствии со стандартами высокоскоростной железнодорожной системы Китайской Народной Республики, как было решено на 23-м заседании Совместного комитета по тайско-китайскому железнодорожному сотрудничеству, состоявшемся 7–9 февраля 2018 г. В начале 2025 г. правительство одобрило строительство 2-го этапа, и ожидается, что этот этап будет построен к 2030 г. Вторая фаза ВСМ будет длиной 357 километров и будет стоить около 341,35 млрд бат (10,1 млрд долларов США). Также второй этап включает создание грузового транзитного центра в провинции Нонгкхай, граничащей с Лаосом, и обеспечение комплексного логистического обслуживания для трансграничных железнодорожных грузовых перевозок.

В настоящее время Таиланд находится в процессе восстановления и развития своей железнодорожной сети. Причем совершенствование инфраструктуры происходит по двум направлениям: восстановление и развитие традиционной железнодорожной сети с колеей 1000 мм и принципиально новое — строительство ВСМ (высокоскоростной магистрали).

Логика экономического развития как страны, так и всего региона АСЕАН «реанимировала» проекты развития железных дорог Таиланда как для грузовых, так и для пассажирских перевозок. Страна должна использовать железные дороги не только как транзитный маршрут между Китаем и странами АСЕАН, но и как способ повышения транспортной доступности соседних стран.

Проекты железных дорог, связывающих Таиланд с соседними странами, разрабатываемые еще в середине XIX в., в настоящее время получают (правда, в рамках китайской инициативы «Пояс и путь») новое воплощение. Таиланд медленно, но последовательно восстанавливает свою железнодорожную сеть, стремясь соответствовать современным требованиям к пассажирским и грузовым перевозкам.

Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что развитие железных дорог в Таиланде будет продолжаться в двух направлениях: восстановление и развитие традиционных для страны дорог с колесей 1000 мм и дальнейшее развитие ВСМ. Однако наличие двух развитых железнодорожных систем разной колеи в среднесрочной перспективе может создать проблемы при построении транспортных коридоров в странах АСЕАН.

Литература / References

Федулов И. В. Железнодорожные проекты Китая в странах Юго-Восточной Азии. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2025. № 1(66). С. 71–86 [Fedulov I. V. China's Railway Projects in Southeast Asian Countries. *Southeast Asia: Current Development Issues*. 2025. No. 1 (66). P. 71–86 (in Russian)]. EDN: CMTWPY

Annual Report 2023. State Railway of Thailand.

Diandra Paramitha. ASEAN Express: The Cargo Train That Makes Shipping to China Days Faster. *Seasia.co: Good News From Southeast Asia*. 17.09.2025. URL: <https://seasia.co/2025/09/17/asean-express-the-cargo-train-that-makes-shipping-to-china-days-faster> (дата обращения: 14.10.2025).

Janssen Peter. Thailand's expanding state 'threatens future growth'. *Nikkei Asia*. 23.01.2017. URL: <https://asia.nikkei.com/economy/thailand-s-expanding-state-threatens-future-growth> (дата обращения: 14.10.2025).

Paik C., Vechbanyongratana J. Reform, Rails, and Rice: Political Railroads and Local Development in Thailand. *The Journal of Economic History*. 2024. Vol. 84. No. 3. P. 807–837. doi:10.1017/S0022050724000238

Statistical Yearbook Thailand, Number 33. 1981–1984. National Statistical Office, 1984. 590 p. URL: <https://www.nso.go.th/public/e-book/Statistical-Yearbook/SYB-2524-2527/files/assets/basic-html/index.html#1>

Statistical Yearbook Thailand, Number 38. 1991. National Statistical Office, 1991(2534). 429 p. URL: <https://www.nso.go.th/public/e-book/Statistical-Yearbook/SYB-2534/files/assets/basic-html/index.html>.

Statistical Yearbook Thailand 2024. Bangkok: National Statistical Office, 2024. 589 p.

Supoj Wancharoen. Sino-Thai rail link set for 2-year, B4bn delay. *Bangkok Post*. 27.02.2024. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2748876/sino-thai-rail-link-set-for-2-year-b4bn-delay> (дата обращения: 16.10.2025).

Transport Infrastructure Annual Report (2021). 44 p.

Transport Infrastructure Annual Report, 2566 (2023). 144 p.

Электронные ресурсы / Electronic resources

B300bn allocated for six double-track railway projects. Bangkok Post. 14.12.2024. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2919627/b300bn-allocated-for-six-double-track-railway-projects> (дата обращения: 14.10.2025).

Project Updates. Thai–Chinese High-speed Railway (HSR) Develop Thai railways, Connect internationally. URL: <https://www.highspeedrail-thai-china.com/en/> (дата обращения: 16.10.2025).

Q&A: Innovative Financing Can Help Bridge Southeast Asia's Infrastructure Financing Gap. Asian Development Bank. 02.05.2023. URL: <https://www.adb.org/news/features/qa-innovative-financing-help-bridge-southeast-asia-infrastructure-financing-gap#:~:text=ADB%20estimated%20ASEAN's%20total%20infrastructure,billion%20and%20%24210%20billion%2C%20respectively> (дата обращения: 14.10.2025).

Thailand's new rail links carry hope for expanded Chinese trade. Nikkei Asia. 23.07.2024. URL: <https://asia.nikkei.com/business/transportation/thailand-s-new-rail-links-carry-hope-for-expanded-chinese-trade> (дата обращения: 14.10.2025).

“To be the best state rail operator in ASEAN in 2027”. State Railway Of Thailand (SRT) — Asean Railways Portal. URL: https://aseanrailways.org/?page_id=701 (дата обращения: 14.10.2025).

“สุริยะ”สั่งกรมทางหลวงอีกครั้ง! หุ้ดก่อสร้างบนถนนพระราม2 เร่งM8นครปฐม-เพชรบุรีแทนสำนักแผนงานอ่่านหกนโยบายศึกษาถ้... Dailynews Online (Сурья вновъ распорядилсѧ, чтобы Департамент автомобильных дорог приостановил строительство дороги Рамы II и вместо этого ускорил строительство трассы М8 Накхонпатхом — Пхетчабури. Управление планирования и планирования (ОРР) не должно нарушать политику исследования). Dailynews Online. 22.08.2025. URL: <https://www.dailynews.co.th/news/5040712/> (дата обращения: 14.10.2025).

БАНКОВСКИЙ СЕКТОР СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА И ЕГО СВЯЗЬ С ЭКСПОРТОМ УГЛЕВОДОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КАТАРА)

© 2025

А. Ю. Журавлёв¹

Статья рассматривает банковский сектор Катара в исторической ретроспективе с привлечением протяженных рядов данных (по некоторым показателям — с 1965 года), почерпнутых в катарских источниках, которые впервые вводятся в научный оборот. В частности, изучается динамическая связь между параметрами деятельности банков, в первую очередь величиной активов, с одной стороны, и общеэкономическими параметрами, прежде всего экспортом углеводородного сырья, с другой. Выделены три периода, между которыми наблюдаются различия в свойствах такой связи. Показано, что в случае Катара зависимость банковских активов от нефтегазовых поступлений начиная с 2005 года падает. Обосновывается предположение, что на протяжении последних 20 лет расширение банковской деятельности в стране стимулируется спросом, предъявляемым сектором услуг.

Ключевые слова: Катар, банки, активы, экспорт углеводородов, валовой внутренний продукт, сектор услуг

Для цитирования: Журавлёв А. Ю. Банковский сектор стран Персидского залива и его связь с экспортом углеводородов (на примере Катара). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 160–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-160-183

BANKING SECTOR OF THE PERSIAN GULF COUNTRIES AND ITS CONNECTION WITH THE EXPORT OF HYDROCARBONS (THE CASE OF QATAR)

Andrei Yu. Juravliov

This paper considers the banking sector of Qatar as an example of banking activity in the economies of the Arabian Gulf nations. To this end, for the first time in an academic research, long-term retrospective data sets (some commencing in 1965) derived from Qatari sources are used. We investigate a dynamic relationship between banks' performance, the size of their assets, in the first place, and general economy indicators, most notably amount of the hydrocarbon exports. We have identified three periods where the afore-mentioned relationship behaves differently. The paper demonstrates that dependence of the banking assets expansion on the oil and gas revenues decreases since 2005. It is argued that in the course of the recent two decades growth of banking in Qatar has been due to the stimuli created by the demand generated in the services sector of the national economy.

¹ Журавлёв Андрей Юрьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва; a.zhuravlev@ivran.ru

Andrei Yu. Juravliov, PhD (Economics), senior research fellow, Centre of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; a.zhuravlev@ivran.ru
ORCID: 0000-0003-1674-4306.

Keywords: Qatar, banks, assets, hydrocarbon exports, gross domestic product, services sector

For citation: Juravliov A. Yu. Banking Sector of the Persian Gulf Countries and Its Connection with the Export of Hydrocarbons (the Case of Qatar). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 4. P. 160–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-160-183

Государство Катар в сравнении со своими соседями, вместе с которыми оно входит в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, — страна достаточно своеобразная. Оставляя в стороне политическую составляющую, упомянем уникальное место Катара на «газовой карте» мира, десятую позицию в глобальном подушевом рэнкинге по размеру ВВП в текущих ценах и пятую — в текущих ценах по паритету покупательной способности², восьмую — по национальному доходу³, то есть существенно впереди других членов объединения. При этом, хотя темпы номинального прироста ВВП в 2024 году составили скромные 0,9%, страна бывала и рекордсменом: в 2008 году данный показатель был зафиксирован на уровне 61,7%⁴.

Так или иначе, количество научных публикаций о катарской экономике в англоязычной выдаче Google значительно. Банковская проблематика также получает свою долю академического внимания, хотя масштаб скромнее.

В то же время в русскоязычном сегменте Катар как объект научного исследования практически не представлен. Настоящая статья призвана хотя бы отчасти заполнить существующую лакуну. Автор, кроме того, рассчитывает, что она станет первым шагом к комплексному исследованию банковского сектора стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Работа организована следующим образом.

Раздел 1 содержит обзор литературы о банковском секторе Катара. В разделе 2 приведен краткий очерк истории и современного состояния банковского сектора страны. Раздел 3 описывает источники данных. Раздел 4 посвящен анализу данных и выводам.

Раздел 1. Обзор литературы

Здесь мы остановимся на некоторых исследованиях, темы которых в той или иной степени перекликаются с темой нашей статьи, оставляя, таким образом, в стороне работы о цифровых технологиях на катарском финансовом рынке, об устойчивом развитии и энергетическом переходе в банковском контексте и так далее.

По-видимому, одна из самых последних работ — небольшой доклад Oxford Business Group (март 2025 года) «Присущие Катару сильные фундаментальные факторы и регулирование придают импульс росту банковского сектора»⁵. Это не столько исследование, сколько весьма полезная подборка сведений о текущем состоянии рассматриваемой отрасли, представленном в данных. Мы будем обращаться к нему ниже в настоящей статье.

Еще одна совсем свежая публикация — «Сравнение показателей работы исламских и традиционных банков Катара в условиях крупных шоков» Т. Перана и Х. Сдири [Péran, Sdiri, 2024].

² International Monetary Fund. Datamapper. March 2025. https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO_WORLD/COG/CMR/SAU/EGY (дата обращения: 10.09.2025).

³ <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Расчеты автора по данным годовых отчетов Центрального банка Катара. <https://www.qcb.gov.qa/EN/Pages/Publication.aspx?IndexSelect=1> и Quarterly Statistical Bulletin-June 2025; <https://www.qcb.gov.qa/EN/Pages/Publication.aspx?IndexSelect=1> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Oxford Business Group. Qatar's strong fundamentals and regulations drive banking sector growth. March 2025. <https://oxfordbusinessgroup.com/reports/qatar/2025-report/banking/strong-foundations-steady-fundamentals-and-a-supportive-regulatory-system-support-the-widening-and-deepening-of-the-sector-overview/> (дата обращения: 09.09.2025).

Компаративистика такого рода в целом довольно популярна. В работе анализируется и сопоставляется эффективность исламских банков и обычных (традиционных) банков страны с учетом влияния главных потрясений последних лет: глобального финансового кризиса, пандемии COVID-19, военного конфликта в Европе; они дополнены региональным шоком, важным особенно для Катара, — его экономической (и не только) блокадой, осуществлявшейся с 2017 по 2021 год рядом арабских стран, прежде всего соседних.

На основе квартальных данных за 2008–2022 годы четырех традиционных и трех исламских банков страны проведено их динамическое сравнение по рентабельности, приросту активов, платежеспособности, риску ликвидности, инвестиционным предпочтениям и операционной эффективности. Используя *t*-критерий Стьюдента, авторы показывают, что в условиях упомянутых шоков эффективность исламских банков Катара была немного выше, чем у традиционных, что, как предполагается, улучшает прогностический потенциал регулятора и иных заинтересованных лиц.

Глава из книги «Исламские финансовые институты от раннего Нового времени до XX века. Сравнительный анализ истории и развития денежных вакфов» под названием «От периферии до глобального игрока: историческая эволюция банковского сектора Катара» подготовлена А. аль-Мугли и другими [Abumughli et al, 2024]. Ценность материалу придают комментируемые выдержки из интервью, проведенных соавторами с пятью высокопоставленными деятелями отрасли, опыт которых измеряется десятилетиями, вплоть до 70 лет. Хотя, как представляется, итоговый текст не вполне соответствует названию, которое заставляет ожидать структурированного анализа основных особенностей соответствующего процесса, собранные в нем «дней минувших анекдоты» от первого лица, бесспорно, могут заинтересовать экономического историка.

Статья В. аль-Хузейма «Степень финансового развития и экономический рост в Катаре: анализ коинтеграции и причинно-следственных связей» [Alkhuzaim, 2014], оперируя инструментарием математической статистики, рассматривает каузальную связь двух указанных феноменов в период с 1990 по 2012 год. Финансовое развитие измеряется отношением к ВВП широкой денежной массы (M_2), банковского кредита частному сектору, объема банковского кредитования резидентов. Экономический рост измеряется темпами прироста реального ВВП.

На основании своих расчетов автор приходит к выводу о наличии положительной долгосрочной равновесной связи между всеми показателями финансового развития, с одной стороны, и темпами прироста реального ВВП, с другой. При этом причинно-следственная связь между отношением широкой денежной массы к ВВП и темпами прироста реального ВВП имеет двунаправленный и долгосрочный характер. В свою очередь кредитование резидентов влияет на увеличение ВВП (обратного влияния не выявлено), а кредитование частного сектора на экономический рост не влияет. Кроме того, в краткосрочной перспективе наблюдается только влияние на темпы прироста реального ВВП со стороны внутреннего банковского кредита. В двух других случаях причинно-следственной связи выявлено не было.

Таким образом, предложено статистическое подтверждение в целом очевидных взаимосвязей экономических явлений: без адекватной монетизации производительная деятельность невозможна, а больше произведенного и реализованного продукта, естественно, ведет к увеличению количества денег в экономике; кредитование резидентов способствует росту производства, то есть увеличению соответствующего компонента ВВП (естественно, и росту спроса, который частично будет стимулировать ВВП); это должно быть кредитование именно резидентов, а не частного сектора вообще, поскольку кредит нерезидентам имеет слабое позитивное влияние на национальную экономику.

Работа «Эффективность банковской системы Катар: эмпирическое исследование» А. Абдельвахаба и Р. Харона [Abdul-Wahab, Haron, 2017] имеет целью определить степень эффективности банковского сектора Катара на данных об оперирующих в стране 15 банках за период с 2007 по 2011 год. Конкретно речь идет о расчете технической эффективности (отношение объема выпуска к затратам ресурсов, или, согласно Т. Купмансу [Koormans, 1951], производство технически эффективно, если больший объем выпуска при заданном количестве ресурсов невозможен; для банков ресурсами являются труд, физический и финансовый капитал [De Bandt, Davis, 2000]) и ее компонентов, а именно чистой технической эффективности (отражает эффективность, с которой происходит управление ресурсами [Zimy et al, 2016]) и эффективности масштаба (определяет, функционирует ли производственная единица с максимально эффективным объемом выпуска и других параметров [Ibid]) и выявлении источников производственной эффективности банков.

Авторы приходят к выводу, что в целом катарские банки работают ниже оптимального уровня эффективности. При этом чистая техническая неэффективность преобладала над неэффективностью масштаба в банковском секторе Катара. В свою очередь традиционные банки являются наиболее эффективными с точки зрения технической и чистой технической эффективности, а исламские банки наиболее эффективны с точки зрения эффективности масштаба. Кроме того, по сравнению с исламскими банками традиционные и иностранные банки зафиксировали снижение средней технической эффективности во время глобального финансового кризиса 2008–2009 годов. Исследование также показало, что все катарские банки на рассматриваемом временном интервале столкнулись со снижением производительности — главным образом из-за снижения уровня технологических инноваций.

Исследование С. аль-Мухаррами «Анализ конкурентоспособности в банковской сфере Катара» [Al-Muharrami, 2009] оценивает монопольную власть в катарском банковском секторе этой страны в период с 1993 по 2002 год. Выборка из 60 наблюдений анализируется с применением популярных показателей концентрации — коэффициента концентрации и индекса Херфиндаля-Хиршмана. Выявлено, что оба они характеризуют рынок банковских услуг как высоконцентрированный (при этом сама структура рынка, как продемонстрировано в исследовании, соответствовала случаю монополистической конкуренции). Данный вывод полностью согласуется с тем фактом, что на Qatar National Bank (QNB) за рассматриваемый период в среднем приходилось 57% активов, что видно из цифр, приводимых самим автором.

Рекомендация Центральному банку Катара «проявлять крайнюю осторожность при разрешении слияний между банками», однако, представляется несколько абстрактной. У лидера рынка потребности в слиянии нет, а объединение любых других местных игроков не могло бы принципиально изменить ситуацию.

Э. эль-Самадиси и другие в статье «Центральный банк Катара до и после кризиса» [Elsamadisy et al, 2014] (подразумевается кризис 2008–2009 годов) рассматривают различные источники межбанковской ликвидности в Катаре и различные последствия структурного профицита первичной ликвидности для денежного рынка в частности и экономики в целом. При этом анализируется денежно-кредитная политика (ДКП) Центрального банка Катара (ЦБК) в до- и послекризисный периоды. Авторы приходят к выводу, что в условиях крайне высокого профицита ликвидности в банковской системе, главным образом в результате резкого увеличения чистого притока капитала, регулятором был допущен ряд ошибок, которые привели к сбою в работе процентного канала трансмиссионного механизма ДКП. Отмечено, в частности, что, в отличие от некоторых центральных банков стран ССАГПЗ⁶, ЦБК не обладал всем набором стандартных инструментов, которые обычно

⁶ Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

используются для изъятия ликвидности с межбанковского рынка. Это повлекло его неспособность контролировать межбанковскую процентную ставку, что обернулось ускорением инфляции. Авторы констатируют резкое изменение основ денежно-кредитной политики после кризиса, а именно появление новых инструментов и значительное улучшение координации с Министерством экономики и финансов (ответственным за бюджетные расходы). Следствием стали восстановление процентного канала, стабилизация межбанковской процентной ставки на уровне, близком к учетной ставке центрального банка, и резкое замедление инфляции.

Проблема зависимости экономического роста от экспорта природных ресурсов изучается М. А. Осинцевой [Osintseva, 2022] в контексте довольно многочисленных прежних исследований на данную тему. Автор приходит к выводу, что экономический рост стран-экспортеров нефти во многом зависит от роста цен на нефть и изменения темпов добычи. При этом степень зависимости и направление воздействия связаны с масштабом: для более крупных по размеру ВВП и объемам добычи стран изменение последнего из-за рыночной конъюнктуры имеет более сильный позитивный эффект на рост.

В российской профильной литературе Катар обсуждается довольно нечасто, тем более в контексте банковской проблематики. Упоминания заслуживают монография В. А. Исаева и А. О. Филоника «Катар: три столпа роста (социально-экономический очерк)» [Исаев, Филоник, 2014], статьи Л. Н. Руденко [Руденко, 2020] и Э. А. Маркеловой [Маркелова, 2022], а в связи с анализом финансового сектора — Э. Касаева [Касаев, 2012], в которой приводятся базовые сведения о предмете по состоянию на конец нулевых годов.

Раздел 2. Краткий очерк банковского сектора Катара

Нефть в Катаре была обнаружена в 1939 году, а ее коммерческая добыча и экспорт начались в 1949 году. Простейшие неформализованные финансовые услуги, которые удовлетворяли несложные и некрупные потребности предпринимательского сообщества, становились неадекватными нарождавшейся новой экономике. Положение британского протектората (с 1916 года) естественным образом вылилось в то, что начало банковской деятельности в стране было связано с английскими финансовыми институтами, первым из которых уже в 1950 году был Eastern Bank, в дальнейшем ставший частью организации, сегодня известной как Standard Chartered Bank. За ним последовали British Bank for the Middle East (в 1954 году; с 1959 года — часть банка HSBC) и Ottoman Bank (1956 год; подконтролен французскому Paribas с 1925 до 1975 года). К моменту получения Катаром независимости в 1971 году там функционировали 9 кредитных организаций, из которых 8 принадлежали иностранным акционерам. Местный капитал представлял Qatar National Bank (QNB), учрежденный на паритетных началах в 1964 году правительством и катарскими инвесторами.

QNB практически сразу занял доминирующее положение на рынке с долей около одной трети, к 1970-м годам доведя ее до половины. Появление других национальных банков — Commercial Bank of Qatar (1975; CB), Doha Bank (1979), Qatar Islamic Bank (1982; QIB), Ahli Bank (1983), Qatar International Islamic Bank (1991; QIIB), AlRayan Bank (2006), Barwa Bank (2008, в 2020 прошел ребрендинг как Dukhan Bank) — мало повлияли на рыночную долю (в 2024 году — порядка 60%⁷) и статус QNB, в то время как бизнес отделений иностранных кредитных организаций достаточно быстро сжался до лишь нескольких процентных пунктов в совокупности.

Среди перечисленных выше банков четыре — исламские. На этот сегмент приходится порядка 25% активов. QIB на сегодняшний день является крупнейшим после QNB игроком, при этом он генерирует 37% исламского банковского бизнеса, а их доля вместе с AlRayanBank составляет

⁷ Расчеты автора.

68%⁸. В 2011 году Центральный банк Катара ввел запрет на совмещение исламского и традиционного банкинга, ввиду чего так называемых исламских окон в стране нет.

Ряд банков, например QNB и AlRayan, имеют сравнительно широкую международную сеть, включая страны Европы.

Таблица 1. Активы ряда банков Катара (млн кат. р.) и доля лидера рынка (%), 1993–2002/2020–2024 гг.

	QNB	CB	Doha	Ahli	QIB	QIBB	Весь сектор	Доля QNB
1993	15449	1920	2849	1245	3045	761	25411	60,8
1994	15824	2283	2980	1313	3190	841	26295	60,2
1995	17225	2657	3390	1494	лр2831	865	27813	61,9
1996	16284	3222	3771	1805	3035	1096	30149	54,0
1997	18298	3563	4122	2022	3361	1312	33821	54,1
1998	19487	4388	4545	2373	3823	1625	37046	52,6
1999	22356	4641	5064	2667	3983	1840	47404	47,2
2000	24621	5066	5512	2623	4059	2098	49964	49,3
2001	28391	5209	6505	2115	4415	2700	57092	49,7
2002	31056	6141	7414	2156	5127	3243	62356	49,8
2020	1026480	153606	103540	47555	174356	61314	1682173	61,0
2021	1092000	165464	101103	48093	193916	61792	1827421	59,8
2022	1190280	169136	97645	48575	184001	56393	1904968	62,5
2023	1230320	164376	101198	60464	189157	61626	1969348	62,5
2024	1299480	165813	110247	59591	200780	59979	2046724	63,5

* примечание: катарские риалы.

Источник: [Al-Mubarrati, 2009]; годовые отчеты ЦБК и упомянутых банков; расчеты автора

Кроме того, в особой экономической зоне Qatar Financial Centre (учреждена в 2005 году) зарегистрированы 11 банков с общими активами около 71 млрд кат. р.⁹ Они в статье не рассматриваются.

Раздел 3. Описание источников данных

Настоящая работа вводит в научный оборот национальные сведения о банковском секторе и определенных характеристиках экономики в целом. Главным источником выступают годовые отчеты Центрального банка Катара (ЦБК; до 1993 года — Катарское агентство денежного регулирования (Муассаса ан-накд аль-катарий/Qatar Monetary Agency), в 1966–1972 годах — Катарский и дубайский валютный совет (Маджлис накд Катар уа Дубей/Qatar and Dubai Currency Board)¹⁰). Они содержат сведения об основных компонентах совокупного банковского баланса (активы, кредитный портфель, капитал и других) за 1965–2023 годы; большинстве качественных коэффициентов (достаточность капитала (CAR), рентабельность активов (ROA), рентабельность капитала

⁸ Oxford Business Group. Op. cit.

⁹ Qatar Central Bank. Financial Stability Review 2024. <https://www.qcb.gov.qa/PublicationFilesReportsAndStatementsGovernance/QCB%20-%20Financial%20Stability%20Report-2024-E%20-V17.pdf> (дата обращения: 27.10.2025).

¹⁰ Перевод упомянутых в скобках арабских наименований не вполне точен, однако английские названия являются официально зафиксированными, и мы следуем им на русском языке.

(ROE), просроченные кредиты (NPL) и так далее) начиная с конца 1990-х годов; размере ВВП (с 1979 года) и базовых параметрах государственного бюджета (с 1974 года). Дополнительная информация почерпнута с сайта Национального совета по планированию (НСП) в сети Интернет.

При этом можно видеть, что — намеренно или нет — из отчетов ЦБК исключалась информация о стоимостном объеме углеводородов экспорта (она исчезает первой в 1986 году) или некоторых банковских коэффициентах (ближе к 2020-м годам). Внешнеторговая статистика, публикуемая НСП¹¹, хотя и охватывает период с 1980 года, интересующие нас сведения более-менее систематически раскрывает только с 2012 года, что является лишь малой частью принятого нами к рассмотрению временного диапазона.

Описанная ситуация создала существенную проблему, так как для нашего анализа сведения о торговле Катаром своими нефтью и газом являются совершенно необходимыми. В результате потребовалось обратиться к базам данных международных и иностранных организаций — Арабского валютного фонда (АВФ), Всемирной торговой организации, Всемирного банка (World Integrated Trade Solution (WITS)), Организации Объединенных Наций (UN Comtrade), Международного энергетического агентства (The International Energy Agency (IEA)), Управления энергетической информации (U. S. Energy Information Administration), компании Datawheel (Observatory of Economic Complexity (OEC)) и Энергетического института (Energy Institute; ассоциирован с компанией BP plc, ранее — British Petroleum). Полученные цифры преимущественно оказались не сопоставимыми ни между собой, ни, что более существенно, с данными из национальных источников, которые мы принимаем за «эталонные». Максимальную точность в данном случае мы обнаруживаем в статистике от АВФ¹², которую и используем ниже, начиная с 1980 года.

Наибольшую трудность представил сбор данных за 1965–1975 годы. В статистическом ежегоднике за 1981 год¹³ удалось обнаружить сведения о физическом объеме экспорта нефти за 1970–1975 годы. На отрезке 1965–1969 годов использованы данные Энергетического института о добыче и локальном потреблении нефти в стране¹⁴. Исходим из обоснованного предположения, что в последнем случае разница между этими величинами, принимая во внимание конкретные историко-экономические обстоятельства, равна величине экспорта.

Приведение полученных таким образом величин к стоимостным значениям дает результат, не вызывающий противоречий между данными смежных подпериодов. При этом мы опираемся на ценовую статистику по сырью, предоставляемую Всемирным банком (среднее арифметическое годовых цен эталонных сортов Brent и Dubai, к которому с 1982 года добавлена цена сорта WTI)¹⁵. Не указанные у Всемирного банка цены западно-техасского сорта до 1982 года восполнены на основании сведений из другого источника¹⁶, и средняя цена сообразно пересчитана. Наконец, суммы в долларах переведены в риалы по среднегодовому курсу на 1 января года, следующего за отчетным.

Во избежание повторяющихся ссылок на вышеназванные материалы ниже будем указывать только дополнительные источники.

¹¹ <https://www.npc.qa/en/statistics/pages/subjectdetails.aspx> (дата обращения: 02.10.2025).

¹² https://www.amf.org.ae/en/arabic_economic_database (дата обращения: 02.10.2025).

¹³ Аль-маджмуа аль-ихсайя ас-санавийа 1981. Дауля Катар. Риаса маджлис аль-вузара. Аль-джихаз аль-марказий лиль-ихса. Июль 1982 г. <https://www.npc.qa/en/statistics/Statistical%20Releases/General/Annual%20Statistical%20Abstract/1982.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁴ <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (дата обращения: 28.09.2025).

¹⁵ <https://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁶ <https://www.macrotrends.net/1369/crude-oil-price-history-chart> (дата обращения: 28.07.2025).

Ввиду большого объема (в ряде случаев — за 60 лет) цифры как таковые вынесены в приложение в виде таблицы. В основном тексте мы оперируем преимущественно кривыми и диаграммами, что обеспечивает большую наглядность.

Отметим, что мы принимаем за факт [Osintseva, 2022] связь между притоком в ресурсную экономику средств от продажи соответствующего продукта (в случае Катар — различных видов углеводородов) на внешнем рынке и уровнем развития этой экономики, выраженным в ВВП (при общепризнанных ограничениях этого показателя)¹⁷.

Сказанное позволяет сделать одно допущение.

Согласно общему правилу [Елисеева, Юзбашев, 2004, с. 387–388, 516], корреляция не свидетельствует о наличии каузальности, однако является важным индикатором вероятности каузальности. С учетом сказанного выше о роли ресурсного экспорта для экономики Катар мы полагаем допустимым принять корреляционную связь между анализируемыми нами данными за аналог связи причинно-следственной. Говоря о конкретных цифрах, корреляцию $\geq 0,60$ рассматриваем как доказательство наличия каузальности. Мы будем пользоваться корреляцией Спирмена, поскольку изучаемые переменные изменяются нелинейно.

Наконец, отметим, что размер ВВП представлен в текущих ценах для сопоставимости, так как балансовые данные банковского сектора публикуются без поправки на инфляцию.

Раздел 4. Анализ и выводы

Построим диаграмму размера совокупных активов катарских банков за 1965–2024 годы.

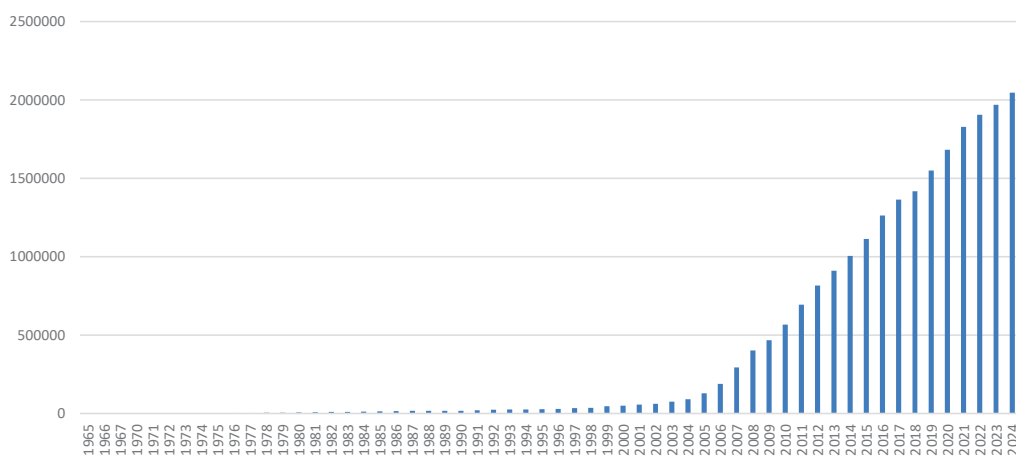

График 1. Активы банков Катар, 1965–2024 гг., млн кат. р.
Источник: Qatar Central Bank Annual Report за соответствующие годы

Можно видеть, что изменения данного показателя происходили по довольно своеобразной траектории. Она начинается с крайне небольшой величины в 357,4 млн риалов¹⁸, которую

¹⁷ В литературе показано, что в зависимости от конкретных обстоятельств ресурсное богатство может в том числе ограничивать рост (ресурсное проклятие, голландская болезнь). Для Катар как так называемой нарождающейся экономики (emerging economy; включен в MSCI Emerging Markets Index) такой риск может потенциально существовать, но не реализован.

¹⁸ До 1966 года в качестве местной денежной единицы в Катар (как и в некоторых других странах) использовалась так называемая рупия Залива (Gulf rupee), эквивалентная индийской рупии. Из-за ее девальвации Катар (после краткого

невозможно показать явно ввиду масштаба диаграммы, и превышает 2 трлн риалов по предварительным данным за 2024 год.

При этом можно выделить несколько точек перелома, разграничивающих периоды с разными «шаблонами поведения» рассматриваемого параметра. Первый, на наш взгляд, — промежуток между 1965 и 1984 годами. Примечателен он тем, что каждый третий год, начиная с 1971-го, размер активов примерно утраивался (последний случай — до 4259 млн риалов в 1977 г. с 1390 млн риалов в 1974 г.), удваивался за 1975–1978 гг., а после этого — также удваивался, но на каждый четвертый год вплоть до 1980–1984 гг., как видно на графике 2. При этом средний кумулятивный (среднегодовой) темп прироста составил 20,6%.

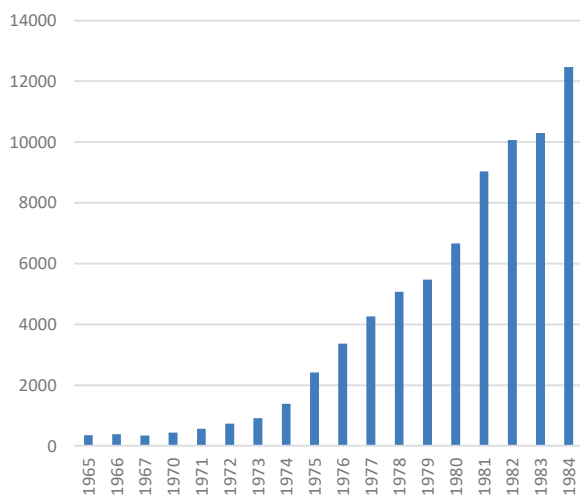

График 2. Активы банков Катара, 1965–1984 гг., млн кат. р.

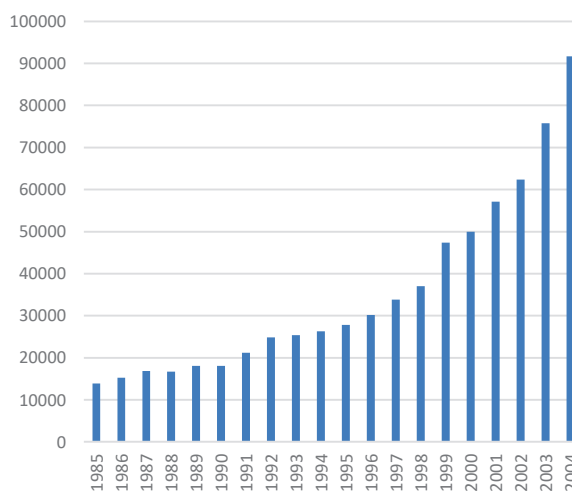

График 3. Активы банков Катара, 1985–2004 гг., млн кат. р.

Средний прирост в следующем периоде, который мы выделяем, а именно в 1985–2004 гг., оставался высоким — 10,4% в год, что, однако, было вдвое ниже, чем в предшествовавшие два десятилетия. Хотя на общей диаграмме его отображение представлено как более заметное, из графиков 2 и 3 явствует то же, что и из данных о темпе прироста: фактически размер активов банков Катара, разумеется, не выходил на плато, но заметно утратил динамику.

Однако с 2005 года тенденция снова поменялась (график 4), и прирост ускорился в полтора раза — до 14,8% в год в среднем. Следует учитывать, что это не был старт с низкой базы: активы 2005 года уже равнялись 130 млрд риалов. Обменный курс к доллару с 1965 по 1981 год изменился примерно на одну треть (4,76 против 3,64)¹⁹, однако с тех пор зафиксирован на указанном уровне. Мы используем данные о размере экспорта, пересчитанные из долларов в риалы по курсу соответствующего года, что обеспечивает сопоставимость в номинальном выражении на протяжении всего временного ряда «1965–2024».

использования саудовского риала) ввел в обращение совместную с эмиратом Дубай собственную валюту — риал Катара и Дубая (Qatar and Dubai riyal), сохранив ее «рупийный» курс к фунту стерлингов. В 1971 году, после вступления Дубая в ОАЭ, началась эмиссия катарского риала, имевшего все экономические свойства своего предшественника.

¹⁹ Federal Reserve Bank of St. Louis. Exchange Rate to U. S. Dollar for Qatar. <https://fred.stlouisfed.org/series/FXRATEQAA618NUPN> (дата обращения: 08.10.2025).

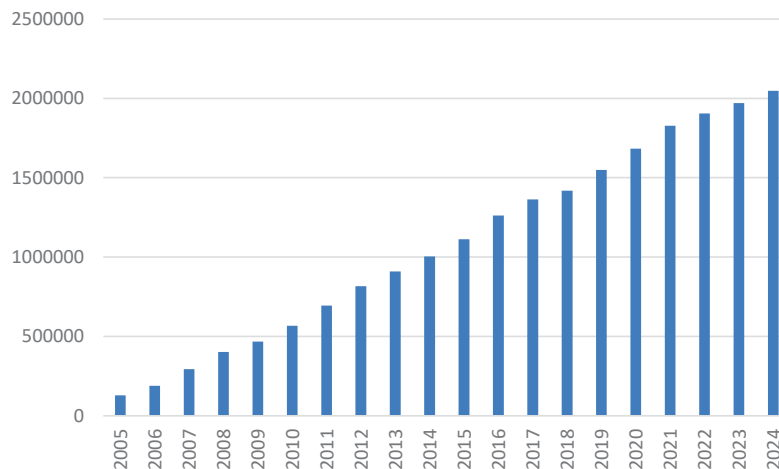

График 4. Активы банков Катара, 2005–2024 гг., млн кат. р.

Сравним формы кривых, описывающих банковские активы и стоимостной объем экспорта углеводородов на принятых нами временных отрезках.

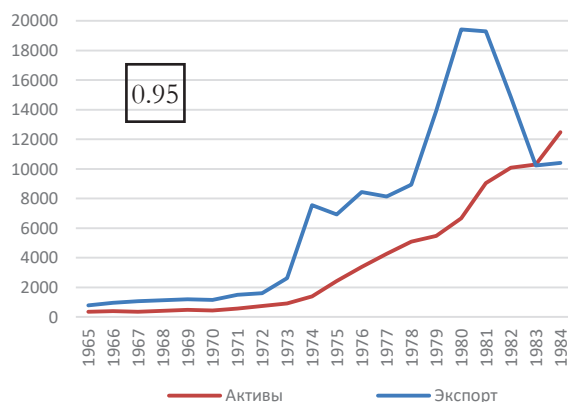

График 5. Экспорт углеводородов и активы банков, 1965–1984 гг., млн кат. р.

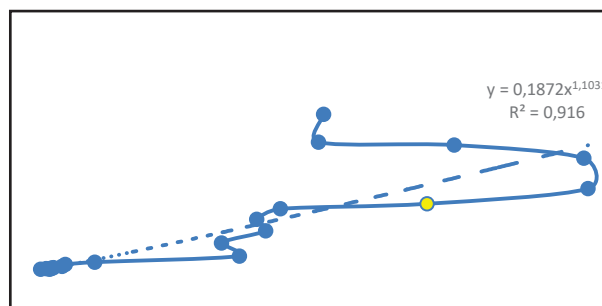

График 6. Взаимосвязь экспорта углеводородов и активов банков, 1965–1984 гг.

Можно видеть, что в 1965–1984 годах экспорт количественно доминирует, а коэффициент корреляции близок к единице, указывая на безусловное влияние нефтедолларов на способность банков генерировать новый бизнес. Однако при построении графика взаимосвязи объемов экспортированных углеводородов и размера активов банков обнаруживается, что кластеризация при расположении вдоль линии тренда (степенная функция является оптимальной с достоверностью 0,92), говорящая о «жесткой сцепке», происходит до 1973 года, когда экспорт «уходит в отрыв», хотя и сохраняя банки, так сказать, в зоне своего притяжения вплоть до 1979 года (маркер со светлой заливкой на графике 6). В оставшиеся до конца периода годы две кривые на графике 5 находятся как бы в противофазах, причем в 1984 году банковские активы переживают качественное изменение — они превосходят по размеру приток нефтедолларов и становятся на траекторию опережающего роста, с которой уже никогда не сойдут. Можно заключить, что банки превратились

в самостоятельный фактор экономической жизни как источник финансовых ресурсов для приобретающего в это время большее структурное разнообразие хозяйства.

В следующем двадцатилетии траектории активов банков и поступлений от нефтегазового²⁰ экспорта, которые, как отмечено выше, начали расходиться в 1984 году, теперь отличаются кардинально (см. график 7). Однако между рассматриваемыми параметрами сохраняется очень тесная положительная связь (коэффициент корреляции — 0,92). То же видно на графике 8, где оптимальная линия тренда отражает линейную зависимость и координатные точки расположены максимально близко к этой линии. Это представляет собой существенное отличие от 1965–1984 годов, когда линейный тренд строился с коэффициентом достоверности 0,65 против 0,92 у использованной нами степенной функции.

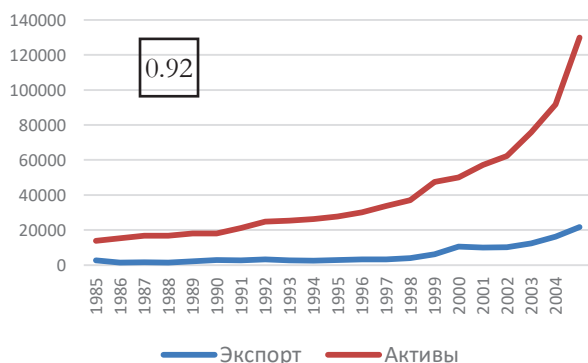

График 7. Экспорт углеводородов и активы банков, 1985–2004 гг., млн кат. р.

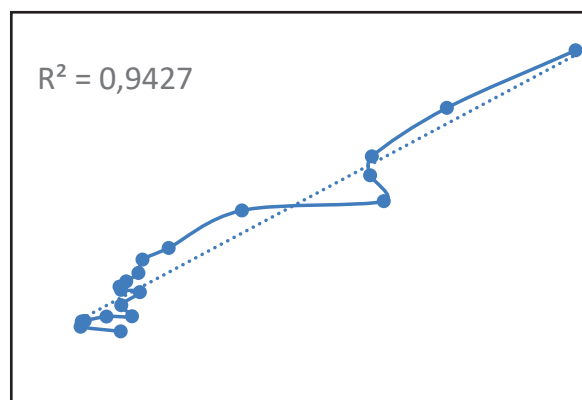

График 8. Зависимость активов от экспорта, 1985–2004 гг.

Таким образом, у нас есть основания заключить, что в 1985–2004 годах рост банков в Катаре был с большой вероятностью целиком и полностью стимулирован углеводородным экспортом. Быстрое наращивание после 1997 года зарубежных продаж сжиженного природного газа (СПГ) придало этому процессу дополнительный импульс. Более того, можно говорить о наличии некоего «мультипликатора», по крайней мере как словесной конструкции, описывающей схожие очертания двух кривых на фоне разной динамики самих образующих кривые переменных.

Особый интерес, однако, представляет третий период, с 2005 по 2023 год (полноценного набора данных за 2024 год на момент подачи настоящей статьи нет). На графике 9 заметно, что «волнистость» кривой активов хронологически совпадает с колебаниями — впрочем, намного более сильными — кривой экспорта. Однако это единственное, что как-то связывает данные показатели, что подтверждается коэффициентом корреляции, который равен всего 0,44. График 10 также указывает на это — и формой, и тем, что оптимальная функция тренда имеет достоверность аппроксимации менее 0,38.

²⁰ В декабре 1996 года в Японию отгружена первая партия сжиженного природного газа (СПГ). Qatargas Exporting LNG From Qatar's New Ras Laffan Port. Oil & Gas Journal. Feb. 24, 1997. URL: <https://www.ogj.com/home/article/17242654/natural-gas-in-the-middle-east-qatargas-exporting-lng-from-qatar39s-new-ras-laffan-port> (дата обращения: 01.10.2025).

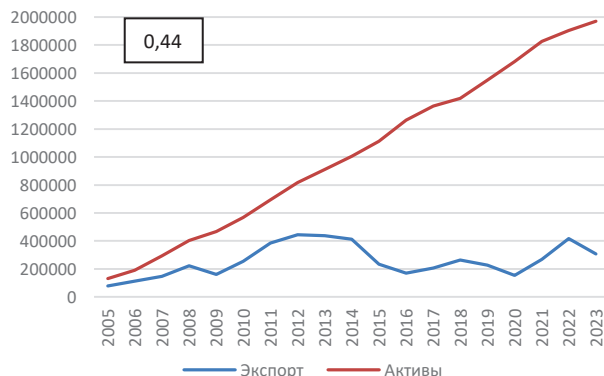

График 9. Экспорт углеводородов и активы банков, 2005–2023 гг., млн кат. р.

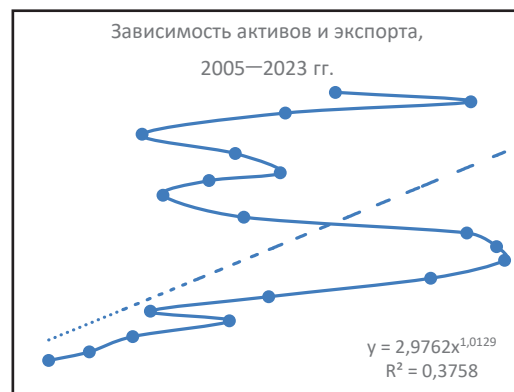

График 10. Зависимость активов и экспорта, 2005–2023 гг.

Объединим три периода.

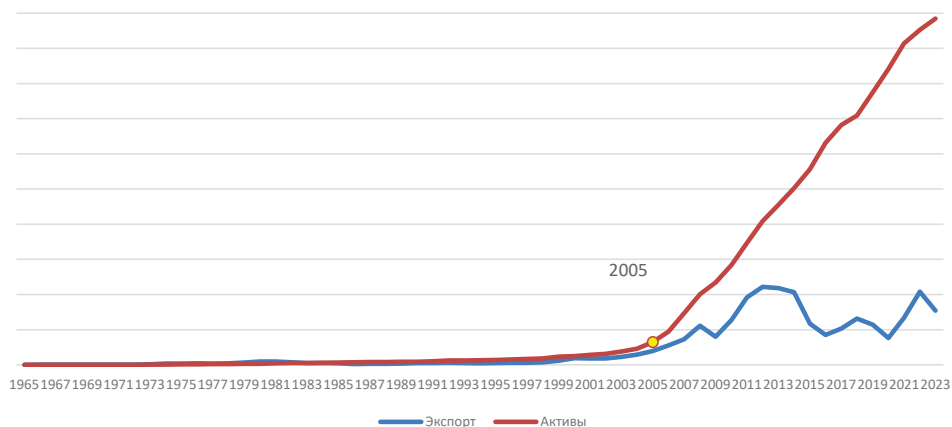

График 11. Экспорт углеводородов и активы банков, 1985–2004 гг., млн кат. р.

Возникает вопрос, чем вызвано столь радикальное изменение парадигмы с 2005 года, а именно «отстройка» состояния дел в банковском секторе от сектора нефтегазового. Можно предположить влияние следующих факторов: регулирование, государственные расходы, спрос на кредит, отраслевая диверсификация экономики, экономический рост в целом, случайные (несистемные) факторы.

Мы склонны исключить влияние актов центрального банка. В конечном счете они направлены на заблаговременное купирование рисков банковской деятельности и при прочих равных условиях скорее могут сдерживать наращивание активов, нежели наоборот. Кроме того, наиболее важные регуляторные изменения в Катаре, как и в мире в целом, следуют за изменением глобальных правил, в первую очередь формулируемых Базельским комитетом по банковскому надзору. Между тем, хотя «Базель-2» в окончательном виде был опубликован в 2006 году²¹, ЦБК предпринял

²¹ Basel Committee on Banking Supervision. Basel II: International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: A Revised Framework — Comprehensive Version. Bank for International Settlements. Basel, 2006.

первый подход к применению документа в 2004 году, когда тот еще находился в статусе проекта. В начале марта 2005 года центральный банк выпустил указание о применении стандартного критерия расчета коэффициента достаточности капитала, примененного к кредитному и рыночному рискам, а также об использовании простого критерия расчета операционного риска в соответствии с «Базелем-2» и поручил всем банкам в экспериментальном порядке рассчитывать до конца этого года коэффициент достаточности капитала в соответствии с новыми критериями и ежемесячно информировать о результатах.

В начале июня банки были проинформированы о необходимости предоставить ЦБК сведения о своей политике в области применения «Базеля-2», мерах, предпринятых для улучшения их систем, данных и ожидаемой дате завершения подготовки к его применению. В первой половине октября начато экспериментальное автоматизированное внедрение новой версии соглашения²².

Таким образом, в 2005 году не произошло каких-либо событий в области регулирования, которые облегчили бы банкам страны наращивание активов. Заметим, что достаточность капитала на протяжении всего периода находится на уровне 17% с минимальными отклонениями по годам.

К несистемным факторам, действовавшим в рассматриваемом третьем периоде, относится чемпионат мира по футболу 2022 года, точнее, череда масштабных инвестиционных проектов, осуществлявшихся в порядке подготовки к таковому. Однако об избрании эмирата местом проведения турнира было объявлено в декабре 2010 года, и очевидно, что какие-либо значимые средства не могли начать ускоренно поступать в экономику страны раньше первой половины 2011 года.

Хотя стратегию развития страны «Катарская национальная мечта — 2030» (Qatar National Vision — 2030) нельзя отнести к несистемным явлениям, было бы неверно рассматривать ее и как элемент органического развития. Иными словами, связанные с ней расходы могли бы оказать воздействие на банковский сектор. Не вызывает сомнения, что это воздействие и было оказано, однако позже, так как сама стратегия была обнародована в середине 2008 года²³.

Кредитный портфель является важнейшим компонентом активов банковского сектора Катара. Его средняя доля за 60 лет — 56%. При этом по периодам она составила 47%, 62%, 60% соответственно. Следовательно, объяснить ускоренный рост активов при снижении значимости кредита мы не можем.

Государственные расходы — что регулярно отмечал в своих отчетах центральный банк — являются для экономики источником ликвидности. Иными словами, государство в такой форме способно лишь сугубо опосредованно влиять на готовность кредитных организаций наращивать активы ввиду уверенности, что они смогут закрыть кассовый разрыв, если таковой возникнет, просто обратившись к рынку.

Что же касается соотношения нефтяного и ненефтяного сегментов ВВП, отражающего структуру экономики Катара в целом, его иллюстрирует график 13.

²² Qatar Central Bank. Twenty Ninth Annual Report. Doha. May 2007. URL: https://www.qcb.gov.qa/PublicationFilesReportsAndStatementsGovernance/2005_AnnualReport.pdf (дата обращения: 13.10.2025).

²³ Qatar National Vision 2030. General Secretariat for Development Planning. 2008. Doha. URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/526761a0f4ecd22c/original/QNV2030.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).

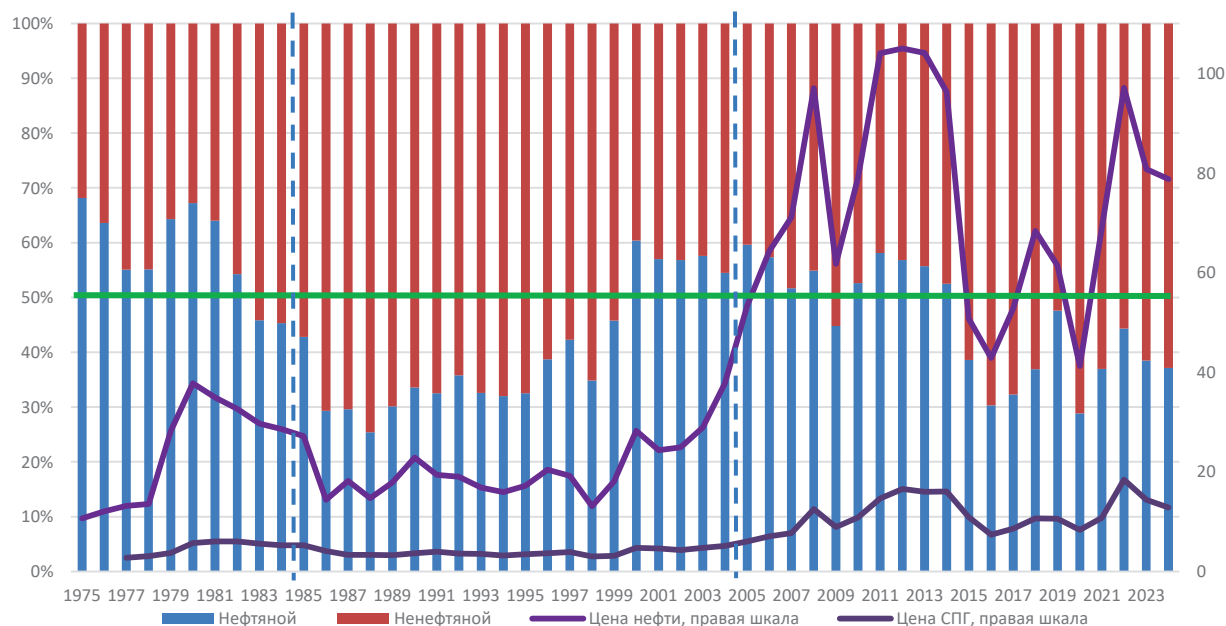

График 13. Соотношение нефтяного и нефтегазового компонентов ВВП Катара (%) и цен углеводородов (долл.), 1975–2024 гг.

Примечание: пунктирная линия разграничивает периоды, сплошная поперечная прямая отмечает середину 100-процентного диапазона.

Источник: *Qatar Central Bank Annual Report* за соответствующие годы, *World Bank Commodity Price Data (The Pink Sheet)*

Очевидно, что говорить о каком-либо значимом изменении этого соотношения в 2005–2024 годах в пользу нефтегазовых секторов в сравнении с предшествующим периодом было бы неверно. Больше того, углеводородный сегмент ВВП даже отчасти вернул утраченные позиции. Тем не менее, сравнивая банковские активы и ВВП на максимально доступном нам в смысле данных отрезке, мы видим (график 14), что в 2009 году «гармония» этих двух показателей разрушается: активы сохраняют прежнюю траекторию, а ВВП резко теряет динамику и прежнюю тенденцию поступательного роста. Характерно, что график 14 является почти что копией графика 11, показывающего соотношение активов и углеводородного экспорта, с той разницей, что рассогласование между активами и экспортом начинается в 2005 году. Таким образом, совокупный ВВП (принимаемый нами, напомним, за показатель количественного и качественного изменения экономики страны) предложить объяснение интересующему нас явлению не может.

Изучая данные, мы пришли к заключению о необходимости подробнее рассмотреть несколько перекрывающихся временных промежутков: 1990–2010, 1995–2015 и 2005–2024 гг., сопоставляя связи между активами, с одной стороны, и, с другой стороны, различными композициями валового внутреннего продукта: совокупный (ВВП), нефтяной (ВВП Н), нефтегазовый (ВВП НН), нефтегазовый без учета сектора услуг (ВВП НН – У). Отметим, что сектор услуг (от торговли и финансов до ИТ и связи и государственного управления) всегда вносил большой вклад в создание добавленной стоимости: за 1978–2024 гг. это 70% в нефтегазовом ВВП и почти 40% в совокупном ВВП при преимущественно незначительном отклонении конкретных годовых значений от средних.

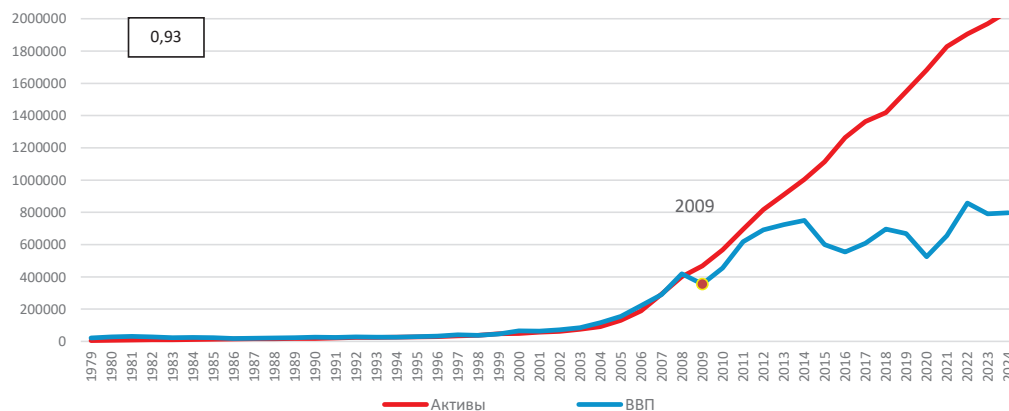

График 14. Банковские активы и ВВП, 1979–2024 гг., млн кат. р.

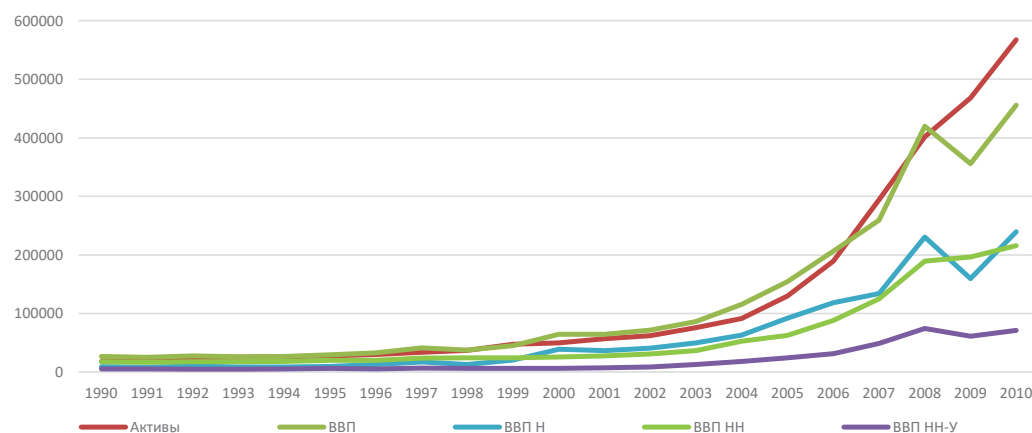

График 15. Активы, ВВП, ВВП нефтяной, ВВП ненефтяной, ВВП ненефтяной без услуг, 1990–2010 гг.

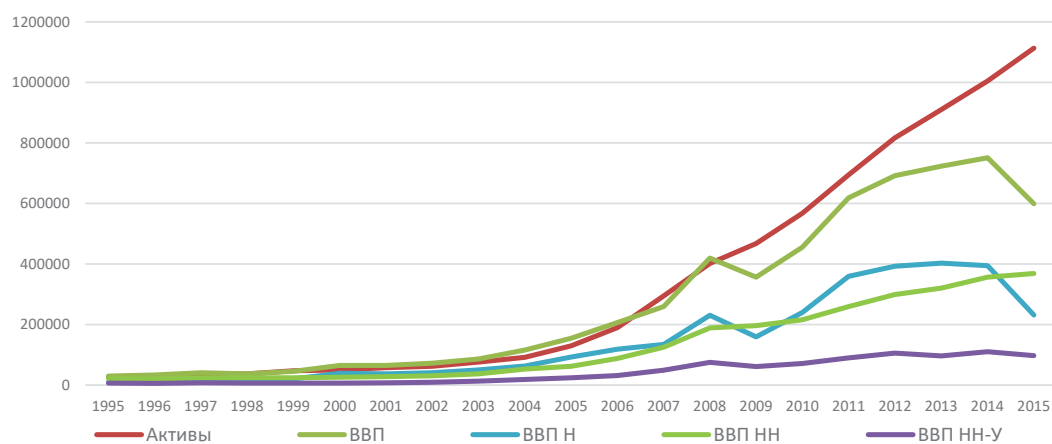

График 16. Активы, ВВП, ВВП нефтяной, ВВП ненефтяной, ВВП ненефтяной без услуг, 1995–2015 гг.

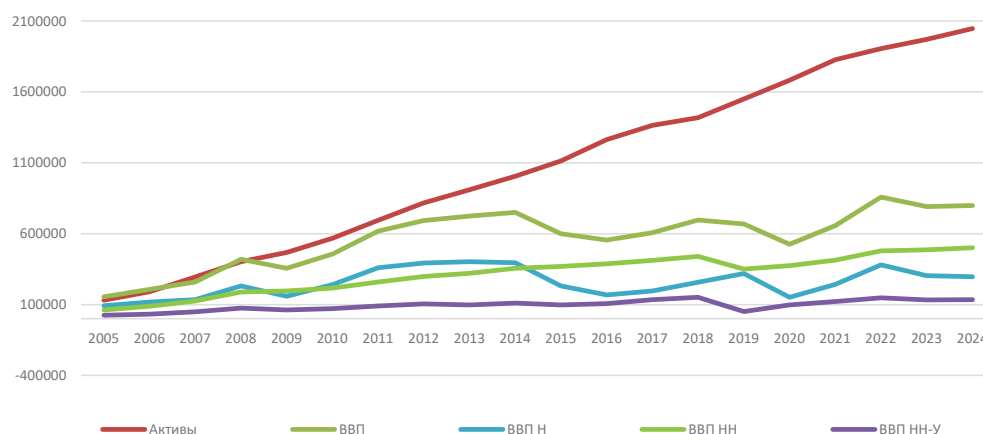

График 17. Активы, ВВП, ВВП нефтяной, ВВП ненефтяной, ВВП ненефтяной без услуг, 2005–2024 гг.

По графикам 15–17 (и более подробно — по данным в приложении) видно, что разрыв между кривыми активов и ВВП (в пользу первых) наметился еще в 1984–1985 годах, в районе 2000 года он начал расширяться из-за того, что прирост активов пошел быстрее, при этом прирост ненефтяного сектора экономики шел не так быстро, но поступательно с положительным углом наклона кривой, в то время как нефтяной ВВП постепенно замедлялся, и его отскок после спада 2009 года продолжался только до 2013 года на волне глобального восстановительного роста, в дальнейшем пойдя по горизонтальной в основе своей траектории со сравнительно равномерными колебаниями. Важно то, что при исключении из ненефтяного ВВП сектора услуг оснований предполагать его (ВВП) воздействие на банковский сектор на графиках не обнаруживается.

Впрочем, сделанных наблюдений недостаточно для содержательного вывода. Необходимо дать оценку вероятной зависимости совокупных активов катарских банков от ВВП и его компонентов. При этом, поскольку в итоге, напомним в очередной раз, мы рассчитываем установить закономерности связи активов с углеводородным экспортом, станем оперировать определенными нами периодами. Построим несколько точечных диаграмм для пар интересующих нас переменных. Линия тренда, как и ранее, подобрана исходя из максимального значения коэффициента достоверности аппроксимации R^2 . По оси X отложены годовые значения ВВП, по оси Y — активов. В ряде случаев графики периода 2005–2024 годов не даны отдельно, а выделены внутри графиков всего периода наблюдений.

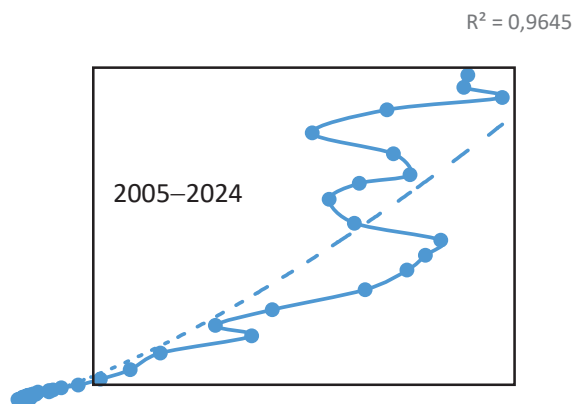

График 18. Зависимость активов от ВВП, 1975–2024 гг.

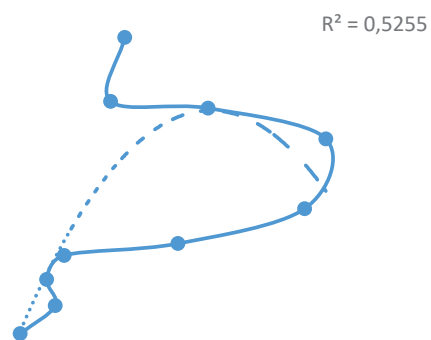

График 19. Зависимость активов от ВВП Н, 1975–1985 гг.

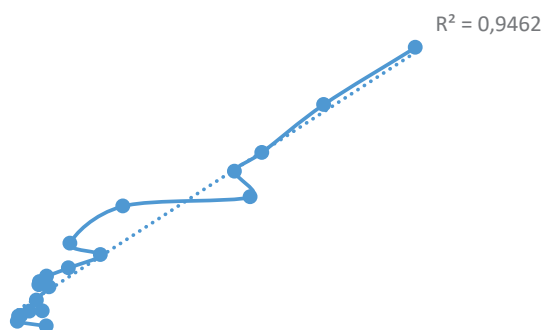

График 20. Зависимость активов от ВВП Н, 1985–2004 гг.

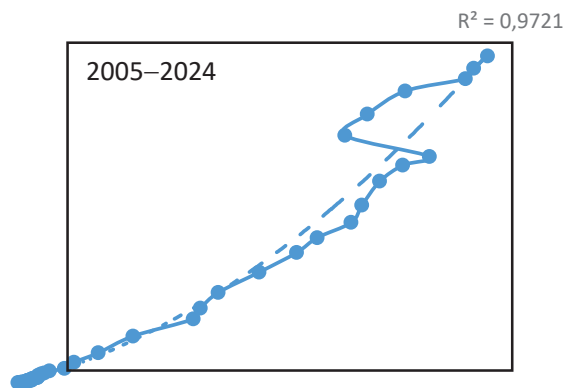

График 21. Зависимость активов от ВВП НН, 1975–2024 гг.

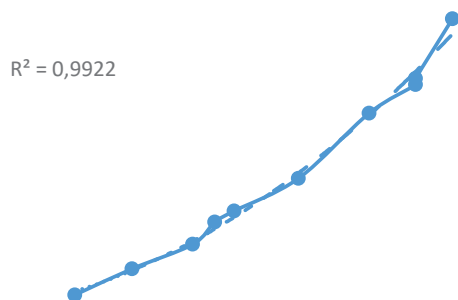

График 22. Зависимость активов от ВВП НН, 1975–1984 гг.

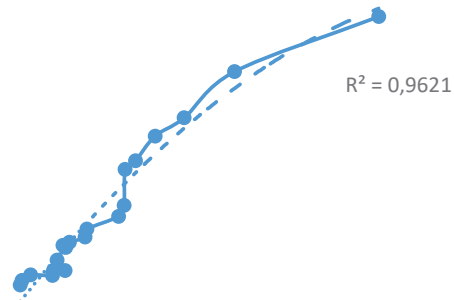

График 23. Зависимость активов от ВВП НН, 1985–2004 гг.

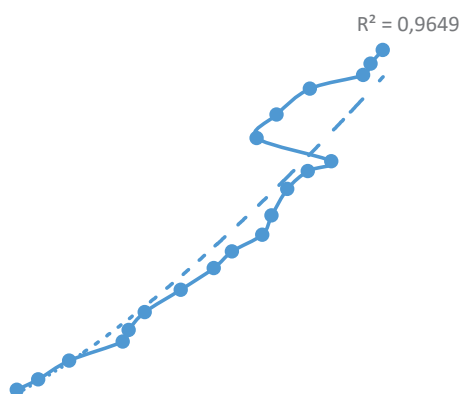

График 24. Зависимость активов от ВВП НН, 2005–2024 гг.

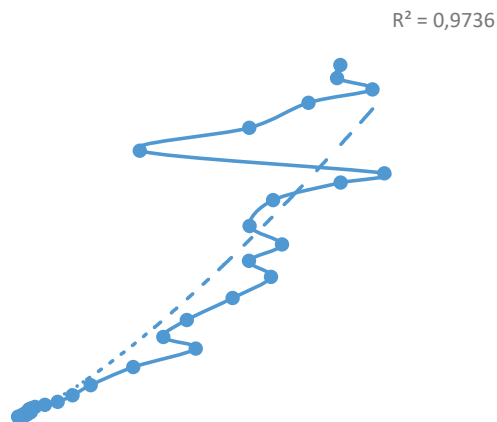

График 25. Зависимость активов от ВВП НН-У, 1978–2024 гг.

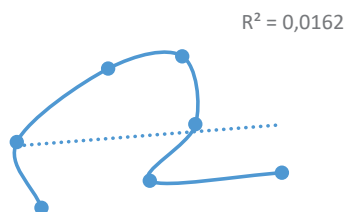

График 26. Зависимость активов от ВВП НН-У, 1978–1984 гг.

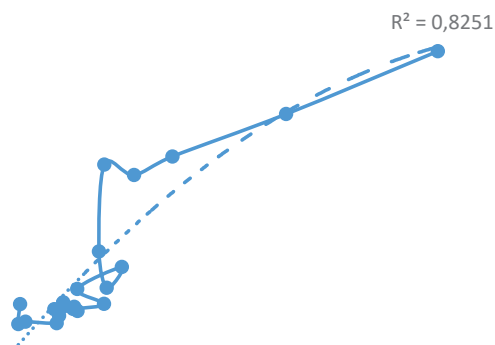

График 27. Зависимость активов от ВВП НН-У, 1985–2004 гг.

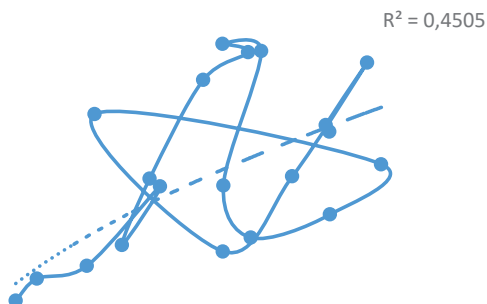

График 28. Зависимость активов от ВВП НН-У, 2005–2024 гг.

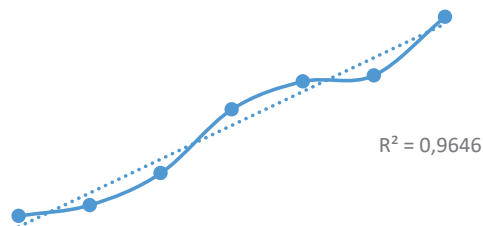

График 29. Зависимость активов от услуг, 1978–1984 гг.

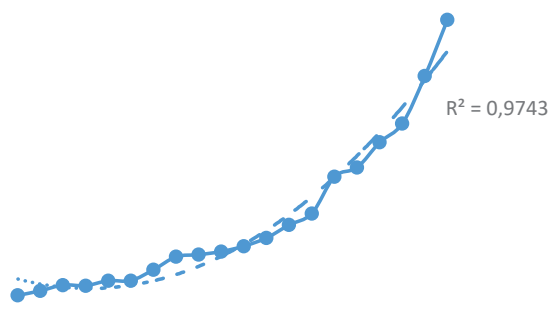

График 30. Зависимость активов от услуг, 1985–2004 гг.

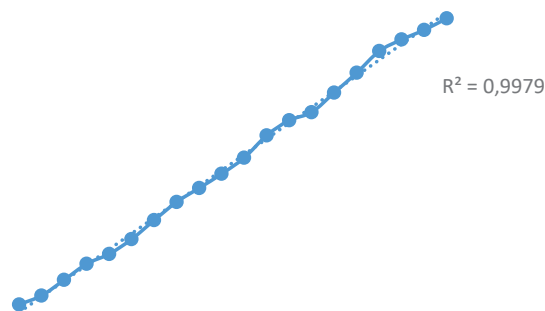

График 31. Зависимость активов от услуг, 2005–2024 гг.

Приведенные графики в нашем понимании вполне однозначно указывают на то, что высокая упорядоченность точек относительно графического представления базисной модели при высоком уровне ее достоверности обнаруживается при попарном отображении зависимости активов от ВВП, созданного в секторе услуг. Действительно, в каждом периоде переменные располагаются почти точно вдоль линии тренда. При этом в наиболее интересном для нас третьем периоде зависимость описывается линейной функцией. Из этого мы делаем вывод, что именно сектор услуг играет определяющую роль в том, что после «надлома», который испытал стоимостной объем углеводородного экспорта в 2009 году по окончании острой фазы глобального финансового кризиса, и приобретения им (экспортом) стабильного бокового тренда банковский сектор продолжил расти прежним высоким темпом.

К сожалению, ни в литературе, ни в официальных источниках не удастся обнаружить сведений, которые могли бы указать на некий единый триггер или единую группу триггеров, обусловивших то, что еще с окончанием первого периода (1965–1984 гг.) траектории активов и экспорта стали расходиться (см. график 7), и то, что это расхождение ускорилося в 2005 году (см. график 11). Однако, напомним, корреляция двух параметров до 2005 года оставалась высокой. С учетом реалий катарской экономики это равносильно каузальной зависимости. Соответственно, двукратное снижение коэффициента данной корреляции в зону слабой связи указывает на устранение каузальности «активы — углеводороды» и замену ее на пару «активы — сектор услуг».

Здесь уместно сделать важную оговорку. Мы признаем, что представленные построения сделаны с учетом важного информационного ограничения: мы не располагаем данными об инвестиционных доходах государства (формируются главным образом за счет дивидендов от активов наподобие Qatar Energy и инвестиций по линии Qatar Investment Authority (суверенный фонд)).

Таким образом, нами с учетом упомянутых ограничений показано, что в малой ресурсной экономике, которой, как бы то ни было, остается Катар, результаты деятельности банков и, соответственно, условия, в которых они действуют, могут, вопреки распространенной точке зрения, не находиться под влиянием доходов от вывоза соответствующих ресурсов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Некоторые показатели экономики и банковского сектора Катар, 1965–2024 гг.

Столбцы 1–10 — млн кат. р., 11, 12 — проценты

Под словом «нефтяной» (столбцы 2, 3, 10) подразумеваются углеводороды вообще

	ВВП	ВВП нефтяной*	ВВП нефтяной	ВВП (сектор услуг)	Расходы бюджета	Активы банков	Кредит	Капитал	Депозиты	Экспорт нефтяной	Достаточность капитала	Простроченные кредиты
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1965						357	86	17	307	774		
1966						389	103	20	332	951		
1967						346	113	18	240	1070		
1968						415	154	26	248	1121		
1969						474	183	32	256	1201		
1970						434	215	53	355	1149		
1971						565	262	67	481	1504		
1972						735	333	67	670	1609		
1973						908	503	95	765	2617		
1974					2464	1390	753	169	1224	7548		
1975	9877	6734	3143		4432	2416	1126	252	2111	6932		
1976	13017	8275	4742		5469	3369	1559	210	3016	8436		
1977	14322	7890	6432		7318	4259	2464	232	3933	8130		
1978	15709	8660	7049	4939	6473	5075	2889	284	4730	8936		
1979	21255	13665	7590	5703	8270	5475	3279	386	8558	13933		
1980	28631	19246	9385	6673	10937	6661	3693	563	10643	19423		
1981	31527	20174	11353	7974	13681	9032	4507	572	7033	19283		
1982	27652	15001	12651	9152	13780	10069	5576	700	7877	14866		
1983	23365	10713	12652	9565	12518	10296	6056	859	7880	10238		
1984	25008	11329	13679	9401	12173	12471	5440	1040	9587	10408		
1985	22398	9586	12812	9316	10374	13927	6445	1129	10672	38844		
1986	18393	5389	13004	9567	10443	15237	8031	1416	11594	42200		
1987	19825	5868	13957	10264	10373	16838	8743	1522	12732	46345		
1988	21979	5583	16396	11623	10639	16685	9265	1750	12356	44977		

	ВВП	ВВП нефтяной*	ВВП нефтяной	ВВП (сектор услуг)	Расходы бюджета	Активы банков	Кредит	Капитал	Депозиты	Экспорт нефтяной	Достаточность капитала	Просторенные кредиты
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1989	23616	7108	16508	11645	14383	18074	10553	1990	13288	48370		
1990	26792	9002	17790	12395	10525	18113	9906	2271	13066	47560		
1991	25056	8143	16913	11403	11773	21175	13344	2525	12643	46022		
1992	27832	9964	17868	12860	12866	24817	18113	2762	13705	49886		
1993	26050	8492	17558	12858	13462	25411	18724	2997	14553	52974		
1994	26843	8590	18253	12906	12711	26295	18306	3236	17069	62131		
1995	29622	9627	19995	13568	11786	27813	19147	3536	17214	62659		
1996	32976	12762	20214	14719	15947	30149	21268	3784	22108	80474		
1997	41124	17395	23729	16676	17722	33821	23897	4255	24782	90205		
1998	37330	13005	24325	17797	16968	37046	28598	4740	27154	98840		
1999	45111	20661	24450	18196	17336	47404	28541	5226	30809	112145		
2000	64646	39046	25600	19159	18294	49964	27913	6110	36345	132296		
2001	64579	36810	27769	20294	20504	57092	35466	6463	42518	154766		
2002	71733	40744	30989	22171	22800	62356	36175	7123	45770	166603		10,7
2003	86273	49693	36580	23791	27187	75764	43730	8690	52964	192789		11,1
2004	115512	62954	52558	34472	36102	91674	49411	12887	60799	221309		8,1
2005	154564	92120	62444	38285	50768	129856	69634	18251	85400	310856		6,3
2006	206644	118448	88196	56589	67147	189482	102548	25274	120459	438471	14,3	4,3
2007	259411	134115	125296	76216	86249	294336	160596	37921	167206	608631	13,5	2,2
2008	419582	230309	189273	114635	99226	401915	220807	48712	212479	773424	15,5	1,5
2009	355986	159482	196504	135194	115034	467899	251916	59973	246862	898577	15,7	1,2
2010	455445	239746	215699	144718	146516	567482	314481	69599	306788	1116707	16,1	1,7
2011	618089	359110	258979	169275	179900	694301	403563	94452	363612	1323549	20,6	2,0
2012	691398	392714	298684	193224	207414	816633	508628	102458	458066	1667359	18,9	1,7
2013	723369	402917	320452	224020	242256	910072	575394	110931	548384	1996117	16,0	1,7
2014	750658	394095	356563	246597	227013	1004770	586531	118081	552955	2012757	16,0	1,9
2015	599295	231328	367967	271219	191445	1112729	660750	124318	563629	2051608	15,0	1,7
2016	554986	168161	386825	280450	221685	1262737	743941	135141	543656	1978907	15,8	1,6
2017	607620	196261	411359	277370	203265	1363640	820556	146716	685909	2496710	16,2	1,3
2018	696558	257030	439528	287573	192835	1417956	859900	145500	641266	2334210	17,6	1,6

	ВВП	ВВП нефтяной*	ВВП ненефтяной	ВВП (сектор услуг)	Расходы бюджета	Активы банков	Кредит	Капитал	Депозиты	Экспорт нефтяной	Достаточность капитала	Просроченные кредиты
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2019	667817	317881	349936	298234	208418	1549555	964192	155421	640927	2332976	18,0	1,9
2020	525379	151519	373860	277252	182454	1682173	1053285	164845	905508	3296049	18,5	1,8
2021	656223	242482	413741	292889	192135	1827421	1146473	172933	974110	3545760	19,2	2,0
2022	857982	380261	477721	330679	208742	1904968	1256024	183245	999143	3636880	19,3	2,4
2023	791003	304505	486498	353945	211352	1969348	1287935	190674	985984	3588981	19,2	3,6
2024	797753	296392	501361	367519	207668	2046724	1346752	196604	1026740			3,9

Источник: отчеты Центрального банка Катара, обзоры финансовой стабильности, статистические ежегодники Центрального статистического бюро Катара, база данных Арабского банка развития, Энергетический институт, база данных департамента статистики ООН

Литература/References

Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики: Учебник / Под ред. И. И. Елисеевой. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2004. 653 с. [Yeliseieva I. I., Yuzbashev M. M. The General Theory of Statistics. A textbook. Ed. by I. I. Yeliseieva. 5th edition, revised and supplemented. Moscow: Finance and Statistics, 2004 (in Russian)].

Исаев В. А., Филоник А. О. Катар: три столпа роста (социально-экономический очерк). /Отв. ред. Б. Г. Сейранян. М.: ИВ РАН, 2015. 320 с. [Isaiev V. A., Filonik A. O. Qatar: three pillars of growth (a socio-economic essay). Ed. by B. G. Seyranian. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2014 (in Russian)].

Koopmans T. C. An Analysis of Production as an Efficient Combination of Activities. In T. C. Koopmans (Ed.), Activity Analysis of Production and Allocation, Cowles Commission for Research in Economics, Monograph No. 13. John Wiley & Sons, Inc., New York City, 1951.

Электронные ресурсы/Electronic resources

Руденко Л. Н. Особенности политики Катара в сфере экономики и внешнеэкономических связей. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 9. С. 93–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politiki-katara-v-sfere-ekonomiki-i-vneshneekonomicheskikh-svyazey> (дата обращения: 17.07.2025).

Эльдар Касаев. Банковский сектор Катара. *ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER*. 3/2012. С. 67–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-bankovskom-sektore-katara/viewer> (дата обращения: 06.09.2025).

Abdul-Hamid Abdul-Wahab, Razali Haron. Efficiency of Qatari banking industry: an empirical investigation. *International Journal of Bank Marketing* 35(2). April 2017. С. 298–318. URL: https://www.researchgate.net/publication/313767048_International_Journal_of_Bank_Marketing_Efficiency_of_Qatari_banking_industry_an_empirical_investigation_Article_information_For_Authors_Efficiency_of_Qatari_banking_industry_an_empirical_investigation (дата обращения: 09.09.2025).

Abumughli, A. A., Aysan, A. F., Arslan, A., Gölgeci, İ. & Bouguerra, A. (2024). From the Periphery to a Global Player: Historical Evolution of the Qatari Banking Sector. In M. Bulut, B. Altay & C. Korkut (Eds.), *Islamic Financial Institutions from the Early Modern Period to the 20th Century: Comparative Perspectives on the History and Development of Cash Waqfs*, С. 111–140. Palgrave Macmillan. URL: <https://osuva.uwasa.fi/server/api/core/bitstreams/198c0f78-4f1b-406e-be17-a4e73ed79cfe/content> (дата обращения: 09.09.2025).

Arab Economic Database. Arab Monetary Fund. URL: https://www.amf.org.ae/en/arabic_economic_database (дата обращения: 02.10.2025).

Basel Committee on Banking Supervision. Basel II: International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: A Revised Framework — Comprehensive Version. Bank for International Settlements. Basel. 2006. URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs128.htm>

De Bandt O. and Davis E. (2000) ‘Competition, contestability and market structure in European banking sectors on the eve of EMU’, *Journal of Banking & Finance*. Vol. 24. С. 1045–1066. URL: https://www.researchgate.net/publication/222688346_Competition_contestability_and_market_structure_in_European_banking_sectors_on_the_eve_of_EMU (дата обращения: 23.08.2025).

Elsayed Mousa Elsamadisy, Khalid Rashid Alkhater, Syed Abul Basher. Pre- versus post-crisis central banking in Qatar. *Journal of Policy Modeling*. Vol. 36. Issue 2, March–April 2014. P. 330–352. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0161893814000143?via%3Dihub> (дата обращения: 14.09.2025).

Energy Institute. Resources and data downloads URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (дата обращения: 28.09.2025).

Federal Reserve Bank of St. Louis. Exchange Rate to U. S. Dollar for Qatar. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/FXRATEQAA618NUPN> (дата обращения: 08.10.2025).

Gahé Zimy Samuel Yannicka, Zhao Hongzhongb, Belinga Thierry. Technical efficiency assessment using data envelopment analysis: an application to the banking sector of Côte d'Ivoire. 12th International Strategic Management Conference. ISMC 2016. 28–30 October 2016. Antalya, Turkey. P. 198–207. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187704281631549X> (дата обращения: 12.09.2025).

International Monetary Fund. Datamapper. March 2025. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/COG/CMR/SAU/EGY> (дата обращения: 10.09.2025).

Macrotrends. Crude Oil Prices (1946–2025). URL: <https://www.macrotrends.net/1369/crude-oil-price-history-chart> (дата обращения: 28.07.2025).

Marina A. Osintseva. Influence of Oil Factor on Economic Growth in Oil-exporting Countries. *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2022. No. 12(1). P. 217–224. URL: <https://www.econjournals.com/index.php/ijee/article/download/11794/6213/29613> (дата обращения: 10.07.2025).

MSCI Emerging Markets Index. URL: <https://www.msci.com/documents/10199/c0db0a48-01f2-4ba9-ad01-226fd5678111> (дата обращения: 29.10.2025).

Oxford Business Group. Qatar's strong fundamentals and regulations drive banking sector growth. March 2025. URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/reports/qatar/2025-report/banking/strong-foundations-steady-fundamentals-and-a-supportive-regulatory-system-support-the-widening-and-deepening-of-the-sector-overview/> (дата обращения: 09.09.2025).

Qatar Central Bank. Financial Stability Review 2024. URL: <https://www.qcb.gov.qa/PublicationFiles/ReportsAndStatementsGovernance/QCB%20-%20Financial%20Stability%20Report-2024-E%20-V17.pdf> (дата обращения: 27.10.2025).

Qatar Central Bank. Quarterly Statistical Bulletin-June 2025 <https://www.qcb.gov.qa/EN/Pages/Publication.aspx?IndexSelect=1> (дата обращения: 10.09.2025).

Qatar Central Bank. Twenty Ninth Annual Report. Doha. May 2007. URL: https://www.qcb.gov.qa/PublicationFilesReportsAndStatementsGovernance/2005_AnnualReport.pdf (дата обращения: 13.10.2025).

Qatar National Vision 2030. General Secretariat for Development Planning. 2008. Doha. URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/526761a0f4ecd22c/original/QNV2030.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).

Qatargas Exporting LNG From Qatar's New Ras Laffan Port. *Oil & Gas Journal*. Feb. 24, 1997. URL: <https://www.ogj.com/home/article/17242654/natural-gas-in-the-middle-east-qatargas-exporting-lng-from-qatar39s-new-ras-laffan-port> (дата обращения: 01.10.2025).

Saeed Al-Muharrami. Analysis of competitiveness in Qatar banking industry. *International Journal of Business Innovation and Research*. January 2009. P. 168–181. URL: <https://www.inderscienceonline.com/doi/abs/10.1504/IJBIR.2009.022753> (дата обращения: 09.09.2025).

Thomas Péran, Hasna Sdiri. Comparing the performance of Qatari banks: Islamic versus conventional, amidst major shocks. *Finance Research Letters*. Vol. 59. January 2024. P. 1290–1316. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1544612323011480?via%3Dihub> (дата обращения: 09.09.2025).

Waleed Alkhuzaim. Degree of Financial Development and Economic Growth in Qatar: Cointegration and Causality Analysis. *International Journal of Economics and Finance*. 2014. Vol. 6. No. 6; Canadian Center of Science and Education. P. 57–69. URL: <https://ccsenet.org/journal/index.php/ijef/article/view/35209> (дата обращения: 11.09.2025).

UN Comtrade Database. URL: <https://comtradeplus.un.org/TradeFlow> (дата обращения: 02.08.2025).

World Bank Group. World Bank Commodity Price Data (The Pink Sheet). URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/18675f1d1639c7a34d463f59263ba0a2-0050012025/world-bank-commodities-price-data-the-pink-sheet> (дата обращения: 04.08.2025).

World Bank Group. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD> (дата обращения: 10.09.2025).

Аль-маджмуа аль-ихсайя ас-санавийя 1981. Дауля Катар. Риаса маджлис аль-вузара. Аль-джихаз аль-марказий лиль-ихса. Июль 1982 г. URL: <https://www.npc.qa/en/statistics/Statistical%20Releases/General/Annual%20Statistical%20Abstract/1982.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ОБОРОННОМ СЕКТОРЕ – НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАМПАНИИ «ДЕЛАЙ В ИНДИИ (MAKE IN INDIA)»

© 2025

Л. В. Кулик¹

Программа «Делай в Индии» (“Make in India”) — это флагманская инициатива индийского правительства, курируемая лично премьер-министром Н. Моди. Производство вооружений и военной техники занимает в программе “Make in India” значительное место. Сегодня сектор открыт для иностранных инвесторов — до 74% иностранных инвестиций разрешены в сфере ВПК в Индии без специального разрешения правительства. Одновременно реализуется разнообразный спектр мер, направленных на более широкое вовлечение в ВПК индийского частного сектора. В данной статье анализируются два существенных аспекта такого вовлечения — более активное участие крупных семейных конгломератов в оборонных инициативах, а также увеличение числа стартапов, работающих в этом сегменте. Результатом усилий индийского правительства становится не только повышение самообеспеченности индийских вооруженных сил, снижение зависимости от импорта, большая вовлеченность индийского ВПК в цепочки поставок зарубежных игроков, но также растущий экспорт вооружений из Индии. Для России это означает и новые возможности, и, возможно, новые риски.

Ключевые слова: Индия, военно-промышленный комплекс, программа «Делай в Индии», предпринимательство, стартапы, семейные конгломераты, экспорт вооружений

Для цитирования: Кулик Л. В. Предпринимательство в оборонном секторе – новая тенденция кампании «Делай в Индии (Make in India)». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 184–196. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-184-196

ENTREPRENEURSHIP IN DEFENCE — THE UPWARD TREND WITHIN “MAKE IN INDIA” CAMPAIGN

Lydia V. Kulik

“Make in India” programme is the Indian government’s flagship initiative, personally overseen by Prime Minister Narendra Modi. Arms and military equipment production occupies a significant place in the “Make in India” campaign. Today, the sector is open to foreign investors — up to 74% of foreign investment in India’s defense industry is permitted through automatic route (without special government approval). At the same time, a diverse range of measures is being implemented to further engage the Indian private sector in the defense industry. This article analyses two significant aspects of this engagement: the increased involvement of large family-owned conglomerates in defense initiatives and the increasing number of startups operating in this segment. The Indian government’s efforts have resulted not only in increased self-sufficiency for the Indian armed forces and greater

¹ Кулик Лидия Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, Москва; lkulik@scp.ru
Lydia V. Kulik, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lkulik@scp.ru

involvement of the Indian defense industry in the supply chains of foreign players, but also in growing arms exports from India. For Russia, this represents both new opportunities and, potentially, new challenges.

Keywords: India, military-production complex, “Make in India” programme, startups, family conglomerates, defence exports

For citation: Kulik L. V. Entrepreneurship in Defence: the Upward Trend in “Make in India” Campaign. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 184–196. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-184-196

Развитие предпринимательства — один из приоритетов правительства Нарендры Моди

Понимание того, что частный бизнес должен играть более заметную роль в экономическом развитии страны, сегодня в Индии разделяют даже политические оппоненты. Некоторые важные инициативы, которые были реализованы в Индии в последние годы, были запущены еще до прихода Нарендры Моди к власти на общенациональном уровне в 2014 году. Например, система биометрической идентификации Aadhaar была впервые представлена в 2009 году. Однако именно с именем индийского премьер-министра связано качественное и количественное изменение предпринимательского ландшафта и делового климата в стране в последнее десятилетие [Кулик, 2025]. Уже к 2019 году Индия поднялась на 79 позиций и заняла 63-е место в рейтинге Ease of Doing Business Всемирного банка (затем в 2021 году Всемирный банк прекратил его публикацию). Нарендра Моди приобрел репутацию политика, поддерживающего бизнес, еще когда был главным министром штата Гуджарат в 2004–2014 годах. В своем штате он развивал крупные инфраструктурные проекты, эффективное сельское хозяйство и ориентированную на экспорт промышленность.

Флагманская инициатива премьер-министра Нарендры Моди «Стартап Индия» была запущена в январе 2016 года. Целью инициативы было стимулирование стартап-движения и создание в Индии сильной и инклюзивной экосистемы для инноваций и предпринимательства. Сегодня портал Startup India² связывает стартапы с инвесторами, фондами, менторами, инкубаторами, акселераторами, корпорациями, учеными и политиками. Как вспоминает Амитабх Кант [Kant, 2023], одна из ключевых фигур в команде Н. Моди, отвечающих за экономическую политику: «Премьер-министр хотел, чтобы к реформе подошли комплексно, с участием всего правительства. В этом процессе участвовали все министерства. Был составлен подробный план действий. Мы хотели обеспечить стартапам удобство ведения бизнеса». Государственный консультативный совет по стартапам был создан для консультирования правительства по ключевым вопросам политики, связанным с инновациями и молодежным предпринимательством. В целях упрощения регулирования деятельности стартапов правительство впервые дало конкретное определение — что такое стартап. Был изменен большой список законов и правил. В государственной политике в целом инновации и предпринимательство постепенно были поставлены во главу угла. Правительство также запустило инициативу под названием Startup Runway — специальную платформу, где предоставляются услуги в сфере производственных технологий, робототехники, агротехники, ИИ и больших данных, дополненной и виртуальной реальности, блокчейн, чистых технологий, возобновляемых источников энергии, бытовой электроники, кибербезопасности, образовательных технологий, здравоохранения, наук о жизни и других. Данная инициатива также позволяет стартапам размещать свои продукты и услуги с минимальными техническими характеристиками. Молодым

² Startup India portal. URL: <https://www.startupindia.gov.in/> (дата обращения: 01.10.2025).

компаниям предоставляется поддержка в виде сопровождения и наставничества для оптимизации процесса регистрации и содействия улучшению качества продукции.

Правительство поддерживает стартапы, предоставляя им принципиально важный доступ к рынку. Нормы в области государственных закупок были упрощены для того, чтобы стартапы могли в них участвовать. В рамках миссии «Цифровая Индия» была создана специальная государственная электронная площадка (GeM). Это облегчило стартапам доступ к рынку государственных заказов. Стартапы освобождены от ранее предъявлявшихся к ним требований о наличии опыта, оборота и залога.

Нарендра Моди регулярно встречается с молодыми предпринимателями. Эти встречи широко освещаются в СМИ. Хорошо известно его высказывание, в котором он сравнил молодых предпринимателей с героями борьбы за свободу и независимость, назвал их главной основой, «становым хребтом» новой Индии и незаменимыми участниками процесса превращения Индии в развитую страну к 2047 году (когда страна будет отмечать 100-летие своей независимости). 16 января было объявлено государственным Днем стартапов³. Предпринимательство стало одной из самых популярных тем массовой культуры в Индии: создаются телепрограммы, сериалы, реалити-шоу, посвященные историям успеха и трудностям молодых бизнесменов.

Комплексный подход правительства принес свои плоды, сделав Индию одной из самых динамичных экосистем для стартапов в мире. Предпринимательская активность в стране демонстрирует феноменальный рост. По состоянию на 2025 год в Индии насчитывается более 190000 официально зарегистрированных стартапов, 124 компании — в заветном статусе «единорогов» (компаний, оцененных инвесторами в 1 млрд долл. и более и остающихся в руках своих основателей). Предпринимательство шагнуло за пределы больших городов, вышло за рамки традиционных деловых сообществ и семейных конгломератов. Малые и средние компании, составляющие основу индийской экономики, чувствуют себя увереннее благодаря появившейся в стране цифровой инфраструктуре. Всемирно известные семейные конгломераты, знаменитые бизнес-династии Индии преобразуются, осваивая новые сферы деятельности.

Кампания «Делай в Индии», программа «Самодостаточная Индия» и другие инициативы

Крупномасштабные инициативы правительства Нарендры Моди, такие как Make in India («Делай в Индии») и Aatmanirbhar Bharat Abhiyan («Самодостаточная Индия»), стимулируют локализацию производства и поддерживают экспорт. Как резюмирует А. Кант [Kant, 2023], набор мер в рамках кампании был прежде всего сфокусирован на облегчении правил ведения бизнеса, стимулировании притока иностранных инвестиций, упрощении режимов, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности и их синхронизации с международными стандартами. Реформы также охватили законодательство в сфере трудовых отношений. Постепенно все эти меры были дополнены финансовыми стимулами к расширению внутреннего производства и экспорта, известными как Production Linked Incentive Schemes (PLI), охватившими широкий круг приоритетных отраслей — в первую очередь таких, где занято большое число работников (к примеру, текстильное, пищевое производство), а также высокотехнологичных направлений (электроника, солнечные панели, устройства хранения энергии и т. д.).

³ PM Narendra Modi calls startups “backbone” of new India, declares Jan 16 as ‘National Startup Day’. January 15, 2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/tech/start-ups/pm-narendramodi-calls-start-ups-backbone-ofnew-india-declares-jan-16-as-nationalstart-up-day/articleshow/88912955.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=crrpst (дата обращения: 01.10.2025).

С введением в действие программы «Делай в Индии» новый импульс и качественно новую поддержку со стороны государства приобрела также стратегия локализации военно-технического производства. Независимая Индия всегда стремилась к диверсификации поставщиков вооружений для своей армии. Нельзя сказать, что это стремление сформировалось лишь как ответ на сложившуюся к XXI веку существенную зависимость от поставок вооружений из России (как известно, до 70% вооружений для индийской армии на пике сотрудничества двух стран приходилось на поставки из России). Вот уже более чем 20 лет Индия стремится к большей самообеспеченности вооружениями, снижению зависимости от импорта и требует от своих поставщиков все большей доли произведенного на территории Индии оборудования и комплектующих. Для решения этих задач в Индии был принят ряд ключевых изменений в оборонно-промышленной политике и политике закупок вооружений и военной техники (ВВТ) [Евтодьева, 2025]. В том числе разработаны меры по содействию локализации производства вооружений и их компонентов, привлечению зарубежных и индийских частных компаний к программам производства ВВТ, корректировке правил закупочной и офсетной политики, поощрению оборонного экспорта. Сформированы списки запрещенных к импорту, сейчас или в будущем, вооружений и компонентов (так называемые «списки индигенизации»). Индийская армия, ВВС и ВМС сформулировали свои обязательства о покупке произведенной в Индии техники, что особенно важно для частных игроков. Все это не только существенным образом повлияло на развитие крупных проектов создания основных боевых систем Индии, в том числе проектов истребителя Tejas, авианосца Vikrant, зенитно-ракетных комплексов Akash, вертолетов LUN, Prachand, гаубиц Vajra и других инициатив, но и способствовало всплеску предпринимательской активности в оборонной отрасли.

Знаковые программы правительства Н. Модии, хотя и развиваются не так быстро, как планировалось, но все же способствуют повышению деловой активности в стране. В дополнение к невидимой цифровой инфраструктуре, созданной благодаря инициативе Digital India («Цифровая Индия»), активно создается физическая инфраструктура. Наблюдаются заметные улучшения в области дорожного строительства, энергоснабжения, увеличивается количество и качество аэропортов, железнодорожных вокзалов. Ведется строительство портов и вспомогательной наземной инфраструктуры. Масштабные программы правительства — Sagarmala (порты), Bharatmala (дороги), UDAN (аэропорты), Gati Shakti и National Infrastructure Pipeline (инфраструктура) охватывают эти и многие другие сегменты инфраструктурного развития. Индия развивает 11 промышленных коридоров. В стране действует более 280 особых экономических зон.

Большая часть крупных проектов реализуется в Индии на принципах государственно-частного партнерства, что стало еще одной отличительной чертой реформаторского курса Нарендры Модии. Благодаря участию в программах правительства мощные индийские конгломераты становятся еще сильнее и подвергаются критике за свою близость к правящей партии БДП. Одновременно Н. Моуди стремится дистанцироваться от крупного бизнеса, подчеркивая, что его цель — это развитие массового предпринимательства в стране, подключение индийских предпринимателей к решению стоящих перед страной важнейших задач — прежде всего модернизации экономики и создания новых рабочих мест.

С 2024 года в Нью-Дели ежегодно проходит крупная всеиндийская конференция предпринимателей «Стартап Махакумбх» (названа по аналогии с самым известным и грандиозным индуистским паломничеством Кумбх Мела). Для того чтобы оценить масштаб мероприятия, достаточно сказать, что во второй раз его проведения, в 2025 году, в нем приняли участие почти 50 000 делегатов и более 3 000 стартапов. Организаторы (Федерация индийских торговых и промышленных палат, Национальный консультативный совет по стартапам, Департамент развития промышленности

и внутренней торговли и другие) назвали это мероприятие крупнейшей в мире выставкой инноваций. Конференция объединила крупных государственных заказчиков, таких как Министерство обороны Индии, Индийская организация космических исследований (ISRO), GeM, Индийская организация оборонных исследований (DRDO) и других, с инноваторами и предпринимателями со всей страны. В своем вдохновляющем обращении к участникам министр торговли и промышленности Индии Пиюш Гоял выразил уверенность в том, что «стартап-махаратхи (высококвалифицированные воины-предприниматели) помогут реализовать цель Виксит Бхарат («Развитая Индия»)). В то же время он провел критическое сравнение между стартапами Индии и Китая. Пиюш Гоял призвал индийских предпринимателей уделить больше внимания областям, в которых Индия отстает от Китая. Среди них полупроводники, искусственный интеллект, робототехника, автоматизация, инфраструктура, наукоемкие технологии, логистика, электромобили и аккумуляторные технологии. На том же мероприятии министр объявил о создании нового, второго Фонда фондов с капиталом почти 1,2 млрд долларов США, предназначенного специально для стартапов в сфере наукоемких технологий. Это важный шаг вперед, учитывая, что одной из широко обсуждаемых проблем Индии является ее низкий уровень расходов на исследования и разработки как в частном, так и в государственном секторе.

Стартапы идут в оборонку

Беспокойство отставанием от Китая, открыто выраженное П. Гоялом на предпринимательском форуме, имеет основания. Из 124 индийских компаний-«единорогов» подавляющее большинство представляют потребительские сегменты — компании электронной торговли, быстрой доставки, финансовых технологий, хорошо представлены компании в сфере программного обеспечения для бизнеса, агрегаторы поставщиков для компаний, логистики, образовательных технологий. Повышение платежеспособности индийских потребителей и гигантский рынок — вот основные драйверы роста оценочной стоимости таких компаний, привлекающие инвесторов.

Однако благодаря усилиям правительства по вовлечению индийских инноваторов и предпринимателей в оборонный сектор и огромным бюджетам, которые Индия готова тратить на военные технологии⁴, появляется все больше молодых индийских компаний, заявляющих о себе в этом сегменте. Индийские и зарубежные инвесторы проявляют к ним повышенный интерес. Существенную роль в развитии сектора сыграли и такие инициативы поддержки как iDEX (программа министерства обороны «Инновации для повышения оборонного совершенства»)⁵, DISC (серия конкурсов для стартапов Defence India Startup Challenge⁶), Фонд развития технологий⁷, создание специальных промышленных коридоров (Defence Industrial Corridors)⁸, в частности в шт. Уттар-Прадеш (включает города Агра, Алигарх, Читракут, Джанси, Канпур, Лакнау) и Тамилнаду (города Ченнаи, Коимбатор, Хосур, Салем, Тиручираппалли). По самым приблизительным подсчетам,

⁴ Бюджет Индии на 2025–26 гг. предусматривает расходы на оборону в размере 78,7 млрд долл. США, что на 9,5% больше, чем в бюджете 2024–25 гг. Численность действующих военнослужащих Индии составляет более 1,47 млн человек. В период с 2020 по 2024 год Индия занимала второе место в мире по импорту основных видов вооружений (8,3%), уступая лишь Украине. Модернизация вооруженных сил — один из приоритетов правительства.

⁵ Government of India, Ministry of Defence, Department of Defence Production. IDEX Details. URL: <https://www.ddpmod.gov.in/offerings/schemes-and-services/idx> (дата обращения: 01.10.2025). Программа действует с 2018 года в формате открытых конкурсов для стартапов на основе задач, сформулированных вооруженными силами Индии, победитель конкурса получает крупные гранты.

⁶ IDEX, Defence India Startup Challenge. URL: <https://www.ddpmod.gov.in/node/1173> (дата обращения: 01.10.2025).

⁷ Government of India, Ministry of Defence, DRDO, Defence Technology Fund. URL: <https://tdf.drdo.gov.in/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁸ Defence Industrial Corridors. URL: <https://www.makeinindia.com/defence-industrial-corridors-india> (дата обращения: 01.10.2025).

в Индии на сегодняшний день действуют 1000–1500 стартапов в оборонном секторе [Mitra, 2025; Srivastava, 2025]. Более 20 из них привлекли значительное инвестиционное финансирование, исчисляемое десятками миллионов долларов, и таким образом обратили на себя внимание широкого круга экспертов и прессы. Беспилотные летательные аппараты, передовые системы наблюдения и искусственный интеллект — вот направления, где присутствие индийских оборонных стартапов стало наиболее заметным. Стартапы появились и в таких направлениях как визуализация, электронно-оптические системы наблюдения, снаряжение, амуниция, радиоэлектроника, подводные и надводные беспилотные аппараты, микроэлектроника, боевое медицинское оборудование и т. д.

Среди крупных инвесторов в индийские оборонные стартапы — не только правительство Индии, министерство науки и технологий, State Bank of India (SBI), Банк развития малых предприятий Индии (SIDBI), различные инвестиционные структуры штатов (к примеру, Gujarat Venture Finance, Tamil Nadu Infrastructure Fund Management Corporation, Maharashtra Defence and Aerospace Venture Fund), но и международные компании, такие как Microsoft, Qualcomm, Zephyr, General Catalyst, а также Индийская школа бизнеса (ISB), частные индийские компании и инвестиционные фонды, к примеру, Infosys, DS Group, VenturEast, Udyat Group и другие.

Одним из заметных игроков в сегменте оборонных стартапов стал бывший секретарь министерства обороны (самый высокий гражданский пост в Министерстве обороны Индии, Defence Secretary) и секретарь Департамента оборонного производства министерства обороны (Secretary, Department of Defence Production) Аджай Кумар. После выхода на пенсию в 2022 году А. Кумар создал вместе с партнерами свой фонд — MountTech Growth Fund с капиталом 2,5 млрд рупий, который закрыл первую сделку уже через несколько дней после своего официального формирования в 2024 году. Фонд ориентирован на инвестиции в стартапы на ранних стадиях развития (фокус на оборонные, аэрокосмические и другие высокие технологии). А. Кумар также является советником Американско-индийского стратегического партнерского форума⁹, директором совета управляющих крупной индийской ИТ компании Sify, почетным профессором Индийского института технологий в Канпуре, а также парламентарием от округа Кхери (шт. Уттар-Прадеш). По мнению А. Кумара [Kumar, 2025], активно продвигающего партнерство Индии с США в сфере обороны, такие механизмы, как INDUS-X (Индо-американская экосистема акселерации в сфере обороны, India-US Defence Acceleration Ecosystem¹⁰) под эгидой более широкой инициативы iCET/TRUST (Индо-американская инициатива в сфере критических и новых технологий, United States-India Initiative on Critical and Emerging Technology¹¹), являются большим подспорьем для индийских предпринимателей в сфере передовых и критических технологий. Он призывает индийские стартапы использовать американский рынок в качестве стартовой площадки.

Крупный индийский стартап, успевший заявить о себе и стремящийся расширить сотрудничество не только с индийской армией и флотом, но и с американским министерством обороны — это компания NST (New Space Research and Technology¹²). Среди основателей компании — Самир Джосхи, пилот, бывший офицер ВВС Индии. Компания специализируется на разработке и производстве различных типов беспилотных летательных систем, ведомых дронов, стратосферных БПЛА (или псевдоспутников), работающих на солнечных батареях. Среди клиентов

⁹ US-India Strategic Partnership Forum (USISPF). URL: <https://usispf.org/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁰ India-US Defence Acceleration Ecosystem, создана в 2023 году Министерством обороны США и Министерством обороны Индии. URL: https://idex.gov.in/indus_x (дата обращения: 01.10.2025).

¹¹ Transforming the Relationship Utilizing Strategic Technology (TRUST), the evolved form of the earlier iCET (Initiative on Critical and Emerging Technology). URL: <https://www.psa.gov.in/icet> (дата обращения: 01.10.2025).

¹² New Space Research and Technology. URL: <https://newspace.co.in/> (дата обращения: 01.10.2025).

компании — крупные индийские и зарубежные игроки (Bharat Electronics, Hindustan Aeronautics Limited, Larsen & Toubro, Honeywell, BAE Systems).

Другой известной компанией в сфере беспилотников для наблюдения и разведки является ideaForge¹³. Компания была основана еще в 2007 году в Мумбаи и считается одним из пионеров отрасли. Котируется на Национальной фондовой бирже Индии (NSE). Поставляет БПЛА для наблюдения за сухопутной границей и высотной доставки грузов для индийской армии. Специализацией компании является техника, безотказно работающая в сложных природных условиях, разнообразием которых отличается Индия. Основатели компании, включая ее лидера Анкита Мехту, являются серийными предпринимателями. ideaForge также стала инвестором, к примеру, в компанию GalaxEye, индийский стартап в сфере космических технологий, разрабатывающий технологии многосенсорной спутниковой съемки, которая помогает дронам эффективнее работать в условиях плохой видимости.

Компания с не очень, на первый взгляд, серьезным названием Big Bang Boom Solutions¹⁴ была основана в 2018 году серийными предпринимателями, специализирующимися на глубоких технологиях. Она базируется в Ченнаи и производит системы защиты от дронов, такие как Vajra Sentinel System. Основатели компании Правин Двараканат и Шивараман Рамасвами выиграли два конкурса в рамках iDEX в 2019 и 2020 году, вложили в компанию полученные деньги, привлекли дополнительные инвестиции и начали производство средств обнаружения, отслеживания, идентификации и нейтрализации вражеских дронов, ручных противодронных ружей, а также оптических систем кругового обзора, использующих технологии компьютерного зрения и дополненной реальности. Компания проводит собственные научные исследования в сфере материаловедения, радиоэлектроники, двигателестроения. В 2024 году компания получила заказы от индийской армии и BBC на сумму более чем 24 млн долл. США и тогда же привлекла около 30 млн долл. инвестиций от таких игроков как Mumbai Angels Network, Vyom Family Office, SBI Startup Branch Chennai, Asquare Investing и других.

«С гордостью сделано в Индии» — пишет Axio Biosolutions на своем сайте¹⁵. Компания работает в сфере медицинских технологий и стремится стать глобальным лидером в производстве продукции на основе биоматериалов для ухода за ранами и мгновенной остановки кровотечения. Она обеспечивает догоспитальное, интраоперационное и послеоперационное лечение. Axio Biosolutions базируется в Ахмедабаде и Бангалоре, продает продукцию более чем в 50 странах, имеет более 20 патентов, 17 лет опыта в сфере научных разработок и более 50 клинических публикаций. Флагманский продукт компании, Axiostat — это запатентованное, клинически проверенное гемостатическое средство, которое мгновенно останавливает умеренное и сильное кровотечение во время хирургических операций и при травмах на догоспитальном этапе. Компания также выпустила раневую повязку нового поколения MaxioCel, предназначенную для лечения пациентов с острыми и хроническими ранами. Компанию поддержали такие инвесторы разного калибра как 36One, ON Omidyar Network India, University of California Ratan Tata Fund, Accel, Madison India Capital.

Компания из Канпура MKU¹⁶, ранее известная как M Kumar Udyog, была основана в 1985 году и достаточно хорошо знакома профессионалам. Более трех миллионов солдат в 100 странах и в 230 подразделениях используют ее стекловолоконные шлемы, снегоступы и бронежилеты. Первый крупный заказ от индийской армии на производство и поставку баллистических шлемов компания получила в 2017 году. Она имеет производственные и тестовые мощности в Индии и Германии,

¹³ ideaForge. URL: <https://ideaforgetech.com/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁴ Big Bang Boom Solutions. URL: <https://www.bigbangboom.com/products/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁵ Axio Biosolutions. URL: <https://axiobio.com/>, <https://axiostatmilitary.com/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁶ MKU. URL: <https://www.mku.com/en-gb/> (дата обращения: 01.10.2025).

позиционирует себя как глобального игрока и в целом в значительной степени ориентируется на европейский рынок. Еще в 2003 году компания заключила свой первый международный контракт на поставку бронежилетов для испанской армии. Имеет сеть из 50 партнеров, обеспечивающих техническое обслуживание продукции. MKU также называет себя первой компанией, разработавшей и производящей легкую композитную броню за пределами США и Европы. Среди ее клиентов не только армия, но и полиция и другие силовые структуры. За последние несколько лет компания также стала специалистом в области оптоэлектроники и разработала, среди прочего, приборы ночного видения и тепловизионные решения, которые также закупаются индийской армией.

Компания из Бангалора Tonbo Imaging¹⁷, основанная в 2012 году, также специализируется на системах ночного видения и тепловизионных системах наблюдения, которые уже используются в индийской армии, а также вооруженными силами США, Израиля, Армении и стран НАТО — более чем 30 стран в общей сложности. Компания имеет подразделения в США, Сингапуре и в Литве. Создатель компании и ее генеральный директор — Арвинд Лакшмикумар — известный индийский эксперт в области прикладных технологий визуализации, компьютерного зрения, робототехники и интеллектуальных систем. В разное время он сотрудничал с американским правительственным агентством DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency), NASA, армией США, компанией Air Force Research Laboratory, работающей в интересах ВВС США, американским фондом NSF (National Science Foundation), а также с индийской DRDO. А. Лакшмикумар окончил докторскую программу по робототехнике в Университете Карнеги-Меллона и имеет несколько степеней магистра в области компьютерных наук, электроники и химии Института технологий и науки Бирлы (Birla Institute of Technology and Science in Pilani). До основания Tonbo Imaging А. Лакшмикумар возглавлял отдел технологий и операций в корпорации Sarnoff, одной из старейших американских компаний в сфере машинного зрения, видеонаблюдения и полупроводниковых технологий. В 2025 году Tonbo Imaging привлекла инвестиции в размере 20 млн долл. от таких инвесторов как Florintree Advisors, Tenacity Ventures и Export-Import Bank of India. По официальным заявлениям компании, финансирование будет использовано для разработки инфракрасных датчиков нового поколения, развития мощных микроволновых технологий (передового оружия направленной энергии, которое способно изменить будущее радиоэлектронной борьбы), финансирования дальнейшей международной экспансии. Компания активно нанимает сотрудников, включая узкоспециализированных инженеров и программистов. Ранее компания привлекла 35 млн долл. США от инвестиционных фондов, среди которых Artiman, Qualcomm, Celesta, Edelweiss и HBL Engineering. Компания также не исключает публичного размещения акций на бирже в будущем.

Семейные конгломераты — туда же

На семейные компании в Индии приходится 79% ВВП — больше, чем в какой-либо другой стране мира [Кулик, 2025]. Когда речь заходит об индийском семейном бизнесе, такие гиганты как Tata Group вспоминаются прежде всего, хотя эта компания сегодня управляется не членами семейства, а специально созданным филантропическим трастом. В сфере оборонного бизнеса Tata Group в Индии — бесспорный лидер. Аэрокосмический и оборонный бизнес Группы консолидирован в структуре Tata Aerospace & Defence (Tata A&D), где объединены TAL Manufacturing Solutions (оборонное подразделение компании Tata Motors), дивизион стратегического инжиниринга компании Tata Power, а также Tata Advanced Materials и Tata Advanced Systems. Завод Tata Boeing Aerospace в Телангане производит аэродинамические конструкции для вертолета Boeing AH-64

¹⁷ Tonbo Imaging. URL: <https://tonboimaging.com/main/> (дата обращения: 01.10.2025).

Apache. Там же работает производственная линия для сложных вертикальных структур оперения для Boeing 737. Tata Advanced Systems и Airbus Defence And Space работают над совместным производством среднего транспортного самолета Airbus C-295 в г. Вадодара (шт. Гуджарат) для замены парка британских самолетов Avro для BBC Индии и над сборкой вертолетов H125 в г. Вемагала (шт. Карнатака). Тата также реализует соглашение с Lockheed Martin на производство в Индии истребителей F-21 Block 70 [Jayakumar, 2023]. Tata A&D делает ставку на многоосные боевые машины поддержки, легкие бронированные машины, легкие машины поддержки, машины с противоминной защитой, легкие бронированные многоцелевые боевые машины, колесные бронированные амфибийные платформы и гусеничные амфибийные платформы. Компания также занимается разработкой воздушных платформ, роторных платформ, платформ с фиксированным крылом, систем управления полетами и авионики, беспилотными летательными аппаратами¹⁸.

Одной из наиболее уважаемых семейных компаний Индии, имеющих давнюю историю деятельности, является Godrej Group (основана в 1897 году). Как и Тата, семейство Годредж принадлежит к общине парсов, которые на протяжении столетий активно участвовали в различных видах бизнеса, служили мостом между индийским рынком и международными игроками, имеют сильную репутацию [Кулик, 2025]. Семейство Годредж по праву гордится тем, что стояло у истоков движения Индии к экономической независимости и самодостаточности. Подразделение Godrej Enterprises — Godrej Aerospace — более 30 лет сотрудничает с Индийской организацией космических исследований, что позволило компании диверсифицироваться в оборонный сектор, как только к этому появились благоприятные условия. Годредж были изготовителями двигателей L110 и CE20 для ракеты-носителя индийской разработки GSLV Mk III, двигателей для орбитального и посадочного модулей, а также многих компонентов для Chandrayaan, индийской лунной миссии. Godrej Aerospace участвует в программе BrahMos с момента ее запуска в 2001 году и производит большую часть ее металлических подсистем. Помимо основного планера компания поставляет рулевые поверхности, носовую часть, мобильные автономные пусковые установки, системы пополнения запасов ракет для наземных версий BrahMos, а также наземные системы (пусковые установки и носители ракет), морские системы, такие как корпусное оборудование, система выброса контейнера спасательного плота и рулевое управление. Среди недавних заказов, которые получила компания, — самоходный механический минный заградитель. Международные партнеры — Honeywell, GE, Rolls Royce, Boeing, Safran. В подразделениях компании, специализирующихся на аэрокосмической и оборонной промышленности, работают более 1200 человек. В течение следующих трех-пяти лет Godrej Group планирует увеличить в три раза имеющиеся мощности и построить в г. Халапур¹⁹, недалеко от Мумбаи, специальное научное и производственное предприятие для реализации растущего числа аэрокосмических и оборонных проектов.

Конгломерат Mahindra & Mahindra начал свою деятельность с продажи в Индии излишков американских джипов после окончания Второй мировой войны. Сегодня подразделение компании Mahindra Defence Land Systems производит небронированную и бронированную технику для индийской армии, такую как Armado — легкий бронированный автомобиль военного назначения (производство находится недалеко от Фаридабада, шт. Харьяна). Компания также разработала мобильную всепогодную вездеходную платформу с высокочувствительными датчиками, интегрированными в систему управления и контроля. Расположенная в ОАЭ Mahindra Emirates Vehicle Armouring поставляет продукцию компании по всему миру. Mahindra Defence Naval Systems, базирующаяся в г. Пуна (шт. Махараштра), производит торпедные системы, пусковые установки ложных целей и интегрированные системы противолодочной обороны, композитные компоненты,

¹⁸ Tata Advanced Systems. URL: <https://www.tataadvancedsystems.com/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁹ Godrej Enterprises. URL: <https://www.godrejenterprises.com/aerospace> (дата обращения: 01.10.2025).

радары, средства наблюдения. Mahindra Telephonics Integrated Systems, совместное предприятие Mahindra Defence Systems и Telephonics Corporation of U.S., производит радары, системы связи и наблюдения. Mahindra Aerospace занимается разработкой аэрокосмических платформ и сотрудничает с Embraer по производству военно-транспортного самолета C-390 Millennium в Индии. Компания имеет лицензию на производство стрелкового оружия и боеприпасов, занимается решениями для борьбы с беспилотниками. В апреле 2025 года военные подразделения корпорации были консолидированы внутри новой структуры — Mahindra Advanced Technologies Ltd. Мощности компании для производства военной техники расширяются.

Дерзкий новый игрок среди индийских семейных компаний, заявивший о себе не так давно, — это Adani Group [Кулик, 2025]. Компания действует на поле военных контрактов так же активно, как и на всех других. Оборонный бизнес компании Adani Defence and Aerospace²⁰ рассредоточен по 20 локациям на территории Индии. Самые известные среди них — аэрокосмический парк Адани в Бангалоре (шт. Карнатака), производство беспилотных летательных аппаратов совместно с израильской Elbit Systems в Хайдарабаде (шт. Телангана) и оборонный кластер в г. Мундра (шт. Гуджарат). Adani Group сотрудничает с DRDO в области производства конвенциональных бомб, ракет и высокоточных боеприпасов. Компания успешно провела испытания систем ПВО сверхмалой дальности и беспилотных высокоточных управляемых ракет. Adani Group — первая частная компания, создавшая комплексную экосистему разработки и производства стрелкового оружия. Adani Defence создает крупнейший в Южной Азии центр боеприпасов малого и большого калибра в специальном индустриальном коридоре шт. Уттар-Прадеш, который будет включать в себя первый в своем роде комплекс для разработки и производства стратегических барражирующих дронов-камикадзе.

Семья Лохиа, изначально зарабатывавшая торговлей в традиционных отраслях, в 1970-х гг. занялась производством пластмассового оборудования. Затем Lohia Group²¹ переключилась на технический текстиль, а в последнее время погрузилась в производство аэрокосмических композиций и в оборонную промышленность. Группа имеет скромное происхождение, уходящее корнями в промышленную жизнь г. Канпур (шт. Уттар-Прадеш), который когда-то называли восточным Манчестером. К 1970-м гг. семья пришла в индустрию пластмасс, сосредоточившись на производстве оборудования для изготовления тканых мешков — в то время этот сектор все еще сильно зависел от импорта джутовой упаковки. Создание компании Lohia Starlinger — СП в партнерстве с австрийской Starlinger & Co. — стало поворотным шагом. Это позволило группе объединить местные производственные ноу-хау с инженерным авторитетом европейской компании, предложив индийской промышленности долговечную синтетическую альтернативу джуту. Вскоре предприятие стало ведущим поставщиком оборудования для производства полипропиленовых тканых мешков, широко используемых для упаковки цемента, удобрений и продовольственного зерна. В течение следующих трех десятилетий группа стабильно, хотя и не очень быстро, расширялась. Ее машиностроительное подразделение создало лояльную клиентскую базу, особенно на развивающихся рынках, где экономичность имела не меньшее значение, чем точность. Подразделение текстильного оборудования обслуживало нишевый, но надежный рынок, делая Лохиа чем-то вроде невидимой опоры для упаковочной промышленности. Их деятельность распространилась на Латинскую Америку, Юго-Восточную Азию и Ближний Восток — регионы, нуждающиеся в инфраструктуре и продовольственной безопасности, а значит, и в мешках, которые служили и для того, и для

²⁰ Adani Defence & Aerospace. URL: <https://www.adani.com/businesses/infrastructure/defence-aerospace> (дата обращения: 01.10.2025).

²¹ Lohia Aerospace. URL: <https://www.lohiaaerospace.com/> (дата обращения: 01.10.2025).

другого. На современном этапе семья сделала решительный шаг в аэрокосмическую и оборонную отрасли, приобретя израильскую компанию Light & Strong Ltd., специализирующуюся на производстве композитных компонентов из углеродного и стекловолокна. Приобретение не было просто покупкой — оно ознаменовало собой целенаправленный стратегический сдвиг. С тех пор группа инвестировала около 12 млн долл. в строительство завода в Канпуре. Целью инвестиций является производство высококачественных деталей в сфере оборонной и аэрокосмической промышленности для мировых OEM-производителей.

Переход к производству ассортимента оборонного назначения компанией Lohia Group отражает более широкую тенденцию, характерную для индийских семейных фирм: когда масштабы унаследованных от прошлых поколений отраслей стагнируют, новые секторы, особенно те, где есть государственная поддержка, предлагают и рост, и престиж. Для Лохиа аэрокосмические композиты — это не просто диверсификация; это попытка перепозиционировать группу в более стратегически важный квадрант промышленной карты. Анураг Лохиа, один из нынешних директоров группы, объяснил, что этот шаг — часть усилий по созданию глобального присутствия фирмы, участию в кампании повышения самодостаточности индийской экономики и в модернизации индийской цепочки оборонных поставок.

Заключение

Таким образом, ландшафт индийского ВПК стремительно пополняется новыми действующими лицами. Если раньше он был в основном представлен крупными государственными предприятиями (Defence Public Sector Undertakings), такими как знаменитые Hindustan Aeronautics Limited, Bharat Electronics Limited, Mazagon Dock Shipbuilders и другими (на сегодняшний день в Индии 16 таких государственных компаний), а также ограниченным кругом частных компаний — их субподрядчиками и поставщиками, то сегодня поле битвы за оборонный бюджет расширяется за счет самых разнообразных игроков — небольших стартапов, средних компаний, получающих крупные индийские и иностранные инвестиции, публичных компаний, а также семейных конгломератов, которые также стремятся зайти в этот многообещающий сегмент. Кроме того, работают 10 государственных научно-исследовательских лабораторий, 15 центров передового опыта, объединивших DRDO, промышленность и академические круги (DRDO-Industry-Academia Centres of Excellence) [Srivastava, 2025].

Революция предпринимательства, охватившая Индию [Кулик, 2025], распространяется и на оборонно-промышленный комплекс. В Индии часто говорят, что стремятся повторить траекторию развития ВПК в таких странах как Израиль и США, где частный сектор сыграл решающую роль в качественном росте отрасли на определенном этапе и продолжает играть там существенную роль. Как и преобладающая часть современных индийских предпринимательских кругов, новые индийские компании в сфере обороны изначально думают глобально, имеют тесные связи с международным деловым сообществом и при этом стремятся декларировать интересы своей страны — развитие инноваций и повышение самодостаточности — во главе угла. Американский рынок и инвестиционный потенциал, как и для аналогичных компаний из Израиля, сегодня играет для них важнейшую роль.

Под влиянием текущей геополитической обстановки Индия получает увеличивающееся число запросов на поставки от тех стран, которые раньше ориентировались в военных закупках на Москву или Вашингтон. Среди импортеров индийской техники около 100 стран, в том числе Филиппины, Армения, Индонезия, Мьянма, Вьетнам, Шри-Ланка, Маврикий, Сейшельские острова, а также США и Франция. В перспективе все больше внимания индийские компании будут

уделять европейскому рынку, учитывая безудержную гонку перевооружения, разворачивающуюся в Европе. В 2023–2024 финансовом году объем экспорта индийской военно-технической продукции достиг 2,76 млрд долл., почти в 30 раз больше, чем в 2013–2014 году²². Индия ставит перед собой цель стать заметным игроком и одним из лидеров на мировом рынке вооружений. В стране был принят ряд мер, направленных на стимулирование экспорта. Упрощены процедуры получения экспортных лицензий. Расширены возможности Государственного экспортно-импортного банка (EXIM Bank of India) по предоставлению долгосрочных недорогих кредитов клиентам, в том числе тем, чьи политические или кредитные риски могут ограничить их доступ к традиционному финансированию — именно с прицелом на кредитование закупок военной продукции, сделанной в Индии. Для России такие тенденции в развитии ВПК Индии означают как новые возможности, связанные с совместными разработками, производством и экспортом техники в третьи страны, так и риски поставок в недружественные государства со стороны укрепляющих свои позиции индийских частных компаний, на которые уже сегодня приходится до 40% индийского военного экспорта²³.

Литература / References

- Евтодьева М. Военно-техническое сотрудничество Индии с США, Израилем и странами ЕС в контексте программы 'Make in India'. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 12. С. 26–37.
- Евтодьева М. Новые тенденции оборонно-промышленного развития и оборонных закупок Индии: 'Make in India' в действии. *Новый оборонный заказ. Стратегии*. 2025. № 1 (90). URL: <https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2025-01-90/novye-tendentsii-v-voenno-tehnicheskoy-sotrudnichestve-indii/> (дата обращения: 01.10.2025).
- Евтодьева М. Программы будущего: изменения в политике закупок и облике вооруженных сил Индии. *Новый оборонный заказ. Стратегии*. 2025. № 3 (92). URL: <https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2025-03-92/programmy-budushhego-izmeneniya-v-politike-zakupok-i-oblike-vooruzhennyh-sil-indii/> (дата обращения: 01.10.2025).
- Кедров И. РСЗО «Пинака»: для индийской армии и на экспорт. *Национальная оборона*. 2025. 18.02. URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/rszo-pinaka-dlya-indijskoj-armii-i-na-ehksport-46702.shtml?ysclid=m85yhwne2d42487915> (дата обращения: 01.10.2025).
- Кулик Л. Предпринимательство в Индии. Что меняющийся деловой ландшафт Индии означает для ее партнеров. *Московская школа управления СКОЛКОВО. Лаборатория индийских исследований*. 2025. URL: https://ftp.skolkovo.ru/web_team/Research/2025/India%20Lab/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8_SKOLKOVO_India_Lab_2025.pdf (дата обращения: 11.09.2025) [Kulik L. Entrepreneurship in India. What India's changing business landscape means for its partners. *Moscow School of Management SKOLKOVO, India Lab*. 2025 (in Russian and English)].
- Atmanirbhar, Agrani and Atulya Bharat 2047, India's Defence Industrial Sector Vision 2047. *Confederation of Indian Industry, KPMG*. May 2025. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmgsites/in/pdf/2025/05/indias-defence-industrial-sector-vision-2047.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).
- Baru S. *Secession of the Successful*. New Delhi: India Viking, 2025. P. 159.
- Jaishankar S. *Why Bharat Matters*. New Delhi: Rupa Publications India, 2024.
- Kant A. *Made in India: 75 Years of Business and Enterprise*. Delhi: Rupa Publications India Pvt Ltd., 2023.
- Lamba R., Rajan Raghuram G. *Breaking the mould: Reimagining India's Economic Future*. New York: Penguin Business, 2023.

²² Atmanirbhar, Agrani and Atulya Bharat 2047, India's Defence Industrial Sector Vision 2047. *Confederation of Indian Industry, KPMG*. May 2025. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmgsites/in/pdf/2025/05/indias-defence-industrial-sector-vision-2047.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

²³ Там же.

Saxena V. R. (Retd Lt Gen, Dr). An analytical review of India's defence exports. URL: <https://www.vifindia.org/article/2024/november/12/An-Analytical-Review-of-India-s-Defence-Exports> (дата обращения: 01.10.2025).

Электронные ресурсы / Electronic resources

Мелоян Т. Х. Российско-армянское взаимодействие на современном этапе. URL: <https://russian-council.ru/papers/RIAC-Russia-Armenia-PolicyBrief59.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

Abhirami G., Kalyanaraman A. There's no business like the defence business. Ask the \$400M company that has little to do with it. September 10, 2024. URL: <https://the-ken.com/story/theres-no-business-like-the-defence-business-ask-the-400m-company-that-has-little-to-do-with-it/> (дата обращения: 01.10.2025).

India's defence industry now supplies to over 90 countries. Guess who is the biggest importer. 25 August, 2024. URL: <https://theprint.in/best-of-theprint-icymi/indias-defence-industry-now-supplies-to-over-90-countries-guess-who-is-the-biggest-importer/2237748/> (дата обращения: 01.10.2025).

Invest India. Defence Manufacturing. URL: <https://www.investindia.gov.in/sector/defence-manufacturing> (дата обращения: 01.10.2025).

Jayakumar P. B. The \$130 Billion Battle For India's Defence Pie. March 7, 2023. URL: <https://www.fortuneindia.com/long-reads/the-130-billion-battle-for-indias-defence-pie/111829> (дата обращения: 01.10.2025).

Jain A. Ideaforge soars, but most Indian drone startups await a clear signal to fly. June 28, 2023. URL: <https://the-ken.com/story/ideaforge-soars-but-most-indian-drone-startups-await-a-clear-signal-to-fly/> (дата обращения: 01.10.2025).

Kumar A. URL: Ajay Kumar Writes: It's Time for India's Defence Tech Start-Ups to Go Global. February 2, 2025. <https://www.outlookbusiness.com/magazine/ajay-kumar-writes-its-time-for-indias-defence-tech-start-ups-to-go-global> (дата обращения: 01.10.2025)

Mitra O. A swarm of Indian defence tech startups emerges in push for self-reliance. April 3, 2025. URL: <https://globalventuring.com/corporate/asia/indias-defence-tech-ecosystem/> (дата обращения: 01.10.2025).

PM Narendra Modi calls startups "backbone" of new India, declares Jan 16 as 'National Startup Day'. January 15, 2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/tech/start-ups/pm-narendramodi-calls-start-ups-backbone-of-new-india-declares-jan-16-as-national-start-up-day/articleshow/88912955.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 01.10.2025).

Ramanathan A. A rescue act: Defence startup Tonbo relies on its outsourcing vendor to be its defender. March 9, 2023. URL: <https://the-ken.com/story/defence-startup-tonbo-relies-on-its-outsourcing-vendor/> (дата обращения: 01.10.2025).

Saha J. 100 days of progress: How PM Modi's third term is shaping India. September 28, 2024. URL: <https://www.investindia.gov.in/blogs/100-days-progress-how-pm-modis-third-term-shaping-india> (дата обращения: 01.10.2025).

Singh P. V. iDEX, the paper tiger in India's defence startup push. July 14, 2021. URL: https://the-ken.com/story/idx-the-paper-tiger-in-indias-defence-startup-push/?utm_source=daily_story&utm_medium=email&utm_campaign=daily_newsletter (дата обращения: 01.10.2025).

Srivastava H. B. India's defence innovation journey: From importer to major exporter after the reforms of 2020. November 2, 2025. URL: <https://government.economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-defence-manufacturing-transformation-from-importing-to-exporting-powerhouse/125016803> (дата обращения: 01.10.2025).

Tyagi G., Seetharaman G. Vocal for local: \$2.7bn Zetwerk goes from marketplace to manufacturer. July 26, 2022. URL: <https://the-ken.com/story/vocal-for-local-2-7bn-zetwerk-goes-from-marketplace-to-manufacturer/> (дата обращения: 01.10.2025).

Upadhyaya A. 16 Defence Tech Startups Fuelling The 'Make In India' Drive In Defence. January 28, 2025. URL: <https://inc42.com/startups/16-defence-tech-startups-fuelling-the-make-in-india-drive-in-defence/> (дата обращения: 01.10.2025).

Vivek N. D. Navigating a Multipolar World: India's Defense Diversification. December 17, 2024. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/navigating-a-multipolar-world-indias-defense-diversification/> (дата обращения: 01.10.2025).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-197-202

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СССР И ИРАНА В 1960–70-е ГОДЫ

© 2025

Н. М. Мамедова¹

Период 60–70-х годов в истории экономических отношений СССР и Ирана выделяется как ростом объемов экономического сотрудничества, так и значительной его диверсификацией. Проведение Ираном широкомасштабных социально-экономических реформ «белой революции» потребовало изменения его преимущественной политической ориентации во внешней политике на США, налаживания политических контактов с Советским Союзом, а главное, расширения экономических связей. Благодаря им Ирану удалось значительно повысить свой промышленный потенциал, развить газовую отрасль, став впервые экспортером газа на мировом рынке.

Ключевые слова: Советский Союз, Иран, политические связи, экономическое сотрудничество, тяжелая промышленность Ирана

Для цитирования: Мамедова Н. М. Развитие экономических связей СССР и Ирана в 1960–70-е годы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 197–202. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-197-202

DEVELOPMENT OF ECONOMIC CONTACTS BETWEEN USSR AND IRAN IN THE 1960s – 1970s

Nina M. Mamedova

The 1960s and 1970s in the history of economic relations between the USSR and Iran are marked by both the growth of economic cooperation and its significant diversification. Iran's implementation of large-scale socio-economic reforms during the 'White Revolution' necessitated a shift in its predominantly US-oriented foreign policy, the establishment of political contacts with the Soviet Union, and, most importantly, the expansion of economic ties. Thanks to these reforms, Iran was able to significantly increase its industrial potential, develop its gas industry, and become a global gas exporter for the first time.

Keywords: Soviet Union, Iran, political connections, economic cooperation, heavy industry of Iran

For citation: Mamedova N. M. Development of Economic Contacts Between USSR and Iran in the 1960s – 1970s. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 197–202. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-197-202

¹ Мамедова Нина Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mamedovan@mail.ru

Nina M. Mamedova, PhD (econ.), Lead Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mamedovan@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4571-8206

Отношения Ирана и России на протяжении более пятисот лет, в т. ч. и в XX в., развивались очень неравномерно. Периоды взлета сменялись периодами упадка, вплоть до военных столкновений, и наоборот. После окончания Второй мировой войны, а также после падения в 1953 г. правительства М. Мосаддека связи между СССР и Ираном были ограничены лишь поддержанием дипломатических отношений. Тем не менее обе стороны уже в 50-х годах начали предпринимать шаги к налаживанию отношений. Так, в 1954 г. было подписано соглашение об урегулировании спорных пограничных и финансовых вопросов (о возврате иранского золота, вывезенного на хранение после ввода советских войск в Иран в августе 1941 г.), в 1956 г. советская сторона отказалась официально от претензий на нефтяную компанию «Кавир Хуриан». В июне-июле 1956 г. СССР посетили шах Ирана и шахиня Сорейя. В 1959 г. СССР и Иран в Тегеране начали переговоры о подписании Договора о ненападении, но они были неудачны, советская делегация покинула Тегеран, и вновь наступил кризис в отношениях [Мамедова, 2009, с. 166]. Более того, Иран в это же время подписал военный договор с США [Махдиян, 2014, с. 74].

Фактически новый этап нормализации и расширения отношений приходится на 60–70-е годы, т. е. на период проведения в Иране реформ сверху, или «Белой революции». И этот этап ознаменовался расширением главным образом экономических связей. В эти годы Иран в своей внешней политике отказался от даже несколько демонстративной односторонней ориентации на США, перешел к тактике гибкого маневрирования между Западом и Востоком, к так называемой «независимой национальной политике» [Мусави, 2022], которая по времени совпала с приходом в начале 60-х годов к власти в США демократического правительства Джона Кеннеди и началом формирования новой внешней политики, направленной на разрядку напряженности в отношениях с Советским Союзом. Под влиянием этого фактора стал меняться и внешний курс Ирана. Еще 15 сентября 1962 г. иранское правительство в своей ноте правительству СССР заявило, что Иран «не предоставит никакому иностранному государству права иметь ракетные базы каких бы то ни было видов на территории Ирана» и «никогда не разрешит, чтобы Иран был средством агрессии против территории Советского Союза» [Правда, 1962]. И Советский Союз это воспринял как призыв к налаживанию и расширению не только дипломатических, но и экономических связей. Давайте вспомним, что к этому времени наша страна восстановилась после войны и стала заметно укреплять свой научно-экономический потенциал, отражением чего стало развитие космической отрасли. А Иран в 1959/60 г. находился в глубоком экономическом, главным образом валютно-финансовом кризисе², получал иностранную помощь от стран Запада и, конечно, был заинтересован и в потенциале советского рынка, и в самом СССР как политическом и экономическом конкуренте Запада. Ведь почти вся долгосрочная экономическая помощь Запада была предоставлена на развитие инфраструктуры, а частный иностранный капитал в этот период осваивал в основном легкие отрасли иранской промышленности. Новый экономический курс изменил и внешнеполитический курс, который был нацелен на индустриализацию и диверсификацию экономики. Этот курс был концептуально и финансово подкреплён Третьим семилетним планом (1962–1968), целью которого было превращение Ирана в одного из экономических лидеров региона.

Участились политические контакты. Осенью 1963 г. Иран посетил Л. И. Брежнев, в 1965 г. Советский Союз вновь посетил Мохаммед Реза Пехлеви с шахиней Фарах Пехлеви. Вслед за политическими контактами стали укрепляться и экономические связи.

В 1963 г. в Тегеране было подписано первое значительное после войны соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. Оно предусматривало сотрудничество в строительстве

² Точную динамику ВВП во второй половине 50-х годов показать нельзя, т. к. статистическая оценка ВВП в Иране началась с 1959/60 г. С этого года, совпавшего с экономическим кризисом, темпы роста ВВП стали положительными.

объектов, имевших значение для развития экономики обеих стран. Это — гидротехнические сооружения на пограничной р. Аракс (плотина, водохранилище, две гидроэлектростанции — на советской и иранской сторонах плотины), водозаборная плотина в районе Горадуз–Асландуз, что давало возможность оросить более 100 тысяч га земель в Муганской степи, строительство осетрового рыбопродуктового завода, элеватора, мелиоративные работы на северо-восточном берегу Каспийского моря (Казахстан), в районе Энзели, строительство 11 зерновых элеваторов и др. [История Ирана, 1977, с. 466]. Предусматривалось финансирование работ на паритетных началах. Для оплаты поставок из СССР оборудования и технических услуг Ирану предоставлялся кредит на 12 лет на 35 млн руб. из расчета 3,6% годовых. Его погашение должно было осуществляться поставками в СССР товаров иранского экспорта, что, безусловно, отвечало задачам начавшегося в это время в Иране бурного этапа индустриализации. Этот принцип был положен и в последующие соглашения об оплате экономической и научно-технической помощи, оказываемой СССР Ирану.

Именно в этот период были подписаны соглашения о прямом железнодорожном сообщении и прямой радиотелефонной связи между Москвой и Тегераном. СССР продолжал оказывать помощь Ирану в борьбе с нашествиями саранчи, медицинскую помощь населению через советскую больницу в Тегеране. С помощью СССР велись работы по углублению каспийского порта Энзели (с 1925 до 1980 г. — порт Пехлеви) [Иванов, 1965, с. 250–251].

В августе 1964 г. было подписано Соглашение о воздушном сообщении между Москвой и Тегераном, которое предусматривало полеты советских самолетов через Тегеран в страны Азии и иранских самолетов через Москву в европейские страны.

Но реально выполнение всех соглашений по сотрудничеству и само полномасштабное экономическое сотрудничество началось после того, как премьер-министром Ирана стал в январе 1965 г. Амир Аббас Ховейда, который старался использовать опыт и соперничество стран Востока и Запада для индустриализации Ирана, в т. ч. для развития отраслей 1-го подразделения промышленности.

В январе 1966 г. было подписано новое и более конкретное советско-иранское Соглашение о сотрудничестве в строительстве промышленных и других предприятий. Соглашение предусматривало участие Советского Союза в строительстве Исфаханского металлургического комбината мощностью 500–600 тыс. тонн стали в год. Кроме того, было предусмотрено сотрудничество с СССР в строительстве машиностроительного завода, а также трансиранского магистрального газопровода для экспорта газа в СССР. По этому соглашению советские организации выполняли проектно-изыскательские работы, поставляли оборудование, посылали специалистов для оказания технической помощи. Соглашение предусматривало поставки природного газа в Советский Союз, машин и оборудования из СССР в Иран на 1970–1985 гг. СССР предоставлял на эти цели кредит в размере 200 млн руб. из расчета 2,5% годовых сроком на 12 лет. Еще в 1968 г. для укрепления советско-иранского экономического сотрудничества была создана Постоянная советско-иранская Комиссия по экономическому сотрудничеству, которая работает до настоящего времени.

Поэтому стал постепенно расти взаимный товарооборот, особенно советский экспорт в Иран. Уже в 1971/72 г. доля СССР в экспорте Ирана составила 20%, в импорте — 7,1%. В 1960/61 г. эта доля соответственно составляла 14,1% и 2,8% [Шарипов, 1973, с. 40]. Только с 1349 по 1353 г. (с 1970/71 по 1974/75 г.) иранский импорт из СССР вырос в 1,8 раза, а иранский нефтепродуктовый экспорт — в 1,3 раза [Iran Almanac, 1976, p. 284–285].

Какие из наиболее крупных проектов были реально осуществлены?

1. Построенный в Исфахане металлургический комбинат был открыт в марте 1973 г. Строительство в дальнейшем других металлургических заводов, в т. ч. «Мобарак» (он был пущен в строй в 1991 г.), работающего на использовании технологии прямого восстановления железа, как показала

практика и история металлургии, не уменьшает значимости ни постройки Исфаханского комбината с полным металлургическим циклом, ни его места в экономике. Именно пуск Исфаханского комбината позволил Металлургической компании Ирана, которой принадлежал Исфаханский завод, уже в 1975–1977 гг. заключить ряд соглашений с металлургическими международными концернами (на строительство заводов по прямому восстановлению железа по разным технологиям, которые к этому времени не получили еще заводского воплощения ни в одной стране) [Мамедова, 1997, с. 54].

2. Для обеспечения Исфаханского завода сырьем с помощью СССР были произведены геолого-разведывательные работы и пущены в эксплуатацию шахты по добыче угля и железной руды.

Они стали использоваться и до сих пор используются как для Исфаханского завода, так и для металлургических комбинатов, построенных позже для работ по прямому восстановлению железа.

3. Немаловажно, что для работников Исфаханского завода СССР построил городок Арьяшехр, в котором была предусмотрена вся необходимая экономическая и социальная инфраструктура (архитектором был Ю. Н. Коновалов). В нем работали также школы, готовившие кадры для металлургического завода.

4. Машиностроительный завод в Араке (1969–1972) не только явился первым универсальным предприятием, который выпускал подъемные краны, паровые котлы, оборудование для сахарных и цементных заводов, сельскохозяйственную технику, но и остается таковым до сих пор, сделав акцент на выпуск крупного оборудования для нефтехимических предприятий. Он стал первым заводом тяжелой промышленности в Иране, который в настоящее время является одним из ведущих предприятий отрасли не только в самом Иране, но и в Ближневосточном регионе. Необходимо отметить, что именно после начала строительства Исфаханского и Аракского заводов в иранскую тяжелую промышленность стали «входить» и западные компании, которые ранее ограничивались либо созданием предприятий легкой промышленности, либо производством бытовой техники.

5. Оплата в основном производилась поставками газа — в счет кредита, выделенного Советским Союзом на строительство всех объектов по Соглашению. Но надо было обеспечить и добычу газа, и его транспортировку. Был построен Трансиранский газопровод длиной свыше тысячи (1106) км. Его северный участок (500 км), который был построен полностью советской стороной, вступил в строй в 1970 г. От Бид-Боланда, где находятся головные сооружения, газопровод проходил по трассе Исфахан–Кашан–Кум–Тегеран–Казвин–Решт–Энзели–Астара. Через Астару газ поступал в СССР, уже с конца 1970 г. газ стал поступать в Закавказье, а освободившиеся в результате этого собственные газовые ресурсы СССР стал экспортировать в Европу. Для Ирана это был первый экспортный газопровод, до его пуска газ сжигался в факелах. Уже в 1972 г. экспорт газа составил более 8 млрд куб. м, возрастая в последующие годы. С 1970 по 1975 г. экспорт газа увеличился с 93,5 до 1016 куб. футов, т. е. в 10,9 раза [Iran Almanac, 1976, p. 233].

6. Были построены плотина и 2 ГЭС на Араксе. В связи со строительством гидротехнических сооружений на Араксе в мае 1970 г. был подписан Дополнительный протокол к Соглашению 1954 г., определивший новое прохождение границы по водохранилищам гидроузла «Аракс» и Мильско-Муганской водозаборной плотины на Араксе. После проведения демаркационных работ в августе 1973 г. Иран и СССР подписали Дополнительный протокол к Договору о режиме границ 1957 г., связанный с изменениями линии прохождения границы [Кулагина, Дунаева, 1998, с. 75].

В 1972 г., когда основные объекты сотрудничества были введены в строй, был подписан новый договор о развитии экономического и технического сотрудничества, в котором предусматривалось участие СССР в развитии иранской черной и цветной металлургии, нефтегазовой, нефтехимической промышленности, ирригации, сельского хозяйства, энергетических сооружений,

элеваторов. Большое место уделялось сотрудничеству в области подготовки кадров. Договор был заключен на 15 лет с правом автоматического продления на каждые следующие 5 лет, если ни одна из сторон не заявит о желании приостановить его действие. Сотрудничество стало развиваться по все большему кругу проблем, актуальных для обеих стран. Так, в феврале 1975 г. была подписана совместная программа по сохранению и очищению вод Каспийского моря, а уже в декабре того же года — Протокол о дальнейшем расширении работ по Каспию. СССР учредил центры рыбоводства, один из которых действовал уже в 1975 г. и давал в год до 25 млн мальков.

В феврале 1975 г. состоялся визит в СССР министра экономики и финансов Ирана Хушанга Ансари, во время которого было подписано новое Соглашение об экономическом сотрудничестве, которое включало совместное строительство в СССР большого бумажного комплекса уже с кредитом от Ирана. От имени СССР этот документ подписал глава ГКЭС С. А. Скачков. Это Соглашение предусматривало также расширение советского участия в Иране:

- 1) расширение металлургического комбината в Исфахане,
- 2) строительство новых электростанций,
- 3) строительство крупного зернового элеватора,
- 4) расширение завода в Араке,
- 5) переход оплаты на национальные валюты.

Х. Ансари при этом сказал, что СССР и Иран полностью завершают всю документацию по открытию в Иране 44 технических школ — до конца 1975 г. В августе 1975 г. было подписано с Ираном Соглашение о продаже иранского газа через Астару в Германию, у которой ранее СССР закупил трубы для строительства северного участка газопровода.

И в сентябре 1975 г. был подписан Протокол о модернизации железных дорог на северо-западе Ирана. Параллельно расширялись культурные связи, участился обмен визитами на самом разном уровне.

О степени расширения экономических связей нагляднее всего свидетельствует товарооборот. В 1965 г. он составлял только 33,3 млн руб., в 1970 г. — уже 231,2 млн руб., в 1975 г. — 509,7 млн руб., в 1977 г. — 707,5 млн руб., т. е. вырос более чем в 20 раз [Современный Иран, 1993, с. 426–427]. Причем рос оборот главным образом за счет советского экспорта и товаров, и услуг. И, конечно, в тех высоких темпах роста иранской экономики в 60–70-е годы — свыше 10% (в постоянных ценах) [Современный Иран, 1993, с. 368] немаловажную роль сыграло экономическое сотрудничество с СССР.

Дальнейшее расширение экономических и упрочение политических отношений было прервано революцией 1979 г. в Иране, хотя руководство СССР заявило о намерении развивать и в дальнейшем добрососедские отношения. Советскому руководству импонировал антиамериканский настрой новой власти. Хотя исламское руководство провозгласило главным направлением своей внешней политики «ни Запад, ни Восток, а ислам», первым иностранным послом, который был после исламской революции принят Хомейни, был посол СССР.

Литература / Reference

Иванов М. С. *Новейшая история Ирана*. М., 1965 [Ivanov M. S. *Modern history of Iran*. Moscow, 1965 (in Russian)].

История Ирана. Отв. ред. М. С. Иванов. М.: Издательство МГУ, 1977 [History of Iran. Ed. by M. S. Ivanov. Moscow: MGU Publishing House, 1977 (in Russian)].

Кулагина Л. М., Дунаева Е. В. *Граница России с Ираном (история формирования)*. М., 1998 [Kulagina L. M., Dunaeva E. V. *The border of Russia with Iran (history of formation)*. Moscow, 1998 (in Russian)].

Мамедова Н. М. *Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии*. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997 [Mamedova N. M. *Iran in the 20th Century. The Role of the State in Economic Development*. Moscow: Institute for Israel and Middle East Studies, 1997 (in Russian)].

Мамедова Н. М. История советско-иранских отношений (1917–1991). *Иран. История, экономика, культура. Памяти С. М. Алиева*. М.: ИВ РАН, 2009 [Mamedova N. M. History of Soviet-Iranian Relations (1917–1991). *Iran. History, Economy, Culture. In Memory of S. M. Aliyev*. Moscow: IOS RAS, 2009 (in Russian)].

Махдиян М. Х. *История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX — начало XX века)*. М.: ИВ РАН, 2014 [Makhdiyev M. Kh. *History of interstate relations between Iran and Russia (19th — early 20th centuries)*. Moscow: IOS RAS, 2014 (in Russian)].

Правда. 16.09.1962 [*Pravda*. 16.09.1962 (in Russian)].

Современный Иран. Справочник. М.: ИВ РАН, 1993 [*Modern Iran*. Directory. Moscow: IOS RAS, 1993 (in Russian)].

Шарипов У. З. Экономическое сотрудничество Ирана с социалистическими странами Восточной Европы. *Иран (сборник статей)*. М.: ИВ Академии наук СССР, 1973 [Sharipov U. Z. Economic cooperation of Iran with the socialist countries of Eastern Europe. *Iran (collection of articles)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, 1973 (in Russian)].

Iran Almanac and Book of facts. Tehran, 1976.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Мусави Мохаммад. Почему СССР решил построить металлургический комплекс в СССР? ИноСМИ. 07.10.2022. URL: <https://inosmi.ru/20180520/242233456.html> (дата обращения: 05.09.2025).

МУЛЬТИТРЕКОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ПАПУА-НОВОЙ ГВИНЕИ (АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН).

Часть I

© 2025

Н. Н. Миклухо-Маклай мл.¹

В исследовании автор ставит цель выявить эффективность мультитрековой дипломатии и дать ее определение в контексте рассматриваемых двусторонних отношений, основываясь на международном опыте и практической деятельности в качестве руководителя некоммерческой организации Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая (Фонд им. Миклухо-Маклая),² деятельность которого с 2017 г. оживила отношения между Российской Федерацией и Независимым Государством Папуа–Новая Гвинея (ПНГ). Сотрудничество в рамках «мультитрековой дипломатии» с ПНГ — своего рода государством-гигантом среди малых островных государств Океании — представляется весьма актуальным в свете стремления России усилить свою роль и влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Особенно учитывая активизацию в последние годы со стороны США, Китая, Индии, Франции, Австралии³, которые развивают экономические, культурные, оборонные и др. проекты с островным государством.

Ключевые слова: мультитрековая дипломатия, неофициальная дипломатия, второй трек дипломатии, научная дипломатия, публичная дипломатия, гражданская дипломатия, Папуа–Новая Гвинея, Азиатско-Тихоокеанский регион, Фонд им. Миклухо-Маклая, некоммерческие организации, НКО

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа-Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 203–213. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-203-213

¹ Миклухо-Маклай мл. Николай Николаевич, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Санкт-Петербург; nn@mikluho-maclay.ru

Nickolay Miklouho-Maclay jr., PhD (Hist.), Head of the Center for South Pacific Studies, research fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia; nn@mikluho-maclay.ru
ORCID: 0000-0002-5085-1693.

² Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.org/>.

³ US, Papua New Guinea sign defence agreement // The Economic Times: official site. 2023, May 22. URL: [https://www.abc.net.au/news/2023-12-07/australia-png-sweeping-security-agreement-threats-pacific-china/103200386](https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-papua-new-guinea-sign-defence-agreement/articleshow/100425570.cms; (BRF2023) Chinese premier holds talks with Papua New Guinea PM // Xinhua: official site. 2023, Oct. 16. URL: https://english.news.cn/20231016/411aab10c64449918a55de58eaf9dd36/c.html; K. Needham. US, Papua New Guinea sign defence agreement as Modi pledges support for Pacific Islands // Reuters: official site. 2023, May 22. URL: https://www.reuters.com/world/modi-blinken-meet-pacific-island-leaders-papua-new-guinea-2023-05-21/; Signing of agreements by the EU on support to Papua New Guinea for a Forest, Climate Change and Biodiversity Programme and Green Investments // European Commission: official site. 2023, Jul. 28. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/news-and-events/news/signing-agreements-eu-support-papua-new-guinea-forest-climate-change-and-biodiversity-programme-and-2023-07-28_en; Anthony Albanese and James Marape sign sweeping security pact between Australia and PNG, China continues efforts to expand Pacific policing ties // ABC News: official site. 2023 Dec. 7. URL: <a href=) (дата обращения: 10.10.2025).

MULTITRACK DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S RELATIONS WITH PAPUA-NEW GUINEA (ASIA-PACIFIC REGION).

Part I

Nickolay N. Miklouho-Maclay jr.

In this research, the author aims to identify the effectiveness of multitrack diplomacy and define it in the context of the bilateral relations under consideration, based on international experience and practical activities as the head of the Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage (Miklouho-Maclay Foundation). Since 2017, the foundation's activities have revitalised relations between the Russian Federation and the Independent State of Papua New Guinea (PNG). Cooperation within the framework of 'multitrack diplomacy' with PNG — a kind of giant among the small island states of Oceania — seems particularly relevant in light of Russia's desire to strengthen its role and influence in the Asia-Pacific region (APR). This is especially true given the increased activity in recent years on the part of the United States, China, India, France and Australia, which are developing economic, cultural, defence and other projects with the island nation.

Keywords: Multi-Track Diplomacy, second track, scientific diplomacy, informal diplomacy, Papua New Guinea, Asia-Pacific region, Miklouho-Maclay Foundation, NPO

For citation: Miklouho-Maclay N. N. jr. Multitrack Diplomacy in the Context of Russia's Relations with Papua New Guinea (Asia-Pacific Region). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 203–213. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-203-213

ЧАСТЬ I

Введение

В XXI в. международные отношения между странами, не имеющими идеологических или территориальных разногласий, строятся на принципах добрососедства и взаимопонимания. Процессы глобализации и цифровизации способствовали преодолению такого географического фактора как «тирания расстояний», затрудняющего коммуникацию, что позволило, невзирая на географическую удаленность, с особо удаленными от России малыми островными государствами взаимодействовать в политической, культурной, гуманитарной, экономической и иных сферах в интересах каждой из сторон.

Масштаб практического материала, который хотелось бы проанализировать, достаточно значительный, поэтому целесообразно первую часть (первую статью) посвятить «мультитрековой дипломатии» и международному опыту ее применения, определив ее границы. А во второй части через призму «мультитрековой дипломатии» на основе анализа деятельности Фонда им. Миклухо-Маклая рассмотреть развитие отношений между Россией и Папуа-Новой Гвинеей.

Мультитрековая и публичная дипломатия

В условиях международной нестабильности все большее значение начинает приобретать «мультитрековая дипломатия», которую отличает мобильность во взаимодействии с партнерами. Не будучи скованной, ограниченной рамками проводимых государствами линий официальной политики, она способствует поддержанию регулярных связей с официальным и экспертным

сообществом, предоставляя возможность диалога на неофициальном треке и тем самым обеспечивая подготовку или выработку совместных решений, на которые сможет опираться официальная дипломатия [Бурлинова, 2017, с. 43].

Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН А. А. Громыко в статье «Дипломатия как наука и искусство. Размышляя о прочитанном» пишет: «Дипломатия, помноженная на глубокие познания, профессиональные навыки, научные подходы, становится необходимым элементом стратегического мышления государства. Дипломатическая деятельность по своей природе столь же рутинна и монотонна, сколь дает простор для творчества, неординарных шагов и решений» [Громыко, 2022, с. 93].

Дипломат призван защищать интересы страны на международной арене. Планирование внешнеполитических стратегических программ государства неразрывно связано с коммуникациями экспертного сообщества в рамках выработки Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждаемой главой государства⁴.

В 1981 г. в журнале «Foreign Policy» Д. Монтвиль (1937–2022), сотрудник дипломатической службы государственного департамента США⁵, в совместной статье с психологом В. Давидсоном поднял вопрос об актуальности неформального взаимодействия между членами противоборствующих групп или наций для эффективного урегулирования конфликтов. Джозеф Монтвиль, основываясь на своей дипломатической практике, еще находясь на службе сделал вывод: «Таким образом, “второй трек” дипломатии может внести свой вклад в качестве дополнения к очевидным недостаткам официальных отношений, особенно в периоды напряженности. Это неофициальное, неструктурированное взаимодействие» [Davidson, Montville, 1981–1982, p. 155]. В то время дипломатия не рассматривала системного привлечения в переговорный процесс неофициальных акторов в рамках внешнеполитической деятельности. Утверждение дипломата было достаточно прогрессивным.

В 1996 г. в своей совместной работе «Мультитрековая дипломатия: Системный подход к миру» исследователь доктор философии Луиза Даймонд и Джон Макдональд (1922–2019)⁶, вдохновленные работой Монтвиля, представили девять треков: «первый трек — официальная дипломатия, второй — разрешение конфликтов, третий — бизнес и коммерция, четвертый — частные граждане, пятый — исследователи и преподаватели, шестой — активисты, седьмой — религиозные лидеры и их последователи, восьмой — финансисты, девятый — работа с общественным мнением и коммуникациями». Авторы подчеркивали, что каждый трек имеет уникальные ресурсы, но ни один из треков в одиночку не может обеспечить на планете мир. «Синергетический эффект создает совместное взаимодействие по всем трекам в рамках достижения устойчивого мира» [Diamond, McDonald, 1996, p. 4–5].

Цель советской неофициальной, публичной дипломатии до 1985 г., пишет кандидат политических наук Н. А. Трегубов в статье «Публичная дипломатия СССР в советско-американских отношениях эпохи холодной войны: ресурсы и результаты», состояла в идеологической победе над США в условиях мирного сосуществования [Трегубов, 2017, с. 20]. В советские годы методы СССР, используемые в рамках культурной и научной дипломатии, убедительно опережали пропаганду

⁴ См. Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»: принят Президентом Российской Федерации 31 марта 2023 г. М., 2023. 43 с.; Указ Президента Российской Федерации № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»: принят Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г. М., 2016. 38 с.

⁵ Remembering Joseph V. Montville (1937–2022) // George Mason University. URL: <https://www.gmu.edu/news/2022-06/remembering-joseph-v-montville-1937-2022>

⁶ Джон Макдональд (1922–2019), посол США в ООН, основатель Института мультитрековой дипломатии (The Institute for Multi-Track Diplomacy, IMTD) // Institute For Multi-Track Diplomacy. URL: <https://www.imtd.org/our-founders>

либеральных ценностей США. Эта форма внешнеполитических усилий в рамках публичной дипломатии сыграла существенную роль в утверждении авторитета СССР на международной арене и продвижении его внешней политики, этот феномен изучался за рубежом [см.: Barghoorn, 1960, p. vii, 353]. Особенно эффективными были всесоюзные общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Центральный офис организации был создан в Москве в 1925 г., а в 1958 г. общество было переименовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, хорошо известное по аббревиатуре «ССОД». ССОД объединял все существовавшие на тот момент общества, ассоциации, комитеты дружбы, республиканские общества культурной связи с заграницей, различные отраслевые секции и поддерживал контакты с 7 500 организациями, общественными деятелями и представителями науки и культуры из 134 стран. По всему миру действовало 108 общественных ассоциаций, институтов дружбы с СССР. Организация советских культурных связей полностью опиралась на государственное и плановое начало, осуществляя пропаганду ценностей коммунизма и положительного образа СССР [Орлов, 2013, с. 87]. Американские исследователи были изумлены тем положительным образом, который возникал у иностранцев, посещавших СССР [см.: Фокин, 2022, с. 48]. После распада Советского Союза продолжателем деятельности ССОД по развитию общественных связей стал Международный союз общественных объединений Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС), учрежденный в 1992 г. Членами РАМС являются 104 организации⁷.

В наши дни Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова и др. общественные организации работают по развитию культурных, гуманитарных связей в тесном сотрудничестве с МИД РФ⁸.

В отечественной науке систематизация подхода по изучению феномена «мультитрековой дипломатии» только начала проявляться. Первая попытка комплексно осмыслить дипломатию второго и полуторного трека как публичную дипломатию, рассмотреть теоретические аспекты и практики ее использования осуществлена под редакцией доктора политических наук, профессора М. М. Лебедевой в 2017 г. в коллективной монографии «Публичная дипломатия. Теория и практика». В написании книги участвовали 14 превосходных исследователей, точки зрения которых отличались друг от друга, при этом единое понимание неофициальной публичной дипломатии было определено как «воздействие одного государства на общество другого»; общим стало понимание того, что «такое воздействие может осуществляться как официальными лицами, так и неофициальными». Рассматривая вопрос публичной, неофициальной дипломатии, авторы пришли к выводу, что неофициальная дипломатия может осуществляться не только государствами, но и надгосударственными образованиями⁹.

В классической модели дипломатических отношений выделяют три уровня или три трека. Официальная дипломатия, также известная как «первый трек», представляет собой комплекс официальных отношений между странами. Этот процесс включает в себя официальные переговоры, встречи на высшем уровне, дипломатические консультации, обмен нотами и другие официальные мероприятия, осуществляемые через руководство государств, дипломатические миссии, официальные делегации и другие официальные каналы.

⁷ См.: Российская ассоциация международного сотрудничества. URL: <http://rams-international.ru/history/>

⁸ См.: Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. URL: <https://rs.gov.ru/>; Фонд «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/>; Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. URL: <https://gorchakovfund.ru/>

⁹ Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 5.

«Дипломатию второго трека» глоссарий «Курса общественного дипломата», вышедший в свет как пособие для будущих дипломатов первого трека, определяет как «понятие в области публичной дипломатии, подразумевающее под собой участие неправительственных структур в решении межгосударственных вопросов, в том числе активное вовлечение в коммуникационный процесс бывших и действующих представителей органов государственной власти» [Бурлинова, 2017, с. 43]. Стоит обратить внимание, что в определение «второго трека» входит и экспертная дипломатия, представляющая собой совокупность неформальных каналов взаимодействия через экспертов в различных областях (политологи, социологи, экономисты, журналисты), (НКО)¹⁰ или НПО за рубежом¹¹. Формат переговоров в рамках «второго трека» отличается более высокой мобильностью, так как они проходят не в формализованной обстановке. «Дипломатия второго трека рассматривается как систематическое консультирование на неформальном, неправительственном уровне, при этом эксперты, как правило, не являются прямыми представителями сторон, но способны выражать и обсуждать позиции стран, представляя фактические настроения более широких общественных кругов», — поясняет Е. А. Степанова, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН [Степанова, 2019, с. 135]. В учебном пособии «Особенности дипломатии современного Китая», адресованном студентам, обучающимся по направлениям подготовки «Международные отношения», «Востоковедение и африканистика», кандидат политических наук Н. В. Козыкина обращает внимание на то, что «Китай давно уже перевел свою дипломатию на уровень личных контактов, активно разворачивая дипломатию на высшем уровне». Опираясь на работы Дж. Монтвиля, о котором упоминалось выше, она поясняет: «основные взаимосвязанные сферы деятельности в рамках «второго трека»: 1) проведение неофициальных встреч между представителями конфликтующих сторон; 2) оказание влияния на общественное мнение с тем, чтобы на уровне общественного сознания изменить образы конфликтующих сторон; 3) совместное экономическое развитие» [Козыкина, Муратшина, 2017, с. 121].

Научная дипломатия показала свою эффективность в урегулировании международных конфликтов. В статье «Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН» авторы — директор Института востоковедения РАН, доктор исторических наук А. К. Аликберов и научный руководитель Института, академик РАН, доктор исторических наук В. В. Наумкин обращают внимание на преимущество дипломатии второго трека: «В отличие от традиционной дипломатии, которая может быть ограничена формальными рамками и политическими соображениями, дипломатия второго трека позволяет создавать более гибкую и открытую платформу для обмена мнениями. Это способствует формированию доверия между участниками, что особенно важно в условиях затяжных конфликтов или отсутствия официальных переговорных каналов» [Аликберов, Наумкин, 2024, с. 117].

Доктор философских наук Фуад Нора рассматривает дипломатию «второго трека» как важный элемент в процессе переговоров. Он считает, что это не официальная, но действенная линия, которая влияет на убеждения и восприятие участников. Цель такой дипломатии — изменить понимание сторонами своих стратегических интересов и основополагающих ценностей [Nohra, 2022, p. 19].

Обращает на себя внимание зарубежная практика активного взаимодействия официальной дипломатии с экспертным сообществом, для которой выстроена система подготовки экспертов через аналитические центры. Ученые, публикуя свои исследования, способствуют формированию

¹⁰ Некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Полученную прибыль она направляет на осуществление своей деятельности и не распределяет ее между участниками.

¹¹ См.: U. S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/non-governmental-organizations-ngos-in-the-united-states/>

информационной среды, мнения для широкой общественности и представляют экспертную оценку первому треку дипломатии. Эффективным в этом контексте является центр (научно-исследовательский), организация, которая сфокусирована на сборе информации с целью проведения анализа внутренней и внешней политики того или иного государства, способствуя своими исследованиями обществу получать информацию, а внешнеполитическому государственному аппарату вырабатывать стратегию, тактику, принимать взвешенные решения. По данным американского рейтинга за 2015 г., в мире насчитывается 6846 аналитических центров, из них на долю США приходится 1835 (400 базируются в Вашингтоне), а на Европу, включая Россию, — 1770¹².

На современном этапе в зарубежных научных кругах, специализирующихся на изучении международных отношений, широкое распространение получило исследование неформальных каналов и их роли как негосударственных акторов внешней политики. Над этой темой на Западе работают научные центры и институты, наиболее крупные из которых — Институт глобальных конфликтов и сотрудничества в США (Institute on Global Conflict and Cooperation) и Стокгольмский международный институт исследования проблем мира в Швеции (SIPRI, Stockholm International Peace Research Institute)¹³. Это направление исследований в зарубежной литературе получило обобщающее название «second-track diplomacy» — второй трек дипломатии.

Переговоры в рамках второго трека не лишены недостатков: они имеют статус лишь частной беседы, декларации о намерениях — не более того. И этот факт в большинстве случаев, но не во всех, недостаточен для выработки итоговых документов. Соглашения не являются обязательными к исполнению, а скорее имеют характер документа о намерениях. Здесь есть много вариантов: официальные лица из правительств участвующих сторон могут прислушаться к высказанным пожеланиям, а могут и проигнорировать их. Это связано с форматом «второго трека», который де-юре не накладывает никаких формальных обязательств на стороны переговоров. Однако опыт подсказывает, что даже при наличии документа соглашение попросту не работает, если данный документ был принят без заинтересованности сторон в его исполнении.

В 1979 г. институт Esalen¹⁴ предложил внедрить новый формат переговоров — переговоры «полуторного трека».

«Полуторный трек», являющийся неким средним звеном между «первым» и «вторым» треками, показал свою полезность и эффективность [см.: Сондерс, 2019, с. 135].

Идея заключается в попытке аккумуляции положительных элементов обоих форматов и нивелирования слабых сторон. По факту — это переговоры «второго трека», но с обязательным участием уполномоченных официальных лиц. Так сохраняется мобильность формата «второго трека», при этом юридическая и политическая ценность достигнутых соглашений существенно возрастает.

В 1994 г. в России был создан «Центр политических исследований в России» (ПИР-Центр). Сегодня ПИР-Центр является ведущей в России неправительственной организацией, специализирующейся на изучении вопросов ядерного нераспространения, разоружения и противодействия вызовам и угрозам глобальной безопасности, занимающейся, в частности, организацией и проведением международных встреч в формате «полуторного трека»¹⁵.

¹² См.: Коннери М. Фабрики мысли. Digital // Российский Совет по международным делам. 15.07.2015. URL: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fabriki-mysli-digital/>

¹³ См.: University of California Institute on Global Conflict and Cooperation. URL: <https://ucigcc.org/>; Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/>

¹⁴ См.: Esalen Institute and Esalen Center for Theory & Research. URL: <https://www.esalen.org/>

¹⁵ Неформальный семинар ПИР-Центра в рамках проекта «Научные среды» на тему «US-Soviet/Russian Relations in the Times of Crises: Lessons Learned from the Esalen Track 1.5 Diplomacy» / ПИР-Центр.

«Полуторный трек» дипломатии — это модель, когда при участии неправительственных структур организуется диалог дипломатов и политиков высокого и высшего уровня при участии неофициальных лиц, которые имеют влияние в регионе либо обладают должными компетенциями эксперта; при этом не предусмотрено соблюдение официального протокола в рамках этого формата встреч. Возможен вариант, когда одну сторону представляет лицо, к которому есть доверие у обеих сторон, не имеющее официального статуса, но ведущее переговоры с официальными лицами и в интересах официальной стороны. В этом случае неофициальное лицо имеет влияние, и к нему должно быть доверие у всех участников переговоров. Цель этих встреч — достижение договоренностей приемлемым способом и в том формате, который возможен для обеих сторон.

Третий уровень, «третий трек» осуществляется на уровне граждан и общин — он формирует определенный климат в обществе, способствует формированию позитивного имиджа страны через индивидуальный дружественный формат в рамках регулярного общения, участия в совместных культурных, спортивных мероприятиях. Такой формат С. В. Генюш в своей работе «Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики» определил как гражданскую дипломатию [Генюш, 2012, с. 16].

Россия в ПНГ

Связи между Россией и жителями о-ва Новая Гвинея начали складываться в последней трети XIX в. Начало им положил наш соотечественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888) — ученый-путешественник и общественный деятель [Миклухо-Маклай, 2022, с. 220–237], получивший мировое признание как выдающийся исследователь региона, борец против расизма и угнетения папуасов о-ва Новая Гвинея [Levit, Hossfeld, 2020; Миклухо-Маклай, 2022, с. 220–237].

В XX в. ввиду распада СССР интенсивность контактов между РФ и ПНГ предельно снизилась, и посольство СССР, проработав в ПНГ несколько лет, закрылось в 1992 г. С 1995 г. российская сторона представлена в этой стране чрезвычайным и полномочным послом России в Индонезии и в Независимом Государстве Папуа — Новая Гвинея по совместительству¹⁶, не находясь фактически на территории ПНГ, но поддерживая формальные контакты.

В XXI в. активизация двусторонних отношений РФ и ПНГ наблюдается с начала 2010-х годов. 26 сентября 2012 г. министр иностранных дел РФ С. В. Лавров встретился с руководителями и представителями развивающихся островных государств южной части Тихого океана¹⁷.

С 2017 г. научные и гуманитарные связи активизировались через интенсивную исследовательскую работу российских ученых¹⁸ при поддержке Фонда им. Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай-младший, 2020а. С. I–XVII; Миклухо-Маклай, 2020b, № 1(46), с. 269–284; Миклухо-Маклай, 2023, с. 389–408]¹⁹. НКО организует разнонаправленные проекты, сотрудничая одновременно с российской и папуа-новогвинейской сторонами. Это приводит к ощутимым результатам в инвестиционно-финансовой и экспортно-импортной сфере, а также в области туризма

URL: <https://pircenter.org/news/neformalnyj-seminar-pir-centra-v-ramkah-proekta-nauchnye-sredy-na-temu-us-soviet-russian-relations-in-the-times-of-crises-lessons-learned-from-the-esalen-track-1-5-diplomacy/>

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.12.2024 № 1017 «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в Независимом Государстве Папуа — Новая Гвинея по совместительству» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412020001>

¹⁷ О встрече министра иностранных дел России С. В. Лаврова с руководителями и министрами иностранных дел островных государств южной части Тихого океана // МИД РФ. 01.02.2012. URL: https://www.mid.ru/web/guest/ukraine/-/asset_publisher/HfLxJk5I2xvu/content/id/172454

¹⁸ <https://mikluho-maclay.org/expeditions/>

¹⁹ Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.org/>

и культурного взаимодействия. ПНГ в современных геополитических условиях демонстрирует готовность и заинтересованность в сотрудничестве с Россией по направлению культурных, медицинских, гуманитарных и экономических проектов через инициативные заявления премьер-министра, членов парламента как результат выстроенной системы, активизирующей регулярные проекты в рамках «второго», «третьего» и переговоров в рамках «полуторного» трека²⁰.

Заключение

В связи с отсутствием общепринятой формулировки автор берет на себя смелость определить термин «мультитрековая дипломатия» в своей работе как дипломатию, которая включает различные уровни (треки) взаимодействия с официальной дипломатией по направлению культуры, науки, спорта, бизнеса и др. Степень взаимодействия с «первым треком» (официальная дипломатия — межгосударственный уровень) и влияния на официальную повестку определяет название треков: «полуторный», «второй» и «третий» трек.

Отличительной особенностью дипломатии «полуторного», «второго», «третьего» трека в контексте деятельности НКО Фонд им. Миклухо-Маклая является то, что она независима, а ее представители действуют в интересах государства, не являясь официальными лицами.

Альтернативные инструменты налаживания и поддержания международных связей, использование неофициальных каналов представляют собой важный вклад в практическую дипломатию «первого» трека. «Мультитрековая дипломатия» благодаря своей эффективности обращает на себя все больше внимания со стороны официальной дипломатии, и это дает право надеяться на то, что у неофициальной дипломатии есть перспективы для рассмотрения ее как отдельного направления общей системы дипломатической деятельности наравне с таким важным направлением, как работа с соотечественниками за рубежом²¹.

Неофициальная дипломатия доказала свою эффективность, тем интереснее рассмотреть и проанализировать деятельность НКО на примере отношений РФ и ПНГ на современном этапе в рамках «мультитрековой дипломатии». Фонд им. Миклухо-Маклая показал способность не только представлять экспертизу, но и быть актором в развитии направлений сотрудничества, осуществлении проектов, способствующих позитивной официальной повестке. Пример тому — организация визового режима для граждан России в ПНГ²².

Рассмотрение и анализ методов, которые применялись для развития связей между РФ и ПНГ, описание созданной инфраструктуры и этапов взаимодействия некоммерческой организации с российской и папуа-новогвинейской стороной, результаты и перспективы автор рассчитывает представить в рамках исследования в следующей статье.

Литература / References

Аликберов А. К., Наумкин В. В. Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН. *Вестник МГИМО-Университета*. 2024. Т. 17. № 4. С. 101–120 [Alikberov A. K., Naumkin V. V. Track two diplomacy in the format of situational analysis: the experience of the Institute of Oriental Studies RAS. *Journal of MGIMO University*. 2024. Vol. 17. No. 4. P. 101–120 (in Russian)].

²⁰ ПМЭФ. Папуа — Новая Гвинея заключила соглашение о сотрудничестве с Фондом Росконгресс // ТАСС, 7 июня 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21030425>

²¹ Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875>

²² URL: <https://mikluho-maclay.ru/vizy-v-png-dlya-rossiyan-stali-elektronnyimi/>

Бурлинова Н. В. *Курс общественного дипломата: Учеб.-метод. материалы*. М.: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2017 [Burlinova N. V. *Public Diplomat's Course: Educational and methodological materials*. M.: Nekommercheskoe partnerstvo «Rossiiskij sovet po mezhdunarodnym delam», 2017 (in Russian)].

Генюш С. В. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2012. Т. 5. № 5 (25). С. 14–25 [Genyush S. V. Expert diplomacy: civil society in the service of foreign policy. *Kontury globalnykh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2012. Vol. 5. No. 5 (25). P. 14–25 (in Russian)].

Граймс Р. Наука в Великобритании — диалог с правительством и обществом. *Международная жизнь*. 2016. № 4. С. 119–125 [Grayms R. Science in the UK — dialogue with government and society. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2016. No. 4. P. 119–125 (in Russian)].

Громыко А. А. Дипломатия как наука и искусство. Размышляя о прочитанном. *Международная жизнь*. 2022. № 10. С. 92–108 [Gromyko A. A. Diplomacy as a science and art. Reflecting on what I've read. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2022. No. 10. P. 92–108 (in Russian)].

Исаева Е. В. Всероссийская конференция «Первые международные чтения по канадоведению в РГГУ памяти В. А. Коленеко». *Американский ежегодник 2024*. Отв. ред. проф. В. В. Согрин. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. С. 382–393 [Isaeva E. V. All-Russian Conference “The first international readings on Canadian Studies at the Russian State University in Memory of V. A. Koleneko”. *Amerikanskij ezhegodnik 2024* / Prof. V. V. Sogrin (ed.). M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2024. P. 382–393 (in Russian)].

Козыкина Н. В., Муратшина К. Г. Особенности дипломатии современного Китая: учеб. пособие. Науч. ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017 [Kozykina N. S., Muratshina K. G. *Features of diplomacy and the modern China: training manual*. S. I. Mihailenko (ed.). Yekaterinburg: Izd. Uralskogo Universiteta, 2017 (in Russian)].

Лебедева М. М. (ред.). *Публичная дипломатия: Теория и практика*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017 [Lebedeva M. M. (ed.). *Public Diplomacy: Theory and Practice: A Scientific Publication*. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017 (in Russian)].

Миклухо-Маклай-младший Н. Н. По следам Миклухо-Маклая. Российские научные экспедиции на Берег Маклая в XXI в. *Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: В 6 т.* СПб., 2020а. Т. 1. С. I–XVII [Miklouho-Maklay-Jr. N. N. Following in the footsteps of Mikloukho-Maclay. Russian scientific expeditions to the Coast of Maclay in the 21st century. *Miklouho-Maklay N. N. Collected Works in Six Volumes*. SPb., 2020. 1. P. I–XVII (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Возрождение российских научных исследований в Папуа-Новой Гвинее в начале XXI в. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2020b. Т. I. № 1(46). С. 269–284 [Miklouho-Maklay N. N. The revival of Russian scientific research in Papua New Guinea in the early 21st century. *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2020. Vol. I. No. 1(46). P. 269–284 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. О роли личности в истории: Н. Н. Миклухо-Маклай. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 220–237 [Miklouho-Maklay N. N. On the role of personality in history: N. N. Miklouho-Maklay. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. № 1. S. 220–237 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Полевые исследования как фактор развития двусторонних отношений между Российской Федерацией и Папуа-Новой Гвинеей. *Востоковедные полевые исследования. Материалы Всероссийской научной конференции (2021–2022 гг.)*. Сб. М.: ИВ РАН, 2023. С. 389–408 [Miklouho-Maklay N. N. Field research as a factor in the development of bilateral relations between the Russian Federation and Papua New Guinea. *Vostokovednye polevyje issledovaniya. Materialy Vserossiiskoj nauchnoj konferencii (2021–2022)*. M.: IV RAN, 2023. P. 389–408 (in Russian)].

Орлов И. Б. «Бойцы идеологического фронта»: подготовка гидов-переводчиков в СССР. *Время, вперед! Культурная политика в СССР*. Под ред. И. В. Глушенко, В. А. Куренного. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С. 81–94 [Orlov I. B. “Fighters of the ideological front”: training guides and interpreters in the USSR. *Time, go ahead! Cultural policy in the USSR*. I. V. Glushhenko, V. A. Kurennoy (eds.). M.: Izdatelskij dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2013. P. 81–94 (in Russian)].

Петров А. Ю. Изучение истории освоения Севера Тихого океана и Северо-Запада Америки на международных конференциях в 2022 году. *Американский ежегодник 2022*. Отв. ред. проф. В. В. Согрин. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 309–316 [Petrov A. Yu. Studying the history of the exploration of the North Pacific Ocean and the Northwest of America at international conferences in 2022. *Amerikanskij ezhegodnik 2022*. V. V. Sogrin (ed.). М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2022. P. 309–316 (in Russian)].

Сондерс Г. Г. *Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформации и изменения*. Пер. с англ. И. В. Поляничевой. Под науч. ред. А. Г. Аксенёнка, И. Д. Звягельской. М.: «Аспект Пресс», 2019 [Saunders G. G. *Sustainable dialogue in conflicts: Transformations and Changes* (tr. from Eng. I. V. Polyaničeva; ed. A. G. Akseniok, I. D. Zviagel'skaya. М.: «Aspekt Press», 2019 (in Russian)].

Степанова Е. Динамика диалога в конфликтах: второй трек. *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 1(56). С. 135–146 [Stepanova E. Dynamics of dialogue in conflicts: track two. *Puti k miru i bezopasnosti*. 2019. No. 1(56). P. 135–146 (in Russian)].

Трегубов Н. А. Публичная дипломатия СССР в советско-американских отношениях эпохи холодной войны: ресурсы и результаты. *Вестник развития науки и образования*. 2017. № 9. С. 16–25 [Tregubov N. A. Public diplomacy of the USSR in Soviet-American Relations of the Cold War Era: resources and results. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2017. No. 9. P. 16–25 (in Russian)].

Фокин В. И. Культурная дипломатия СССР 20–30-х годов XX в. в современной информационной войне. *Межкультурный диалог в современном мире*. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 47–55 [Fokin V. I. Cultural diplomacy of the USSR in the 1920–1930s in the modern information war. *Mezhkulturnyj dialog v sovremennom mire*. SPb.: Skifiia-print, 2022. P. 47–55 (in Russian)].

Шевчук Н. В. «Дипломатия всех треков»: опыт применения на постсоветском пространстве. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2023. Т. 30. № 1. С. 182–191 [Shevchuk N. V. “Diplomacy of all tracks”: experience of application in the post-Soviet space. *Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. Vol. 30. No. 1. P. 182–191 (in Russian)].

Щитов А. Н. Культурная и научная дипломатия. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право*. 2020. № 1(11). С. 96–109 [Shhitov A. N. Cultural and scientific diplomacy. *Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo*. 2020. No. 1(11). P. 96–109 (in Russian)].

Barghoorn F. C. *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press, 1960.

Davidson W. D., Montville J. V. Foreign policy according to Freud. *Foreign Policy*. Winter 1981–1982. № 45. P. 145–157.

Diamond L., McDonald J. *Multi-Track Diplomacy: A Systems Approach to Peace*. Third Edition. West Hartford: Kumarian Press, 3rd ed. 1996.

Nohra F. The track two diplomacy and its contribution to the Israeli-Palestinian Oslo peace process [Дипломатия второй линии и ее роль в содействии процессу мирного урегулирования израильско-палестинского конфликта в рамках соглашений в Осло]. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. 2022. No. 1. P. 19–30.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Коннери М. Фабрики мысли. Digital // Российский Совет по международным делам. 15.07.2015. URL: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fabriki-mysli-digital/> (дата обращения: 03.11.2025).

О встрече министра иностранных дел России С. В. Лаврова с руководителями и министрами иностранных дел островных государств южной части Тихого океана. МИД РФ. 01.02.2012. URL: https://www.mid.ru/web/guest/ukraine/-/asset_publisher/HfLxJk5I2xvu/content/id/172454 (дата обращения: 03.11.2025).

ПМЭФ. Папуа-Новая Гвинея заключила соглашение о сотрудничестве с Фондом Росконгресс. ТАСС. 7 июня 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21030425> (дата обращения: 03.11.2025).

Указ Президента Российской Федерации от 02.12.2024 № 1017 «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в Независимом Государстве Папуа-Новая Гвинея по совместительству». Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412020001> (дата обращения: 03.11.2025).

Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875> (дата обращения: 03.11.2025).

Anthony Albanese and James Marape sign sweeping security pact between Australia and PNG, China continues efforts to expand Pacific policing ties. ABC News: official site. 2023. Dec. 7. URL: <https://www.abc.net.au/news/2023-12-07/australia-png-sweeping-security-agreement-threats-pacific-china/103200386> (дата обращения: 03.11.2025).

Chinese premier holds talks with Papua New Guinean PM. Xinhua: official site. 2023. Oct. 16. URL: <https://english.news.cn/20231016/411aab10c64449918a55de58eaf9dd36/c.html> (дата обращения: 01.11.2025).

Levit G. S., Hossfeld U. Ernst Haeckel, Nikolai Miklucho-Maclay and the racial controversy over the Papuans. *Frontiers in Zoology*. 2020. No. 17: 16. URL: <https://frontiersinzoology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12983-020-00358-w> (дата обращения: 03.11.2025).

Needham K. US, Papua New Guinea sign defence agreement as Modi pledges support for Pacific Islands. Reuters: official site. 2023. May 22. URL: <https://www.reuters.com/world/modi-blinken-meet-pacific-island-leaders-papua-new-guinea-2023-05-21/> (дата обращения: 03.11.2025).

Remembering Joseph V. Montville (1937–2022). George Mason University. URL: <https://www.gmu.edu/news/2022-06/remembering-joseph-v-montville-1937-2022> (дата обращения: 05.11.2025).

Signing of agreements by the EU on support to Papua New Guinea for a Forest, Climate Change and Biodiversity Programme and Green Investments. European Commission: official site. 2023. Jul. 28. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/news-and-events/news/signing-agreements-eu-support-papua-new-guinea-forest-climate-change-and-biodiversity-programme-and-2023-07-28_en (дата обращения: 03.11.2025).

US, Papua New Guinea sign defence agreement The Economic Times: official site. 2023. May 22. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-papua-new-guinea-sign-defence-agreement/article-show/100425570.cms> (дата обращения: 01.11.2025).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-214-222

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТРАНСТВУЮЩИЕ БОГИ / РЕЛИГИИ В ДВИЖЕНИИ»

© 2025

М. М. Бочков, П. А. Демидова, П. В. Моргунова¹

Первая международная конференция «Странствующие боги: религии в движении» (Стра-Бог / GMRM), прошедшая 6–8 октября 2025 года в Институте востоковедения РАН в Москве, была посвящена комплексному исследованию миссионерской деятельности в широком смысле — как одного из ключевых механизмов перемещения религиозных идей, практик и текстов. Организованная Институтом востоковедения РАН при участии Восточного факультета ГАУГН, конференция объединила специалистов в области религиоведения, истории, культурологии и антропологии для анализа процессов распространения, адаптации и локализации религий с древности до наших дней. На заседаниях семи тематических секций обсуждались как история католических, суфийских и православных миссий, так и случаи сопротивления распространению верований и сложные формы синкретизма. Дополнением программы стали выставка «Догматические тексты — великие и неизвестные» и презентация коллективной монографии об истории христианства в Южной и Восточной Азии. Итогом мероприятия стала не только содержательная дискуссия, но и намерение продолжить серию конференций, направленных на преодоление дисциплинарных и региональных разрывов в изучении религий.

Ключевые слова: религиоведение, история, культурология, антропология, христианство, ислам, Азия

Для цитирования: Бочков М. М., Демидова П. А., Моргунова П. В. Первая международная научная конференция «Странствующие боги/религии в движении». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 214–222. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-214-222

FIRST INTERNATIONAL CONFERENCE “GODS ON THE MOVE / RELIGIONS IN MOTION”

Maksim V. Bochkov, Polina A. Demidova, Polina V. Morgunova

¹ Бочков Максим Михайлович, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; m.bochkov@ivran.ru
Maksim M. Bochkov, Research assistant, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow;
m.bochkov@ivran.ru
ORCID: 0009-0009-6483-5270

Демидова Полина Андреевна, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; diemidova.07@gmail.com
Polina A. Demidova, Research assistant, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow;
diemidova.07@gmail.com
ORCID: 0009-0009-1830-4217

Моргунова Полина Вячеславовна, лаборант-исследователь, аспирант Института востоковедения РАН, Москва;
pmorgunovav@yandex.ru
Polina V. Morgunova, Research assistant, postgraduate student at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; pmorgunovav@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-9218-724X

The first international conference “Gods on the Move: Religions in Motion” (StraBog / GMRM), held in Moscow from October 6–8, 2025, was dedicated to a comprehensive study of missionary activity as a key mechanism for the transmission of religious ideas, practices, and texts. Organized with the participation of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the State Academic University of Humanities (GAUGN), the conference brought together scholars in religious studies, history, cultural studies, and ethnography to examine the processes of dissemination, adaptation, and localization of religions from antiquity to the present days. Across seven thematic sessions, participants discussed missionary strategies employed by Jesuit, Sufi, and Orthodox missions, as well as cases of resistance to religious expansion and complex forms of syncretism. The program was further enriched by the exhibition “Dogmatic Texts—Great and Unknown” and the presentation of a collective monograph on the history of Christianity in South and East Asia. The conference culminated not only in substantive scholarly dialogue but also in a commitment to continue this conference series, aimed at bridging disciplinary and regional divides in the study of religions.

Keywords: religious studies, history, cultural studies, anthropology, Christianity, Islam, Asia

For citation: Bochkov M. V., Demidova P. A., Morgunova P. V. . First International Conference “Gods on the Move / Religions in Motion”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 214–222. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-214-222

Уже на протяжении многих лет предметом интереса исследователей остается широкое религиозноведческое поле, в котором пока не уделялось отдельное организованное внимание процессам развития духовных учений и верований в процессе перемещения на соседние и более отдаленные территории. Поэтому идея форума, получившего название «Странствующие боги: религии в движении», заключалась именно в исследовании религиозных и онтологических идей вне локуса зарождения, при прямом или стадийном распространении. Задача конференции заключалась в заполнении соответствующих тематике лакун, с которыми можно столкнуться в научной среде и по сей день, а миссия — объединить в процессе дискуссий специалистов-религиоведов, культурологов, историков и текстологов из академических институтов, научных и образовательных учреждений.

Первая конференция СтраБог / GMRM 2025 года успешно прошла с 6 по 8 октября и была кратко озаглавлена «МИССИЯ», что подразумевает изучение процесса перенесения и внедрения информации о духовных учениях в иноконфессиональную среду. В задачи форума входили и рецепция пришлых верований обществом и государством на местах; вопросы непростого синтеза; вопросы методологии, использовавшейся условными «миссионерами» для распространения своей веры (или напротив — вопросы, связанные с инкапсулированностью пришлых религиозных общин, по ряду причин не желавших расширения круга адептов, как это произошло с носителями иудаизма в Китае).

Конференция проходила три дня и была разделена на семь секций. Форум открылся пленарным заседанием в первый день конференции, вернисажем выставки под названием «Догматические тексты — великие и неизвестные» и презентацией коллективной монографии Института стран Азии и Африки «Христианство и духовная культура в Южной и Восточной Азии: История и современность», ответственным редактором которой выступила к. и. н., доцент А. В. Бочковская, член оргкомитета «СтраБог», а одним из авторов — Д. В. Дубровская, автор концепции конференции.

Первый день конференции «Странствующие боги: религии в движении» открылся торжественным пленарным заседанием в Актовом зале Института востоковедения РАН. С приветственными словами к участникам обратились генеральный директор Государственного Эрмитажа,

академик РАН *М. Б. Пиотровский*, директор Института восточных рукописей РАН, член-корреспондент РАН *И. Ф. Попова*, директор ИВ РАН, доктор исторических наук *А. К. Аликберов* и заведующая Отделом искусства и материальной культуры ИВ РАН, доктор исторических наук, профессор ГАУГН *Д. В. Дубровская*.

Илл. 1. Приветственное слово директора ИВ РАН А. К. Аликберова

Fig. 1. Opening Remarks by the Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, A. K. Alikberov.

По: [Первая международная научная конференция, 2025]

В рамках пленарного заседания с докладами выступили ведущие специалисты в области востоковедения, истории и религиоведения. Среди тем выступлений — историко-культурные и религиозные процессы в различных регионах мира. *Диакон Сергей Пантелеев* (Московская духовная академия) в своем выступлении проанализировал историко-культурные и религиозные процессы поздней Античности на примере трех Крещений Армении. Феномен русского православного старообрядчества в Уганде представил д. и. н., член-корреспондент РАН *Д. М. Бондаренко* (ИВ РАН). Символику «Канона перемен» осветил д. ф. н., заведующий отделом Китая ИВ РАН *А. И. Кобзев*, а роль религии в современной политике Израиля рассмотрел заведующий отделом Израиля и еврейских общин к. и. н. *В. Ю. Смирнов* (ИВ РАН). Интеллектуальные традиции Магриба и Сахеля проанализировал д. и. н. *В. В. Орлов* (ИСАА МГУ). Философский аспект восприятия «божественных эманаций» в современном стал темой выступления к. э. н. *В. М. Немчинова* (ИВ РАН), а антропологические особенности ислама в Мали через призму повседневных практик представил д. к. н. *П. А. Куценков* (ИВ РАН) в докладе, посвященном анализу синкретических религиозных представлений в современном малийском обществе. Особенности миссионерской деятельности иезуитов при дворе Великих Моголов раскрыла д. и. н. *Е. Ю. Ванина* (ИВ РАН), проблематику «китаизации» религии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе на современном этапе осветил к. и. н. *Д. В. Буяров* (БГПУ), а загадку неоднозначного восприятия наследия Маттео Риччи в Китае представила д. и. н. *Д. В. Дубровская* (ИВ РАН).

Илл. 2. Пленарное заседание конференции СтраБог, доклад Е. Ю. Ваниной (ИВ РАН) «Миссия невыполнима: иезуиты при дворе Моголов (XVI–XVII вв.)»

Fig. 2. Plenary Session of the StraBog Conference: Presentation by E. Yu. Vanina (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences): "Mission Impossible: Jesuits at the Mughal Court (16th–17th Centuries)"/

По: [Первая международная научная конференция, 2025]

Во второй половине дня в помещениях ГАУГН состоялось открытие тематической выставки «Догматические тексты — великие и неизвестные», а также прошла презентация коллективной монографии «Христианство и духовная культура в Южной и Восточной Азии: История и современность», в которой рассматриваются малоизученные аспекты взаимодействия христианства с культурно-духовными традициями стран этого обширного региона. Уникальность издания заключается в комплексном исследовании как истории христианства, так и новых тенденций в его взаимоотношениях с другими религиями, а также процессов создания национальных церквей. Эта монография, предназначенная для широкого круга специалистов-гуманитариев и студентов, стала четвертой книгой в масштабном проекте «Христианство на Востоке», реализуемом историко-политологическим отделением ИСАА МГУ [Новикова, 2025].

В рамках выставки «Догматические тексты — великие и неизвестные» центральной темой стал феномен догматического текста как сакрального остова религии. Экспозиция совмещала всемирно известные каноны, подобные «Сутре Сердца», и малоизвестные широкой публике тексты из личных собраний ученых, каждый из которых имел свою историю приобретения в ходе полевой работы. Хронологические рамки представленных материалов охватывали период от древней Авесты до сутр новых религий Японии XX века, а в пространстве выставки соседствовали санскритские веды, арабские трактаты, сикхские гимны и конфуцианские поучения, многие из которых остаются живыми инструментами познания и сегодня. Кураторами выставки выступили Д. В. Дубровская и А. В. Бочковская, а в организации помогали лаборанты-исследователи отдела искусства и материальной культуры ИВ РАН [Выставка, 2025]. К вернисажу был составлен и каталог выставки [Каталог изданий, 2025].

Завершился первый день работой секции «Путешествия богов античности», модератором которой выступила к. и. н., с. н. с. Отдела искусства и материальной культуры ИВ РАН С. Е. Малых. В рамках секции были представлены доклады, посвященные миграции и трансформации религиозных образов и культов в древности и поздней Античности. Исследователи рассмотрели пути распространения древнеегипетских божеств, восприятие культа Геракла и трансформацию его образа в Индии, формирование генеalogий Христа в раннехристианской литературе, а также вопросы атрибуции культовых сооружений и синкретизма в традиционных религиях Африки. Особый

интерес вызвали доклады, представленные на первой секции «Путешествия богов античности», в полной мере отразившие масштаб и актуальность проблем изучения искусства и материальной культуры. К числу наиболее ярких выступлений отнесем доклад *И. А. Ладыниной* (МГУ), посвященный вероятным древнеегипетским коннотациям сюжета о царе Сахлуке и «образу огня» в средневековой египетско-арабской традиции. *М. А. Лебедев* (ИВ РАН) осветил роль древнеегипетских божеств пустыни в эпоху Древнего и Среднего царств, а *Е. Г. Вырищikov* (ИВ РАН) представил исследование о культе Геракла в эллинистической Индии. Завершила этот блок *И. А. Завадская* (КФУ им. В. И. Вернадского, НИЦ ИАК) с дискуссией об атрибуции культового сооружения в позднеантичном Херсонесе.

Илл. 3. Открытие выставки «Догматические тексты — великие и неизвестные»

Fig. 3. Opening of the exhibition "Dogmatic Texts — Great and Unknown"

По: [Выставка, 2025]

Во второй день конференции прошли заседания второй, третьей и четвертой секций. Вторая секция «Ислам и «соседи»» прошла под руководством заместителя декана Восточного факультета ГАУГН (Государственного академического университета гуманитарных наук) и н. с. ИВ РАН *Г. В. Лукьянова*. Как следует из названия, в секции прозвучали доклады, посвященные изучению различных аспектов распространения ислама и взаимодействия мусульман с культурами и народами в странах Западной и Северной Африки, в Испании и Японии; было проанализировано взаимодействие культур и традиций. Так, *С. А. Рагозина* (ИВ РАН) изучила влияние неосунизма и процессов деисламизации на традиционные общества, рассмотрев различные формы прозелитизма. *Т. Д. Черкасова* (ИСАА МГУ) исследовала роль суфийской обители в средневековых Магрибе и Испании как вида миссионерской инфраструктуры, обзрев опорные пункты фронта и рассмотрев социальные и расовые аспекты. *Д. В. Соловьева* (ИСАА МГУ) исследовала вопрос расовых стереотипов марокканцев в отношении мусульман Западной Африки в XVI–XIX вв. *Л. Ш. Кулиева* (ИВ РАН) рассмотрела современные формы исламского влияния, где в качестве примера была взята такая часть популярной культуры, как японская манга. Был поднят вопрос историографии.

Г. В. Лукьянов (ИВ РАН, ГАУГН) проанализировал различные подходы к изучению прозелитической деятельности ислама, а именно — мусульманского тариката сенусий в Ливии, в российской и зарубежной историографии.

Илл. 4. Секция № 2 «Ислам и “соседи”», доклад Г. В. Лукьянова (ИВ РАН, ГАУГН)
«Прозелитическая деятельность мусульманского тариката Сенусий в Ливии в зеркале российской и зарубежной историографии»

Fig. 4. Section 2: “Islam and Its ‘Neighbors’”. Presentation by G. V. Lukyanov (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Higher School of Economics): “The Proselytizing Activities of the Senussi Muslim Tariqa in Libya as Reflected in Russian and Foreign Historiography”

По: [Первая международная научная конференция, 2025]

Следующая, третья секция, прошедшая под руководством к. и. н., доцента Восточного факультета ГАУГН М. С. Кругловой, носила название «Христианство и миссионерство в Восточной Азии» и была посвящена докладам, исследующим аспекты проникновения христианства в страны Восточной Азии, в частности Китай, Монголию и Корею. Особое внимание было уделено миссиям. Д. В. Возчиков (УрФУ) рассмотрел деятельность иезуитов в странах Азии. М. С. Круглова (ГАУГН) изучила вопрос китайского быта на основе мемуаров Маттео Рипы. М. Д. Лапшин (ГАУГН) проанализировал материалы испанских миссионеров XVI–XVIII вв. о Китае. Вместе с этим исследуется современное религиозное положение. А. Д. Безбах, Е. Н. Замяткина и Е. Луну (НИУ ВШЭ) рассмотрели взаимодействие буддизма и христианства в популярной культуре на примере корейских дорам. В. И. Терентьев (НГТУ) изучил деятельность православной и католической миссий в современной Монголии. В секции также прозвучал доклад Е. В. Гордиенко (ИСАА МГУ), посвященный адаптации протестантских ценностей во вьетнамской культуре.

В связи с большим количеством заявок, посвященных Японии, японоведам была выделена отдельная секция, получившая название «Боги японских островов — местные и пришлые». Модератором секции выступил м. н. с. Центра японских исследований ИВ РАН, аспирант ИСАА МГУ

А. Г. Шехтер. Доклады, представленные на секции, были сфокусированы на исследовании религиозного многообразия Японии, в том числе как исторических процессов взаимодействия местных и пришлых религий, так и современных религиозных движений и их влияния на японское общество. Так, ряд докладов был посвящен пришлым религиям и их адаптации. *М. В. Елисеева* (ИВ РАН) изучила роль буддийской дипломатии в распространении буддизма в Японии в рамках культурного обмена Кореи и Японии в VI–VII вв. *Э. М. Еркулаев* (МГИМО) рассмотрел вопрос эволюции роли мечетей в Японии от портовых домов до современных культурных центров. *А. Д. Бертова* (СПбГУ) подняла тему влияния христианства и возникновения местных японских христианских движений, осветив также взаимодействие с местными божествами, например, между христианством и традиционными японскими верованиями. *М. Е. Архипова* (ИВ РАН) рассмотрела тот же вопрос на примере концепции «нулевой ретрибуции» как способа преодоления страха перед гневом местных богов. *А. А. Максимов* (ИНИОН РАН) исследовал культ Цусима как пример почитания местных божеств, обзрев и новые религиозные движения. *С. А. Мальцев* (ИКСА РАН) изучил ту же тему на примере деятельности общины Риссё Косэй-кай в контексте глобального религиозного потока. *Р. М. Сеитов* (ГИ НГУ) исследовал эволюцию небуддийских движений в Японии в послевоенный период.

Илл. 5. Секция № 5 «Свои» и «чужие» в Южной Азии: траектории взаимодействия», доклад А. А. Столярова (ИВ РАН) «К вопросу об угасании буддизма в культурных центрах Северной Индии после мусульманского вторжения (по данным эпиграфики)»

Fig. 5. Section 5: “Insiders’ and ‘Outsiders’ in South Asia: Trajectories of Interaction”. Presentation by A. A. Stolyarov (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences): “On the Decline of Buddhism in the Cultural Centers of Northern India Following the Muslim Invasions (Based on Epigraphic Evidence)”

По: [Первая международная научная конференция, 2025]

В завершающий день конференции были проведены три секции. Секция № 5 под названием ««Свои» и «чужие» в Южной Азии: траектории взаимодействия» прошла под руководством д. и. н., г. н. с. Центра индийских исследований ИВ РАН *Е. Ю. Ваниной* и к. и. н., доцента кафедры истории

Южной Азии ИСАА МГУ *А. В. Бочковской*. Индийская секция оказалась самой объемной: прозвучало 11 докладов, в том числе и два доклада коллег из Индии. Секция была посвящена взаимодействиям религий на Субконтиненте, а также миссионерской деятельности на территории страны. Большая часть докладов так или иначе касалась христианства: д-р *Нанси Пауларадж* (Колледж Лойолы в Ченнаи) рассмотрела христианскую инкультурацию в ранней колониальной Индии на примере Вирамамунивары и Тамильской миссии, а *Раджа М. Васим* (Алигархский мусульманский университет) проследил историю и результаты столкновений христианства с исламом и попытки примирения в колониальной Британской Индии XIX в. *К. Д. Никольская* (ИСАА МГУ) рассказала о месте европейцев в кастовой иерархии индийского Юга, *К. А. Демичев* (ПФ РГУП им. В. М. Лебедева) представил историю первых христианских проповедников в стране сикхов, а *А. В. Бочковская* проанализировала переводческую деятельность христианских миссионеров в Панджабе. *А. А. Козлова* (ИВ РАН) рассказала об успехах и трагедиях христиан и христианства в Дели, *Т. Н. Загородникова* (ИВ РАН) проследила историю жизни православного миссионера архимандрита Андроника в Индии, *А. А. Зайцев* (ИВ РАН) осветил борьбу Вишва хинду паришада с распространением христианства в Индии. Также прозвучали доклады, посвященные буддизму и исламу в разные периоды истории Индии. *А. А. Столяров* (ИВ РАН) задался вопросом об угасании буддизма в культурных центрах Северной Индии после мусульманского вторжения, *А. Л. Сафронова* (ИСАА МГУ) проанализировала движение за возрождение буддизма в британских колониях Южной Азии, а *Л. А. Васильева* (ИВ РАН) проследила путь проникновения ислама из Индии в Маврикий.

Шестая секция конференции «“Локальный” даосизм и “глобальный” буддизм: распространение и модификации», модератором которой выступила д. ф. н., в. н. с. Отдела искусства и материальной культуры ИВ РАН *И. В. Белая*, как следует из названия, была посвящена даосским и буддийским школам в странах Востока. В течение заседания докладчики смогли охватить большой спектр тем. *П. Д. Ленков* (РГПУ им. А. И. Герцена) рассмотрел буддийское и даосское в духовном образовании согласно проповедям Ван Чан-юэ, *И. В. Белая* проанализировала влияние радикального аскетизма школы Дхута на практику духовного совершенствования школы Цюаньчжэнь, *А. В. Мрачковская* (ИВ РАН) исследовала некоторые теории проникновения буддизма на Корейский полуостров, а *А. Д. Кравцова* (ГИ НГУ) выявила проявление элементов «социально вовлеченного буддизма» в деятельности южнокорейских буддийских организаций. *Е. В. Лузин* (НИУ «БелГУ») рассказал о роли буддизма и синтоизма в процессе формирования постоянного населения Карафуто (Южного Сахалина), *Д. С. Каребо* (ИСАА МГУ) представил буддийскую миссию в XXI веке на примере Йонге Мингьюра Ринпоче, а *Р. М. Зиганьшин* (ИВ РАН) проследил распространение чань-буддизма. В работе секции приняли участие как именитые ученые, так и молодые исследователи, обсуждение докладов проходило в оживленной дружеской атмосфере.

Завершила конференцию секция «Взаимодействие религий в Pax Russica», модератором которой выступила д. и. н., заведующая Отделом искусства и материальной культуры ИВ РАН *Д. В. Дубровская*. Главной темой последней секции стали религии и православные миссии России и ближайшего зарубежья. *Л. А. Чвырь* (ИВ РАН) рассказала об истории взаимодействия религий в Туркестане, *Н. В. Сафонова* (ИВ РАН) представила опыт православных миссионеров жизни в исповедующих ислам странах, *Е. Н. Толмачева* (РГПУ им. Герцена) осветила православные миссии России на Дальнем Востоке, а *А. В. Осокин* (ИВ РАН) проанализировал феномен тибетской религии бон в современной России. Также в конце третьего дня были подведены итоги первой конференции «Странствующие боги: религии в движении» и принята резолюция [Резолюция, 2025]. Докладчики и слушатели продолжили обсуждение волнующих тем и после завершения заседаний.

Конференция была успешно проведена благодаря усилиям Оргкомитета, сотрудников отдела Искусства и материальной культуры ИВ РАН и волонтеров — магистрантов программы Социокультурное развитие стран Восточной Азии ГАУГН — ИВ РАН. Авторы статьи выражают организаторам форума благодарность за проведение мероприятия, за возможность принять в нем непосредственное участие, а также надеются на проведение в дальнейшем последующих конференций «Странствующие боги».

Литература / References

Христианство и духовная культура в Южной и Восточной Азии: история и современность. Отв. ред. О. В. Новакова. М.: Ключ-С, 2025 [*Christianity and Spiritual Culture in South and East Asia: History and Modernity*. Ed. by O. V. Novakova. Moscow: Klyuch-S, 2025 (in Russian)].

Первая международная научная конференция «Странствующие боги / Религии в движении». Институт востоковедения РАН [*First International Conference 'Gods on the Move / Religions in Motion'*. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences (in Russian)]. URL: <https://art.ivran.ru/novosti?artid=221545> (дата обращения: 31.10.2025).

Выставка «Догматические тексты — великие и неизвестные». Институт востоковедения РАН [*Exhibition 'Dogmatic Texts: Great and Unknown'*. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences (in Russian)]. URL: <https://art.ivran.ru/novosti?artid=221546> (дата обращения: 31.10.2025).

Каталог изданий, представленных на выставке «Догматические тексты — великие и неизвестные». Институт востоковедения РАН [*Catalogue of Texts Presented for the Exhibition 'Dogmatic Texts: Great and Unknown'*. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences (in Russian)]. URL: <https://art.ivran.ru/sites/79/files/PDF-Katalog-12-10-25-dd.pdf> (дата обращения: 31.10.2025).

Резолюция по итогам Первой международной научной конференции «Странствующие боги / религии в движении» [Resolution on the Results of the First International Conference 'Gods on the Move / Religions in Motion'. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences (in Russian)]. URL: <https://art.ivran.ru/sites/79/files/Rezoliutsiia-StraBog-1-25.pdf> (дата обращения: 31.10.2025).

V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ИЗРАИЛЕВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЧТЕНИЯ ИМ. А. Е. БОВИНА»

© 2025

А. А. Новикова¹

В данной статье представлен обзор V международной научной израилеведческой конференции «Чтения им. А. Е. Бовина», которая состоялась 20–23 октября 2025 г. в смешанном очно-дистанционном формате. Данное научное мероприятие проводится на базе Института востоковедения РАН и организовано сотрудниками Отдела Израиля и еврейских общин (зав. отделом В. Ю. Смирновым, с.н.с. А. А. Новиковой, н.с. Е. А. Якимовой, лаб.-исслед. М. А. Горбачевой). Данная конференция посвящена продолжающемуся процессу потенциального урегулирования текущей фазы палестино-израильского конфликта и перспективам установления региональной безопасности на Ближнем Востоке. Конференция «Чтения им. А. Е. Бовина» проводится ежегодно с 2020 г. и отражает актуальность исследований израилеведения в общей архитектуре востоковедения. В работе конференции приняли участие 48 человек, включая сотрудников Института востоковедения РАН, ИНИОН РАН, ИСК РАН им. Г.А. Арбатова; ряда вузов России (МГИМО (у) МИД России, МГУ им. М. В. Ломоносова, ТомГУ, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, НИУ ВШЭ, СПбГУ, КФУ, Севастопольский ГУ) и зарубежных стран (БГУ), а также зарубежных ученые (Бразилия, Армения, Иран). Отдельного внимания заслуживают выступления молодых исследователей — студентов и аспирантов, выделенных в отдельную секцию конференции. На конференции было представлено 46 докладов.

Ключевые слова: Израиль, востоковедение, палестино-израильский конфликт

Для цитирования: Новикова А. А. V Международная научная израилеведческая конференция «Чтения им. А. Е. Бовина». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 223–227. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-223-227

V INTERNATIONAL ISRAELI STUDIES CONFERENCE “READINGS IN HONOUR OF A.E. BOVIN”

Anna A. Novikova

This article presents an overview of the 5th International Scientific Conference on Israeli Studies, “A.E. Bovin Readings”, which took place October 20-23, 2025, in a hybrid in-person and remote format. This academic event is being held at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and organized by the staff of the Department of Israel and Jewish Communities (Department Head V. Yu. Smirnov, Senior Researcher A. A. Novikova, Researcher E. A. Yakimova, and Research Lab M. A. Gorbacheva). This conference is dedicated to

¹ Новикова Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Москва; a.a.novikova@ivran.ru

Anna A. Novikova, PhD (Hist.), senior research fellow of Department of Israel and Jewish Communities Studies of Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; a.a.novikova@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-4950-0802

the ongoing process of potential resolution of the current phase of the Palestinian-Israeli conflict and the prospects for establishing regional security in the Middle East. The conference has been held annually since 2020 and reflects the relevance of Israeli studies within the overall architecture of Oriental studies. The conference was attended by 48 people, including staff from the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, INION RAS, and the G.A. Arbatov Institute of Sociology and Cultural Studies of the Russian Academy of Sciences; several universities from Russia (MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Lomonosov Moscow State University, Tomsk State University, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, HSE University, St. Petersburg State University, Kazan Federal University, and Sevastopol State University) and abroad (Baku State University), as well as foreign scholars (Brazil, Armenia, and Iran). The presentations by young researchers—undergraduate and graduate students—deserved special attention, and were organized into a separate section of the conference. Forty-six papers were presented at the conference.

Keywords: Israel, Oriental Studies, Palestinian-Israeli Conflict

For citation: Novikova A. A. V International Israeli Studies Conference “Readings in Honour of A. E. Bovin”.

Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2025. No. 4. P. 223–227. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-223-227

20 октября 2025 г. состоялось торжественное открытие V международной научной израилеведческой конференции «Чтения им. А. Е. Бовина». Конференция была организована Отделом Израиля и еврейских общин ИВ РАН. Первый юбилей конференции открывали директор ИВ РАН Аликберов А. К. и зав. Отделом Израиля В. Ю. Смирнов; с приветственным словом выступили заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Вершинин С. В., Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Государстве Израиль Викторов А. Д., Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Израиль в Российской Федерации Гальперин С.

В первый день конференции были проведены три секции. В рамках первой секции — «Военно-политическая. Война как стратегический выбор правительства Израиля» рассматривались аспекты построения внутренней и внешней политики Государства Израиль в контексте продолжающегося палестино-израильского конфликта и общего роста конфликтогенности Ближневосточного региона. Модератором секции выступила Новикова А. А., к. и. н., с. н. с. Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН. В ходе первой сессии с докладами выступили: Носенко Т. В. (ИВ РАН) — «Война в Газе и внешнеполитические приоритеты Израиля»; Криволапов О. О. (ИСК РАН им. Г. А. Арбатова) — «Израильская противоракетная оборона: влияние на региональную безопасность»; Морозов В. М. (МГИМО (у) МИД России) — «Будущее квазигосударственных акторов на Ближнем Востоке (на примере ХАМАС и Хизбаллы)». Работа первой секции завершилась дискуссией о потенциале развития архитектуры ближневосточной безопасности в случае установления режима прекращения огня между Израилем и ХАМАС.

Вторая секция дня — «Историческая Ч. 1. Уроки прошлого и выводы для Израиля» — исследовала в ретроспективном аспекте историю Государства Израиль и реакцию на ее уроки. Модератором выступила Носенко Т. В., в. н. с. Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН. Свои доклады представили: Карасова Т. А. (ИВ РАН) — «История израильских поисков альтернативы плану “два государства для двух народов” и война в Газе»; Смирнов В. Ю. (ИВ РАН) — «Убийство премьер-министра Израиля И. Рабина: 30 лет спустя. Итог»; Черный С. А. (МОО «Ваад») — «Шестидневная война 1967 г. — реакция элиты в СССР»; Шевелев Д. Л. (Белорусский ГУ) — «Палестинская теология освобождения. Из исторических наблюдений»; Корнилов А. А. (ННГУ им. Н. И. Лобачевского) — «Дискуссии израильских экспертов 2017–2022 гг. о роли гуманитарных

знаний в проведении внешнеполитического анализа как предупреждение правительству о грядущей опасности». Секция завершилась обсуждением государственного партнерства с научными институтами страны, формирования государственного запроса на актуальную научную экспертизу и аналитику.

Третья секция дня — «Социально-экономическая. Экономическое развитие Израиля и вызовы современности» — анализировала текущую ситуацию экономики Израиля на микро- и макроуровнях. Модератором секции выступил Микаелян А. А. (МГИМО (у) МИД России). Были представлены следующие доклады: Федорченко А. В. (ИВ РАН) — «Экономика Израиля — противоречивая динамика»; Якимова Е. А. (ИВ РАН) — «Санкции как возможный инструмент урегулирования палестино-израильского конфликта»; Ларионов А. С. (аспирант ИВ РАН) — «Видение перспектив и вклад Израиля в мировой процесс развития технологий искусственного интеллекта»; Малахов Ф. В. (МГУ им. М. В. Ломоносова) — «Стресс-сценарий: экспортоориентированная экономика в условиях реализации геополитических рисков (Израиль)»; Голубев Д. А. (ИВ РАН) — «Этническая экономика филиппинской общины Израиля до и после 7 октября 2023 г.». Завершающей дискуссией стало обсуждение факторов — внутренних и внешних — в обеспечении устойчивости израильской экономики и потенциальных последствий санкций для социально-политического развития Государства Израиль.

Во второй день конференции были проведены три секции. Первой секцией дня стала «Внешнеполитическая Ч. 1. Положение Государства Израиль в современном мире». Модератором выступил в. н. с., к. и. н., зав. Отделом Израиля и еврейских общин ИВ РАН Смирнов В. Ю. В рамках сессии были представлены следующие доклады: Микаелян А. А. (МГИМО (у) МИД России) — «Израиль и КНР: двусторонние отношения в период региональной и глобальной нестабильности»; Кашин В. П. (ИВ РАН) — «Израиль и Индия как стратегические партнеры»; Хаваринежад Саид (Иран, аспирант ТомГУ) — ‘Strategic Flexibility in Action: How Russia Diplomatically Navigated the 2025 Israel-Iran Conflict’; Мамонтов А. В. (ИВ РАН) — «Российско-иранское экономическое партнерство и его восприятие в Израиле на фоне 12-дневной войны»; Баскаков И. Д. (ИНИОН РАН) — «Место Израиля в идейной парадигме и стратегии Исламской Республики Иран». Секция закрылась развернутой дискуссией об ирано-израильской конфронтации и роли государств между этими двумя странами, вынужденными выступать сторонами в конфликте против собственной воли.

Вторая секция дня продолжала первую — «Внешнеполитическая Ч. 2. Израиль и мир на Ближнем Востоке. Конец ближневосточного мирного процесса?» Модерировала секцию в. н. с. Карасова Т. А. (ИВ РАН). С докладами выступили: Царегородцева Г. И. (ИСК РАН им. Г. А. Арбатова) — «Соглашения Авраама в 2025 г.: нужны ли они?»; Мельникова С. В. (МГИМО (у) МИД России) — «Туннельная война в Газе: эволюция подземной инфраструктуры ХАМАС в условиях асимметричного конфликта»; Масюкова И. В. (ИВ РАН) — «Сектор Газа (2025 г.): Израиль vs ХАМАС и гуманитарный кризис. Что дальше?»; Зубовский М. С. (аспирант ИВ РАН) — «Израильская оккупация Газы: планы и перспективы»; Мелкумян Е. С. (ИВ РАН) — «Перспективы развития отношений между Саудовской Аравией и Израилем». Итоговая дискуссия секции была посвящена мирному плану и проектам формирования нового будущего для сектора Газа и роли арабских государств в поддержке палестинского будущего.

Третьей, завершающей секцией дня была «Восприятие Израиля в онлайн и оффлайн пространстве». Модератором выступила Новикова А. А. (ИВ РАН). Были представлены доклады: Марченко Л. Е. (Белорусский ГУ) — «Международная реакция на очередной виток эскалации ирано-израильского конфликта»; Квернадзе Н. Б. (Белорусский ГУ) — «Восприятие израильского

поселенческого движения в странах Скандинавии»; Новикова А. А. (ИВ РАН) — «Новая модель риторики антисемитизма в пространстве онлайн-инфотеинмента». Завершающая дискуссия дня сфокусировалась на проблеме предотвращения антисемитской риторики в традиционных и новых медиа, методов взаимодействия государственных и частных компаний в пресечении радикализации населения.

В третий день конференции состоялось три секции. Первая секция дня — «Внешне-политическая Ч. 3. Израиль и еврейская культура в мире». Якимова Е. А., н. с. ИВ РАН, выступила в качестве модератора. С развернутыми докладами выступили Тобиас Вилена де-Мораес (Музей Лазаря Сегалла, Бразилия) — «Чудо света и красок: искусство иммигрантов в Музее Лазаря Сегала, Сан-Паулу, Бразилия»; Локшин А. Е. (ИВ РАН) — «"Зачем нужна евреям своя страна?" Общественно-политические взгляды писателя Шолом-Алейхема (1859–1916)». Развернутая дискуссия затронула отражение восточноевропейского ашкеназского еврейства в искусстве, общих чертах еврейского социалистического движения и проблемах бразильской нищеты, а также формирование движения сионизма в период политической, социальной и экономической неопределенности в Европе, сопровождавшееся ростом этнонационалистических настроений.

Вторая секция дня «Идеология Государства Израиль. Чем скреплять общество дальше» рассматривала вопрос существования актуальной государственной идеологии в Израиле и ее легитимации в правительственных решениях. Модератором секции стала Карасова Т. А., в. н. с. (ИВ РАН). В рамках данной секции были представлены следующие доклады: Корочкина В. А. (СПбГУ) — «Государственная идеология Израиля сионизм как идеология еврейского/израильского национализма»; Тальский Ю. Ю. (Севастопольский ГУ) — «Партия ШАС в контексте политического развития современного Израиля»; Будман Ю. Д. (РГУ им. А. Н. Косыгина) и Маккавеева Ю. А. (независимый исследователь) — «Танах в современном израильском дискурсе: цитаты и образы». Секция завершилась дискуссией о роли иудаизма в Государстве Израиль, правительственных институтах, светской культуре и в принятии государственных решений.

Завершающей секцией дня стала первая молодежная секция с подсекцией «Международные отношения и экономика». Модератором секции выступила лаборант-исследователь Горбачева М. А. (ИВ РАН). Были представлены студенческие доклады: Абдильдинов А. Б. (ННГУ им. Н. И. Лобачевского) — «Операция Армии обороны Израиля на территории Сирии: предпосылки, ход действия и результаты»; Ибрагимова Р. Р. (Белорусский ГУ) — «Реакция Марокко на израильскую военную операцию в Газе после 7 октября 2023 г.»; Павлов А. Г. (ННГУ им. Н. И. Лобачевского) — «Израиль и Армения: анализ сотрудничества и вызовов 2018–2025 гг.»; Мамедзада К. З.-о. (Азербайджан) и Сакович А. Д. (КФУ) — «Азербайджано-израильские отношения на современном этапе»; Сизова У. А. (МГИМО (у) МИД России) — «Борьба Ирана и Израиля за международную легитимность: информационная война и дипломатические блоки»; Филина А. А. (МГУ им. М. В. Ломоносова) — «Медицинская промышленность Израиля в глобальном контексте: перспективы и угрозы». Завершающей дискуссией секции и всего третьего дня конференции стало обсуждение информационных войн в эпоху военных инфлюэнсеров, использование социальных сетей и ИИ-программ в информационных и пропагандистских целях, а также вызовов международных отношений в эпоху цифровой постправды.

В заключительный день конференции было проведено две секции. Первая секция дня — «Историческая Ч. 2. Израиль и СССР» объединила доклады по истории Государства Израиль и влияния исторических процессов на современность. Модерировала секцию Носенко Т. В., в. н. с. (ИВ РАН). С докладами выступили: Клюкина Е. А. (Еврейский музей и центр толерантности) — «Деятельность сионистских партий и организаций в раннесоветский период»; Рабкин

Яков (Университет Монреаля, Канада) — «Российские корни израильской силовой политики»; Усова Е. Ю. (ИВ РАН) — «Процесс по делу А. Эйхмана: позиция СССР в международном контексте»; Самарская Л. М. (ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова) — «Традиция и модернизация в Государстве Израиль: ультраортодоксальное и арабское сообщества». Секция завершилась дискуссией взаимовлияния государственных и негосударственных акторов в формировании исторической перспективы на социальные и иные конфликты.

Итоговой секцией дня и всей конференции стала вторая часть молодежной секции с подсекцией «Культурно-историческое и цифровое медиапространство», которую модерировала лаборант-исследователь Горбачева М. А. (ИВ РАН). Представленные студенческие доклады были разнообразными: Щербинина А. А. (МГУ им. М. В. Ломоносова) — «Современный ближневосточный конфликт между Израилем и ХАМАС в информационном пространстве»; Видяскина Я. Я. (Самарский НИУ им. С. П. Королева) — «Сравнительный анализ репрезентации образа Государства Израиль в зарубежных медиапространствах»; Никулина Ю. С. (МГУ им. М. В. Ломоносова) — «Анализ теоретического наследия Арона Либермана в русской и еврейской периодической печати»; Лупу Е., Замяткина Е., Безбах А. (НИУ ВШЭ, СПбГУ) — «Representation of Relations between Muslim and Jewish Communities in Contemporary Media and its Connection to Ethnic Policy»; Мартынова К. А. (МГУ им. М. В. Ломоносова) — «Взаимодействие деятелей израильского изобразительного искусства по вопросам войны и мира в 2010–2020 гг.». Заключительной дискуссией секции и всей конференции стало обсуждение необходимости отдельного рассмотрения вопросов репрезентации этнонациональных культур в медиа и актуальности качественного наблюдения как метода научного исследования в современных культурных работах в области востоковедения.

По итогам проведения конференции были отобраны доклады от лучших выступающих для печати в сборнике статей конференции; в рамках поднятых дискуссий были обозначены дальнейшие векторы развития израилеведения в России и зарубежных странах и состоялся обмен экспертными мнениями по перспективам дальнейшего социального, политического, экономического и культурного развития Государства Израиль и граждан Израиля.

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-228-231

**«БУДДИЙСКОЕ УЧЕНИЕ НА БУРЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ»
[РЕЦЕНЗИЯ НА:] «О ТОМ, КАК РАСПРОСТРАНЯЛОСЬ БУДДИЙСКОЕ
УЧЕНИЕ НА БУРЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ»:**

**К 260-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПАНДИТО ХАМБО-ЛАМ В РОССИИ /
ИССЛЕДОВАНИЕ, ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ
Ц. П. ВАНЧИКОВОЙ; ОТВ. РЕД. Б. В. БАЗАРОВ; ИН-Т МОНГОЛОВЕДЕНИЯ,
БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН. М.: ФОНД СОДЕЙСТВИЯ
БУДДИЙСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И ИССЛЕДОВАНИЯМ, 2024. 239 с.
ISBN 078-5-6050259-4-8**

© 2025

К. В. Орлова¹

В рецензии представлен обзор уникальных и ранних рукописей и ксилографов на старописьменном монгольском и тибетском языках, находящихся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Эти материалы являются бесценным источником сведений о проникновении буддизма в Бурятию, развитии буддийских монастырей (дацанов) и включают краткие биографии двух ключевых фигур бурятского буддийского духовенства — пандито хамбо-лам Д.-Д. Заяева и Д.-Д. Итигелова.

Ключевые слова: буддизм, исторические сочинения, биографии бурятских лам, дацаны, хамбо-ламы

Для цитирования: Орлова К. В. «Буддийское учение на бурятской земле». [Рецензия на:] «О том, как распространялось буддийское учение на бурятской земле»: к 260-летию института пандита хамбо-лам в России / Исследование, транслитерация, перевод и комментарии Ц. П. Ванчиковой; отв. ред. Б. В. Базаров; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям, 2024. 239 с. ISBN 078-5-6050259-4-8. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 4. С. 228–231. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-228-231

¹ Орлова Кемя Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; k.orlova@ivran.ru

Keemya V. Orlova, DrSc (Hist.), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Moscow; k.orlova@ivran.ru

ORCID: 0000-0003-4951-0063

**“BUDDHIST TEACHING IN THE BURYAT LAND” [REVIEW OF:]
“HOW BUDDHIST TEACHING SPREAD IN THE BURYAT LAND”:
ON THE 260th ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF PANDITO KHAMBO
LAMAS IN RUSSIA / RESEARCH, TRANSLITERATION, TRANSLATION AND
COMMENTARY BY TS. P. VANCHIKOVA; ED. BY B. V. BAZAROV; INSTITUTE OF
MONGOLIAN STUDIES, BUDDHOLOGY AND TIBETOLOGY SB RAS. MOSCOW:
FOUNDATION FOR THE PROMOTION OF BUDDHIST EDUCATION AND
RESEARCH, 2024. 239 p.
ISBN 078-5-6050259-4-8**

Keemya V. Orlova

The review examines an overview of unique and early manuscripts and xylographs in old-written Mongolian and Tibetan located at the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs at the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of SB RAS. These materials are an invaluable source of information about the spread of Buddhism into Buryatia, the development of Buddhist monasteries (datsans), and include brief biographies of two key figures of the Buryat Buddhist clergy, pandito khambo lamas D.-D. Zayaev and D.-D. Itigelov.

Keywords: Buddhism, historical sources, biographies of Buryat lamas, datsans, khambo-lamas

For citation: Orlova K. V. “Buddhist teaching in the Buryat land”. [Review of:] “How Buddhist teaching spread in the Buryat land”: on the 260th anniversary of the Institute of Pandit Khambo Lamas in Russia / Research, transliteration, translation and commentary by Ts. P. Vanchikova; ed. by B. V. Bazarov; Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. Moscow: Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research, 2024. 239 p. ISBN 078-5-6050259-4-8. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 228–231. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-228-231

Исследование письменного наследия монгольских народов является ключевым и востребованным направлением в современном монголоведении как важнейшего способа познания культуры и истории. Ученые уделяют особое внимание поиску, изучению и изданию ранее неизвестных текстов, поскольку они содержат ценные сведения о материальной и духовной жизни народа. Важным событием стало издание в 2024 г. редких и ранних произведений на старописьменном монгольском и тибетском языках, которые хранятся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Эта публикация стала возможной благодаря финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям.

Данная публикация продолжает достойный ряд исследований в этой области [Цендина, 2024; Отгонбаатар, Цендина, 2014; Сутра Белого старца, 2023; и др.] и, несомненно, внесет весомый вклад в развитие темы. Автор публикации — доктор исторических наук, профессор Цымжит Пурбуевна Ванчикова — авторитетный специалист в этой области знания, перу ее принадлежит немало подобных работ [Ванчикова, 1995, с. 33–42; Ванчикова, 2020, с. 173–182; Ванчикова, 2024а, с. 57–70; Ванчикова, 2024б, с. 8–22; и др.].

В книге два раздела, каждый из которых предваряет краткое предисловие. В первом разделе два сочинения в переводе на русский язык с комментариями — «Краткая история шести отоков и восьми отцов» и «Краткая история о том, как распространялось буддийское учение на бурятской

земле, и о биографиях некоторых лам, предержателей учения» — опубликованы в серии «Шата-питака» акад. Б. Ринченом [Rinchen, 1959, с. 61–69, 125–140]. Тексты данного раздела неоднородны как по составу, так и по тематике. Однако в определенной степени дают представление о бытовании и истории распространения буддизма среди бурят. Первое сочинение в публикации Ринчена представлено в английском переводе и транслитерацией, однако, по мнению Ц. П. Ванчиковой, «в транслитерации встречаются неверно прочитанные названия отдельных местностей, тибетские слова в некоторых случаях не поддаются идентификации», английский перевод изобилует «пропусками сложных или неясных отрывков» [О том, как распространялось буддийское учение, 2024, с. 9]. Данная рукопись — анонимная история селенгинских бурят и подарена Ринчену «неким человеком». В ЦВРК хранятся несколько рукописей об истории селенгинских бурят — как анонимных, так и авторских. Сравнительный анализ (опубликованной Ринченом и из ЦВРК) показал «почти дословное совпадение» некоторых разделов с текстом «Исторической летописи селенгинских бурят 1887 г.» [О том, как распространялось буддийское учение, 2024, с. 9]. Интересной представляется таблица с информацией о бурятских дацанах: годах их основания, ремонта, покровителях, численности штатных лам, об использованном материале при строительстве — каменном или деревянном» [О том, как распространялось буддийское учение..., 2024, с. 32–35]. По мнению профессора Ц. Ванчиковой, данная рукопись содержит уникальные сведения по истории буддизма как в Бурятии, так и в Монголии. Второе сочинение — «Краткая история о том, как распространялось буддийское учение на бурятской земле, и о биографиях...» Б. Ринчен издал на монгольском языке с транслитерацией, но без комментариев и исследования. В нем дается краткая биографическая справка о первом хамбо-ламе Дамбе-Даржи Заяеве, данные о раннем этапе истории буддизма у бурят, первых богослужениях-хурах, хоринских дацанах.

Во втором разделе — семь сочинений, два из которых на тибетском языке с комментариями: «Краткое житие Великого бодхисаттвы пандито хамбо ламы Дамба-Доржи Балсанбо, построившего в восточном краю, в Бурятии, монастырь Балдан Брайбун и распространившего традицию второго Победоносного — Цзонхавы» и «Молитва спонтанного исполнения помыслов, обращенная к драгоценному хамбо-ламе Дамба-Даржа Заяеву, проявившему особую доброту по отношению к нам, (бурятам)» [О том, как распространялось буддийское учение..., 2024, с. 105–111, 112–118]. Первое сочинение нашел в тибетском монастыре Лавран и переписал бурятский ученый Б. Бардин, оно хранится в тибетском фонде ИВР РАН и ЦВРК ИМБТ СО РАН. Во втором тибетском сочинении, ксилографе, дано археографическое описание: количество листов (6 л.), его размеры, бумага русская. В первом сочинении этих данных, к сожалению, нет.

Остальные пять сочинений — переводы со старописьменного монгольского языка о хождении и биографиях известных бурятских лам Д.-Д. Заяева и Д.-Д. Итигелова («Сказание о хождении в Тибет пандито хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода» (с. 71–81); «Предание о хождении хамбо Заяева за учением» (с. 88–94), «Путевые заметки» (с. 98–101), «О Зая-хамбо» (с. 103–104), «Биография хамбо Итигелова» (с. 106–110). Небольшие по объему, от одного листа до 12, они снабжены комментариями, язык этих сочинений лаконичный, можно сказать «сухой», тем не менее они «ярко отражают реалии жизни, ...а также местные нужды и условия жизни» [О том, как распространялось буддийское учение..., 2024, с. 67]. О первом главе буддистов Восточной Сибири Дамба-Доржи (в некоторых сочинениях имя пишется Дамба-Даржа) Заяеве оставлено много письменных и устных свидетельств, в которых подробно раскрываются деятельность, биографические данные; порой описания его хождения в Тибет незначительно разнятся.

Приложение содержит транслитерацию и факсимиле пяти сочинений (с. 127–232), оно дополнено глоссарием (с. 237–238).

Данная публикация вносит весомый вклад в научное осмысление бурятских исторических сочинений, предлагая уникальные сведения, проливающие свет на историю буддизма у монголоязычных народов.

Нельзя не согласиться с автором: каждый новый источник, введенный в научный оборот, и даже фрагментарные сведения обладают значительной ценностью.

Литература/References

Ванчикова Ц. П. *Монголоязычные биографии бурятских лам* // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 33–42 [Vanchikova Ts. P. Mongolian biographies of Buryat lamas // Medieval culture of Central Asia: written sources. Ulan-Ude, 1995. P. 33–42 (in Russian)].

Ванчикова Ц. П. Жизнь и деятельность второго перерожденца Нейджи-тойна: источниковедческий анализ намтара. *Oriental studies*. 2020. Т. 13. № 1. С. 173–182 [Vanchikova Ts. P. Life and activities of the 2nd Neiji Toyin: a historiographic analysis of his namtar. *Oriental studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 173–182 (in Russian)].

Ванчикова Ц. П. «Сказание о хождении в Тибет пандита хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода» как источник по истории буддизма. *Вестник архивиста*. 2024а. № 1. С. 57–70 [Vanchikova Ts. P. “The legend of the journey of Pandita Khambo-Lama Zayaev from the Tsongol family to Tibet” as a source on the history of Buddhism. *Archivist's Bulletin*. 2024а. No. 1. P. 57–70 (in Russian)].

Ванчикова Ц. П. Лувсанданзанжалцан (1639–1704) и его роль в истории буддизма в Монголии. *Монголоведение*. 2024б. Т. 16. № 1. С. 8–22 [Vanchikova Ts. P. Luvsandanzanzhaltsan (1639–1704) and his role in the history of Buddhism in Mongolia. *Mongolian Studies*. 2024b. Vol. 16. No. 1. P. 8–22 (in Russian)].

«Сутра Белого старца» на «ясном письме»: исследование, перевод, транслитерация, комментарии, факсимиле / под ред. Н. В. Ямпольской, Н. С. Яхонтовой. М.: Наука — Вост. лит., 2023. 335 с. [“The Sutra of the White Elder” on the “clear script”: research, translation, transliteration, comments, facsimile / edited by N. V. Yampolskaya, N. S. Yakhontova. Moscow, 2023. 335 p. (in Russian)].

Цендина А. Д. *Жизнь, отраженная в текстах: народная магия монголов (конец XVI — начало XX вв.). Приметы, сонники, гадательные книги, обереги, заклинания монголов*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 536 с. [Life reflected in texts: Folk magic of the Vjngils (late 16th to early 20th centuries). Omens, dream books; fortune-telling books, amulets, spells, and prayers. Moscow, 2024 (in Russian)].

Отгоонбаатар Р., Цендина А. Д. *Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI — начало XX вв.)* / Р. Отгоонбаатар, А. Д. Цендина. М.: Наука — Вост. лит., 2014. 240 с. [Otgoonbaatar R., Tsendina A. D. Samples of the written tradition of Northern Mongolia: alphabets, transcriptions, languages (late XVI — early XX centuries) / R. Otgoonbaatar, A. D. Tsendina. Moscow, 2014 (in Russian)].

Rinchen B. *Four Mongolian Historical Records* / Ed. and transl. by B. Rinchen. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1959. 155 p. (Śata-piṭaka series; vol. 11).

Подписано в печать 17.12.2025. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 17,3
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром *А. О. Захаров*

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: +7 (499) 322-38-31
e-mail: www.t8print.ru